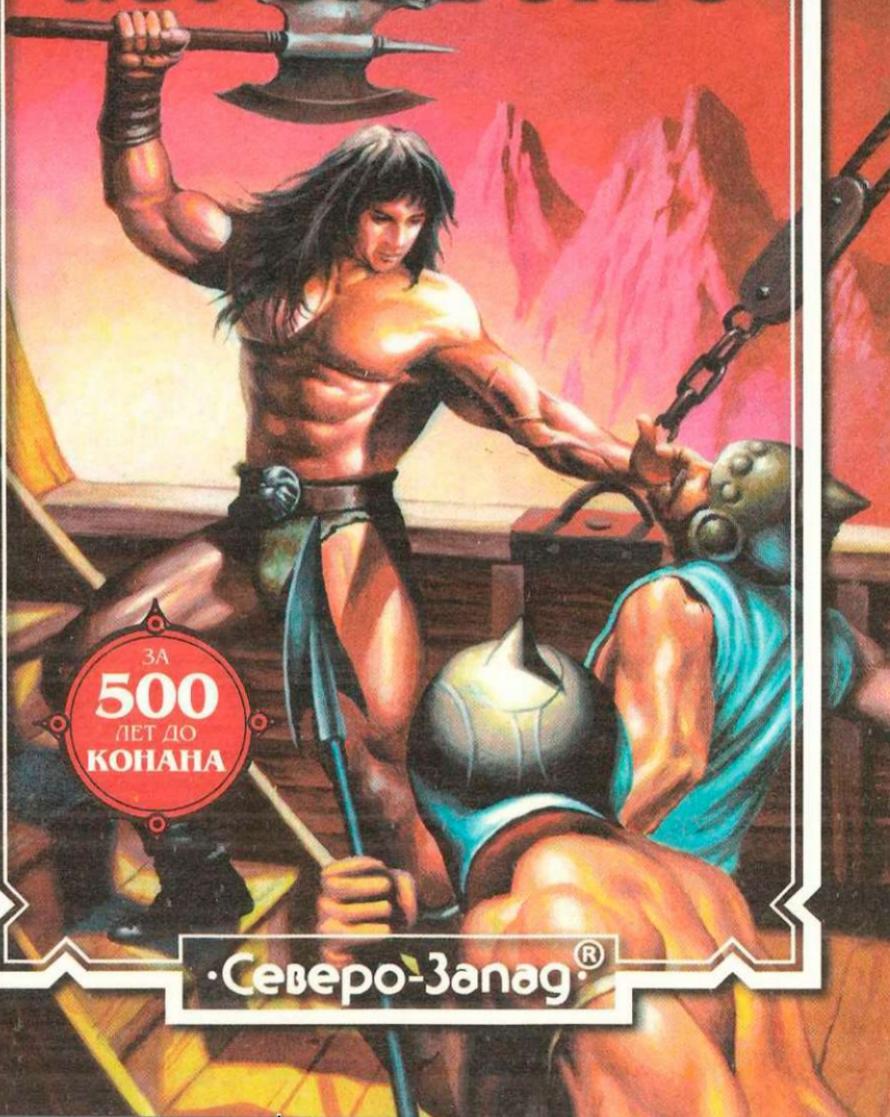

СЕВЕРНАЯ СИГНАЛ

КУЛЛ И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

ЗА
500
ЛЕТ ДО
КОНАНА

Северо-Запад®

ЗЕКУМ

КУЛЛ
И ЗМЕЙНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820 (73)
ББК 84(7США)
К 90

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

К 90 Кулл и Змеиное королевство: Роман и рассказы.—
СПб.: «Северо-Запад», 1997. — 432 с.
ISBN 5-7906-0040-9.

В сборник вошли роман «Змеиное королевство», а также рассказы
«Амулет», «Скалы скорби» и другие

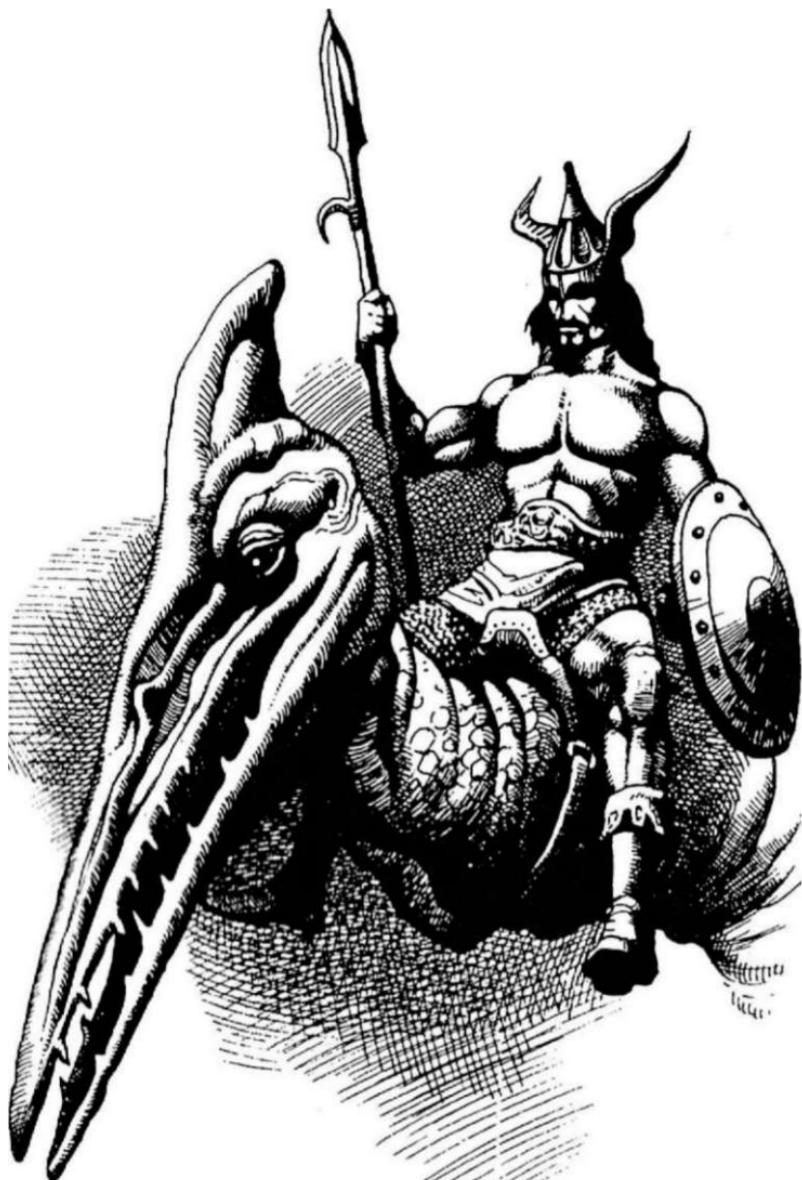
К 8200000000

ББК 84 (7США)

ISHN 5-7906-0040-9 © Составление и подготовка текста, серийное
оформление обложки и форзаца. «Северо-Запад», 1997

ВМЕИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

JB.

Пролог

Во дворце графа Фанара был праздник. В этот вечер тут собирались представители самых древних родов Валузии — цвет дворянства древнего королевства.

Чарующая музыка разносилась над благоухающим садом, где цвели экзотические растения с острова Му. Повсюду горели яркие факелы, отчего темная ночь превратилась в яркий день. По саду и нижнему этажу дворца, открытому для гостей, сновали рабы с подносами, уставленными самыми разнообразными напитками.

В самой большой зале дворца накрыли огромный стол. Чего тут только не было! Огромные рыбы из дикой Атлантиды, удивительные фрукты Лемурии, сочащиеся жиром туши быков из далекого Фарсунса, орехи и лесные ягоды Верулии... Отведав угощения, гости спускались на площадку перед дворцом, где были устроены танцы. В толпе богато разодетых придворных дам Валузии и пышно разряженных кавалеров резвились шуты. Поэты декламировали стихи, прославляя щедрого хозяина дворца — графа Фанара и короля Валузии — Кулла Великого — варвара, атланта по происхождению, но ныне мудрого правителя самого могущественного из Семи Королевств.

Молодая супруга графа — прекрасная Лала-ах оказалась настоящей жемчужиной этого праздника. Она кружилась в танце с самыми очаровательными кавалерами, сы-

пала колкими остроумными замечаниями, смеялась, принимала подарки и поздравления. Даже сам Кулл — король Валузии, — в этот день одевший шелка с золотой вышивкой, вопреки своим привычкам, удостоил красавицу графиню вниманием и несколько раз танцевал с ней. Его верный друг пикт Брул Копьебой пил крепкий эль вместе с послом пиков — старым Ка-ну. Ту — Главный советник короля, еще не оправившийся после кончины любимого племянника, спорил с придворным ученым Китулосом и бароном Мирамом Балином относительно толкований дополнений к Великим Законам предков. Как истинный противник любых перемен, Ту пытался доказать собеседникам, что реформы, которые так активно последнее время проводились в стране, ни к чему хорошему не приведут.

Самого же графа Фанара нигде не было видно. Сказавшись больным, он наблюдал за весельем из окна второго этажа. Чуть раздвинув занавески, он нахмурившись следил за шалостями своей молодой супруги. Когда же ему надоело наблюдать за весело танцующими молодыми дамами и галантными кавалерами, он повернулся к слуге, который, склонив голову, дожидался у дверей комнаты.

— Что ты хотел сообщить мне? — поинтересовался граф надменным голосом.

— Господин, все уже собирались. Ожидают только вас.

— Это хорошо, — пробормотал граф себе под нос.

Отойдя от окна, он подошел к стене и определенным образом надавил на выступ резных украшений. Часть стены отъехала в сторону, открыв черный зев потайной лестницы. В лицо графа дохнуло запахом плесени и гнили, но аристократ лишь улыбнулся. Ему нравился этот запах. Взяв со столика возле потайной двери канделябр с толстой свечой черного воска, он шагнул в темноту. Слуга не последовал за своим господином. Как только граф скрылся, он закрыл потайную дверь и, высокользнув из спальни, запер ее дверь на ключ. Никто не должен был войти в спальню графа, пока длится тайный Совет.

Граф же продолжал неторопливо спускаться по узкой винтовой лестнице. Сквозь тонкие стены до него доносились голоса гостей, но графу сейчас было не до них. Отсветы пламени свечи играли на сырых, заплесневелых стенах, отбрасывая зловещие, искрящиеся отблески.

Постепенно шум праздника начал затихать, оставшись где-то наверху. Когда же звуки веселья окончательно стихли, стали происходить удивительные вещи. Черты лица графа поплыли, словно голова аристократа была слеплена из воска. Лицо его стало меняться, превращаясь в чудовищную маску. Еще мгновение, и человеческую голову сменила голова гигантской змеи. Руки, державшие канделябр, побелели, и на коже проступил рисунок крошечных чешуек.

Лестница закончилась, и таинственное существо, больше уже ничуть не напоминавшее человека, остановилось у огромной железной двери. Вытянув руку, тварь громко постучалась.

— Кто там? — раздался из-за двери приглушенный голос.

— Змей и корона, — прошипела ужасная тварь.

— Чешуя и скипетр, — раздалось из-за двери.

С грохотом пополз в сторону засов — широкий металлический брус. С ужасным скрипом дверь распахнулась, и змеечеловек вошел в большую комнату с низким сводчатым потолком. За широким каменным столом сидели змеелюди и дворяне Валузии. Всего в тайных палатах графа Фанара собралось двадцать заговорщиков.

Из-за стола поднялся коротышка Кануб, барон Блала. Дорогие одежды пастельных тонов, украшенные огромными брильянтовыми брошками, лишь подчеркивали уродливость этого человека. Но в жилах его текла кровь короля Борна, прежнего правителя Валузии.

— Мы рады приветствовать графа Фанара, — начал коротышка.

— Не могу сказать того же вам, Кануб, — ответил граф. Вместе с внешностью изменился и его голос. Теперь никто не узнал бы властный бас графа. В голосе змеечеловека преобладали шипящие нотки.

— Чем же мы вызвали неудовольствие у эмиссара Великого Змея? — заискивающе поинтересовался коротышка.

— Не вы, — махнул рукой граф. Он неторопливо прошествовал вдоль стола и уселся на пустое каменное кресло, как раз напротив барона. — Я уже слишком стар, чтобы играть в эти игры со сменой внешности, — продолжал он. — Но давайте займемся делами. У нас слишком мало времени. Пир наверху может продлиться еще час или два, а нам многое еще нужно обсудить.

— Позвольте мне начать, — попросил слова один из змеевидных, сидевший по правую руку от графа. Желтоватый оттенок чешуек вокруг пасти говорил о том, что этот змеечеловек еще очень молод. — Я считаю, что пора осуществить наш план. Почему мы медлим?

— То есть? — В голосе графа прозвучало удивление, но ужасный лик змеи оставался бесстрастным.

— О моих отношениях с вашей супругой Лалой-ах уже всем известно. Я думаю дальнейшее промедление опасно. Рано или поздно эта дама потребует от меня доказательств любви... Мне придется вступить с ней в интимную связь, или она отвернется от меня.

— Не стоит называть ее моей супругой, по крайней мере в этих стенах, — проворчал граф.

— К тому же она может невзначай увлечься каким-нибудь другим молодым дворянином, — продолжал змеечеловек. — Вы же знаете, красотки Валузии столь ветрены. Даже сейчас в душе вашей легкомысленной жены может случиться роковая перемена. Вы знаете, танцы — ее слабость. Я говорил, что лучше было бы устроить Советов другое время!

— Ренар, ты, как всегда, говоришь глупости. В другое время шпионы Ту и Ка-ну не позволили бы нам незамеченными собраться в одном месте. Именно для того, чтобы мы без опаски могли поговорить, я и устроил этот праздник... Но мы отвлеклись... Итак, Ренар, ты предлагаешь начать?

— Да, мой господин.

— А что по этому поводу думает почтенный Тирон? — граф повернулся к одному из заговорщиков — седовласому великану с благородным лицом. Его можно было бы даже назвать красивым, если бы не многочисленные глубокие шрамы от оспы. — Расскажите, как идет подготовка к восстанию.

— Все исполнено согласно нашему плану. Оружие доставлено и распределено среди поклоняющихся Великому Змею. Большая часть отрядов змеелюдей тоже прибыла в город. Они разместились согласно нашим первоначальным планам и ждут сигнала. Под видом людей они поведут дружины, сформированные де Латомом. Как только король и большая часть Алых Стражей покинет город, мы начнем...

— А вы, де Латом, что скажете?

Узколицый молодой человек привстал и, едва заметно поклонившись всем собравшимся, заговорил тонким голосом кастрата:

— Как верно сказал Тирон, мои люди готовы. Сейчас повсюду поют песни Ридондо. Этот гениальный поэт после смерти в ночь Кровавых Ножей стал народным героем. В тавернах, по всему городу, Кулла называют узурпатором и убийцей. Народ готов встать на сторону нового короля, чтобы свергнуть варвара-самозванца. Более того, даже среди пиктов заметно изменилось отношение к Куллу. Эти варвары беззаботно преданы своему вождю — Ка-ну. Но нам удалось посеять недовольство в их рядах. Как вы знаете, пикты — стариные враги атлантов. Нам пришлось лишь напомнить дикарям некоторые ныне забытые стра-

ницы биографии короля Валузии. Например, то, что Кулл сам водил отряды своих соплеменников не только в набеги на побережья Валузии и Лемурии, но и к берегам островов пиктов. Чтобы успокоить воинов, Ка-ну пришлось наказать нескольких смутьянов. Но это не затушило пожар, а лишь заставило людей затаить недовольство.

— И все же я полон сомнений, — продолжал граф. — Я не уверен, что все сработает так гладко, как мы планировали...

— Поверьте мне, королю придется отправиться за беглецами, — снова заговорил барон Блала. — Ну а на тот случай, если у него возникнут сомнения, нашуважаемый Ренар пошлет узурпатору пару писем. Несмотря на то что Кулл провел долгие годы среди цивилизованных народов, в душе он варвар. Он не сможет заглушить обиду и отказаться от мщения.

— Да, — согласился граф Фанара. — Все вы правы. Я думаю, тянуть больше нельзя. Сегодня же вечером мы похитим мою жену... К тому же мне кажется, что Брул Копьебой — этот кулловский прихвостень — что-то подозревает. Сегодня он явился в мой дом, нацепив этот мерзкий браслет в форме дракона. Мне пришлось сказатьсь больным. Я даже не спустился к гостям.

— Да, Брул словно заноза в нашем горле, — согласился барон Блала. — Может быть, стоит убить мерзавца, перед тем как начать осуществлять наши планы?

— Я думаю, не стоит, — покачал головой граф. — Смерть Брула может лишь насторожить короля. Когда же Ренар увезет Лалу-ах, Брул скорее всего отправится в погоню за ними вместе со своим господином. А пустыни Востока станут смертным ложем для них обоих.

— Ваши слова обнадеживают, — печально вздохнул Кануб.

— Меньше грусти, барон. Соберитесь. Помните, в первый же час восстания вам необходимо схватить Ту. Нам

нужна королевская печать Валузии. Иначе могут найтись недовольные, которые не поверят в смерть короля.

— Но вы обещаете, что Кулл умрет?

— Стоит ему только перебраться через Стагус, и он — мертв. Воины нашего повелителя Шашонга расправятся с ним и его воинами.

— Я уже не раз слышал подобные обещания, — вновь тяжело вздохнул Кануб, — однако никто еще не смог сломить этого варвара. Боги всегда на его стороне.

— На Востоке, за Стагусом землями правит Великий Змей... Но, впрочем, не станем говорить об этом. Если Валузия объявит себя союзником стран, что лежат за Черной рекой, то наши армии смогут, перейдя реку, начать Великий Поход.

От этих слов по спине Кануба поползли мурашки, но, взяв себя в руки, заговорщик лишь согласно кивнул. Противоречить графу Фанара означало подписать себе смертный приговор. Первоначально в этом зале был лишь один змеечеловек — эмиссар Великого Змея, но постепенно неугодных заговорщиков, тех, кто так или иначе пытался противостоять планам графа, стали сменять змеелюди, которые с легкостью могли принять облик любого человека...

Барон попытался отогнать тревожные мысли. Отступать было некуда. Один раз, согласившись принять помощь змеелюдей, он навсегда оказался сжат их стальными кольцами.

— Ну, что ж, — словно не замечая хмурого взгляда барона, продолжал граф. — Тогда, как только разъедутся гости, мы начнем... И пусть гнев Великого Змея обрушится на голову Кулла из Атлантиды... А сейчас самое время для угощений.

Приглушенно ударил гонг, и тотчас в подземный зал впорхнул десяток рабынь. Они были совершенно обнаженными, если не считать золотых браслетов на руках и ногах, а также многочисленных украшений, вплетенных в

пышные прически. Скользя вокруг стола, рабыни поставили кубок с вином перед каждым из заговорщиков. Когда же они исчезли, в зал вошли четыре темнокожих невольника. Они внесли огромный поднос, на котором лежало главное блюдо отвратительного пиршества — расчлененное человеческое тело...

* * *

«Ах, какой восхитительный получился праздник! Как прекрасно было кружиться в танце. Даже сам король Кулл — по слухам мрачный человек, избегающий женского общества, — в этот раз присоединился к нам. Как жаль, что праздник закончился. Я бы еще кружилась и кружилась... кружилась и кружилась», — думала красавица Лала-ах, с печалью глядя, как рабы гасят факелы по всему саду. Жаль, что ее тайный возлюбленный Ренар куда-то пропал в самом начале праздника и так больше не появлялся.

Ревность сжигала сердце красавицы. Ведь как раз сегодня она собиралась назначить Ренару первое свидание в загородном доме ее мужа... Вспомнив о муже, красавица помрачнела. Куда она смотрела, когда два года назад родители уговорили ее выйти замуж за эту отвратительную жабу! Хотя, конечно, все дело было в деньгах. Семья Лалы-ах могла кичиться происхождением, но за душой у них не было ни одного золотого. Граф Фанара буквально озялотил их. «И все же непонятно, зачем я нужна ему, — размышляла красавица. — Ведь с того времени, как мы поженились, он так ни разу и не вошел в мою спальню». Нельзя сказать, что графиня особенно огорчалась по этому поводу. Муж не вызывал у нее никаких чувств, кроме отвращения, другое дело — молодой Ренар.

— Госпожа, — неожиданно раздался голос за спиной Лалы-ах. Графиня повернулась и увидела щуплого раба в роскошных одеждах цветов дома Фанара. — Графу стало чуть легче, и он хотел поговорить с вами. Он ожидает вас наверху, в своей спальне.

Красавица покорно кивнула. Она вынуждена была подчиниться, хотя понятия не имела, зачем ее зовет муж. Может, она слишком вольно вела себя во время праздника... Но нет, пожалуй, тут все в порядке, граф не был ревнивцем. Чуть приподняв подол длинного белоснежного платья, графиня быстро поднялась на второй этаж по широкой мраморной лестнице. Спальня ее мужа находилась в дальнем конце длинного коридора.

Подойдя к массивной дубовой двери, девушка на мгновение замешкалась. Она уже хотела было постучать, но голоса, доносившиеся из-за двери, привлекли ее внимание.

— Как вы собираетесь покинуть город? — Голос определенно принадлежал ее мужу.

«Интересно, с кем это он там разговаривает?» — удивилась Лала-ах. Но не успела красавица обдумать эту мысль, как заговорил другой мужчина.

— Я подкупил варваров, которые в эту ночь будут стражить Восточные ворота, дав взятку в десять золотых, мы без помех выберемся из города.

Голос Ренара! Лала-ах пришла в смятение. «Что могут обсуждать ее муж и этот красавчик Ренар? Что у них может быть общего?» Старый граф увяз в придворных интригах, по слухам, он даже общался с опальным Канубом, а Ренара, как казалось девушке, интересовали лишь женщины, вино и развлечения. Однако самой первой мыслью юной графини была та, что ее муж откуда-то узнал об их взаимных чувствах. Но ведь они еще даже не разу не встретились тайком! Лала-ах собиралась послать Ренару любовное письмо, но из-за подготовки к нынешнему торжеству, так и не успела этого сделать.

— Ты уверен, что эти вероломные дикари не предадут тебя в последний момент? — поинтересовался граф Фанара.

— Смею вас заверить, что они пропустят нас без всяких вопросов. Вы ведь знаете, что многие молодые замужние дамы предаются любовным утехам в загородных домах...

Нет, они даже ничего не заподозрят. А потом все будет совсем просто. Уже несколько недель назад я послал доверенных слуг, и теперь нас будут ждать свежие лошади на всем пути, до самого Стагуса.

Разговор показался Лала-ах более чем странным. Девушка набрала в грудь побольше воздуха. А потом она решительно распахнула дверь и вошла. Перед ней за столом сидели ее муж, Ренар и еще несколько незнакомых людей.

Увидев ее, граф Фанара встал и шагнул навстречу жене. Он протянул ей большой кубок вина.

— Дорогая, я позвал тебя, чтобы ты выпила с нами за нашу победу.

Девушка машинально взяла кубок. Сделала большой глоток и замерла. В комнате царила необычная тишина. Все собравшиеся застыли, словно чего-то ожидая. Лала-ах взглянула в глаза своему мужу и совершенно отчетливо увидела, что вместо человеческих глаз на нее уставились желтые змеиные глаза с продолговатыми зрачками. Страх сковал ее тело. Пальцы разжались, и кубок выскользнул из ее руки. Красавице показалось, что неожиданно время остановилось. Секунды растянулись в минуты. Медленно-медленно летел к полу кубок. Когда же он наконец удалился о ковер, вино выплеснулось, забрызгав алым белоснежное бальное платье. Не в силах отвести взгляда от ужасных глаз, графиня попятилась. На долю секунды ей показалось, что она спит, и, как в кошмарном сне, окружена не людьми, а ужасными чудовищами, которые успешно прячут свои звериные лица под масками знакомых ей людей.

Девушка бросилась к двери. Но дорогу ей преградила чья-то тень. Перед ней вдруг появился Ренар. Лала-ах бросилась было к своему возлюбленному, но в последний миг увидела, что и у него змеиные зрачки.

Весь мир поплыл перед глазами несчастной. С мольбой взглянула Лала-ах на Ренара, но лицо молодого человека

оставалось непроницаемым, словно лик каменной скульптуры.

Девушка покачнулась, схватилась рукой за горло и без чувств повалилась наземь.

Часть первая

ПОГОНЯ

Глава первая

— Вот так все и случилось, — закончил речь Ту. — Главный советник короля Валузии. — Лала-ах, графиня Фанара, сбежала со своим любовником Ренаром, покрыв позором досточтимого супруга и весь народ Валузии...

Кулл внимательно слушал Ту. Он сидел неподвижно, разглядывая тощую фигуру советника. Ему явно наскутила история о том, как молодая красавица наставила рога своему мужу.

— Ладно, — нетерпеливо перебил советника Кулл. — Я все понял. Но мне-то какое дело до похождений этой дамы? Она была самим очарованием на празднике в доме графа... А он, кстати, так и не вышел. Трудно винить ее за измену. Валка свидетель, муж уродлив, как носорог, а характер у него еще хуже. Если девушке удалось сбежать, что ж — это ее счастье... Зачем ты мне все это рассказывалаешь?

— Ну, как же вы не понимаете этого, Ваше Величество, — начал терпеливо объяснять королю Главный советник.

Ему нередко приходилось делать это, так как король по натуре своей оставался варваром и порой не понимал самых очевидных вещей, например обычая народа, которым правил. Лала-ах, бросив супруга — графа Фанара, по законам Валузии нанесла тяжкое оскорбление правительству страны, так как отвергла человека, облеченного высоким дворянским званием. И, согласно старинным обычаям

древнего королевства, нужно было изловить неверную жену и публично казнить ее за прелюбодеяние. Иначе Валузия станет посмешищем в глазах соседей. По крайней мере, так считал старый Ту.

Добрых полчаса выслушивал Кулл его объяснения. Наконец, не выдержав, король изо всех сил хлопнул ладонью по ручке резного трона.

— Во имя Валки! — воскликнул Кулл. — Вы все помешались на обычаях и традициях. Я только об этом и слышу с тех самых пор, как занял трон Валузии. В моей стране женщины вправе выбирать себе того, кто им нравится.

— Может, это и так, Ваше Величество, — возразил королю старый Ту. — Но ныне вы в Валузии, а не в Атлантиде. Вы правите стариинным королевством и обязаны соблюдать его законы.

— По-моему, я давным-давно уничтожил все эти глупые древние книги.

— Да, Ваше Величество, — тяжело вздохнул Ту. — Однако я должен сказать, что поступок ваш не был разумным. Разрубив древние своды законов, вы не привлекли на свою сторону новых сторонников, а погибший в ту ночь от вашей руки поэт Ридондо стал народным героем...

— Я пытался сохранить ему жизнь. Но он был среди заговорщиков, напавших на меня. Именно его кинжал нанес мне страшную рану.

— Я все помню, Ваше Величество, и тем не менее должен напомнить вам: цивилизация — это система определенных законов и правил. Если вы перестанете их соблюдать, то вы постепенно скатитесь в бездну варварства, станете тираном и узурпатором.

— И все-таки я не вижу смысла преследовать влюбленных. — С этим словами Кулл поднялся, давая Ту понять, что разговор закончен.

Слишком милой была Лала-ах на балу два дня назад. «Такая красавица имеет право сама выбрать себе возлюб-

ленного», — решил король. Направившись к выходу из приемной залы, он жестом дал понять Ту, что тот свободен. Главный советник лишь печально вздохнул. Корольварвар не желал слушать его советов.

* * *

В следующий раз о беглецах заговорили только через неделю.

В часы утреннего приема Ту явился в палату короля с могучим воином из Алои Стражи — личной гвардии короля Валузии.

— Вот этот человек участвовал в преследовании Ренара и вероломной графини Фанара — красавицы Лалы-ах вместе с всадниками Ка-ну, — объявил Ту.

Кулл нахмурился. Он не давал Ту никаких распоряжений относительно погони. Очевидно, старый мошенник, как обычно, поступил по-своему, сообразно цивилизованным законам.

— Я, кажется, не давал приказа преследовать беглецов?
— угрюмо спросил король.

— Но, Ваше Величество! — воскликнул Ту, шагнув к королю. — Я же вам все объяснил! Мы не можем оставить безнаказанным такое вопиющее нарушение законов нравственности. Они едины во всех Семи Королевствах. Различны лишь способы казни, которые ожидают блудливых жен. У нас совершившим прелюбодеяние отрубают голову. В Верулии их заживо сжигают на костре, в Фарсуне сажают на кол... Я мог бы до самого заката перечислять различные способы казни...

Король покачал головой, а потом повернулся к Брулу Копьебою, застывшему возле трона. Этот пикт был ближайшим другом Кулла, и к его советам король прислушивался намного чаще, чем к словам Ту.

— А ты что скажешь по этому поводу, мой верный Брул?

— Думаю, Ту был прав, послав погоню за девушкой, — после долгой паузы произнес Копьебой. — Ты, мой друг, слишком часто действуешь по велению сердца. Граф Фанара мне тоже мало симпатичен, но... Понимаешь ли, цивилизованные народы очень серьезно относятся к супружеской измене. Супруга для них вроде подданного, она — раба мужа. — И, видя, что при этих словах Кулл нахмурился, Брул поспешил добавить: — Кулл, такие отношения между супругами сложились во всех Королевствах Запада. Прелюбодеяние супруги, это все равно что государственная измена... Тебе не изменить положения дел, как бы ты ни старался. Тут не помогут никакие указы. Так что думаю, тебе нужно лишь поблагодарить Ту.

Кулл еще больше нахмурился. Слова Брула ему явно не понравились. Тем не менее владыка Валузии повернулся к своему Главному советнику и кивнул, чтобы тот продолжал.

— Так вот, — с облегчением вздохнул Ту. — Я привел одного из стражей, участвовавших в погоне. Он хотел бы что-то рассказать Вашему Величеству.

— Да, — подтвердил молодой человек. — У меня есть послание от Ренара для вас, Ваше Величество...

— Для меня? — удивился Кулл. — Что еще нужно этому наглецу?

— На одном из постоянных дворов он оставил послание, которое попросил передать кому-нибудь из Алых Стражей, чтобы в дальнейшем оно попало к вам, Ваше Величество. Вот оно.

С этими словами воин шагнул вперед и протянул Куллу какую-то бумагу. Король осторожно взял тонкий листок пергамента. На нем ровными, аккуратными буквами было начертано:

«Варвару-свинье, оскорбившему древний трон Валузии.

Я, благородный Ренар, называю тебя дикарем, узурпатором и убийцей. Сегодня я украл самую яркую звезду

твоего двора. Завтра я вернусь, чтобы отрезать тебе уши, обрядить твою неповоротливую тушу в женские тряпки и приставить ухаживать за лошадьми из моей конюшни.

Благородный Ренар».

Кулл несколько раз прочитал послание, потом, распрямившись, как пружина, соскочил с трона. Резким движением он протянул записку Брулу.

— Что ты скажешь об этом? — В голосе короля послышались грозные нотки, от которых волосы на голове советника Ту встали дыбом.

Брул не спеша перечитал записку, а потом повернулся к Ту.

— Вы уверены, что это записку написал Ренар? Это может оказаться какой-нибудь хитроумной ловушкой. У Кулла слишком много врагов.

— Да. Писал ее определенно Ренар. У меня в канцелярии сохранилось несколько прошений, написанных его рукой. Тот же почерк. Это без сомнения рука Ренара. К тому же воины сказали, что незнакомец с женщиной, путешествующий в сопровождении трех слуг, как две капли воды походит на молодого повесу...

Неожиданно Кулл со страшной силой обрушил огромный кулак на мраморный столик. Удар оказался столь силен, что каменная столешница раскололась надвое. Потом король на мгновение замер, словно утратил дар речи, и заорал, обращаясь к Ту и воину, стоявшим перед ним:

— Валка и Гонен! — проревел он, смешав в одну кучу имена богов и языческих идолов.

Волосы Ту встали дыбом от такого богохульства. Кулл потряс кулаками над головой и вновь обрушил их на разбитый столик. Толстые каменные ножки разлетелись на множество осколков. Побледневший Ту, ошеломленный дикой вспышкой ярости варвара, отступил к стене. Воин, осмелившийся вручить королю оскорбительное послание, дрожал, как осиновый лист. Кулл подскочил к нему. Меч

со свистом вылетел из ножен и навис над головой несчастного. Но Брул вовремя перехватил руку Кулла, не дав королю нанести роковой удар.

Мгновение Кулл и пикт замерли, меря друг друга взглядами.

— Как ты посмел противиться моей воле? — громовым голосом произнес король.

— Я надеюсь, владыка Валузии не дикарь и не станет наказывать невинного воина за оскорбление, нанесенное Ренаром. Вымешать гнев на посланце, принесшем дурную весть, — плохая привычка. Она приведет к тому, что тебе станут сообщать лишь приятные новости и ты не узнаешь о приближении врагов до тех пор, пока они не ворвутся в твои покои.

Кулл покачал головой, словно отгоняя кровавый туман, на мгновение застлавший его взор.

— Ты, Брул, как всегда прав. Злость — плохой советчик. — Потом король снова повернулся к воину: — Прости и впредь так же, как сегодня, не бойся говорить мне горькую правду. — С этими словами король убрал меч в ножны и по-дружески ткнул воина в плечо. Несчастный, не ожидавший такого поступка от грозного короля, повалился на спину и остался лежать на полу, изумленно вращая глазами.

Брул вернулся к трону и подобрал брошенную записку.

— Я согласен с тем, что написал ее Ренар, — вновь заговорил пикт, — но, Ту, может быть, вы мне объясните, зачем беглецу понадобилось оскорблять Кулла. Ведь он же знает, что король не простит ему такой обиды.

Ту сглотнул. Испугавшись вспышки ярости Кулла, он медленно приходил в себя. Наконец, набравшись смелости, старик подошел к пикту.

— Я думаю, все дело в отношениях Ренара и Лалы-ах. Совершенно очевидно, что молодой человек не сможет обеспечить изнеженной красавице такой же роскоши, как ее старый муж. Любовь молодых призрачна, как утренний

туман. Что, если Ренар не слишком уверен в глубине чувств блистательной Лалы-ах? Может, он боится, что графиня передумает и вернется к мужу?

— Но ведь по законам Валузии ее все равно казнят? — удивился Брул.

— Если муж заступится за нее, ее оставят в живых. Со временем она может даже вернуть себе прежнее положение в обществе.

— Да, память людская коротка, — печально вздохнул Брул.

— Вот я и говорю об этом, — продолжал Ту. — Написав письмо, Ренар сделал так, что возвращение Лалы-ах стало невозможным. Любая женщина по законам нашего королевства несет равную с мужем ответственность за его преступления. Следовательно, если графиня вернется в Валузию, король должен будет отрубить ей голову. И хотя Ренар не законный супруг...

Неожиданно Кулл резким жестом сорвал с себя мантию и швырнул ее на трон.

— Мне наплевать на твои замшелые законы, Ту! Меня — повелителя Валузии — оскорбили. Ни один негодяй, сказав про меня такие слова, не останется в живых!

— Значит, ты решил отправить за ними погоню? — поинтересовался Брул.

— Да. Я сам отправлюсь и изловлю этого негодяя.

— Но, Кулл, может быть, не стоит все же горячиться. Оскорблениe — лишь слова, но вспомни о положении дел в стране! В народе волнения. На улицах распевают мятежные песни Ридондо! Тебе нельзя покидать столицу.

— В этот раз, Брул, я не стану слушать тебя! Седлайте коней! Пусть Альые Стражи готовятся к дальнему походу. Я прикажу распять этого Ренара на Восточных воротах, чтобы все видели, как я расправляюсь с обидчиками.

Теперь бешенство Кулла сменилось холодной яростью. Король жаждал крови неведомого врага.

В это время в зал проскользнул Далгар — единственный офицер из Алых Стражей, которому Кулл доверял точно так же, как Брулу и Келкору. Бесстрастно оглядев разбитый столик, он повернулся к королю.

— Мы куда-то отправляемся, Ваше Величество? — поинтересовался он.

Король отмахнулся от юноши, как от назойливой мухи.

— Да, клянусь Валкой. Я отправляюсь в погоню за одним негодяем. Не знаю, далек ли наш путь. Может, в горы Залгари, а может, и дальше — на заснеженные равнины или в раскаленные песчаные пустыни. Пусть пять сотен Алых Стражей будут наготове.

Далгар оскалился от нескрываемого удовольствия. Жизнь в поместье тестя барона Мирама Балина была невыносимо скучна. Молодой человек даже не стал спрашивать о цели похода. Хорошо сложенный, мускулистый воин — в прошлом он спас жизнь своему королю, повернулся и, не сказав ни слова, покинул зал вместе с поднявшимся наконец на ноги Алым Стражем.

— И все же, Ваше Величество, объясните, что вы собираетесь делать? — отважился спросить Ту, еще до конца не пришедший в себя после вспышки королевского гнева. Обращаясь к Куллу, главный советник все еще дрожал от страха.

— Я отправляюсь по следу Ренара, — свирепо рявкнул Кулл. — В мое отсутствие ты станешь править королевством. Я вернусь, изловив этого мерзавца, или не вернусь вовсе.

— Нет! — простонал Ту. — Подумайте, Кулл, проявите благородство. Мало ли какие глупости мог написать безумец. Ну зачем вам ехать самому? Пошлите в погоню Брула или этого отважного молодого человека... кажется его зовут Далгар?

Кулл покачал головой.

— Ренар оскорбил не Брула и не Далгара!

— Но правитель Зарфхана может расценить это как посягательство на свои владения. Он не разрешит вам войти в свои земли с таким войском.

— Что же, тогда мне придется проехать по руинам городов, — ответил Кулл.

— Неразумно развязывать войну из-за какого-то оскорбления!

Кулл так взглянул на Главного советника, что у того пропала охота возражать.

— То ты часами рассказываешь мне, как важно показать обидчика, то начинаешь отговаривать от этого.

— Но ведь я же имел в виду совсем другое. Вам следовало бы послать погоню из двух-трех десятков доверенных воинов.

— Это мы уже обсуждали, — Кулл отмахнулся от Ту, как от назойливой мухи. — Мужчины Атлантиды привыкли сами мстить за нанесенные им оскорбления. И хотя племена Атлантиды отреклись от меня, и я теперь король Валузии, но я по-прежнему мужчина и воин!

С этими словами Кулл направился в свои покои. Ту печально посмотрел вслед своему повелителю, потом перевел беспомощный взгляд на Брула.

— Может быть, ты сможешь повлиять на решение короля?

Но пикт лишь пожал плечами.

— Боюсь, что в этот раз мне не удастся его образумить. Оскорбление пробудило варвара, долгое время скрытого под личиной цивилизованного человека.

Глава вторая

Перед дворцом короля ожидало пять сотен всадников — отборных воинов из Алых Стражей. Этот элитный отряд был сформирован из горцев Залгары. Опытные, сильные, выносливые воины — лучшие представители своего народа. Тяжелая кавалерия, которой не было равных во всех Семи Королевствах. Кроме того, к ним присоединилась сотня варваров на низкорослых, лохматых лошадках. Это были люди Брула. Они были столь искусными наездниками, что казались чем-то вроде кентавров. В сражениях они напоминали разъяренных дьяволов.

Воины приветственными криками встретили короля. У подножия лестницы Кулла ожидали Брул Копьебой, верный Далгар и командир отряда Алых Стражей Келкор. Кулл на этот раз был одет более чем скромно, пышные придворные одежды сменила броня, которая верой и правдой служила королю Валузии не в одном походе. На боку короля висел фарсунский меч в потрепанных кожаных ножнах, а голову закрывал морион древних острова Му.

Кулл с мрачным видом прошествовал мимо ожидавшей его маленькой армии. Но в глубине души король радовался. Ренар предоставил ему возможность вырваться из паутины монотонной дворцовой жизни и заняться настоящим мужским делом. Он уже слышал свист ветра и звон клинков...

Далгар подвел королю могучего коня, к седлу которого был приторочен огромный двуручный топор — любимое оружие варвара из Атлантиды.

Кулл резким жестом отмел приветствия, которые начали произносить его спутники. Одним прыжком вскочив в седло, король жестом приказал воинам следовать за ним. Брул Копьебой занял место справа от короля, а Келкор слева.

— Внимание! — коротко скомандовал Келькор. — Вперед!

Шесть сотен воинов одновременно пришпорили своих скакунов.

Кавалькада легкой рысью рванула с места. Вихрем пронеслись они по городу, и прохожие, поспешно уступая дорогу, с ужасом провожали взглядами маленькую грозную армию.

Звенели копыта, флагами разевались конские гривы и хвосты, сверкали на солнце бронзовые доспехи...

* * *

— Так ты говоришь, король уехал из города, — улыбнувшись, переспросил Тирона граф Фанара. В этот раз он был в своей человеческой личине.

— Все происходит точно, как вы запланировали, — подтвердил предатель. — Старый дурак Ту убедил короля отправиться в погоню за Ренаром. Теперь нам остается лишь дождаться гонца с восточного берега Стагуса.

— Да, — улыбнулся граф. — Нам остается только ждать и копить силы. Скажи мне, вернулись ли те, кого мы отправили на берега Запретного озера?

— Нет, — тяжело вздохнул Тирон. — Вчера наши люди обнаружили на отмели их тела. Но это не меняет дела. Вы же знаете, Кулл заключил договор с обитателями озера. Он обещал им, что ни один человек не станет вступать в его воды. Власть еще не сменилась, а поэтому можно считать, что король нарушил свое слово.

— Это хорошо, — согласился граф. — Чем меньше союзников останется у Кулла, тем лучше... Да, совсем забыл, я же хотел узнать, чем там занят наш старый враг Ка-ну?

— Посланец пиктов почти сразу же вслед за Куллом отбыл из города, и, судя по всему, он направился домой.

— Оно и лучше. Раз нет ни его, ни Копьебоя, никто не сможет помочь Ту, когда в городе начнется резня.

При этих словах Тирон улыбнулся.

— Смею напомнить вам, граф, что вы обещали отдать мне старого лиса.

Граф Фанара равнодушно махнул рукой.

— Заберете его, если раньше он не умрет от страха...

* * *

По широкой дороге через предместья Хрустального города, мимо просторных усадеб и роскошных дворцов богачей и знати скакали король и его маленькая армия. Вскоре золотые шпили и сапфировые башни столицы Валузии растаяли за горизонтом. Впереди полоской, едва различимой в туманной дымке, маячили горы Залгары.

Ночь застала армию Кулла уже у подножия этих гор. Воины разбили лагерь по всем правилам военного времени. Но как только стемнело, к ним толпой пришли жители деревни, расположенной неподалеку. В этих краях обитало племя, родственное горцам, из которых были набраны Алые Стражи. Крестьяне пришли с дарами. Они принесли всевозможные яства и хмельные напитки. Воины, столь сдержанные и замкнутые в городах цивилизованного мира, почувствовали близость родных гор и позволили себе расслабиться. Расположившись с крестьянами вокруг походных костров, они пустили по кругу меха с вином, стали рассказывать друг другу свежие новости. А потом, когда вино разогрело их кровь, они стали петь походные песни. Вскоре и пикты, поначалу державшиеся особняком, присоединились к пиরящим.

Лишь Кулл и его офицеры держались в отдалении. Они разожгли свой костер. Кто-то из воинов принес им мех с вином. Сделав первым большой глоток, Кулл прислонился спиной к седлу (его расседланный и стреноженный конь пасся неподалеку) и устремил взор на белеющие в темноте снежные горные вершины. Предгорья таили в себе тайное очарование. Куллу припомнились горы Атлантиды, среди которых он провел всю свою юность. Именно оттуда отправился он в большой мир, чтобы занять древний трон Валузии. Как разительно непохожи были обрывистые, заинdevевшие скалы Атлантиды на мягкие очертания предгорий Залгары. Эти горы выселились подобно древним божествам. Словно ожерелья изумрудов их украшали зеленые рощи. Тенистые долины оживляли яркие цветочные луга.

— Эти горы древние, как само время, — тихо, словно говоря сам с собою, произнес Кулл. — Наверное, ныне им сняться короли прошлого, беззаботно попиравшие их ногами.

— Скорее уж полчища змеелюдей, которые в древности владели всеми этими землями, — возразил королю Брул.
— Когда-то эти твари правили всем миром. Повсюду возвышались зловещие зиккураты храмов Великого Змея. Стон и плач раздавался со всех сторон, и сотни людей гибли на каменных алтарях под ударами кремневых ножей отвратительных созданий.

— Да, — покачал головой Далгар. — Я слышал много подобных историй, но мне кажется, что все это сказки.

— Когда-то люди ничем не отличались от зверей, а миром правили змеелюди и еще более ужасные твари, о которых ныне и воспоминаний не сохранилось. Потом по милости богов в человеке загорелась искра разума. Люди научились добывать огонь. Они сделали оружие, и началась ужасная война, продлившаяся несколько тысяч лет. Люди отчаянно сражались с порождениями зла. Наконец человечество победило. Но это случилось так давно, что о

тех днях до нас дошли лишь смутные легенды. Тем не менее змеиное племя не погибло. Эти твари затаились в самых отдаленных уголках страны. Однажды они уже попробовали нанести нам предательский удар...

На мгновение закрыв глаза, юноша увидел удивительную картину. Перед ним предстала земля, какой она была тысячи лет назад. Повсюду цвели гигантские папоротники, огромные хвоши тянулись к небу, затянутому дымом многочисленных вулканов. И среди болот в зловонных испарениях копошились ужасные твари.

— Это слишком фантастично, — пробормотал Далгар.

Брул печально покачал головой.

— Как хотел бы я разделить твое невежество. Но змеевидные — не сказка. Великий Змей до сих пор имеет достаточно сторонников. Не сладко нам пришлось во времена битвы в Проклятом Зале... Да, Кулл?

Но король не ответил. Он был погружен в свои печальные думы. Воспоминания об оскорблении, нанесенном ему Ренаром, вновь ядовитой кислотой обожгли его душу. В ней снова вспыхнул угасший было пожар ярости и гнева. Стиснув кулаки и расправив плечи, Кулл запрокинул голову, поднял глаза к бесстрастному оку луны.

— Если я поймаю этого негодяя, то, клянусь Хелфаром и Готатом, я сдеру с него кожу живьем...

Видя настроение короля, Брул почел за лучшее не беспокоить владыку Валузии.

Прохладный ночной ветерок шелестел в кронах деревьев.

— И все же ты должен поверить мне насчет змеевидных, — продолжал Брул, понизив голос. — Эти твари очень опасны. Самое страшное то, что они владеют тайнами древней черной магии и с легкостью могут принять облик любого человека. Борясь с ними, никогда не можешь быть уверен, кто перед тобой, верный друг или опаснейший враг.

— Но как же тогда вам удалось их победить? — удивился юноша.

— Все дело в этом браслете, — объяснил Брул, показав юноше удивительный браслет в форме дракона, обвившегося несколько раз вокруг запястья пикта. — Это особый браслет. Не знаю уж, какая магия в нем заключена, но змеелюди боятся его. И к тому же есть одно заклятие, которое змеелюдям не под силу произнести...

— Ладно вам, — проворчал Келкор. — Нечего болтать на ночь всякие страсти, а то парень аж побелел от твоих рассказов. Запугаешь ты его, Брул, и будет он шарахаться от каждой тени.

— Но ты-то должен знать, что я говорю правду! — возмутился пикт.

— Спать пора! — объявил Келкор и, отвернувшись, поплотнее натянул свое походное одеяло.

* * *

Едва красная роза рассвета расцвела над вершинами Залгары, трубач заиграл сбор. Сонные воины быстро свернули лагерь, и вскоре армия Кулла продолжала марш по зеленым долинам меж пологих холмов. Первые лучи солнца заиграли на остриях копий, щитах и шлемах.

— Мы скакем на рассвет, — заметил Келкор.

— Да, — согласился Брул. — Именно в ту сторону направились беглецы.

— Вчера ты много говорил об ужасных змеелюдях, но люди рассказывают гораздо более страшные истории о тех землях, что находятся на Востоке. Говорят, где-то там течет Черная река, воды которой ядовиты для любого существа, будь то человек или конь.

— Глупости, — отмахнулся Брул. — Людям свойственны преувеличения. Они всегда рассказывают неправдоподобные истории о дальних землях или о тех местах, где им никогда не суждено побывать. Например, раньше Запретное озеро считалось обителью змеелюдей, но когда...

Кулл, чуть придержав своего коня, грозно взглянул на своих офицеров.

— Я не хочу слышать больше ни о змеелюдях, ни об опасностях, поджидающих нас впереди. Если впереди мы встретим врагов, будь это хоть змеелюди, хоть иноземные полчища, мы с легкостью проложим себе путь через их строй, прорубив дорогу своими мечами.

Келкор, насупившись, замолчал. Он сидел в седле прямой, как копье, застывший и несгибаемый, словно железная статуя. «Мой меч» — так иногда называл Кулл этого отважного воина. Ледяное спокойствие никогда не покидало Келкора, ни в словесных перепалках на военных советах, ни в диком безумии схватки. Келкор всегда оставался уравновешен и невозмутим. У него было немного друзей, и он никогда не искал дружбы. Только выдающиеся личные качества позволили ему возвыситься от бывшего солдата в рядах наемников до второго по рангу военачальника в армии Валузии. Родившись в Лемурии, Келкор соответствовал представлению об идеальном валузийце. Он был скроен иначе, чем воины-варвары его расы, был выше и тоньше. Жилистый и сильный, он вырос при дворе в столице Валузии и только чуть раскосые глаза выдавали его происхождение.

Его помощник Далгар был родом из Фарсунна. Когда-то он искал руки прекрасной Нелисы — наследницы барона Балина. Они сговорились о побеге, но вышло так, что Кулл и Нелиса оказались в лапах заговорщиков. Кулл уже подготовился принять свой последний бой, когда самоотверженный юноша поспешил на помочь своему королю. У Кулла не было доспехов, и закованный в бронзу Далгар стал его щитом. Он принял на себя большую часть вражеских ударов. Это была страшная сеча. Юноша, защищая короля, получил много ран. Без сомнения, все трое погибли бы, не подоспев вовремя Брул с сотней отважных пиктов... С тех пор Кулл особо выделял юношу и доверял ему, как себе самому.

Третьим спутником Кулла в этом походе был ладно скроенный пикт Брул Копьебой. Старый товарищ Кулла и доверенное лицо Ка-ну — посланца пиктов в Валузии. С ним короля связывала давняя дружба. За время их совместных путешествий Брул уже несколько раз спасал жизнь королю, к тому же Кулл очень высоко ценил советы пикта. Только Брулу позволительно было оспаривать решения короля...

* * *

В первый момент, открыв глаза, Лала-ах испугалась. Вокруг царила кромешная темнота, и девушка подумала, что она ослепла. Что же с ней случилось? Где она?

Приподнявшись на мягким ложе, девушка протерла кулачками глаза, потянулась.

И все-таки что же с ней произошло? Она отлично помнила праздник. Как весело кружилась она с молодыми кавалерами! Ей даже удалось потанцевать с самим Куллом, хотя многие говорили ей, что король танцев не любит. Потом... потом... Ах да! Раб сказал, что муж ждет ее в спальне. И когда она вошла... Да, там был ее муж, Ренар и еще несколько высокородных дворян. Ей дали чашу вина... И в тот же миг девушке вспомнились глаза графа и Ренара. От ужаса красавица вскрикнула.

Темнота поглотила ее крик, превратив его в стон страдания.

Еще раз вспомнив все подробности случившегося, Аала-ах решила, что и глаза змеи, и то, что ненавистный муж был вместе с Ренаром — ее возлюбленным, ей пригрезилось. Конечно! Много сладкого шипучего вина, танцы до упаду... Скорее всего она уснула, и ей приснился страшный сон о том, как ее отравили. Но если это был сон, то где же она сейчас?

Девушка потянулась, медленно села и ощупала руками свое ложе. Пальцы наткнулись на мягкий мех богатых шкур. «Значит, я не умерла, а просто нахожусь в темном

помещении, — обрадовалась красавица. — Вся эта история с отравлением — кошмарный сон!»

Лала-ах спустила ноги с кровати. Ее босые ступни коснулись грубых деревянных досок пола. «И все же где это я? Во дворце графа Фанара нигде нет таких полов!» Снова почувствовав беспокойство, Лала-ах встала и, вытянув вперед руки, сделала несколько шагов, пока ее пальцы не наткнулись на грубую бревенчатую стену. Тогда осторожно, словно слепая, девушка пошла по кругу вдоль стены. Наконец ее пальцы натолкнулись на косяк двери. Лала-ах поискала ручку, дернула. Дверь оказалась незапертой. Она приоткрылась с таким резким скрипом, что разбудила бы и мертвого.

Лала-ах замерла на пороге, на мгновение ослепнув от яркого света. Но она отлично слышала громкие шаги. Кто-то подошел к ней, встал рядом. Девушка почувствовала грубый запах мужского пота. Еще мгновение, и она увидела зал дешевого постоялого двора, крестьян, распивающих эль, несколько торговцев и путешественников, что побогаче...

— Кто ты? — проговорила она, повернувшись к направлявшемуся к ней мужчине. Но тут же она узнала стройную фигуру своего возлюбленного. — Ренар?!

Множество вопросов теснились в груди красавицы, но ее возлюбленный не дал ей времени опомниться. Вытянув руки, он заключил девушку в крепкие объятия. Как давно ждала этого Лала-ах! Как хотелось ей почувствовать крепкие руки любимого мужчины, обвивающие ее тело. Их уста слились.

И тут...

Графиня поняла, что снова очутилась в липких сетях кошмара. Коснувшись руки возлюбленного, она почувствовала не человеческую кожу, а чешую рептилии. Длинный раздвоенный язык коснулся ее щеки. А когда девушка уже готова была закричать от ужаса, ядовитые змеиные клыки впились ей в губы. Змеиный яд хлынул в кровь.

Дернувшись всем телом, Лала-ах повисла на руках Ренара.

— Что с ней? — спросил, подходя к молодому красавцу, трактирщик.

— Она слишком слаба, — ответил юноша. — Видите, стоило ей встать с постели, и она сразу потеряла сознание. **Я** отнесу ее назад.

Он подхватил красавицу на руки и исчез в темной комнате.

Глава третья

Горы Залгар остались позади, и следующий рассвет застал Кулла и его спутников среди пологих холмов, за которыми открывалась Камунианская пустыня — огромное, безжизненное, унылое море желтых песков. Здесь не росли ни деревья, ни кусты, не было источников воды. Целый день армия Кулла двигалась на восток, сделав лишь одну короткую остановку, чтобы дать отдых лошадям, когда зной стал уже совсем невыносим. Измученные долгой дорогой и жарой, воины приуныли. Мертвая тишина, царившая над раскаленной пустыней, вовсе не прибавляла оптимизма. Ее нарушали лишь звон доспехов, шорох песка под копытами лошадей да скрип пропитанных потом седел. Даже стойкий Брул снял кирасу и повесил ее на луку седла. Одному Келкору жара, казалось, не доставляла никаких неудобств.

— Сталь, настоящая сталь, — тихо прошептал Кулл, разглядывая своего товарища. И еще Кулл задумался: а сможет ли он сам когда-нибудь достигнуть таких высот самообладания, и почти сразу решил, что нет. Слишком много варварского было в нем самом, слишком порывистым был его характер.

* * *

Двухдневный марш — и пустыня осталась позади. Впереди расстидались низкие холмы, отмечавшие границу

Зарфхана. Там армию Кулла остановил пограничный дозор — два всадника. Это были малорослые воины, длинноусые и узкоглазые. В длиннополых стеганых цветастых халатах, перетянутых толстыми кушаками, они больше походили на купцов, чем на воинов. На боку у каждого из них висела кривая сабля, чем-то напоминающая оружие лемурийцев, а за спиной — короткий лук и колчан, полный стрел с ржавым опереньем. Еще у дозорных были круглые щиты, а головы их, несмотря на жару, венчали высокие островерхие меховые шапки. Их черные скакуны были на несколько ладоней ниже скакунов Валузии, а их кожаные сбруи и седла сверкали многочисленными серебряными украшениями.

— Кто вы? Что вам нужно в землях Зарфхана? — бесстрашно спросил один из всадников.

— Я Кулл, правитель Валузии, — объявил им король.
— Я преследую наглеца по имени Ренар. Скажите своему командиру, чтобы он не чинил препятствий моему отряду. Я же в свою очередь обязуюсь не причинять вреда подданным вашего короля.

Дозорные, пришпорив коней, отъехали в сторону, уступая дорогу закованным в броню всадникам Кулла. А когда армия скрылась среди холмов, один из них обратился к другому:

— Я выиграл спор. Король Валузии явился собственной персоной.

— Увы, — покачал головой второй дозорный. — Эти варвары никогда не учатся на чужих ошибках. Им всегда хочется набить собственные шишки. Будь Кулл валузийцем, ты бы проспорил, клянусь Валкой!

— Ну, что ж, — вздохнул первый дозорный. — Мне пора возвращаться на заставу и предупредить начальника гарнизона о появлении армии Кулла, а тебе нужно скакать на Запад. Граф Фанара ждет. Он не любит, когда кто-то из его слуг мешкает и не спешит выполнять его распоряжения... Поспешим.

Первый всадник лишь махнул рукой и поскакал в сторону пустыни, откуда только что выбралась армия Кулла.

* * *

По зеленым равнинам Зарфхана гулким эхом разнесся топот тяжелой конницы Кулла. Деревенские жители высыпали из своих домов посмотреть на свирепых воинов прославленного короля Валузии. По всей стране — на юг и север, восток и запад — разнеслась весть о том, что сам король Кулл едет по Зарфхану.

Приграничные области давно остались позади, когда Кулл все-таки решил отправить посланца к королю этой страны, чтобы заверить его в своих мирных намерениях. В этот день Кулл остановил свою маленькую армию на отдых и собрал военный совет.

— Беглецы опередили нас на много дней, — начал король, обращаясь к Далгару, Келкору и Брулу Копьебою. — Нам некогда заниматься поисками их следов. Местные жители, если мы обратимся к ним за помощью, наверняка станут лгать, пока не узнают, как король Зарфхана отнесся к нашему вторжению. Так что нам остается лишь полагаться на собственное чутье, и, подобно волкам, по запаху искать след оленя.

— Быть может, стоит поймать пару крестьян и хорошенько допросить их? — предложил Далгар. — Поверьте мне, Ваше Величество, стоит им попробовать раскаленного железа, как они сразу же расскажут нам все, что знают. Я заставлю их рассказать правду.

Кулл скривился.

— Мне больно слышать от тебя речи, которые скорее подошли бы Ту. Я думаю, не стоит обижать крестьян. Если король Зарфхана разозлится на нас, то это не приведет ни к чему хорошему... Надо попробовать действовать по другому. Тем более, что пока Зарфхан дружественная нам держава.

— Неужели королю Зарфхана есть дело до каких-то крестьян? Они для него словно навозные жуки!

— Довольно! — оборвал его речи Кулл. — Я не желаю ничего слышать о пытках невинных людей.

Тут, прося слова, поднял руку Брул Копьбой.

— То, что предлагает Далгар, мне тоже совершенно не нравится, — медленно проговорил пикт. — Я думаю, нам следует поступить иначе. Мои люди внешне похожи на жителей этой страны. Разреши, я пошлю несколько человека на разведку. Выберем какой-нибудь большой поселок. Пусть мои люди покрутятся среди крестьян, порасспрашивают, может, припугнут кого немного, не причиняя вреда... Иначе мы легко съемся со следа и можем потратить недели на бесплодные поиски.

— Сразу видно, что говорит варвар, — пряча улыбку, пробормотал Кулл.

— Я что-то запамятали, в столице какого государства родился ты, Кулл? — в тон королю поинтересовался Брул.

Келкор прервал шуточную перепалку двух друзей нетерпеливым жестом.

— Мы находимся вот тут, — заговорил он, одновременно начав рисовать карту в пепле костища острием кинжала. — Ренар вряд ли поедет на север. Там лишь несколько мелких городков. Ему негде будет укрыться и некуда дальше бежать. На севере — море, кишащее пиратами. Но даже если у него хватит золота нанять корабль, куда он может отправиться? В Лемурию? Нет! Совет вождей тут же выдаст его нам. В Атлантиду? Дикари... Соплеменники нашего короля тут же прикончат его, лишь потому что он не принадлежит их племени, к тому же плавание вдоль берегов Валузии не сулит ему ничего хорошего... На юг беглецам дорога закрыта. Там расположена Турания — давний враг Валузии. Воины султана поступят с Ренаром точно так же, как варвары Атлантиды. Поэтому я думаю, что он отправится дальше на восток. Он пересечет границу Зарфхана где-нибудь возле Талунина и постараётся зате-

ряться на равнинах Грондара. Если он точно так же, как многие валузийцы, верит в сказки о Черной реке, то из Грондара он может повернуть на юг. Двигаясь вдоль границы Турании, он попытается добраться до Фарсун... Хотя тут есть одна неясность. Если Фарсун — конечная цель беглецов, то почему же они не отправились через Малые Княжества. Тогда они давным-давно пересекли бы границы этой страны...

— Все это лишь догадки, Келкор, — печально вздохнул Кулл. — Когда человек, совершив противозаконный поступок и избежав наказания, посыпает своему королю оскорбительное письмо, стараясь еще больше разжечь его гнев... такого человека можно назвать или безумцем или храбрецом. И в том и в другом случае поступки его совершенно непредсказуемы...

— Но, Ваше Величество, даже безумец не будет рисковать, если есть возможность избежать опасности.

— Тут ты совершенно прав. Поэтому-то меня и берут сомнения. Если Ренар рассчитывал скрыться от моей мести в Фарсуне, то почему отправился в совершенно противоположном направлении?

— Я думаю, вы и сами знаете ответ, Ваше Величество, — продолжал отстаивать свою точку зрения Келкор. — В нынешние неспокойные времена все наши границы, за исключением восточных, усиленно охраняются. Ренар не смог бы проскользнуть незамеченным ни в Малые Княжества, ни в Фарсун. Тем более что он путешествует не один, а со слугами и женщиной, которую любит.

— Я уверен, Келкор прав, — поддержал офицера Брул. Казалось, пикт аж пританцовывает от нетерпения, так хочется ему продолжить погоню. — Доводы Келкора звучат убедительно, с какой стороны ни посмотреть.

Кулл тяжело вздохнул. Долго рассматривал он начертанную Келкором карту.

— Ладно. Предположим, вы меня убедили. Будем считать, что этот план ничуть не хуже любого другого, — объявил Кулл. — Едем на восток!

— Но как же многочисленные легенды о Черной реке? — недоумевая, спросил Далгар. — Если хотя бы половина из них правда, то мы движемся прямиком к собственной смерти.

Кулл наградил юношу хмурым взглядом.

— Беглецы тоже слышали эти рассказы... Я думаю, то нам не придется долго двигаться на восток. Только до Талунина. Но как бы там ни было, мне нанесено оскорбление, мы проделали долгий путь, и я не собираюсь сворачивать, пусть хоть армии всех Семи Королевств встанут у меня на пути. Мы едем на восток!

* * *

Ту по широкой лестнице спустился в подвал Башни Великолепия и перед ним открылся широкий коридор королевских погребов. Двустворчатые дубовые двери вели в подвалы, заставленные огромными бочками, — здесь хранилось лучшее вино королевства. Знаменитые королевские винные погреба. Но вино не интересовало Главного советника.

Пройдя до конца коридора, он очутился возле двери, где словно бронзовые статуи застыли два Алых Стражи с мечами наголо. Воины приветствовали советника, трижды ударив клинками по окованным медью щитам. Эхо подхватило гулкие звуки, и Ту поморщился. Он не любил всей этой варварской помпезности.

Дверь, которую охраняли воины, была маленькой по сравнению с дверьми винных погребов. За ней открывалась лестница, ведущая еще глубже под землю. Там, под землей, располагались королевские темницы. Выдолбленные много сотен лет назад в толще камня, эти помещения вначале служили тайными алхимическими лабораториями одному из королей Валузии. Потом на долгое время о них

забыли, и лишь пару сотен лет назад эти комнаты переделали в темницы и пыточные. Когда Кулл задушил короля Борна и занял трон, он приказал выпустить всех заключенных, хотя потом пожалел об этом, так как кроме недовольных властью Борна в темницах томилось множество воров и разбойников. Пришлось ужесточить законы. За воровство Алые Стражи на месте отрубали вору руку, а за убийство казнили... Несмотря на все это, прислуha подземной тюрьмы по-прежнему верой и правдой служила королю, и Ту, втайне от своего повелителя, пользовался услугами заплечных дел мастеров, выявляя заговоры, которые то и дело возникали среди старой аристократии Валузии, ненавидевшей короля-атланта.

Вот и сегодня раб сообщил Главному советнику о том, что стражи у городских ворот задержали повозку с оружием. Один из мелких дворян — некий Тирон, переодевшийся крестьянином, пытался провести в город более сотни мечей, алебард и нагинат, скрыв стальной груз под стогом сена. Но бдительные Алые Стражи схватили негодяя. Естественно, узнав об этом, Ту сразу заподозрил неладное. Людская память коротка. Ныне многие уже забыли ужасы правления Борна и с удовольствием приветствовали бы на троне кого-то из династии Борна. Например, того же барона Блала.

Однако Ту, несмотря на то что занимал пост Главного советника и при Борне, и при его отце, оставался верным сторонником Кулла. Заговорщика, схваченного утром, скорее всего уже допросили. Палачи Валузии были мастерами своего дела, и теперь Ту хотел узнать все подробности плана готовящегося переворота, чтобы пресечь его в зародыше.

У подножия лестницы Ту уже ждал младший тюремщик. Низко склонившись перед Главным советником короля, он тихим бормотанием приветствовал Ту. Но старик взмахом руки приказал тюремщику замолчать. Церемонии хороши были там, наверху, в сверкающих залах Башни

Великолепия или в удивительных залах королевского дворца. Тут, глубоко под землей, они казались Ту неуместными. К тому же старик боялся замкнутого пространства, да и сама мрачная атмосфера темницы была ему неприятна. «Чем меньше времени я проведу тут, тем лучше». В этом Ту был уверен.

Следом за младшим тюремщиком, невысоким, сутулым кастратом, в полосатом халате, Ту прошел через лабиринт темных коридоров в пыточную.

Эта комната, вырубленная в толще скал на неведомой глубине, сейчас была ярко освещена. Дым от десятка раскаленных жаровен и костра, разведенного под огромным котлом с кипящим маслом, поднимался вверх и исчезал в трубе вентиляционной системы — еще одном чуде умельцев древности. Несчастный Тирон висел на цепях высоко над землей. Он был совершенно голым, и тело его украшали ужасные следы орудий палачей. А заплечных дел мастера трудились возле одной из жаровен, готовя свои ужасные инструменты для новой пытки. Их обнаженные тела блестели от пота. В пыточной стоял неприятный запах горелого мяса.

Войдя, Ту сразу же прикрыл нижнюю часть лица тонким платком, пропитанным самыми изысканными духами.

Оба палача, оторвавшись от работы, низко поклонились своему благодетелю.

— Я слушаю вас, — после долгой паузы сказал Ту. — Я хочу знать все, что вам удалось вытянуть из этого человека.

— Мы старались, господин... — заискивающе заговорил один из палачей. — Но Тирон твердит, что вез оружие, желая подзаработать на его перепродаже.

— И кому же он собирался его продавать?

— Он утверждает, что в городе мало оружейных лавок.

— Зачем ему тогда было переодеваться и изображать из себя крестьянина? Он мог бы, заплатив налоги, получить разрешение и ввезти оружие в город открыто.

— Он заявил, что хотел увильнуть от их уплаты.

— Еще большая чушь! Королевские налоги сейчас низки, как никогда прежде. Они составили бы сотую часть цены его «товара».

— Но, господин Ту, может быть, Тирон просто глупец. Мы испробовали на нем все обычные способы и ничего не добились. Он сказал, что не знает ни о каком заговоре.

Главный советник Ту нахмурился.

— Я вижу, вы даром проедаете свой хлеб. Король в отъезде, в городе зреет заговор. И вот когда нам удалось схватить одного из заговорщиков, вы не можете выбить из него правды. Зачем вас тут держат! Вы, наверное, думаете, что во время переворота вам удастся отсидеться в вашем подземелье. Нет, вы у меня отправитесь в бой в первых рядах!

Палачи молчали, низко склонив головы.

Ту на мгновение умолк. Краем глаза он взглянул на обезображенное тело Тирона. «А может, все так и есть. Нет никакого заговора, и глупец просто хотел перепродать оружие», — подумал советник, но тут же отогнал столь нелепую мысль.

— Я надеюсь, что вы узнаете у него имена всех заговорщиков и план восстания в ближайшие час-два, иначе сами окажетесь на его месте, — злобно прошипел Ту.

Дрожащие от страха палачи еще раз поклонились.

— Да, господин Главный советник.

Но Ту не стал дожидаться их ответа. Резко развернувшись, он, борясь с тошнотой, почти бегом выскочил из пыточной. Широким шагом поспешил он в сторону лестницы. Младший тюремщик с факелом едва поспевал за ним.

«Даже если Тирон не врет, нужно быстро принять самые экстренные меры, — думал Ту. — Эти бездельники-палачи могут выдавать правду слишком поздно. Нужно тотчас отправить шпионов к домам всех дворян, замеченных в крамольных разговорах. Если возникнет хоть ма-

лейшее подозрение, необходимо тотчас нанести удар. Нужно опередить заговорщиков... Ну, а даже если я потоплюсь, король все равно посмотрит на все это сквозь пальцы. К тому времени, как он вернется из похода, все забудется».

У двери, ведущей в подземные темницы, Главного советника ожидал раб-слуга.

— Господин, — заговорил он, низко поклонившись, — прибыл досточтимый Ка-ну, посол пиктов. Он ожидает вас в зале, наверху. Он очень встревожен и просил срочно разыскать вас. Сердце Ту оборвалось.

«Заговор... У Ка-ну в городе своя сеть шпионов. Раз хитрый пикт вылез из своего логова и срочно хочет видеть меня, значит, наши дела плохи...»

Глава четвертая

Войско Кулла двигалось через цветущие долины Зарфхана.

«Какая благодатная страна. Она богата. А жизнь здесь ленива и нетороплива... Лакомый кусочек для любого захватчика», — размышлял Кулл, прислушиваясь к звону доспехов своей маленькой армии.

Он гнал свое воинство вперед и вперед, не давая людям расслабиться и передохнуть. Больше всего король боялся, что прекрасные пейзажи и хорошая погода приведут его в миролюбивое настроение и он простит беглецов и повернет назад, отказавшись от мести за дерзкое оскорбление.

Воины стороной обезжали города и крупные деревни. Кулл не хотел искушать своих свирепых воинов, дав им шанс впутаться в свару с местными жителями из-за какого-нибудь пустяка.

С каждым днем маленькая армия Кулла приближалась к Талунину — городу, находящемуся на стыке двух границ Зарфхана. К югу от города лежала Турания, на восток раскинулись степи Грондара. Валузийцы уже находились в нескольких переходах от Талунина, когда их нагнал посланник короля Зарфхана.

Посланник, невзирая на жару, был разодет в дорогие меха, а золотых украшений на нем было больше, чем у всех воинов Кулла, вместе взятых. С должным уважением представившись королю Валузии, он сообщил, что прави-

тель страны нисколько не возражает против движения через его страну конного отряда Кулла и приглашает правителя величайшего из Семи Королевств на обратном пути посетить столицу Зарфхана, расположенную далеко на севере. Кулла позабавила ирония сложившейся ситуации — он получил соизволение проехать через страну, которую уже пересек из конца в конец.

Тем не менее Кулл приказал разбить лагерь. Несколько лучников были отправлены в окрестные рощи, а вечером в честь посла устроили пир. Алые Стражи и пикты пили вино со слугами посла. А сам дворянин присоединился к Куллу, Далгару, Келкору и Брулу. Они говорили о положении в соседних странах. Рассказывали старинные предания и древние легенды о землях, лежащих к востоку от Грондара, за таинственной Черной рекой.

На следующий день, получив дарственные грамоты от Кулла и вручив ему бумаги, разрешающие проезд через земли Зарфхана, посланник отправился назад в северную столицу, а войско Кулла продолжало двигаться на восток.

* * *

Они достигли Талунина на следующий день, незадолго до восхода солнца. (Кулл приказал скакать ночью, чтобы наверстать то время, что они потеряли, встретившись с посланцем короля Зарфхана.)

Кулл надеялся, что Ренар и красавица Лала-ах, чувствуя себя в относительной безопасности, остановились на отдых в приграничном городе. К тому же король Валузии хотел обогнать слухи о появлении его армии. Он приказал своим воинам расположиться лагерем вдали от городских стен и отправился в город в сопровождении лишь одного Брула Копьебоя.

Ворота с готовностью распахнулись перед Куллом, когда он предъявил начальнику стражи бумаги, на которых была оттиснута печать короля Зарфхана.

— Скажи-ка мне, — поинтересовался король Валузии у начальника караула, — не приезжал ли несколько дней назад в ваш город благородный дворянин Ренар и красавица Лала-ах?

— Что-то я не припомню таких чудных имен, — нахмуршил лоб усатый стражник.

— Может, они назвали вымышленные имена?

— Скорее всего... Но наш город находится на границе трех государств. Тут много приезжих. Не могли бы вы подробннее рассказать, как выглядят те, кого вы ищите.

После долгих расспросов Кулл узнал, что несколько дней назад в город приехал человек, по описанию походивший на Ренара. С ним была дама и трое слуг. Правда дама, по словам начальника караула, была больна, и лица ее он не видел. Заставив странника поклясться в том, что болезнь его спутницы не заразна, и получив два золотых — невероятно щедрая плата за въезд в город, — начальник караула пропустил их. Но оставались ли они до сих пор в городе или уже покинули его, он не знал.

Болезнь женщины позволяла надеяться, что беглецы на некоторое время задержатся в этом пограничном городке.

— И вот что, — сказал Кулл напоследок начальнику стражи, снимая с руки украшенный самоцветами золотой браслет, — запомни: если кто-то станет расспрашивать обо мне — я простой валузийский дворянин. Я странствую со своим товарищем — пиктом. Никто не должен знать о том, кто я на самом деле. Даже правитель города.

Воин уставился на драгоценный браслет, выпучив глаза.

— Конечно... конечно... мой господин. Но как быть с вашими воинами? Вы ведь сказали, что ваша свита укрылась в ближайшем лесу?..

— Из города их не видно. А если какой-нибудь крестьянин, проезжающий через твои ворота, заикнется о моем отряде, найди повод на сутки упрятать его в темницу. Это-

го времени мне вполне хватит, чтобы разузнать все, что нужно.

— Во имя Валки, — пробормотал начальник стражи. — Вы толкаете меня на преступление. Я, конечно, не думаю, что вы замышляете что-то недостойное, но...

— Не бойся. Если у тебя возникнут неприятности, пошли за мной одного из своих людей. Тогда я загляну к правителю города и уложу любое недоразумение.

Видя, что его слова не слишком-то убедили воина, Кулл решил сменить тактику.

— И вспомни: разве ты не обязан повиноваться приказам своего короля? А ведь я, кажется, показал тебе грамоты, подтверждающие, что я действую от его имени. Разве ты дерзрешь ослушаться королевского указа?..

— Да, вы правы, — покорно согласился воин, не сводя взгляда с драгоценного браслета. Раз Кулл предъявил ему указ короля Зарфхана, то, конечно, он обязан повиноваться. А тогда браслет становится не взяткой, а лишь благодарностью за оказанные услуги...

Кулл не проронил больше не слова. Он лишь наградил улыбкой начальника стражи, выдававшей презрение короля к свойственной человеку привычке убаюкивать совесть в угоду мелочным желаниям и низменным страстям.

* * *

Вскоре два всадника — Кулл и его верный спутник пикт — ехали по улицам города, которые постепенно начинали оживать: открывались магазины, торговцы выкапывали на улицу бочки, натягивали тенты, устанавливали прилавки. Гигантская фигура Кулла и темная кожа его спутника, притягивали немало любопытных взглядов. Король Валузии даже пожалел, что взял с собой пикта, а не Далгара или Келкора, которые меньше привлекали бы к себе внимание. Пикты были редкими гостями государств Востока, и появление одного из них, тем более в компании

с великаном-атлантом, могло породить множество нежелательных слухов.

Кулл и пикт сняли комнату на скромном постоялом дворе и устроились в зале таверны, расположенной по соседству. Они надеялись, что им удастся услышать или разузнать что-нибудь об интересующих их людях.

День тянулся бесконечно долго. Наступил вечер... Но никто из горожан, заходивших выпить, так и не упомянул о беглецах из Валузии. Осторожные расспросы тоже не принесли никаких результатов. Если Ренар и Лала-ах до сих пор оставались в городе, то они явно не афишировали свое присутствие. А Кулл рассчитывал, что прибытие дворянина с Запада и красавицы, пусть даже она была больна, неминуемо привлечет внимание горожан.

На улице уже начали сгущаться сумерки. Но Кулл все еще не терял надежды. Он решил отправиться побродить по городу и, если его поиски не увенчаются успехом, утром навестить правителя города, а потом потребовать у него найти и выдать преступников. Гордость Кулла не позволяла ему сразу обратиться за помощью, хотя это казалось наиболее логичным и целесообразным. Король Валузии сделал бы именно так, если бы речь шла об обычном преступнике, но Ренар не был таковым. Он задел честь короля, нарушил древние традиции Валузии. Дело касалось лишь личной мести. Сейчас, когда гнев Кулла поутих, король-варвар даже склонялся к тому, чтобы не устраивать публичной казни Ренара, а вызвать обидчика на честный поединок. И тогда пусть Валка решит, на чьей стороне истина и справедливость. Но если наглец проиграет бой, вот тогда Кулл собственоручно распнет его на Восточных воротах столицы Валузии.

* * *

На город опустилась ночь.

Два друга шагали по улице, залитой светом факелов, где, несмотря на позднюю пору, было довольно людно и шумно.

Вдруг из тени узкого переулка между огромными зданиями высунулась чья-то рука с длинными, заостренными ногтями и поманила Кулла. Переглянувшись, король и его спутник последовали за едва различимой тенью, на всякий случай держа кинжалы наготове. Когда же они отошли подальше от шумной улицы, таинственный провожатый огляделся и подошел к воинам.

Это оказалась скрюченная годами старуха-нищенка, с ног до головы закутанная в грязные лохмотья. Улыбнувшись своим опасениям, Кулл и пикт убрали оружие.

— Что ищете вы в Талунине, Ваше Величество? — голосом скрипучим, словно несмазанная дверь, поинтересовалась старуха.

Король Валузии тут же насторожился. Как смогла узнатъ его древняя старуха? Может, начальник караула, несмотря на массивный золотой браслет, распустил язык. Уж тогда-то ему не поздоровится...

— Откуда тебе известно, кто я? — с подозрением спросил Кулл.

— И стены имеют уши, — уклончиво ответила старуха. Ее голос больше походил на кудахтанье. — Один из торговцев признал вас на площади, а я услышала, как он говорил об этом своей жене. Но тайна, которую знают двое, — перестает быть тайной.

Кулл тихо выругался.

— Но послушайте меня, Ваше Величество, — продолжала старуха. — Я позвала вас не из праздного любопытства. Я могу отвести вас к тем, кого вы ищете. Если, конечно, вы заплатите мне подходящую цену.

— Откуда ты знаешь, кого я ищу?

— Путники из Валузии — редкие гости в нашем городке... Так сколько же вы заплатите бедной нищенке, если она передаст беглецов вам в руки.

— Я наполню твой фартук золотом, — небрежно бросил король.

— А вам можно верить, Ваше Величество? Видите ли, бедную, беспомощную нищенку очень легко обидеть и обмануть, особенно когда дело касается таких важных вещей.

— Не так уж ты беспомощна, судя по всему, — проворчал Кулл. — К тому же я дам тебе свое слово.

— Слово... — задумчиво пробормотала нищенка, — оно как ветер...

— Хорошо, вот тебе несколько монет в задаток. — Король развязал кошель и высыпал в скрюченные ладони старухи десяток золотых. На эти деньги нищенка могла бы купить себе деревенский дом у крестьянина среднего достатка и безбедно прожить до конца своих дней.

— Теперь я вижу, что Ваше Величество человек слова, — ласково продолжала старуха. — Я должна сообщить вам, что Ренар и его спутница предупреждены о вашем появлении. Они готовятся к бегству. С наступлением сумерек они вместе со слугами укрылись в одном доме, но скоро покинут свое убежище...

Кулл схватил старуху за плечо.

— Ты обманула меня!

— Почему вы так решили, Ваше Величество? — Казалось, старуха ничуть не испугалась ярости атланта.

— Если они бы узнали о моем появлении, то давно покинули бы город.

— Они узнали об этом перед самым наступлением сумерек. А ворота города запираются, как только край солнца касается линии горизонта на западе.

— Так где же нам их искать?

— Не спешите, Ваше Величество. Помимо главного входа всегда существует черный. В Талунине это ворота в восточной стене. По ту сторону стены беглецов ожидают свежие кони, которые подготовил им один из слуг. У Ренара в нашем городе немало друзей.

— Тогда нам надо спешить! — воскликнул Кулл. — Говори, где они прячутся?

Старуха снова протянула высохшую, скрюченную ладонь, и король кинул ей еще несколько золотых. Он поразился, с какой скоростью монеты исчезли из рук старухи. Спрятав деньги, старая ведьма поклонилась.

— Следуйте за мною, Ваше Величество... — С этими словами она повернулась и быстро зашагала по переулку.

Кулл и его спутник следом за старухой пустились в путь по лабиринту узких, извилистых улочек. Двигались они почти на ощупь. Наконец старуха остановилась перед темным домом в самой бедной и заброшенной части города. Вытянув свою клешню в сторону этого здания, старуха торжествующим голосом объявила:

— Они прячутся наверху, на втором этаже. Из главного зала туда ведет только одна лестница. Если вы поспешите, то непременно схватите своих недругов.

— А откуда ты узнала, что они скрываются именно здесь? — с подозрением поинтересовался Кулл.

Старуха беззвучно рассмеялась. Ее тело затряслось в приступе безудержного веселья.

— Как только я убедилась, что король Валузии и в самом деле прибыл в Талунин, я сразу же поспешила в гостиницу, где остановилась парочка беглецов и предложила проводить их в безопасное место. Однако женщина оказалась так слаба, что им потребовалось больше часа, чтобы добраться сюда с другого конца города. Ха-ха-ха! Они отвалили мне несколько горстей золотых, но Ваше Величество ведь обещал мне намного больше!

Кулл в удивлении уставился на отвратительную старуху. Наконец, когда дар речи вернулся к нему, он сказал:

— И как такую мразь носит земля?! Ну, да ладно, если мы схватим беглецов, ты получишь столько золота, сколько я обещал. Я пойду посмотрю, что творится в этом доме, а ты, Брул, последи-ка за этой красавицей. Не слишком доверяю я ее речам.

— Но, послушай Кулл, ты не должен идти в этот дом один, — запротестовал пикт. — Что, если старуха соврала и там тебя поджигает хитроумная ловушка?

— Если эта тварь предала меня, то ты, Брул, сдерешь с нее кожу живьем.

При последних словах короля старуха содрогнулась.

Кулл больше не стал тратить время на разговоры. Запахнув плащ, он направился к темному дому. Одним прыжком преодолел он полуразрушенный каменный забор. Несколько шагов по запущенному саду, и могучий атлант застыл у плохо прикрытоого окна. Он прислушался. В доме царила тишина.

Ловко и бесшумно орудуя кинжалом, Кулл за считанные секунды открыл ставни одного из окон. Прыжок, и он уже стоял на полу внутри здания. Отступив от окна, чтобы силуэт его не был виден на светлом фоне, Кулл замер, дав глазам привыкнуть к кромешной тьме. Потом, двигаясь на ощупь, он прошел вдоль стены, нащупал ручку двери, повернул ее. Открываясь, дверь едва слышно заскрипела, но этот звук показался громовым раскатом в окружающей тишине.

Прокользнув через дверной проем, король понял, что оказался в том самом зале, о котором говорила старуха. Он сразу же увидел ведущую наверх лестницу и осторожно начал подниматься по ней, держа меч наготове. Кулл ступал с величайшей осторожностью, стараясь, чтобы ни одна ступень не скрипнула под весом его массивного тела. Несмотря на внушительные габариты, король двигался легко, словно тигр, готовый в любой момент броситься на врага. Если бы даже на верхней площадке лестницы Кулла поджидали враги, они не услышали бы шагов варвара-атланта.

Так и вышло. Чернокожий слуга, стоявший в засаде, встрепенулся, лишь когда рука Кулла зажала ему рот. Король уже собирался оглушить своего противника, но тот ловко выскользнул из стальных объятий атланта. Огромный, голый, он, готовясь кочной схватке, смазал свою

кожу каким-то жиром, отчего его тело стало невероятно скользким. Схватив, его невозможно было удержать. Отскочив от Кулла, чернокожий выхватил огромный кривой меч.

Разрушив ночную тишину, сталь сшиблась со сталью. Противник Кулла обладал невероятной силой. Изо всех сил обрушил он свой клинок, собираясь разрубить атланта надвое. Но Кулл был опытным воином. Встретив удар противника, он в тот же миг нанес ему удар кинжалом, зажатым в левой руке. Его противник отступил на шаг, а потом, бездыханный, повалился к ногам короля Валузии.

Согнувшись над своей жертвой, Кулл на мгновение замер. Он боялся, что в доме поднимется шум, указывающий, что его обнаружили. Но вокруг по-прежнему стояла мертвая тишина.

Кулл скользнул к двери. Все чувства его были обострены, как это бывает у охотника, преследующего добычу.

Из запертой комнаты в конце коридора доносились едва слышные голоса.

— Что там за шум, дорогой?

— Пустяки, моя любовь...

Кулл замер. Медленно, словно огромный хищник, подкрался он к этой двери. Еще одно осторожное движение и... одним гигантским прыжком, настежь распахнув дверь, Кулл ворвался в комнату. Он не колебался ни секунды, взвешивая свои шансы... А ведь за дверью его вполне могла ожидать толпа убийц. Кулл был даже несколько удивлен тем, что ни один вооруженный воин не встал у него на пути.

Вместо этого король оказался в совершенно пустой комнате, залитой лунным светом, проникающим сквозь широко открытое окно. В первый момент король решил, что беглецы успели ускользнуть этим путем. Но, подскочив к нему и высунувшись наружу, Кулл понял, что люди, которых он преследовал, не могли удрать этим путем. Над окном нависал широкий карниз, на который сам Кулл при

всем своем умении лазить по скалам не смог бы забраться. Вниз уходила отвесная стена высотой метров двадцать. Даже если бы беглецы решили спрыгнуть вниз, они не успели бы скрыться в тени.

Пока Кулл стоял с обнаженным мечом и обдумывал, куда же могли подеваться беглецы, за спиной у него раздались голоса.

— Что там за шум, дорогой?

— Пустяки, моя любовь.

В первый момент Кулл подумал, что перепутал комнату и вломился не туда. Но в следующий миг он осознал, что говорили где-то совсем рядом. Кулл еще раз тщательно осмотрел комнату, и внимание его привлек огромный кувшин, стоявший на столе.

— Что там за...

Когда те же слова прозвучали третий раз, волосы Кулла встали дыбом. Он мог поклясться, что слова исходили из таинственного кувшина. Не раздумывая, атлант занес меч и изо всех сил обрушил его на волшебный сосуд. Кувшин взорвался фонтаном осколков.

И снова в здании воцарилась тишина.

— Колдовство! — медленно сквозь сжатые зубы пробормотал атлант.

Медленно, держа меч наготове и не спуская взгляда с того места, где стоял волшебный кувшин, Кулл попятился к двери. Выйдя в коридор, он прижался к стене и дрожащей рукой стер со лба холодной пот. Что-то тут было не так. Ренар определенно не был колдуном, а тем более очаровательная Лала-ах. Тогда откуда мог взяться колдовской кувшин?

И тут король вспомнил о том, что оставил снаружи пикта со старухой. Она-то наверняка знает ответы на все эти загадки. Слишком уж она хитрая. Переступив через мертвого слугу, Кулл стал быстро спускаться по ступеням.

Теперь у него не было причин скрываться. С грохотом выбив входную дверь, Кулл выскочил на улицу. Но ни

пикта, ни старухи нигде не было видно. Король замер, огляделся. Никого.

— Брул! — тихо позвал он, готовый в любой момент отразить вражеский удар.

Откуда-то из темноты донесся приглушенный стон.

Кулл медленно шагнул в тень и только тут заметил лежащего на земле человека. Король Валузии нагнулся, перевернул тело. Лицо Брула было мертвенно бледным, кровь застыла в уголках его губ. Король опустил взгляд и увидел рукоять ножа, торчащую из груди пикта. Но Брул был еще жив. Губы пикта едва шевелились.

Кулл наклонился к губам друга и только тогда рассыпал то, что шептал ему Копьейбой.

— Это была не старуха...

* * *

Ударом ноги распахнул Кулл двери дворца правителя Талунина. Не обращая внимания на испуганных слуг, он внес Брула в Зал Приемов. Согнав с широкой кушетки, устланной красным бархатом, полуобнаженную наложницу, Кулл бережно уложил на нее раненого друга. Он заботливо положил под голову пикта мягкую подушку, а потом повернулся к собравшимся слугам.

— Вы еще не разбудили вашего господина? — Голос Кулла гремел точно колокол. — Немедленно приведите его сюда! И вместе с ним лучших лекарей этого городишки! Если Брул умрет, то каждый второй из вас будет выведен на просушку на стенах этого города!

Видя перед собой полуголого гиганта в окровавленных одеждах, слуги зашевелились. Послали за придворным лекарем.

Тем временем вперед вышел начальник стражи Талунина. Видимо, когда-то это был могучий воин, но придворная жизнь, вино и женщины превратили его в толстяка, больше напоминающего винную бочку. Топорща об-

вислые усы, он чуть поклонился и спросил голосом человека, облеченнего властью.

— Кто ты такой, чужеземец? Как смеешь ты являться во дворец правителя и устраивать тут бедлам?

В ответ Кулл лишь криво усмехнулся, обнажив белоснежные зубы.

— Если ты, собака, не узнал меня, то можешь запомнить: меня зовут — Кулл из Атлантиды. Я правлю Валузией уже больше десяти лет. Еси ты не веришь мне, я могу предъявить охранные грамоты от вашего короля, но сначала я вырежу свое имя на твоей шкуре острием своего клинка.

Почтительно поклонившись, начальник стражи решил отступить. Видя, как играют мускулы под кожей темноволосого гиганта, он понял, что Кулл, если захочет, с легкостью воплотит в жизнь свою угрозу. Зачем же дергать спящего тигра за хвост? Пусть рабы приведут правителя, и он сам разбирается с наглым чужеземцем.

Но первым прибыл не правитель Талунина, а лекарь. Он оказался старым седым старикишкой со сверкающей лысиной, обрамленной пучками седых волос. Насильно вытащенный из постели, он явился во дворец правителя в длинном халате, из-под которого торчала ночная рубашка, доходившая старику почти до пят. Подойдя к раненому, он некоторое время смотрел на рукоять кинжала, торчащего из груди несчастного. Потом повернулся к Куллу. Казалось, этот старичок ничуть не испугался грозного воина.

— Что случилось с вашим другом?

— Я думаю, что его ударили ножом в грудь, хотя, быть может, это всего лишь легкая простуда? — ответил атлант. Вопрос старика сбил его с толку. Неужели лекарь и сам не видел, в чем тут дело.

— Необычный нож ударил его... — пробормотал старики. — Я давно не видел такого оружия. Такие ножи делают далеко на Востоке, за Черной рекой...

— Ты уверен, что этот нож с Востока? — взревел Кулл, схватив старика за отвороты халата.

— Да, мой господин. Но я думаю, вам не стоит меня убивать, потому что, если мы сейчас же не поможем вашему другу, может оказаться слишком поздно. Все дело в том, что его ранил не обычный, а волшебный клинок... Вы сможете мне помочь?

— Что я должен делать?

Лекарь подошел к раненому пикту.

— Сначала мы должны срезать с него всю одежду, чтобы обнажить рану.

Король Валузии согласно кивнул. Он вытащил кинжал и ловко распорол кожаную куртку Брула.

— Теперь нам нужно вытащить нож.

Кулл тут же взялся за рукоять, но лекарь остановил атланта.

— Я же сказал, что нож не простой, а волшебный, поэтому вытащить его из раны будет не так то просто. — Видя недоверие в глазах гиганта, стариочек продолжал. — Все дело в том, что клинок этого ножа вырезан из кости гигантского ящера. Он врастает в плоть человека, убивая его, превращая тело раненого в кость. Мы сделаем так: я стану вытягивать кинжал, а вы обрезайте ростки, которые он наверняка уже пустил в тело вашего друга.

После этих слов колдун засучил рукава халата. Руки у него были тонкими, но жилистыми. Уверенным движением взялся он за рукоять волшебного ножа, а Кулл застыл рядом с кинжалом наготове.

Старик медленно потянулся. Кинжал начал выхолить из тела пикта, но Кулл не увидел клинка — вместо клинка из раны показалось переплетение узловатых белых корней, обагренное кровью. Ловкими ударами Кулл отсек несколько из них. Пикт застонал, но лекарь, казалось, не обратил на этого никакого внимания. Повернувшись к застывшим слугам правителя, которые, открыв рты от удивления, следили за происходящим, лекарь приказал:

— Вместо того, чтобы выпучив глаза торчать и отвлекать меня, принесите жаровню с углями, котел с кипящей водой и много белой, чистой холстины.

Рабы и слуги тут же бросились выполнять распоряжения старика, а тот, подняв голову, внимательно посмотрел в глаза Куллу.

— Вы готовы?

Атлант кивнул, и тогда старик снова потянулся за нож. Волшебный клинок еще немного вылез из раны, и снова ловкими движениями Кулл отрубил отростки.

Свободной рукой варвар стер пот, заливающий ему лоб.

— А это не опасно, ведь ростки этой дряни останутся в теле Брула? — спросил он лекаря.

— Нет. Они постепенно растворятся, и даже помогут лучше зажить ране, но если бы я рывком вытащил клинок, открывшаяся рана оказалась бы слишком большой, и ваш друг погиб бы... Но продолжим.

Снова они склонились над телом Брула.

На то, чтобы вынуть колдовской нож, у них ушло около часа. Когда же последний дюйм колдовского клинка покинул плоть Брула, лекарь резко распрямился, держа в руках волшебное оружие. И, о ужас! Кулл увидел, как изгибается живой клинок, обагренный кровью пикта.

С отвращением лекарь швырнул в огонь колдовской нож. Раздалось громкое шипение, и по залу пополз тошнотворный запах горелой плоти. Лекарь склонился над пиктом, обрабатывая рану, а Кулл отошел в сторону.

Только сейчас он заметил невысокого, худощавого юношу, которому вряд ли исполнилось двадцать лет. Одетый в богатые одежды, он стоял в стороне, внимательно изучая могучего атланта.

— Рад приветствовать знаменитого Кулла, правителя Валузии, — поклонился молодой человек.

— Кто ты? — довольно грубо поинтересовался варвар.

— Я правитель этого города... Когда поднялась вся эта суматоха, я вызвал к себе начальников караула ворот, и

один из них во всем мне признался. Я отобрал у него вот это. — Тут юноша выудил из кармана золотой браслет Кулла.

— Ты зря лишил воина его награды, — сказал Кулл. Запустив руку в кошель на поясе, он достал несколько свитков и шагнув вперед, вручил их юноше. — Вот бумаги от вашего короля, которые разрешают мне и моим воинам беспрепятственно путешествовать по землям Зарфхана... А теперь я попросил бы тебя послать вестового в ближайшую рощу, расположенную за Западными воротами твоего города. Я хочу видеть Далгара и Келкора, двух старших офицеров моего отряда. И еще, пошли воинов к Восточным и Южным воротам. Сегодня ночью твой город покинула колдовская тварь, прикидывающаяся старухой. Я хочу знать, через какие ворота покинула она город и куда ведут ее следы.

Отдав необходимые распоряжения, юноша вернулся к Куллу.

— Пока мои воины спешат выполнить ваши просьбы, я хотел бы все-таки узнать, что же произошло в моем городе.

Кулл нахмурился.

— Дважды сегодня ночью я столкнулся с черным колдовством. Не знаю, связан ли с этими событиями тот человек, которого я преследую, но обидчик, кем бы он ни был, дорого заплатит за то, что ранил моего друга — Брула Копьебоя!

Глава пятая

Весь день Кулл подстегивал коня, стараясь нагнать беглецов. Он знал: в Зарфхан беглецы вернуться не рискнут. На севере катило валы своенравное опасное море, а на юге располагалась Турания — стародавний враг Фарсона, для беглецов оставалась только одна дорога — в Грондар.

Настал вечер, но Кулл гнал свою маленькую армию все дальше и дальше. Кони без устали неслись по равнине. Незаметно подкрались сумерки. В небе зажглись первые звезды, а вокруг по-прежнему расстилалась голая степь. Ни холмов, ни каких-то ориентиров...

Иногда Куллу казалось, что он снова попал в сети колдовства, что на самом деле они не скачут, а стоят на месте и цель их погони так же недостижима, как линия горизонта...

Быстро промелькнула ночь. Звезды поблекли, и рассвет залил небо кровавым пурпуром.

— Такой рассвет — предвестник битвы, — угрюмо пробормотал кто-то из воинов.

— Да. Кровь на небе говорит, что скоро землю зальет кровь людей... — вторил другой воин.

Бросив через плечо суровый взгляд, Кулл оборвал все мрачные разговоры.

После событий в Талунине, Куллу и самому все меньше и меньше нравился этот поход, но упрямая натура варвара не давала ему отступить, не позволяла свернуть в сторону

и отказаться от мести, тем более что где-то там позади, в городе, остался его верный друг — Брул Копьбой.

Вот вдали показались холмы. К вечеру они превратились в горы. За ними начиналась таинственная страна Грондар.

— Вы уверены, что Ренар и графиня не свернули в Турианию? — поинтересовался Келкор, нагнав своего повелителя.

Кулл задумался. Влюбленным логичнее всего было бежать в Грондар, но существовал шанс, что они свернут на юг.

— Мы уже обсуждали это, — спокойным голосом объявил он офицеру. — Мы поедем дальше на восток.

И все же Кулла мучили сомнения. Он покинул Талунин на рассвете, скакал больше суток, и все же влюбленные обгоняли его. Хотя влюбленные ли? После столкновения с черным колдовством сомнения закрались в душу правителя Валузии. Быть может, за всем этим скрывается коварный заговор? Кулл знал и Ренара, и Лалу-ах. Он мог поверить в то, что беглецы в отчаянии могли обнажить клинки против своего короля. Но магия... Да и зачем Ренару понадобилось оскорблять Кулла? Как-то странно все это выглядело.

Отгоняя сомнения, Кулл пришпорил коня...

Они сделали привал в низине у горных отрогов. Теперь горы нависали над путниками, вытянув к небу зазубренные пики. Они протянулись на много миль, образуя естественный рубеж Зарфхана на востоке. Через них вел всего один перевал, кроме того, которым собирался ныне воспользоваться Кулл.

* * *

Ранним утром, когда Хрустальный город — столица Валузии — еще спал, по улицам прошли отряды Алых Стражей. Но в этот раз воины не красовались своей бро-

ней, а одели длинные плащи, приглушающие звон доспехов.

Словно тени проскользнули они по улицам еще спящего города, с разных сторон подбираясь к небольшому домику — таверне «Клинки Острова Му», находившейся не подалеку от речных причалов. Таверна эта ничуть не выделялась среди двух десятков других — точно таких же заведений, разбросанных вокруг гавани, но именно на нее указал несчастный Тирон.

Прячась в тени, Стражи попытались подкрасться как можно ближе, постепенно сжимая кольцо. Ни один из заговорщиков не должен был уйти от справедливого возмездия.

Позади отряда воинов, подбирающихся к парадному входу — небольшой покосившейся двери, стоял Ту. Советник, хоть и не любил схватки, лично явился, чтобы проследить за арестом заговорщиков.

И вот один из Стражей, натянув капюшон плаща пониже, выскоcльзнул из тени и шатающейся походкой направился к двери. Ту знал, что в тот момент, когда кулак воина коснулся парадной двери, воины другого отряда бесшумно скользнули во двор трактира, через задние ворота.

Воину пришлось стучать минуты три, пока наконец не отворилось одно из окон второго этажа. Из окна высунулся заспанный трактирщик. Широко зевая он вначале потянулся, а потом, едва разлепив веки, посмотрел на наглеца, осмелившегося нарушить его покой.

— Ты чего, ошалел? — поинтересовался он у стражника.

— А-а-аткрывай! — пьяным голосом проревел воин.

— Трактир закрыт! Убирайся отсюда! Иди, проспись!

— Ты не посмеешь а-а-атказать солдату короля! Ты должен дать мне ха-а-атя бы один кувшин вина... И па-а-а-смотри... У меня есть деньги. — С этими словами солдат трясущейся рукой выудил из-за пазухи огромный кошелек.

Грубо выругавшись, трактирщик исчез в окне. Вскоре послышался скрип отодвигаемого засова. Трактирщик в длинной ночной рубахе шагнул вперед с кувшином вина в руке. Солдат, мигом прозревев, тут же приставил к его горлу длинный тонкий стилет.

— Тихо! Если закричишь, то умрешь на месте. Трактирщик замер на пороге, с удивлением уставившись на стражника.

— Но...

— Тихо, я сказал! — И острый кончик стилета слегка уколол несчастного в шею.

Тем временем полсотни фигур, выскользнув из ближайшего переулка, бросились к дому. Трактирщик, поняв, что происходит, невероятным образом выскользнул из захвата стражника. Скорее всего он хотел со всего размаха разбить кувшин о землю и хоть как-то попытаться предупредить заговорщиков, но Ту предусмотрел и такую возможность. Стоило трактирщику зашевелиться, как из его горла, откуда уже готов был вырваться пронзительный крик, выросла стрела. Лучники-пикты, расположившиеся на крыше соседних домов, не знали промаха. Не выпуская из рук кинжал, страж уже у самой земли поймал кувшин, выпавший из рук заговорщика, а другой подоспевший воин подхватил мертвое тело. Но худшее случилось мгновением позже. Когда дрожь предсмертной агонии прошла по телу трактирщика, голова его начала изменяться. Кожа на руках покрылась крошечными чешуйками. Мгновение... и Алый Стражник держал в руках труп одного из змеевидных. Все оказалось еще хуже, чем предполагал Ту. Вот тогда Главный советник пожалел, что Брул Копьебой — владелец волшебного браслета — отправился в поход вместе с Куллом...

Больше полусотни фигур в плащах исчезло в доме, и еще столько же осталось на улице, готовые в любой момент прийти на помощь своим товарищам. Сжимая в руках короткий меч, Ту подошел к мертвому врагу. Мгнове-

ние стоял он, разглядывая выпученные глаза твари, чуть приоткрытый змеиный рот, из которого вывалился черный, раздвоенный язык. Потом, тяжело вздохнув, Ту вошел в дом в сопровождении трех телохранителей. Если в заговоре замешаны змеелюди, то советник не мог доверять даже самым проверенным из своих людей. Под личиной любого из них мог скрываться ужасный враг.

В тот миг, когда Главный советник переступил порог, утреннюю тишину разорвал страшный крик. Где-то в глубине дома зазвенела сталь. Ту, увлекая за со Зой телохранителей, устремился через темный двор, ориентируясь на звуки схватки.

Промчавшись через залу, уставленную широкими дубовыми столами, он проскользнул мимо стойки в подсобные и жилые помещения дома. Тут же огромный полуголый здоровяк сбил советника с ног. Выпучив глаза от избыточной порции голубого лотоса, безумец размахивал огромным мясницким ножом. Клинок со свистом рассек воздух, едва задев плечо Ту. Советник уже решил, что настал его смертный час. Но безумцу не дали шанса нанести второй удар, меч одного из Стражей пронзил ему грудь, а меч второго застрял в горле.

Ту тяжело поднялся на ноги, потряс головой, пытаясь прийти в себя. Хотя чего он ожидал? Раз эта таверна и в самом деле логово заговорщиков, то никто не станет встречать его здесь с распростертыми объятиями. Осмотрев плечо, Ту с облегчением вздохнул. Нет, он не был ранен. Мясницкий нож лишь рассек богатые одежды придворного.

А где-то в глубине дома шла схватка.

Понимая, что нужно спешить, Ту махнул своим спутникам, но не успели они сделать и десяток шагов вглубь дома, как за спиной у них раздались странные звуки. Обернувшись, Ту увидел, как посреди зала открылся потайной люк, из которого один за другим стали появляться змеелюди. Но это были не слабые колдуны давно вымер-

шёй расы, а могучие воины, в серебристых панцирях с огромными зазубренными мечами. Как загипнотизированные смотрели люди на этих ужасных тварей. Каждая из них была на голову выше человека, а обнаженные шеи их раздувались, как у кобр.

Не заметив Ту и его охрану, они с шипением бросились к дверям таверны. Один из телохранителей хотел последовать за врагами, чтобы напасть на них с тыла, но Ту был уверен в воинах, оставшихся на улице. Даже если одна из тварей смогла прорваться сквозь кольцо окружения, лучники на крышах соседних домов не дадут ей далеко уйти.

Но стоило змеелюдям выбраться на улицу, Ту вернулся в зал и закрыл на засов дверь трактира, отрезая врагам путь к отступлению. Советника вовсе не интересовала битва. Алые Стражи и пикты отлично знали свое дело. Больше всего Главному советнику хотелось обнаружить бумаги заговорщиков — какие-нибудь письма, записки. Ведь, судя по тому, что удалось узнать палачам, многие придворные участвовали в заговоре. Но Тирон строил из себя пешку, не выдавая имена предводителей. Слишком рано оборвалась его жизнь...

Тяжело вздохнув, Ту подошел к люку, откуда только что выбрались змеелюди. Знаком он приказал одному из телохранителей взяться за массивное кольцо. Мышцы буграми вздулись на могучих руках воина, когда он поднял тяжелую дубовую крышку. Из темноты подвала на людей дохнуло отвратительным зловонием.

Взяв с ближайшего стола лампаду, Ту запалил фитилек и, осторожно нагнувшись, посветил вниз. Однако так ему ничего не удалось рассмотреть. Тогда советник кивнул одному из своих телохранителей. Воин, подхватив с соседнего стола другую лампадку, стал осторожно спускаться по ветхой лестнице, держа меч наготове.

— Осторожнее с огнем, — предупредил его Ту. — Может, там остались какие-нибудь бумаги...

Через мгновение стражник исчез в кромешной тьме, и только мерцающий огонек лампады говорил о том, что с ним все в порядке. Подвал оказался неглубоким.

За спиной советника раздались шаги, Ту повернулся и увидел, как в зал из глубины дома вышло несколько стражников. Они уже были без плащей. Щиты их были порублены, доспехи залиты отвратительной зеленоватой кровью.

Один из них — офицер — подошел к Ту.

— Мы всех убили. Невозможно было схватить их живым. Мы пытались, но это стоило жизни нескольким нашим людям.

Ту кивнул. Он знал, что захватить в плен змеевидей практически невозможно.

— А люди там были?

— Лишь пара любителей лотоса... Но я не думаю, что мы сможем узнать от них что-то важное.

Ту отвернулся, с надеждой всматриваясь в темноту подвала.

— Тут никого нет! — донесся снизу приглушенный голос воина. — Можете спускаться, советник, но, по-моему, тут нет никаких бумаг.

* * *

На перевале стояла небольшая сторожевая башня.

Издали завидев приближение Кулла, несколько всадников выехали ему навстречу. Вручив верительные грамоты, король Валузии поинтересовался, не проезжал ли кто за последнее три дня через перевал.

— Четверо путников, Ваше Величество, — ответил командир караула. — Я так думаю, что это была супружеская пара и двое слуг. У нас тут редко кто бывает. Так что мы пригласили их в нашу башню, но они отказались. Сослались на срочное дело... Однако какое срочное дело может быть у порядочных людей по ту сторону гор? Мне они сразу показались подозрительными, но... У меня не было

никакой причины задерживать их. Они заплатили налог за проезд — четыре десятка золотых, и я пропустил их через перевал...

— Как давно это было? — перебил неспешного рассказчика Кулл.

— Вчера на закате...

Кулл замер удивленный. Как могли беглецы так сильно опередить его? Ведь его отряд двигался очень быстро? Но потом, вспомнив о черном колдовстве и раненом Бруле, Кулл сжал узду коня так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Так вы не заедете к нам в башню? В наших краях редко бывают гости, а тем более столь важные персоны...

— Нет, — коротко ответил Кулл и, сделав знак своим людям, пришпорил коня.

Вихрем пронеслась колонна всадников мимо старой покосившейся башни — некогда могучей цитадели, разделявшей два государства, а ныне обветшалой постройки, которая, как казалось, готова была вот-вот рухнуть. Вперед уходила узкая дорога, петлявшая среди неприступных утесов. Еще четверть часа, и хребет остался позади. Кулл остановил коня. Справа и слева от него поднимались скалы, а от их подножия в бесконечность тянулось колышущееся море зеленои травы. По бескрайним просторам саванны бродили стада буйволов и оленей — но ни одного человека не увидел Кулл.

Солнце клонилось к закату, и воинам, следовавшим за Куллом, одинокая фигура верхом на коне представилась неподвижной черной статуей на фоне пламенеющего утра. Миг — и она исчезла из поля зрения всадников. Кулл, пришпорив коня, направил его по дороге, плавно уходящей вниз.

— Он скакет на восток, — перешептывались между собой Алье Стражи...

Солнце исчезло за горизонтом, когда воины спустились с гор.

— Прикажи пиктам Брула перекрыть дорогу к перевалу, — приказал Далгару Кулл. — Ренар и графиня вполне могли притаиться где-то здесь, среди отрогов. В Грондаре не любят чужеземцев. Быть может, беглецы только и ждут подходящего момента, чтобы повернуть назад, проскочив мимо нас. Ни один разумный человек Запада не отправится дальше на Восток.

— Но, Ваше Величество, вы ведь сами гоните нас... — попытался образумить короля Далгар. Но юноша сразу замолчал, встретив угрюмый взгляд Кулла. — Мы поймаем тех, кто имел наглость оскорбить короля Валузии и ранить его друга...

Пикты Брула, как рыщущие голодные волки, разъехались далеко на юг и север. В эту ночь они не зажигали костров, а затаились в ночи, словно хищники в засаде.

Ночь прошла спокойно, а утром один из охотников-пиков нашел следы четырех коней. Выехавшие вперед разведчики без труда двигались по следу, хорошо различимому среди высокой сочной травы. Беглецы, вопреки надеждам Кулла, отправились дальше на восток.

Несмотря на сжигавшее желание отомстить за раненого друга, король Валузии вынужден был заставить свой отряд ехать шагом. Он боялся, что пропустит то место, где беглецы повернут назад. Впереди лежали дикие, неведомые земли — там беглецы не могли найти надежного убежища.

«Удивительно, как Ренару, а тем более Лале-ах удается держаться в седле после такой многодневной скачки, — думал Кулл. — Это совершенно необъяснимо. Они должны были давно уже загнать своих коней... Да и графиня — женщина, привыкшая к удобствам, судя по всему больна...»

* * *

Кулл не стал отправлять гонца к правителью Грондара. Жители этой страны были диким народом, державшимся особняком от всего остального мира. Орды кочевников

иногда совершали набеги на южных соседей — Туранию и соседние княжества, проходясь огнем и мечом по пограничным селениям. Никто не знал, далеко ли простирается это царство на Восток. В Валузии существовали лишь легенды о том, что на Востоке Грондара протекает река Стагус. Говорили, что за ней лежит Край Света...

Несколько дней продолжалась утомительная скачка — и все впustую. Воины Кулла так и не нагнали беглецов. По пути им не встретилось ни одного человека.

Вдруг один из пиктов-разведчиков вернулся, что есть сил подгоняя свою лошадь. Он сообщил, что с севера приближается группа всадников. Кулл приказал своей армии прекратить движение и стал ждать. Незнакомые воины тоже не спешили подъезжать ближе. Они остановились на расстоянии чуть дальше полета стрелы. Но и на таком расстоянии король мог отлично рассмотреть статных грондарских воинов в кожаных доспехах, украшенных металлическими пластинами.

— Что скажешь, Келкор? — обратился Кулл к своему верному спутнику.

— Похоже, они не спешат нападать, Ваше Величество.

— Думаю, они удивлены нашим появлением, — добавил Далгар. — Насколько мне известно, с давних пор ни одна армия не вторглась в эти земли.

Кулл сдвинул шлем на лоб и задумчиво почесал затылок.

— Мы слишком мало знаем об этих краях, — медленно ответил он. — Подождем... посмотрим... Если мы до сих пор не нагнали беглецов, то лишний час задержки роли не сыграет.

Однако ждать пришлось недолго. Не прошло и трех минут, как от группы грондарцев отделился всадник. Не спеша выехал он вперед, широко разведя руки, показывая валузийцам, что у него с собой нет никакого оружия.

Кулл протянул Келкору свой меч и направил коня на встречу незнакомцу. Они встретились примерно на полпути между отрядами.

— Чужак, что ты делаешь в нашей стране? — надменным, хриплым голосом спросил грондарец.

Кулл решил, что перед ним пожилой воин, хотя и не видел лица собеседника, скрытого под кожаной маской, расшитой бисером. Король Валузии разглядел лишь раскосые глаза воина, поблескивающие белками через узкую прорезь.

— Я преследую преступника и его любовницу, — ответил Кулл. — Мы едем с миром. У моего королевства нет никаких счетов с Грондаром.

— Видно, далеко ты заехал в поисках преступника, воин, — так же надменно продолжал всадник. При каждом слове тонкая кожа маски, скрывавшей его лицо, шевелилась, словно гипнотизируя собеседника.

— Я еду на Восток, — с достоинством ответил Кулл. Грондарец едва заметно усмехнулся.

— Въезжающий в Грондар несет свою жизнь в своей правой руке.

— Тогда, клянусь Валкой, в моей правой руке достаточно силы, чтобы стереть в порошок половину Грондара! — взревел Кулл, теряя терпение. — Не вставайте у нас на пути, а то мы затопчем вас!

— Посмотрим, посмотрим, — зло проворчал грондарец, разворачивая своего коня. Мгновение — и он галопом поскакал к своему отряду.

Кулл с досадой ударил кулаком по луке седла. В душе он по-прежнему был варваром, привыкшим решать большую часть вопросов с помощью грубой силы. Он уже разворачивал коня, когда всадник, повернувшись, прокричал ему:

— Скачите, глупцы! Кто едет на рассвет, тот не возвращается.

* * *

В тот же вечер на привале погиб один из пиктов. Товарищи принесли его на плаще к костру Кулла. Из горла несчастного торчала стрела с черным опереньем.

— Кто это сделал? — спросил король, внимательно вглядываясь в суровые лица воинов.

Красные отблески костра делали лица пиктов еще более грубыми, чем при дневном свете. Они казались первобытными людьми, совсем недавно сменившими дубины на бронзовые мечи.

Один из воинов, поклонившись, выступил вперед.

— Стрела прилетела из степи, Ваше Величество.

Кулл кивнул. Он ожидал именно такого ответа. Потом, тяжело вздохнув, король Валузии мрачно взглянул на Келкора.

— А что скажешь ты?

— Не думаю, что положение такое уж серьезное, — подходя ближе, сказал командир Алых Стражей. — Грондарцы — дикое племя. Видно, сейчас их слишком мало, и они не рискуют напасть на нас в открытую. К тому же Алая Стража — тяжелая кавалерия. На равнине нашим воинам не будет равных... Я думаю, причин для тревоги нет. Но подобное, — тут он кивнул в сторону мертвого пикта, — случится еще не раз.

— Ты слишком равнодушен к смерти этого воина... — начал было Кулл, но Келкор покачал головой.

— Нет. Но если вы прикажете, оставив погоню, начать преследовать разрозненные кучки степных воинов, я буду против. Нам не удастся поймать их, если даже мы перебьем отряд-другой, все равно стрелы будут прилетать из степи и жалить воинов.

Кулл кивнул. Он был согласен с командиром Алых Стражей.

Вернувшись к костру, он присел у огня и, тяжело вздохнув, приказал:

— Удвойте посты. Предупредите всех. Но даже если гроидарцы будут гарцевать у вас на виду, не гонитесь за ними. Мы попробуем как можно скорее миновать эти земли. Беглецы опережают нас всего на день.

* * *

С той ночи грондарцы, подобно ястребам, все время кружились неподалеку от армии Кулла. За день гибло пять-шесть воинов. Один раз пикты устремились в погоню за степняками. Коварные грондарцы заманили воинов Кулла под настоящий ливень стрел. Король не стал наказывать ослушавшихся его приказа. Достаточным наказанием для них стали мертвые товарищи... Ночью, хоть Келкор и выставлял усиленные дозоры, гибло в два раза больше воинов. Путь через степи Грондара оказался поистине кровавым.

Сам же король, хоть и пребывал в мрачном расположении духа, боялся лишь одного — что грондарцы, кружая вокруг его армии, затопчут следы беглецов, которые по-прежнему на день опережали его отряд.

Равнина тянулась без конца и без края. Ни холмы, ни лес нигде не нарушали однообразного пейзажа. Временами всадникам встречались руины стертых с лица земли городов. Эти развалины были очень древними и напоминали Куллу о тех кровавых днях, когда предки грондарцев пришли в степи Востока и покорили исконных обитателей этих земель. Ни поселков, ни становищ грондарцев не встретилось на пути Алым Стражам — воины Кулла ехали через самую дикую, необитаемую часть страны.

Вскоре стало ясно, что Ренар не собирается поворачивать назад. След беглецов по-прежнему вел на Восток. Иногда Куллу начинало казаться, что графиня и ее любовник стремятся к какой-то определенной, ведомой только им цели.

Глава шестая

Грондарцы оставили отряд Кулла в покое, когда впереди показалась широкая, полноводная река.

— Вот мы и добрались до Черной реки, — проговорил Келкор, подъезжая к Куллу.

— Вижу, — угрюмо пробормотал король.

— Я надеюсь, мы не последуем за ними на восточный берег?

Кулл тяжело вздохнул.

— Меня оскорбили... Брул тяжело ранен... — При воспоминании об этом злые огоньки сверкнули в глазах Кулла. — Нет, я не стану прощать оскорблений.

— Люди говорили, что вода этой реки — ядовита!

Кулл пожал плечами.

— Может, и так... Но все равно. Если мы решили наказать наглеца, то мы его накажем.

— Упорство дикаря, — мрачно пробормотал Келкор. — Подумайте, Ваше Величество. Мы можем сгинуть в неведомых землях...

— А ты, что скажешь, Далгар?

Юноша нахмурился. Он долго молчал, глядя на зловещую черную ленту реки.

— Алые Стражи последуют за вами, куда бы вы ни направились, Ваше Величество. А если нам суждено пасть на этих равнинах. Что ж...

— Так и будет, — вздохнул Кулл.

— Но если вода в этой реке ядовита, то как же беглецы переправились на ту сторону?

— Если они нашли способ переправиться на другой берег, то найдем его и мы. Пока же нужно удостовериться, что Ренар и графиня не обманули нас и по-прежнему едут на восток. Хотя я до сих пор не могу понять, что им там нужно. Уверен, Ренар тоже не знает этих мест. К тому же он едет всего с двумя слугами, и если столкнется с какой-нибудь опасностью... Я до сих пор удивляюсь, как ему удалось избежать стрел грондарцев? Ладно, когда мы схватим его, то все узнаем. А пока, разошлите патрули вдоль берега. Пусть они поищут то место, где беглецы вошли в воду, но сами к воде не приближаются. Да не забудьте предупредить людей, чтобы никто не пил воды из Черной реки.

Келкор отъехал, чтобы отдать соответствующие распоряжения, а Кулл еще долго вглядывался в горизонт, пытаясь разглядеть то, что лежало по ту сторону широкой черной ленты.

* * *

Вскоре вернулись разведчики, доложив, что в паре лиг к северу они обнаружили старый дом, где, судя по всему, живет перевозчик.

Армия Кулла повернула вдоль реки, и вскоре вдали показался большой дом, сложенный из огромных, почерневших от времени глиняных кирпичей. Крыша была крыта желтой соломой.

Неподалеку от дома находилась маленькая пристань, возле нее покачивалась огромная плоскодонка без мачты. На носу судна был вырезан человеческий череп. Рядом с лодкой стоял человек — древний, как само Время. По телосложению он ничуть не уступал Куллу. Одетому на нем рубищу, казалось, не меньше лет, чем самому старику. Однако было что-то величественное и внушающее трепет в облике этого человека, в его ниспадающих на плечи, бе-

лых как снег волосах и огромной белой нечесаной бороде, спускающейся до пояса. Из-под кустистых седых бровей сверкали проницательные глаза.

— Небольшая армия, — неспешно протянул он густым басом. — Вы все собираетесь пересечь реку?

— Да, — кивнул ему Кулл. — Но, надеюсь, мы и сами справимся.

— Вода в реке ядовитая, — все так же неторопливо проговорил стариk. — А кроме меня, вы в этих краях другого перевозчика не найдете.

— Мы поговорим об этом чуть позже, — продолжал Кулл. — Вначале скажи, не просил ли кто в последние дни перевести их на тот берег?

— Вчера я переправил на тот берег мужчину и женщину с двумя слугами.

— Валка! — воскликнул Кулл. — А этой парочке не откажешь в отваге! Скажи, перевозчик, какие города лежат на том берегу.

— За Черной рекой нет городов, — промолвил старец. — Здесь проходит граница Грондара — и всего мира!

— Как! Значит, перед нами и правда Статус?

— Да, чужеземец. Здесь конец мира — на той стороне страна мрака и волшебства, граничащая с Краем Земли. Ты ведь, судя по всему, слышал и об этой реке, и обо мне — Кароне-перевозчике.

— Похоже, ты очень стар, — сказал Кулл с любопытством. Собравшиеся вокруг воины взирали на паромщика с изумлением, дикиари пикты — с суеверным страхом.

— Да... Я последний из древней расы, что правила миром задолго до возникновения Семи Королевств. Тогда не было ни Грондара, ни Зарфхана... Много воинов и много королей перевез я на тот берег. Много странных существ на этот... Но знайте: человек, который едет на Восток, никогда не возвращается обратно! Из многих тысяч людей, переправившихся на ту сторону Стагуса, назад вернулись единицы. Однажды я переправил на тот берег армию Гаара

Завоевателя. Он, мечтая покорить весь мир, повел свои армии на Край Света. Семьдесят дней перевозил я его воинов. Ни один из них не вернулся. А через день, после того как армия покинула берег Стагуса, началась битва. Шум ее и звон мечей доносился из пустыни от рассвета до заката, но когда в небе засиял желтый глаз луны, все стихло... Безвестные кошмары таятся в тех землях, и не раз видел я кошмарные очертания в вечернем полумраке и серых тенях раннего утра. А о тех тварях, что мне порой проходится перевозить на этот берег из-за реки, я вообще говорить не стану...

Кулл в изумлении посмотрел на старика. Имя этого человека ему ничего не говорило. Когда же Карон замолчал, Келкор обратился к старику:

— Эти двое — мужчина и женщина, о которых ты говорил, наши враги. Мы гонимся за ними. Ты уверен, что перевез их на тот берег?

— Конечно. Женщина была совсем больна. Она едва держалась в седле. Ее спутникам пришлось привязать несчастную к седлу. А кони... Давно я не видел таких усталых скакунов. Кожа и кости...

— Мы гонимся за ними из самой Валузии, — объяснил Келкор.

В ответ на это старик лишь пожал плечами. Видимо, он никогда не слышал о королевстве Кулла.

— Так вы поедете на тот берег? — поинтересовался перевозчик.

Тогда Кулл повернулся к воинам, сгрудившимся у него за спиной.

— Послушайте, — обратился он к пиктам и Алым Стражам, — вы долго верой и правдой служили мне. Благодарю вас за это. Вы отправились со мной в этот поход, и вот мы очутились на берегу Стагуса. За рекой лежат неведомые земли, скорее всего полные опасностей... Тут я не могу приказывать вам. Каждый из вас волен сам выбрать, пойдет ли следом за мной или останется здесь, на берегу,

под командованием Далгара. Что же до меня самого, то я поеду и дальше по следу Ренара, даже если тот приведет меня в ад или еще дальше. Но никого неволить идти со мной я не стану. Те, кто не кочет продолжать поход, останутся здесь и будут два месяца ждать моего возвращения. Если же я не вернусь, то они сами отправятся через земли Грондара назад, в Валузию, и да поможет им Валка.

Когда король замолчал, к нему обратился Далгар:

— Ваше Величество, неужели я чем-то прогневал вас?

— Нет, — недоумевая, ответил ему король.

— Тогда зачем вы оставляете меня тут и не хотите брать с собой?

— Ты еще слишком молод, — холодно объявил Кулл, а потом тихо, так, чтобы не слышали другие, добавил: — Ты же слышал, что за рекой лежат неведомые земли. Быть может, мы все погибнем. Ты же еще слишком молод, чтобы умереть. Дома, в Хрустальном городе, тебя ждет красавица жена... Надеюсь, ты меня понял, и нам не придется снова возвращаться к этому разговору. К тому же мне нужен верный человек, пользующийся среди воинов достаточным авторитетом, чтобы без особых потерь привести назад тех, кто останется в живых... А подвигов и на твою жизнь вдоволь хватит. К тому же, насколько видно с этого берега — впереди нас ждут выжженные земли. Там мы с легкостью можем потерять след Ренара. Беглецы могут сделать крюк и вернуться к переправе. И тогда ты схватишь их.

Далгар тяжело вздохнул и отъехал в сторону, низко опустив голову. Кулл же вновь повернулся к паромщику.

— Ты переправишь нас на тот берег завтра на рассвете. Но вначале я должен узнать, сколько ты берешь платы?

— Серебряную монету с каждого воина и медную с каждой лошади.

— Хорошо, — кивнул Кулл.

* * *

Когда совсем стемнело и звезды яркими огоньками засияли над бескрайней равниной, Кулл и Келкор в сопровождении нескольких воинов Алой Стражи, выйдя из лагеря, направились в сторону реки. Подойдя к воде, они остановились на невысоком, поросшем травой пригорке.

— Я все же сомневаюсь в том, что такая глубокая и быстрая река может оказаться ядовитой!

— Да. Перевозчику выгодно запугать нас, иначе он может лишиться работы.

— Конечно, — согласился Кулл. — Приведите одну из лошадей. Попробуем загнать ее в воду. Если все так, как говорит Карон, животное погибнет, а если нет, мы сможем переправиться и сами. Зачем нам платить какому-то старику?

— Никогда не думал, что вы такой жадный, — иронично заметил Келкор.

— Деньги, они — как вода, — отмахнулся Кулл. — Но если даже за мной последуют всего сто воинов, старику потребуется целый день, чтобы переправить нас на тот берег. Мы застрянем у его перевоза, а Ренар тем временем уедет неведомо куда, и ищи ветра в поле...

Тем временем воин подтащил упирающегося коня.

— Загоните его в воду, но сами будьте осторожны, — приказал Кулл воинам.

Двоих Алых Стражей выставив вперед короткие копья, стали загонять коня в темную воду. Животное, поняв, чего от него хотят, стало хрипеть, пятиться, бить копытами. Но воины знали свое дело. Наконец, смирившись со своей участью, конь осторожно ступил в реку.

Все собравшиеся на берегу замерли, затаив дыхание. Конь стоял в воде, переминаясь с ноги на ногу.

— Вроде с ним все в порядке, — тихо пробормотал Келкор.

— Загоните подальше, — приказал Кулл. Стражники остановились у края воды, не спеша входить в реку. И вдруг конь дико заржал. Он рванулся было к берегу, но не

смог сделать и шага. Ноги его подкосились, и он повалился в бурую воду на мелководье, дико лупя по воздуху копытами. В темноте было не разобрать, что происходит.

Выхватив горящий факел сухого тростника у ближайшего воина, Кулл рванулся вперед. Келкор, выхватив меч, последовал за королем. Встав у самой воды, Кулл внимательно всматривался в воду, бурую от крови. Да, в воде кто-то двигался. Множество маленьких рыбок! Река буквально кишила ими. И эти рыбки острыми, как бритвы, зубами рвали на куски несчастное животное. С тех пор как животное упало в воду, прошло несколько мгновений, но копыта коня уже перестали дергаться. С ужасом люди наблюдали за происходящим.

Прошло несколько минут, и перед ними в воде лежал скелет лошади. На костях не осталось ни кусочка мяса.

— Впечатляет, — только и сказал Кулл, бросив в воду догоревший пучок тростника.

* * *

Утром выяснилось, что с Куллом на другую сторону реки отправляется чуть больше сотни воинов и десяток пиктов, жаждущих отомстить за рану своего предводителя. Хмурым взглядом обвел старец воинов Кулла.

— Мне казалось, вчера вас было намного больше.

— Я не хочу, чтобы сразу погибли все мои люди, — с улыбкой ответил ему Кулл.

— Разумно, — вздохнул стариk. — За раз я буду брать на борт десять всадников. Пусть те, кто поплывут первыми, поднимаются на борт.

Кулл кивнул и одним из первых направил жеребца по дощатому настилу.

Оказавшись на борту, Кулл удивился. Накануне он с сомнением рассматривал гигантскую плоскодонку Карона, но только теперь король понял, что это очень крепкое и древнее судно. Подъехав к носу, он замер, рассматривая нос лодки, выточенный в форме человеческого черепа.

— Мрачная символика, — заметил король, когда следом за ним на борт въехал Келкор.

— Да. И судя по всему, впереди нас не ожидает ничего хорошего, — заметил предводитель Алых Стражей.

— Я смотрю, дневной свет не развеял твоих мрачных мыслей.

— Никак не могу забыть гибель коня, — вздохнул Келкор. — Никто не может назвать меня трусом, но как представляю, что под ногами моего жеребца под тонким дном этой посудины ждут добычи тысячи острозубых рыбин...

Кулл осторожно слез с седла и, придерживая коня, уставился на противоположный песчаный берег.

— И все же я никак не могу понять, что гонит Ренара на Восток. Мне кажется, что он торопится в какое-то определенное, только одному ему известное место...

Когда первые десять всадников поднялись на борт, Карай втянул сходни и, встав на корме плоскодонки, опустил в воду длинное широкое весло. Ловко орудуя им, он развернул лодку и направил ее к таинственному дальнему берегу.

Часть вторая ЗЕМЛЯ КОЛДОВСТВА

Глава первая

Кулл ничего не знал о землях, лежащих за Стагусом — Черной рекой, — зловещей лентой протянувшейся с севера на восток через бескрайние равнины Грондара. Неизвестно откуда она брала исток и куда впадала. На восточном берегу реки начиналась таинственная страна, которая, как говорили, граничила с Краем Земли. Земля эта, в отличие от западного берега, была выжженной. Лишь кое-где из потрескавшейся земли торчали сухие желтые стебельки. При виде этой равнины сердце бесстрашного короля Валузии сжалось. Может, прав был Келкор: нужно было забыть об оскорблении и, смирив гордыню, пока не поздно, повернуть назад?

Но вот уменьшившийся больше чем втрое отряд Кулла переправился через реку, и Келкор расплатился с паромщиком, отсчитав ему звонкие монеты валузийской чеканки. Воины выстроились в походную колонну. Всадники, закованные в алые доспехи, вокруг которых вились два десятка лучников-пиктов, продолжили погоню.

— Мы можем ехать, — объявил он наконец, подъезжая к королю.

Кулл тяжело вздохнул, последний раз взглянул на противоположный берег Стагуса. Там, на причале, укутавшись в серый плащ, застыла одинокая фигура Далгара. Юный воин прощался со своим повелителем. Кулл снова вздохнул, потянулся, его могучие плечи распрямились.

— Вперед! — скомандовал Кулл своим солдатам. — Вперед! Нас ждет неизведанная земля!

* * *

Впервые Лала-ах пришла в себя на борту судна Карона. Плеск воды стал раздражителем, который помог ей пробудиться от сна, вызванного ядом.

Старинный дом в Талунине, долгая скачка по равнинам Грондара — все это напоминало графине странный сон. Ей казалось, что, стоит ей только хорошенько потянуться, и она проснется. Тогда весь кошмар бесконечного путешествия окажется позади, а она снова очутится в своем уютном, хорошо знакомом дворце, в Хрустальном городе. Снова станет кружить в танце. И никаких змеелюдей! Никаких чудовищ.

Девушка потянулась, но ничего не случилось.

Ужасный сон не желал отступать.

* * *

Было уже за полдень, когда один из пиктов закричал, подзывая Кулла и Келкора. Пришпорив коней, Кулл и его спутник вырвались из общего строя и подъехали к разведчику. В первый момент они не поняли, что так взволновало невозмутимого пикта.

— Смотрите, след! — проговорил пикт, тыча пальцем в землю.

Сначала Кулл не понял, в чем тут дело, перед ним в земле было большое углубление длиной в пять-шесть локтей. И только приглядевшись повнимательнее, варвар понял о чем пытается сказать ему разведчик. Углубление, возле которого они остановились, и было следом — следом гигантской трехпалой лапы! Но какого же размера должна быть тварь, оставляющая такие следы?

— Что вы думаете об этом? — поинтересовался у короля Келкор.

— Невероятно! Поистине это проклятая, колдовская земля, если по ней бродят такие чудовища! — Потом Кулл повернулся к разведчику: — Ты уверен, что это след?

Разведчик кивнул и, отъехав на добрый десяток метров, махнул королю, приглашая его следовать за собой. Там на земле был еще один гигантский след. Какой-то гигант прошел по равнине, и твердая, как камень, земля прогнулась под его чудовищным весом.

— Не хотел бы я встретить этого великана, — недовольно проворчал Келкор.

— Я думаю, не стоит никому рассказывать о следах, — обратился король к разведчику и Келкору. — Подобных чудовищ не существует. Следы на земле еще ни о чем не говорят. Мы в колдовской стране. Тут возможны любые мороки... Я много раз сталкивался с колдовством, и никогда ни одно из них не могло устоять против стального клинка... — На мгновение Келкору показалось, что Кулл говорит для того, чтобы убедить себя, а не своих спутников.

— Но ходят легенды, что в древности на Земле обитали ужасные создания, — попытался возразить военачальник.

— Тут, на Востоке, могли сохраниться, например, драконы...

— Огромные крылатые чудовища? — с наигранным смехом воскликнул Кулл.

— На вашем месте я бы не стал смеяться, — возразил Келкор.

— Посмотри на эту равнину. Выжженная земля. Тут нет ни воды, ни пищи. Если бы здесь обитали такие гигантские звери, то чем бы они питались?

Келкор лишь пожал плечами. Варварское упрямство Кулла ему не нравилось.

— И все же...

— Давай не будем гадать, — оборвал Келкора король.

— Не стоит заранее пугать людей. Если такая тварь встре-

тится нам, то тогда мы и будем думать о том, что с ней делать.

— Но нельзя же молчать...

— Если мы расскажем о нашей находке, то третья воинов повернут назад, — оборвал Кулл своего спутника, — а их и так осталось мало. Если же беглецы и в самом деле приехали сюда в надежде обрести могущественного покровителя, то мы можем потерпеть поражение.

Король замолчал, рассматривая огромный след, потом не спеша потянул поводья и направил скакуна вслед удаляющемуся отряду.

* * *

Вечером король приказал разбить лагерь. В эту ночь костров не жгли — воины берегли скучные запасы топлива, что прихватили с собой с другого берега. Угрюмые, расселись они на земле. Разговоров не было. Слишком уж зловещей казалась пустыня.

А утром Алых Стражей ожидала еще одна неприятная находка. Видимо, усталые разведчики не заметили ее вчера в сумерках, хотя невозможно было не заметить на плоской, как блин, равнине трехметровую пирамиду, сложенную из выбеленных ветрами и солнцем человеческих черепов.

Долго стояли воины, рассматривая ужасный памятник, воздвигнутый неизвестно когда посреди пустыни. Сколько народу нужно было перебить, чтобы сложить такую пирамиду? Кто это сделал? Зачем? Быть может, какой-то злодей пытался таким ужасным памятником очертировать границы своих владений? Где тела убитых? Выкопать могилу в ссохшейся, как камень, земле было невозможно...

Кулл старался отогнать подобные мысли. Сейчас он вновь превратился из благородного короля в варвара из Атлантиды, ступившего на тропу войны, готового в любой момент отразить нападение.

И ему не пришлось долго ждать...

* * *

Де Латом, отшвырнув в сторону слугу, пытавшегося заградить ему дорогу, стрелой взлетел по лестнице и, распахнув двери, ворвался в дом барона Блала.

Еще несколько рабов и слуг попытались заступить ему дорогу. Но они разлетелись в разные стороны, словно кегли. Де Латома ни могло ничто остановить. Он напоминал гиппопотама в зарослях речного тростника.

— Я хочу видеть этого труса! — взревел он. — Где ты, Кануб? Лучше выходи сам, иначе я доберусь до тебя и за волосы вытащу тебя из норы!

Стоило эху крика смолкнуть под высокими сводами Приемного Зала, как на площадке второго этажа появился барон, укутанный в толстый, теплый халат.

— Вам же должны были передать, что я — болен.

— Послушай, Кануб, я не хотел бы говорить тут, где слишком много ушей, но поверь мне, когда ты узнаешь новости, то все твои болячки мигом пройдут.

— Хорошо, поднимайтесь, — обреченно кивнул барон.

Де Латом прошествовал за бароном по длинному коридору второго этажа, когда же они зашли в кабинет Кануба, барон плотно прикрыл двери. Только сейчас заговорщик увидел, что лицо Кануба от страха побелело, как мел. Но де Латом получил четкие инструкции от графа Фанара.

— Пришло время бросить вызов судьбе! — громогласно объявил он.

Барон сразу стушевался. Он боялся именно этого.

— Не уверен... — тихо пролепетал он. — Вы же знаете, Ту разгромил несколько убежищ наших союзников. Этот старик слишком хитер...

— А Кулл был для тебя слишком силен, — передразнил его де Латом.

— Да, но... — замялся барон.

— Никаких но! — горячо воскликнул де Латом. — Узурпатора теперь нет. Никто из людей еще не возвращал-

ся из владений Шашонга. Так неужели какой-то полоумный старик помешает нам захватить власть!

— Ту — не полоумный. Этот хитрый советник пережил уже несколько королей Валузии. К тому же на его стороне Алые Стражи.

— Я думаю, ему недолго осталось жить. Наши союзники уже послали к нему десяток убийц. Ту — не Кулл. Он не сможет разметать противников несколькими взмахами топора... А Алые Стражи — они всего лишь воины. Поверь мне, барон, наши отряды ничуть не хуже. К тому же колдовской колокол вновь висит в Храме Великого Змея. Стоит ему зазвонить, и весь город возьмется за оружие.

— Ну, хорошо. Когда захватите власть, я приду, чтобы править королевством.

— Если мы захватим власть без тебя, ты нам будешь не нужен, — фыркнул де Латом. — Мы согласились посадить тебя на трон за то, что ты поможешь поднять народ. Призвать к восстановлению законной власти. Ведь ты родственник убитого Куллом короля Борна. Если внимательно рассмотреть генеалогическое древо королевского рода Валузии — ты прямой наследник.

— Но Ту...

— Ту через несколько часов будет мертв. Так что собирайся. Пора выступать!

Кануб обречено кивнул.

* * *

Через несколько часов после того как пирамида черепов осталась далеко позади, один из разведчиков заметил в небе одиночную птицу. Скоро ее уже видели все, но никто из воинов Кулла не смог определить, что это за птица. На блеклом выгоревшем небе не было никаких ориентиров, чтобы оценить ее размеры, но что-то в очертаниях и манере полета казалось непривычным, отвратительным. К тому же она стала кружить над отрядом Кулла.

Кулл и Келкор долгое время рассматривали парящее в вышине существо.

— Не нравится мне все это, — проворчал могучий войн. — Такое впечатление, что она подает кому-то сигнал. Если Ренар бежал в эти края... Мне кажется, что нас хотят заманить в ловушку...

— Еще один заговор?

— Все может быть. Так или иначе вы покинули Валузию...

— Может, ты и прав, Келкор. — И, повернувшись к своим воинам, Кулл приказал: — Одеть броню! Приготовиться к битве.

Через мгновение к королю на взмыленном коне подлетел один из пиктов.

— Кто-то приближается с востока. Там — огромное облако пыли.

— Ну вот, наконец-то мы узнаем, кто наш настоящий враг, — грозно сказал Кулл, сжав рукоять меча.

Согласно приказаниям Келкора, Алые Стражи выстроились полумесяцем. Два десятка лучников пиктов разместились на правом фланге, Кулл, Келкор и десяток самых могучих воинов из крошечной армии Кулла — на левом.

Вскоре на восточном горизонте показалось облако пыли. Кулл слез с коня и приложил ладонь к земле. Черная, потрескавшаяся земля дрожала. К ним приближалась поистине великая армия. Отряд Кулла был слишком мал, чтобы противостоять даже нескольким тысячам воинов.

Кулл вскочил в седло и, выхватив меч, замер в тревожном ожидании, вглядываясь вдаль. Король Валузии побывал во многих битвах и сейчас чувствовал: что-то в приближающейся армии не так. Чего-то не хватает. Конечно! Не звенит оружие. Не сверкает в лучах яркого солнца броня! Да и топот надвигающейся живой лавины не похож на привычный топот конских подков. Однако из-за густых клубов пыли король ничего не мог рассмотреть. Впервые

за много лет и битв королю Валузии захотелось развернуть коня и помчаться назад, к Черной реке. Но повернуться к врагу спиной... Нет! Кулл взмахнул рукой, и воины в алых доспехах опустили пики. Еще один взмах меча, и его отряд поскакал вперед, постепенно набирая скорость. Копыта валузийских коней выбивали барабанную дробь по черной земле пустыни.

— Похоже, это наша последняя битва, — перекрывая стук копыт, прокричал Келкор.

И тут на мгновение облака пыли, поднимавшейся из-под копыт вражеской армии, разошлись, и Кулл увидел врагов. Сердце его сжалось. Это была не армия, а стадо самых невероятных существ. Подобных тварей Кулл никогда не видел. Они были не слишком большими — размером с всадника — и чем-то одновременно напоминали и драконов из древних легенд и змеевлюдей. Твари передвигались на могучих задних лапах, прижимая уродливые передние конечности к чешуйчатым животам. На тонких шеях покачивались непропорционально огромные головы с чудовищными клыками. Позади каждой твари по земле волочился длинный хвост. Но у атланта не было времени рассматривать надвигающихся чудовищ. В какой-то момент ему показалось, что на спине одного из ящеров сидит всадник. Однако Кулл решил, что ему померещилось.

То, что король Валузии принял за вражескую армию, оказалось стадом плотоядных тварей. Сворачивать с их пути было уже поздно, и Алые Стражи врезались в самую гущу чудовищ, которых, по самым скромным подсчетам было более десяти тысяч. Копья сломались в первые несколько секунд, и воины обнажили мечи.

Кулл одним взмахом снес голову ближайшему хищнику. Но не успел поднять клинок для следующего удара, как в корпус его коня врезалась одна из тварей. Удар был страшен. Кулл увидел окровавленную морду ящера, вырвавшего огромный кусок мяса из бока коня. Он потянулся, целя острием своего клинка в глаз твари, но удар длин-

ногого хвоста смел короля. Пролетев несколько метров, Кулл со страшной силой врезался в землю, чудом не попав под ноги зубастых чудовищ. Мир закружился перед глазами Кулла, и король потерял сознание.

Невероятная битва закончилась в несколько секунд. Армия ящеров промчалась дальше, оставив за собой окровавленные туши своих соплеменников и растоптанные тела Алых Стражей.

И тогда огромная птица, все это время парившая и вышине, стала снижаться...

Глава вторая

— Похоже, он еще жив!

— Забавно. И в этот раз смерть не забрала этого атланта.

— Да, хотел бы я обладать таким везением...

— Или его живучестью.

Говорили на грондарском. Голоса были странными, чуть шипящими. Кулл, подчинившись некоему таинственному чувству, не раз спасавшему ему жизнь, решил пока не открывать глаза, не показывать, что он пришел в себя. Вначале ему хотелось понять, что же все-таки произошло.

— Посмотрите-ка! Тут есть еще живые, — прокричал кто-то издалека.

— Оставь их! Солнце и ветра сделают свое дело. Ни один из этих людышек не вернется к берегам Стагуса.

Стагус! Это слово прозвучало для Кулла словно заклятие. Оно подобно волшебному ключу распахнуло врата памяти, и атлант тотчас вспомнил долгую погоню, путешествие по выжженной пустыне, чудовищное стадо ящеров...

Медленно и осторожно король приоткрыл один глаз, и первое, что он увидел... Нет! Такого быть не могло. На какое-то мгновение Кулл решил, что бредит, что все еще не пришел в себя и видит жуткий сон.

Неподалеку от него стояло самое ужасное чудовище из тех, что видел король за свою жизнь. Настоящий дракон, в

точности такой, как описывали старинные легенды. Вытянутая голова, пасть, усеянная множеством острых, мелких зубов, длинная, змеиная шея, огромные кожистые крылья, сложенные за спиной, длинный хвост с утолщением на конце... Но что самое удивительное — на спине дракона был укреплен паланкин — удивительное сооружение из ярких ковровых тканей и толстых бамбуковых палок.

Кулл попытался пошевелиться, но почувствовал, что руки его крепко связаны за спиной.

— Смотри-ка, король очнулся, — усмехнулся кто-то. — Поднимите его. Пора улетать отсюда.

Шаги раздались над самым ухом Кулла, и тут он увидел своих врагов. Это были змеелюди в длинных, расшитых бисером халатах, чем-то напоминавших одежды кочевников Грондара. Они чувствовали себя совершенно свободно, ничуть не скрывая своей внешности.

— Ташите его на спину Младшего Брата. Наш король обрадуется такой добыче.

Два огромных змеечеловека подхватили Кулла под руки и поволокли к дракону. Король понимал, что попал в руки врагов, но у него не было возможности сопротивляться: он был надежно связан. Очутившись в паланкине на спине чудовища, Кулл наконец-то смог сосчитать своих противников. Их оказалось всего пятеро. Эх! Если бы у него были свободны руки, он с легкостью прикончил бы тварей... К тому же один из змеелюдей оказался... женского пола. Змеедева — так про себя окрестил ее атлант. Если бы она не принадлежала к извечным врагам рода человеческого, Кулл счел бы ее красивой. Красота змеедевы была сродни кошачьей, а черты лица хоть и напоминали змеиные, все же таили в себе некое очарование, готовое разжечь пламя страсти в сердце любого мужчины. Одежды ее скорее не скрывали, а подчеркивали прелести женской фигуры, и если бы не зеленоватый от свет чешуи, заменяющей кожу, змеедева вполне могла бы в сумерках сойти за обыкновенную женщину. В руках у нее был длинный

гибкий шест, увенчанный на конце несколькими толстыми шипами.

Командовал отрядом старый воин, явно занимающий в иерархии змеевидных высокое положение. Его халат был расшит золотым бисером, сам он держался чуть надменно, свысока глядя на своих спутников Его собеседник выглядел много моложе. Его чешуя казалась совсем нежной и не приобрела еще желтоватого оттенка, присущего старым тварям. Тем не менее он тоже старался держаться с достоинством, хотя в его движениях то и дело проскальзывала юношеская угловатость.

Затащив Кулла в паланкин, змеевидные забрались следом, а змеевушка уселась в специальное кресло, укрепленное на шее крылатого чудовища. Взмахнув шипастой палкой, она громко выкрикнула какую-то странную команду и изо всех сил обрушила необычное оружие на голову крылатой твари. Дракон пришел в движение. Медленно привстав на четырех лапах, он, широко раскрыв крылья, лениво побежал по равнине. Толчок, и, оторвавшись от земли, змей вззвился в воздух.

Кулл замер. Его армия была уничтожена. Он сам оказался в плена у своих злейших врагов. Такого Кулл не мог вообразить себе даже в самом кошмарном сне. Ему казалось, что стоит только проснуться... Нет. Все происходящее было реальностью. К тому же Кулла очень огорчала гибель Келкора. Хотя, быть может, могучий лемуриец тоже выжил во время атаки ужасных чудовищ. Может, змеевидные, обнаружив его, так обрадовались, что не стали столь уж тщательно обыскивать поле «битвы»?

— Похоже, он все-таки умер, — заволновался молодой змеечеловек.

— Нет. Этот атлант цепляется за жизнь с завидным упорством. Ему предначертано умереть на алтаре Великого Змея. Так оно и будет.

— Скорее всего, король устроит пышный праздник.

— Да...

Кулл не стал прислушиваться к разговору змеелюдей. Самое главное он уже узнал. Его собирались принести в жертву. Грустная перспектива. Надо попытаться освободиться и сбежать. Но Кулл все же решил пока ничего не предпринимать. Разве смог бы он сам управиться с драконом?

Полет тянулся бесконечно. Было очень жарко, и Кулл изнемогал от жажды, но ни одного слова мольбы не сорвалось с его потрескавшихся губ. А змеелюди, казалось, забыли о нем. Господа беседовали о придворных красавицах и обмывали косточки общим знакомым, то и дело переходя с грондарского на странный, шипящий язык, а воины затеяли какую-то странную азартную игру с кубиками и паучками.

Наконец дракон сделал вираж и начал спускаться. У Кулла на мгновение замерло сердце, но вот лапы ящера коснулись земли, быстро захлопали огромные кожистые крылья, и, пробежав несколько шагов, зверь остановился.

Воины подхватили Кулла подмышки и приподняли. Вот тогда Кулл впервые увидел столицу Змеиного Королевства — удивительный город Халиш.

Издали Халиш больше всего походил на гигантский зиккурат. Куллу показалось, что он вытянулся от горизонта до горизонта, а вершина его царапает небесный свод, таким огромным был этот город. Он располагался внутри невероятно огромной ступенчатой пирамиды — каждая ступень ее была больше трехсот локтей высотой, а самих ступеней насчитывалось около сотни. К основанию зиккурата прилепилось несколько десятков домов.

Кулл ожидал чего угодно, но зиккурат поразил его. Король Валузии и представить себе не мог, что возможны такие гигантские строения.

Воины, не дав Куллу толком рассмотреть каменного mastodonata, потащили его к воротам. По обе стороны от них замерли гигантские каменные скульптуры ужасных богов, которым поклонялись змеелюди. Внизу у ног демо-

нов застыли кобры — элитная стража короля Шашонга. В жарких солнечных луках ярко блестела начищенная до зеркального блеска броня.

Отдав салют конвоирам Кулла, они с интересом стали разглядывать монарха Валузии. А впереди плотоядно распахнулся черный зев ворот.

* * *

В первый раз Лала-ах пришла в себя после укуса змеевчеловека уже внутри Змеиного города.

Она открыла глаза и увидела, что лежит на мягкой кровати в полутемном помещении. Что с ней, где она? Все случившееся с ней — превращение супруга в ужасную тварь и долгое путешествие, казалось, девушке странным сном.

В первую очередь Лала-ах оглядела себя. Нет, с ней ничего не случилось. Она осталась прежней. Хотя белые одеяния на ней были незнакомого покроя. Да и ткань на ощупь показалась необычной.

Лала-ах осторожно поднялась с постели и оглядела комнату. Скромная обстановка. Ничего необычного. Хотя нет. Окна... Они скорее напоминали бойницы — узкие, шириной с ладонь — и тянулись от пола до потолка. Из-за этого в комнате и царил полумрак. Свет, льющийся из двух таких окон, не мог хорошенько осветить помещение. Хотя снаружи был день.

Девушка не спеша встала, медленно подошла к бойнице, заглянула сквозь узкую прорезь и задохнулась от удивления.

Скорее всего она находилась в пещере, вырубленной в покатом склоне горы. Чуть ниже бойницы проходила широкая дорога (именно так выглядела сверху ступень зиккурата), а внизу далеко-далеко раскинулось бескрайнее зеленое море тропических джунглей.

Куда же ее занесло? Неужели ей и в самом деле пришлось совершить долгое путешествие? Выходит, что так.

Но куда же завезли ее неведомые похитители? Может, она оказалась в таинственных землях Кaa-у или Фарсунा?

Однако Лале-ах не пришлось долго ломать голову в поисках ответов. Неожиданно для нее дверь распахнулась, и кто-то вошел в комнату. В первый момент девушка не узнала вошедшего, но уже через несколько секунд, рассмотрев его, закричала от ужаса. Значит, все ее сны были правдой. Перед ней стоял высокий змеечеловек — создание с телом человека и головой змеи.

— Не стоит удивляться, — заговорил незнакомец, и Лала-ах с ужасом узнала голос Ренара. — Я пришел, как только мне доложили, что ты очнулась.

— Где я? Что со мной будет? — только и смогла пролепетать несчастная девушка.

Ее бывший возлюбленный усмехнулся, если, конечно, эту гримасу змеи можно было назвать усмешкой.

— Тебя это так волнует? Когда я носил личину человека, ты готова была следовать за мной, не спрашивая ни о чем; ты была влюблена в меня... Не спорь. Я знаю. Хотя положение замужней женщины не дает тебе права на такое чувство. Но теперь для всех граждан Валузии ты — неверная жена... Однако для тебя все это в прошлом. — Тут он лениво махнул рукой. — Для мира людей ты погибла. Но для нас, более древней и могущественной расы Земли, ты еще послужишь...

— Я не желаю иметь ничего общего с вами! — в сердцах воскликнула девушка.

Ренар лишь усмехнулся.

— Ты уже сослужила нам добрую службу и будешь служить и впредь.

— Я...

— Вольно или невольно, но ты помогла заманить сюда нашего врага — короля Кулла. Теперь он схвачен нашими воинами и скоро предстанет перед глазами Его Величества короля Шашонга.

— Короля Кулла?

— Да. Твой муж — кстати, он тоже один из нас — ловко спланировал заговор. Сейчас в Валузию уже послан гонец, и скоро древняя страна будет залита кровью. Вскользнется пламя народного гнева, и кровь потечет широкими потоками по улицам Хрустального города. А когда на трон сядет наш новый ставленник — достойная смена королю Борну, — мы вернемся в Валузию, чтобы продолжать негласно править этой страной. Вновь откроются двери Черных храмов Великого Змея.

Лала-ах не в силах слушать дальше, заткнула уши руками. Неужели такое возможно! Неужели она и в самом деле помогла свершиться этим чудовищным замыслам! Девушка в ужасе опустила руки, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

— ...а теперь нам пора идти. Тебе выпало счастье, которого удостаивается не каждый из людей. Тебе будет позволено лицезреть самого Шашонга — нашего короля. Их Величество захотел подробно услышать всю историю плениния властелина Валузии — одного из самых могущественных врагов нашего рода. Пойдем... По дороге ты увидишь красоты нашего города. Хоть он и скрыт от посторонних взоров в толще камня, он поистине прекрасен. С ним не сравнится ни один город твоей страны.

С этими словами Ренар взял девушку за руку. Лала-ах вздрогнула всем телом. Почувствовав прикосновение холодных, как лед, пальцев змеечеловека, она вскрикнула от ужаса и, лишившись чувств, повалилась на кровать.

* * *

Тронный зал Шашонга находился в самом сердце змеиного города — глубоко под землей. Это было гигантское помещение, с тускло мерцающими стенами, натертymi ядовитым фосфором. Из-за такого освещения огромный круглый зал словно купался в темно-зеленых тенях. В дальнем конце зала возвышался трон Змеиных королей — трон, о котором не мог помыслить ни один смертный. Вы-

сеченный из единого изумруда, издали, в полутьме зала, он казался черной драгоценностью, переливающейся многочисленными гранями.

Нароптив трона были огромные двери чеканной бронзы. Картины, выбитые на них неведомыми мастерами древности, казались омерзительны для человеческого глаза — слишком ужасно выглядели изображенные на них сцены. Вдоль стен по периметру всего зала располагались ниши, где стояли скульптуры величайших правителей Змеиного королевства. Еще две двери, расположенные справа и слева от трона, вели в покой короля. По обе стороны от них неподвижно замерли черные кобры-охранники.

Сам король змей сильно отличался от своих подданных. Ему было уже около трехсот лет, и за эти годы его человеческое тело деформировалось, приобретя большое сходство со змеиным телом. Лицо его, покрытое старыми поблевавшими и потрескавшимися от времени чешуйками, выглядело надменно и внушало трепет.

По знаку короля огромный темнокожий раб ударила в гонг. Двери зала распахнулись, и вошло с десяток высших сановников. Среди них были и те двое, что пленили Кулла.

— Как я слышал, стадо зверей не убило короля Валузии? — надменным тоном поинтересовался Шашонг.

— Да, Ваше Величество, — с низким поклоном отвечал один из советников. — Достопочтенные Щерат и Шуршил прилетели на место боя. Каково же было их удивление, когда оказалось, что Кулл еще жив.

Король сделал знак, приказав советнику замолчать.

— Как такое могло случиться? Расскажи мне, старший погонщик.

Высокий худощавый змеечеловек в длинных одеждах упал на колени.

— Я не знаю, Ваше Величество. Мы вывели ваших любимцев, растянули в линию и погнали на врагов. Эти твари, оказавшись в пустыне, сходят с ума от голода и злобы.

Они друг друга готовы разорвать на куски, не то, что людей... — Он замолчал, по-прежнему оставаясь на коленях.

— Осмелюсь объяснить Вашему Величеству, — заговорил змеечеловек в одеждах жреца. Сказав первые несколько слов, он на несколько мгновений замолчал, выжидая паузу. Видя, что правитель не собирается прерывать его, он продолжал: — Все дело в расположении звезд. Звезда Кулла еще не закатилась, Ваше Величество. Я думаю, что боги даровали ему жизнь с надеждой на то, что мы прикончим его во время ритуала Черной Луны.

Шашонг самодовольно кивнул. Мысль о том, чтобы принести Кулла в жертву во время праздника на вершине города-зиккурата уже приходила ему в голову.

— Я согласен с этим решением богов, — кивнул король, словно он и в самом деле мог повелевать богами. Но сейчас я хочу видеть того, кто заманил в ловушку нашего лютого врага.

Толпа придворных расступилась. Вперед вышел Ренар. На цепочке, приделанной к стальному ошейнику, он вытащил из толпы Лалу-ах.

— Вот наш герой. — Медленно проговорил король змей. — Ну, что ж. Я думаю, что после праздника я достойно награжу тебя... Сколько времени пришлось провести тебе в мире людей?

— Больше пяти лет, мой повелитель.

Король сочувственно кивнул.

— А что это за рабыня с тобой?

— Это неверная жена вашего друга, ныне носящего личину барона Фанара. Мне пришлось притащить ее с собой, чтобы реальнее выглядело наше бегство.

— Хорошо, — кивнул король. — Она займет свое место среди рабов. Она наплодит много верных слуг для...

— Нет, Ваше Величество, — робко возразил Ренар. При этих словах брови короля грозно сошлись, но Ренар, чтобы оправдаться, тут же продолжал: — Относительно этой женщины у меня есть другие планы, Ваше Величество.

Потом, если вы соблаговолите принять меня на частной аудиенции, я осмелюсь посвятить вас в то, что я задумал.

Король кивнул.

— А теперь я хочу видеть жалкого человечишку, осмелившегося бросить нам вызов.

Раб вновь ударил в гонг. Огромные двери зала вновь распахнулись, и в сопровождении десятка воинов в зал вошел закованный с ног до головы в крепкие железные цепи Кулл, король Валузии.

Пошатнувшись, он встал посреди зала, гордо подняв голову.

Король змей чуть подался вперед. Его глаза впились в лицо варвара из Атлантиды, пытаясь что-то разглядеть.

— Так вот ты какой, король Кулл, — пробормотал змеечеловек, а потом громко рассмеялся. — Ничего, скоро ты умрешь... погибнешь во славу Великого Змея!

В ответ Кулл рассмеялся.

— Я вижу, среди гадюк нет ни одного настоящего воина, — медленно проговорил он хриплым голосом. — Наслать на нас стадо колдовских тварей — трусливый поступок. Если ты и в самом деле их король, — тут Кулл кивнул в сторону придворных, — то вели расковать меня. Пусть мне дадут меч, и тогда посмотрим, кто из нас достоин носить свою корону. А потом я рассчитаюсь с этим высокочкой, посмевшим оскорбить меня.

Шашонг внимательно выслушал Кулла. Когда же король Валузии замолчал, повелитель змей повернулся к своим подданным.

— Отведите его в темницы, снимите цепи. Хорошенько следите за ним, кормите и поите вдоволь. Если с ним что-нибудь случится до праздника Черной Луны, я собствен-норучно сниму чешую с провинившихся. Человек такой силы духа и в самом деле должен погибнуть на алтаре Великого Змея... Уведите!

* * *

В этот раз Кулла провели через весь змеиный город.

Едва сознавая, что находится в толще огромной пирамиды, Кулл с удивлением взирал на окружающие его чудеса.

Тут и в самом деле было на что посмотреть!

Полутемный лабиринт был уставлен скульптурами древних богов и демонов, стены покрывали удивительные барельефы, рассказывающие о былом величии обитателей таинственного города. В сумрачном свете скользили тени — змеевидные спешали по своим делам. Коридоры, извиваясь, уходили в бесконечность, а свет, исходящий от гнилушек, заменявших змеевидным фонарикам факелы, придавал окружающему странный, нереальный вид. Кулла проволокли через огромный зал, уставленный странными металлическими приспособлениями, тускло мерцающими в темноте. Среди таинственных конструкций под надзором хозяев города трудились обнаженные, истощенные люди.

Кулла завели в темный, узкий коридор. Со скрежетом распахнулась решетчатая дверь, и короля втолкнули в темное, смрадное помещение. Усталый король покачнулся и рухнул на грудь перегнившей соломы.

Глава третья

Келкор тяжело вздохнул, потянулся и медленно приподнялся. Нещадно палило солнце, и очень хотелось пить. Все тело напоминало огромный синяк.

Тяжело двигаясь, Келкор перевернулся и сел. Потом медленным движением руки воин попробовал приподнять забрало шлема, но оно оказалось погнутым. Тогда, взявшись двумя руками за край шлема, Келкор сорвал его с головы.

Перед ним открылась ужасная картина. Побоище. Трупы ужасных тварей, людей и лошадей. Кое-где на трупах стражами смерти застыли стервятники — птицы-мародеры.

— Неужели я один остался в живых? — пробормотал Келкор. — И король погиб? Поистине проклятый поход.

Келкор тяжело поднялся на ноги. Потом, подойдя к ближайшей мертвей лошади, он отыскал меха с водой. Солнце разогрело воду, но воин утолил жажду. Потом, еще раз оглядев поле битвы, Келкор тяжело вздохнул. Ему предстояла тяжелая работа. Он решил осмотреть всех мертвых. Быть может, кто-то еще остался в живых?

* * *

Был предрассветный час.

Два воина из Алой Стражи у ворот королевского замка ежились, пытаясь дремать, опираясь на длинные пики. Но

вот вдали послышался гул шагов. Это возвращался ночной патруль.

— Рано они сегодня, — проворчал один из воинов.

— Город спит, вот они и сократили маршрут обхода.

— Им проще, — отозвался первый часовой. — А нам тут всю стражу стоять. Раньше никто не сменит.

Из ночного тумана выскоцнули темные фигуры. Возвращался патруль.

— Трон и топор, — произнес пароль начальник патруля — здоровенный воин, который, спасаясь от холода, по самые брови закутался в алый плащ.

— Атлант и пикты, — ответил часовой.

Его напарник, отвернувшись, простучал особым, условным стуком по маленькой металлической двери, ведущей в помещении охраны. И тут первый стражник заметил странное темное пятно, прступающее сквозь алую материю плаща одного из патрульных. Может быть, кровь? Но воин в плаще не выглядел раненным. На мгновение часовой замер в недоумении, пытаясь сообразить, что же происходит. Металлическая дверь уже начала открываться, когда стражник сообразил, как его провели. Рывком выставил он копье и что есть сил завопил:

— Тревога!

Металлическая дверь с лязгом захлопнулась, так и не открывшись до конца. Поняв, что скрываться больше нет смысла, воин распахнул окровавленный плащ. Взмах когтистой руки с огромным топором — голова часового покатилась по вымощенной мостовой. Второй часовой не успел ни обнажить меч, ни воспользоваться копьем.

Но дело было сделано. В дежурном помещении все оказались на ногах. С грохотом опустились огромные бронзовы брусья, укрепляющие ворота. Вдоль стены вспыхнули факелы. Один из воинов побежал в покой Ту, чтобы разбудить старого советника.

Лжепатрульные отошли от стен дворца и скрылись на одной из темных улиц, и тут же над городом разнесся звон

колокола храма Великого Змея. Мерные, раскатистые звуки понеслись над пустыми улицами, будя горожан, зовя их к храму Великого Змея, закрытого по приказу Кулла. Но когда первые любопытные жители столицы Валузии появились на площади, их взорам предстало удивительное зрелище. Двери храма были широко распахнуты, внутри горело множество огней. А на возвышении, на верхних ступенях храма их ожидал Кануб, барон Блала, в окружении воинов.

Когда на площади собралось достаточно людей, вперед вышел граф Фанара. Высоко подняв руку, он призвал к молчанию. Когда же стих колокольный звон и невнятный ропот толпы, граф заговорил:

— Благородные жители Хрустального города! Пришел роковой час. Много лет нами правил проходимец, варвар из Атлантиды, пес безродный. Он убил нашего благородного короля Борна и вероломно захватил трон. Многие великие люди нашей страны пали от его руки. Вандал с севера заколол нашего великого поэта Ридондо, песни которого все вы любите и знаете... — Граф сделал паузу. Вроде бы никто из толпы не собирался возражать. Набрав в легкие побольше воздуха, змеечеловек, сокрытый под колдовской личиной, продолжал: — Теперь же пришла весть, что король Кулл сгинул где-то на востоке, погибнув под ударами мечей отважных грондарцев. Но в королевском дворце засели изменники. Там скрывается Главный советник Ту — мерзавец, продавший свою страну; бунтовщик, участвовавший в заговоре против короля Борна. Без сомнения, он захочет посадить на трон своего очередного ставленника, проложив ему дорогу к трону клинками Алых Стражей. Так пусть же трон займет благородный барон Блала — хорошо известный вам господин Кануб, единственный прямой родственник короля Борна... Я, граф Фанара, призываю вас. Помогите уничтожить гнездо Зла. Берите оружие, идите к королевскому дворцу... И пусть

содрогаются предатели и изменники, услышав вашу поступь!

Радостными криками приветствовали горожане слова обманщика. Многие из этих людей давно забыли ужасы правления Борна, но помнили песни Ридондо — мятежного поэта. Безумец и в самом деле был гением слова. Кулл убил его в поединке, когда поэт вместе с другими заговорщиками пробрался в королевские покои, чтобы убить варвара-атланта.

По знаку Кануба его люди вынесли на площадь стойки с оружием и выкатили бочки с вином. Каждый желающий получал меч и кубок хмельного напитка. Вскоре ручейки горожан со всех сторон потянулись к королевскому дворцу, уже оцепленному змеелюдьми. В эту ночь безумцы и колдовские твари действовали заодно.

Когда старый Ту появился на стене дворца, восставшие уже подтащили штурмовые лестницы.

— Что происходит? — поинтересовался советник у начальника ночной стражи.

— Боюсь, что дела наши плохи, — ответил офицер. — В городе восстание.

— Кто осмелился?.. — хриплым голосом проговорил Ту.

— Народ скандирует имя Кануба.

— Трусливый коротышка. Куллу нужно было давно повесить этого заговорщика.

— Они говорят, что король Кулл мертв...

— Вранье!

— ...и собираются идти на штурм!

— Так выводите своих людей на стену. Сколько у нас людей?

— Пару сотен воинов. Остальные находятся в казармах, за городом.

Ту печально кивнул.

— Не стоит на них рассчитывать. Пока они поймут, что происходит, пока кто-то из офицеров соберет их и поведет

к городу... К тому времени восставшие, вероятно, захватят ворота. Так что подмоги нам ждать некогда... Но, с другой стороны, наши противники — неопытные в ратном деле горожане. Барон раздал им оружие, но к утру, когда они посчитают потери, их воинский пыл ослабнет.

Офицер кивнул и побежал вдоль стены, отдавая приказания.

Советник замер, разглядывая огоньки факелов, мечущиеся по городу.

«Неужели Кулл и в самом деле погиб? Неужели снова начнется ужас, потрясший страну во время правления Борна, и вдоль дорог вновь повиснут тела невинно казненных?..»

* * *

Ренар долго вел Лалу-ах по извилистым коридорам города-пирамиды. Но вот распахнулась последняя дверь, и змеечеловек вытолкнул девушку на огромную площадку, расположенную на вершине города-зиккурата.

Поняв, что находится высоко над землей, девушка охнула от удивления, потому что зрелище, открывшееся ей, было поистине удивительно. Пирамида стояла как бы на границе двух миров: мира мертвой пустыни и мира непрходимых джунглей. Плоская, как стол, равнина неожиданно обрывалась. Земля ухолила вниз на несколько тысяч локтей. И там у подножия неприступных утесов раскинулись джунгли.

Вначале Лала-ах решила, что ей кажется, но, взглянувшись, она поняла, что зрение ее не обманывает: внизу на краю безбрежного зеленого моря двигались ужасные тела. Таких отвратительных тварей девушка не могла представить себе даже в самых страшных снах.

Уродливые рептилии выполняли различные тяжелые работы под руководством змеев. Там внизу, точно так же как и со стороны пустыни, вокруг основания зиккурата было возведено множество подсобных строений.

Некоторое время Лала-ах молчала, не в силах принять самое фантастическое зрелище в своей жизни. Потом, тяжело вздохнув, она повернулась к Ренару:

— Зачем ты привел меня сюда?

— Я хотел бы заключить с тобой договор.

— Какой договор может быть между нами! Ты ведь сказал, что хочешь принести меня в жертву на вот этом алтаре. — Девушка указала на огромный алтарь из черного камня.

— Да, — согласился змеечеловек. — Но от тебя зависит, какой станет твоя смерть. Ты можешь умирать часами. Мы можем в течение года истязать тебя, постепенно выпуская из твоего тела жизненные соки. Ты станешь молить о милости быстрой смерти, но мы не даруем тебе ее. Ты станешь умирать медленно и мучительно.

Девушка внимательно смотрела в глаза своего бывшего возлюбленного.

— Но зачем это вам? Неужели мои муки могут доставить вам радость?

— Муки любого человека приятны нам. Но в целом ты права. Истязать человека все равно что истязать собаку. Нам, высшим существам, всегда немного жаль низших животных... Однако мы будем вынуждены опуститься до этого, если мы с тобой не договоримся.

— Но каким образом? Кого я должна буду еще раз предать?

— Ты должна будешь предать людей. Весь род людской. Мы — змеи — стариные враги людей. Сколько я помню, люди всегда враждовали с нами. И увы, на большей части земель, в тех краях, что вы зовете цивилизованным миром, — люди победили. Мы и наши союзники оттеснены на самый край Земли. Наши боги слабы. Но в чем же дело? Почему люди оказались могущественнее древних более мудрых рас? Долго наши жрецы и ученые ломали головы над этой тайной, и однажды она открылась. Все дело в том, что у людей более сильный дух. В вас больше

неуправляемо звериного, а самые могучие из вас... Но, впрочем, тебе этого знать не обязательно. — Ренар на мгновение замолчал, словно собираясь с мыслями. — Так вот, — продолжал он через какое-то время. — Давным-давно наши жрецы обнаружили, что лучше всего приносить в жертву нашим богам самых отважных, крепких духом людей. И лучше, если это станут делать сами люди.

— Ты хочешь сказать, что я должна буду кого-то...

— Да, убить. И не кого-то, а твоего любимого короля Кулла. Один раз ты предала его, придется предать и во второй. За это я обещаю, что незадолго до того, как тебя поведут на смерть, тебе дадут наркотик, и ты ничего не почувствуешь. В противном случае, смерть твоя будет ужасной.

Девушка была потрясена. Мало того, что она корила себя за невольное предательство — за то, что волею случая оказалась игрушкой в руках врагов рода людского, помогла заманить благородного короля в это ужасное место, теперь она должна была стать убийцей своего владельца.

— Но почему именно я? — пробормотала графиня. — Почему я? Ведь у вас полно слуг? Пусть кто-нибудь из них прикончит короля Кулла.

Мгновение Ренар молчал. Графиня не могла понять выражение его змеиного лица, но ей казалось, что тварь рассматривает ее с отвратительной, насмешливой улыбкой.

— Нет, — произнес наконец змеечеловек. — Наш король Шашонг просил, чтобы это сделала именно ты. Понимаешь, это символично: предательница убивает преданного господина. А потом и сама умирает. Красиво, не правда ли?

— Отвратительно... Ренар, ты ведь был моим возлюбленным. Я помню, какими глазами ты смотрел на меня.

Змеечеловек запрокинул голову и громко засмеялся. Смех его напоминал нечто среднее между кудахтаньем и кваканьем.

— Ты — наивная глупая девушка. Я — не Ренар. Больше двух лет назад человек с этим именем погиб от укуса одного из наших эмиссаров.

— Но на балу... — начала было Лала-ах.

И тут лицо змеечеловека потеряло четкость очертаний. Девушке показалось, что ей в глаза попала слезинка, а потом... перед ней стоял прежний Ренар. Юноша потянулся к ней. Глаза его горели любовью. Он призывающе вытянул руки к Лале-ах. Девушка, поддавшись очарованию колдовства, шагнула вперед.

— Так, значит, ты убьешь его для меня? — проговорил змеечеловек голосом Ренара.

* * *

Мятежники пошли на штурм.

Одновременно в десяти местах к стене приставили длинные лестницы. Горожане ринулись по ним, волной накатились на стены, и вскоре первые окровавленные тела посыпались вниз. Змеелюди, приняв облик воинов Кануба, не слишком рвались в бой. У них было достаточно воинов-людей, чтобы самим не рисковать.

Несколько кузнецов приволокли огромное бревно. С гулом ударило оно в окованные железом ворота. Но ворота были сделаны на славу и выдержали...

Зашитники дворца не были подготовлены к внезапному нападению. Однако они сражались отчаянно. Каждый воин Алой Стражи отлично понимал, что, попади он в руки мятежников, в живых ему не останется. Многие из воинов Ту, рубя мечами своих вчерашних друзей, удивлялись, откуда у людей, еще вчера прославлявших Кулла и радостно приветствовавших на улицах алые доспехи королевской гвардии, столько ненависти.

На крышах ближайших ко дворцу домов появились лучники. Ливень стрел обрушился на воинов в красных доспехах. Защитники дворца ничем не могли ответить вра-

гу. Ведь те, кто отправлялся на ночную стражу во дворец, луков с собой не брали.

Поняв, что без стрелкового оружия не обойтись, Ту тут же передал одному из офицеров ключи от королевских по-коев и приказал сорвать со стен все стрелковое оружие, какое воины только найдут.

Вскоре в ответ восставшим полетели их же стрелы, выпущенные с гораздо большей точностью. Хоть красным лучникам и далеко было до пиктов Брула Копьебоя в искусстве стрельбы из лука, все же они значительно превосходили и горожан и людей Кануба.

Кроме того, как только началось восстание, Ту послал два десятка воинов в подземелья дворца и они обрушили тайные коридоры, по которым восставшие могли ударить в спину Алым Стражам. Главный советник знал, что змеевлюди гораздо лучше знают подземные переходы, чем его воины. Да, он отрезал себе единственный путь к отступлению, но, с другой стороны, никто не смог бы нанести ему удар в спину.

Теперь Ту оставалось надеяться на воинов ночной стражи и на то, что кто-то из преданных Куллу дворян, возглавив Алую Стражу, приведет армию Валузии к стенам города.

Постепенно атака восставших начала захлебываться. У стен в лужах крови лежали горы мертвых, одураченных бароном Блала горожан. Да и могли разве противостоять горожане отлично подготовленным, вымуштрованным военным, закованным в броню с ног до головы?! Однако защитникам дворца пришлось несладко. Из каждого пяти Алых Стражей осталось в живых двое.

— Еще один такой штурм, и они задавят нас числом, — пробормотал себе под нос Ту, а потом повернулся к одному из офицеров. — Соберите всех командиров в Зале Совета, — приказал старик. — Надо обсудить положение...

* * *

Кулл открыл глаза, но в помещении, где он очутился, было темно. Король лежал на холодном каменном полу, покрытом очень тонким слоем прогнившей соломы.

Кто-то поднес сосуд с водой к губам Кулла. Варвар дернулся вперед, и вода расплескалась, залив ему грудь. Но тот, кто поднес к губам короля воду, видимо, был человеком упрямым. Он не убрал чашку.

— Пей, пей, — раздался из темноты тихий, хрипловатый голос.

Наконец, разобравшись в том, что происходит, Кулл с жадностью припал к холодной глиняной посудине и большими, громкими глотками начал втягивать холодную, чуть затхлую воду. Наконец, утолив жажду, он вновь откинулся на каменные плиты.

— Кто ты? — спросил он невидимого незнакомца.

— Какая разница? — ответил тот же хриплый печальный голос. — Я такой же пленник, как ты.

— Где мы? — снова спросил Кулл. Хотя, конечно, он знал ответ. Но, окончательно не прия в себя после ужасного побоища в пустыне, король еще не смирился с поражением.

— Ты в самом аду, приятель. Хуже и быть не может...

— Я помню какую-то пирамиду... Потом меня привели в огромный зал, где король змеиных тварей...

— Тебе повезло увидеть самого Шашонга? — удивился невидимый собеседник. — Редко кому это удается. Мы — племя рабов, и место наше у ног Древних...

— И все же где я?

— В тюремной камере города-пирамиды, которому нет названия, потому что он единственный в своем роде. Ты в самой нижней его части, в Обители Смерти. Отсюда нет выхода: только в стылую землю или на алтарь Великого Змея.

— А где находится эта ужасная пирамида? — снова спросил Кулл.

— Ты смеешься надо мной, — обиженно произнес его собеседник.

— Нет. Я прибыл из далекой страны. Мое войско растоптали ужасные чудовища.

— Неужели на земле существует такое место, где люди не знают о существовании города-пирамиды?

Кулл сначала кинул, но поняв, что собеседник не видит его знаков, сказал:

— Да. Я — атлант, король великой Валузии.

— Никогда не слышал таких странных названий. На какое-то время наступила гнетущая тишина.

Кулл чувствовал, что собеседник не очень-то поверил его словам. В другое время варвару из Атлантиды было бы безразлично мнение какого-то простолюдина. Но сейчас ему необходимо было найти хоть какого-то союзника. К тому же высокомерие Кулла, тщательно лелеемое Главным советником Ту, было больше наносным, чем врожденным. При первой же возможности правитель Валузии сбрасывал с себя маску надменного господина.

— Я прибыл из-за широкой реки, что течет на западе, за пустыней.

— Там нет земли. Там Край Мира.

Кулл горько рассмеялся.

— Нет, мой друг. Ты ошибаешься. Край Мира находится где-то на востоке.

— Глупая мысль... Город Великого Змея в самом центре мира. В городе-пирамиде, стоящей на краю Великого Разлома, встречаются пески запада и джунгли юга...

— Ладно, оставим этот разговор.

— А о чем еще можно говорить в ожидании смерти? Только о том, что осталось по ту сторону этих каменных стен. Не стоит задумываться о том, что ждет нас впереди. Алтарь Великого Змея — страшное место, и смерть наша будет поистине ужасна... Лучше расскажи мне о своей далекой стране.

— А ты мне — об этом ужасном Змеином королевстве.

— Хорошо.

Глава четвертая

Загремели трубы, и Ка-ну в сопровождении высших офицеров Алой Стражи выехал к воротам города. Армия Кулла и пикты-лучники держались поодаль. Над головой посла разевалось белое знамя. Старику пикту, развернутому излишествами цивилизации, трудно было сидеть в седле, но он старался держаться прямо и надменно.

При появлении парламентеров на стене над восточными воротами появилось несколько горожан и десяток воинов, носящих плащи с цветами Кануба.

Когда до ворот осталось не больше трех десятков шагов, Ка-ну натянул поводья, потом поднес к губам рупор, на скорую руку скрученный из полосы бронзы:

— Я посол пиков в Валузии — Ка-ну. Сейчас я стою во главе отрядов Алой Стражи. Я требую, чтобы те, кто командует вами, явились и объяснили мне, что происходит в городе. Почему закрыты ворота? Откуда звон оружия?.. Я хочу видеть Главного советника Ту...

Ка-ну пришлось трижды повторять свою просьбу. Наконец на стену в сопровождении многочисленной стражи вышел толстяк, который из-за маленького роста казался маленьким круглым мячиком. Рядом с ним возвышался широкоплечий гигант, сгорбившийся под тяжестью лет. Конечно, в этой странной парочке Ка-ну сразу узнал Ка-нуба, барона Блала, и графа Фанара.

— Что за войско подошло к стенам моей столицы? — грозно поинтересовался Кануб.

— С каких это пор она стала твоей? — спросил пикт. Он специально выбрал оскорбительную манеру разговора, решив попробовать разозлить заговорщиков — ведь в запале человек может сказать многое из того, о чем промолчит в обычной обстановке.

— Хрустальный город мой, точно так же как и вся Валузия! — хвастливо заявил толстяк. — Я — единственный законный наследник короля Борна! Самозванец долго правил страной, но теперь он мертв, Ту схвачен нами, и скоро мои люди прочешут страну, вырывая с корнем ростки изменения...

Пока барон произносил напыщенные речи, граф Фанара стоял молча, внимательно наблюдая за Ка-ну и его спутниками. Наконец, когда Кануб выдохся, вновь заговорил пикт:

— С удивлением слышу я подобные речи от тебя, барон. Помню совсем недавно ты на коленях ползал по полу Тронного зала, валялся в ногах Кулла, умоляя короля сохранить тебе жизнь, после того как Ту раскрыл очередной твой заговор. Видимо, зря Кулл пощадил тебя. Но ты, граф Фанара! Что у тебя общего с этим грязным обманщиком?

— Кануб законный правитель Валузии! — объявил граф.

Выждав довольно долгую паузу, Ка-ну вновь заговорил:

— И все же я хотел бы видеть Главного советника Ту.

— Ту — мертв.

— Тогда я хотел бы увидеть его голову, — не унимался хитрый пикт.

— Часть королевского дворца обвалилась, и труп Ту оказался похоронен под развалинами, — после некоторой заминки ответил Кануб.

— Значит, он еще жив, — тихим голосом сказал пикт окружавшим его офицерам. — Судя по всему, они осадили

Главного советника в королевском дворце, однако долго Ту там не продержится... Сколько у него может быть людей?

— В городе оставались только воины ночной стражи да те, кто охраняли ворота... Хотя тех, кто нес стражу у ворот, бунтовщики, скорее всего, убили.

— Выходит, у Ту?..

— Человек двести, не больше. Если, конечно, к нему не примкнули горожане, — сказал офицер.

Ка-ну покачал головой:

— Сомневаюсь. Судя по всему, горожане перешли на сторону восставших.

— Но почему? — удивился офицер Алой Стражи. — Ведь при правлении Кулла город расцвел. Торговля...

Но пикт не дал ему договорить.

— Когда в дело замешаны эти змеенышы, ничего нельзя сказать заранее. К тому же Ту перед самым восстанием прислал мне письмо. Он подозревал, что зреет заговор, причем не без помощи змеелюдей.

— А при чем здесь горожане? — недоуменно поинтересовался другой офицер. — Разве станут люди действовать заодно с этими тварями?

— Змеелюди часто используют колдовство. Они могут затуманить разум горожан.

— Значит, нам придется убивать невинных?

Ка-ну задумчиво почесал подбородок.

— Сложно сказать... Прежде чем что-либо предпринять, надо точно узнать положение дел в городе. Надеюсь, что Ту и его люди все еще держатся... Но штурмовать город? Не думаю, что нам стоит идти на столь отчаянные меры. Пусть дворец осажден, но если Кулл и в самом деле погиб, то Кануб — законный наследник. А тогда, независимо от того, поддерживают его змеелюди или нет, напав на город, мы рискуем развязать гражданскую войну. И неизвестно еще, кто поднимется на трон Валузии. — Потом Ка-ну

снова повернулся к городу и прокричал в медный рупор:
— Откуда вам известно о смерти Кулла?

— Мы перехватили письмо одного из его офицеров к Главному советнику Ту.

Пикт задумался. Такое было вполне возможно. Но даже если бы он потребовал письмо, то, что передали бы ему, вполне могло бы оказаться подделкой.

— И все же я хотел бы увидеть Ту, живого или мертвого.

— Вы не верите мне? — удивился Кануб. — Но как бы там ни было, я предлагаю всем Алым Стражам сложить оружие. Если они проявят благородство, то никого из них я не трону. Забыв старые обиды, я позволю всем им вернуться на родину, в горы Залга-ры. В противном случае я, перебив вас, отправлюсь и карательный поход на восток. Не будет пощады ни старым, ни малым...

Ка-ну тяжело вздохнул. На своем веку он слышал много подобных речей, но, как подсказывал жизненный опыт старого пикта, чем страшнее были угрозы, тем маловероятнее их исполнение.

— Что вы думаете по этому поводу? — обратился пикт к сопровождавшим его офицерам.

— Нужно взять город штурмом! — воскликнул самый горячий из них. — Мы убьем подлого предателя...

Ка-ну задумался. Несомненно, Кулл поступил бы именно так. Повел бы войско на город. Но сколько при этом погибло бы невинных людей, одураченных льстивыми речами барона Блала или заклятиями змее-людей. Нет. Даже несмотря на то, что Ту угрожала смертельная опасность, идти на штурм было нельзя. Если Ка-ну повернет Алых Стражей против народа Валузии, то он и моргнуть не успеет, как развязется гражданская война, и неизвестно еще, чем все это кончится. Значит, старым советником придется пожертвовать. В конце концов, если даже мятеожный барон подчинит себе Хрустальный город, это вовсе не означает,

что он станет повелителем страны. А тем временем, быть может, удастся получить какую-то весточку от короля.

— Прикажите воинам разбить лагерь, — распорядился Ка-ну. — Мы возьмем город в кольцо и постараемся сделать так, чтобы ни одна чумная крыса не перебралась через его стены.

— А Ту? Неужели мы бросим его на произвол судьбы?

— Мы ничем не сможем ему помочь, — ответил Ка-ну, печально понурив голову. Ему тяжело было оставлять в беде своего старого приятеля, но иначе он не мог поступить. Интересы Валузии были важнее жизни одного человека, пусть даже и столь выдающегося, как Ту. Потом пикт вновь повернулся к улыбающемуся, сознающему свое превосходство барону Блала. — Мы не станем умирать, взбираясь на неприступные стены Хрустального города, — объявил он. — Но ни одному из ваших людей, барон, не выбраться из Города. Самое позднее через месяц вы сами приползете ко мне, умоляя снять осаду.

И, не дожидаясь ответа, Ка-ну, развернув коня, отравился прочь от стен города.

* * *

Келкор присел у скучного костра. Вокруг него собралось два Алых Стража и двое пиктов — все, кто остался в живых из отряда Кулла. Тихо потрескивала в огне кожа седел, распространяя неприятный запах, но другого топлива у этих людей не было, сидеть же без огня никто не хотел. Костер — древний спутник людей — придавал воинам уверенность в себе, согревал их израненные, избитые тела.

— Итак, — спокойно проговорил Келкор, — я слушаю вас. Кто из вас знает, что нам делать дальше. Мы оказались посреди враждебной земли без коней, без достаточного запаса воды. Король Кулл пропал. Нам так и не удалось обнаружить его останков.

— Быть может, он мертв, и мы просто не нашли его? — пробормотал один из воинов.

Келкор с сомнением покачал головой.

— Зная Кулла, я бы сказал, что он решил отправиться дальше на восток.

— Вы уверены, что он жив? — удивился один из воинов с перебинтованной ногой. Она была сломана по крайней мере в двух местах.

— Да. И я боюсь, что мы стоим перед нелегким выбором. — Тут Келкор сделал паузу, выжидая. Пусть каждый из воинов проникнется важностью момента. — Мы должны выбрать, что нам делать: двигаться дальше на восток или повернуть назад. — И, предвидя возражения воинов, командир Алок Стражи поднял руку, призывая своих спутников к молчанию. — Я хотел бы, чтобы каждый из вас спросил себя, что вы хотите: вернуться назад к реке Стагус, бросив своего короля на растерзание неведомым чудовищам, или двигаться вперед, на восток, в надежде, что наш повелитель жив.

— Но почему вы считаете, что он остался жив? — недоуменно спросил один из пиков. — То, что мы не нашли его тело, ни о чем не говорит. Чудовища могли разорвать его на куски.

Келкор покачал головой.

— Я, конечно, не уверен... Но Кулл не такой человек, которого легко убить. Однако все могло случиться. Вот поэтому я говорю, что выбор будет очень труден. Если король мертв, то, отправившись на восток, мы обрекаем себя на смерть. Но если он жив, мы не можем бросить его, не попытавшись оказать ему помощь.

— Если вы считаете, что Кулл жив, идите на восток! — фыркнул один из пиков. — Лично я так не считаю иозвращаюсь к реке.

— У нас слишком мало припасов, — возразил Келкор, — мы не можем разделиться. Я предпочел бы, чтобы мы отправились на восток. Вы все знаете, — продолжал Кел-

кор, глубоко вздохнув, — мне этот поход не нравился с самого начала, но я отправлюсь на восток...

Тут взял слово ветеран. Воин, убеленный сединами, поддвинулся чуть ближе к костру и заговорил, тяжело вздохнув:

— Я думаю, командир, тут вы не правы. Лучше всего нам будет вернуться. Если мы сгинем в этой пустыне, то никому от этого пользы не будет. Но если мы вернемся со всем войском, то сможем найти следы короля.

Келкор долго сидел задумавшись. Сейчас от его решения, возможно, зависела судьба короля Валузии. Потом командир Алых Стражей поднял голову. Еще раз оглядел он свое жалкое воинство.

— Неволить вас я не могу, — наконец заговорил он. — Двое из вас сильно ранены и далеко без посторонней помощи не уйдут. Поэтому мы сделаем так: берите все запасы, возвращайтесь. Я один пойду вперед. Вы же постарайтесь добраться до реки и возвращайтесь с подкреплением. Даже если наш король остался жив, я не смогу помочь ему в одиночку, если он попал в серьезную переделку.

* * *

Неожиданно тюремная камера осветилась.

Кулл резко обернулся и увидел высокую змееженщину с гнилушкой в руке. Стоя за решеткой с такими толстыми прутьями, что даже мамонт не смог бы разогнуть их, змеев девушка внимательно разглядывала короля Кулла и его товарища по несчастью — странное существо, давно утратившее человеческий облик.

Потом змееженщина оглянулась и подошла совсем близко к решетке. На мгновение Куллу захотелось подскочить вплотную к железным прутьям и сдавить горло красавицы, прикончить ее, чтобы хоть как-то поквитаться с ужасными тварями, пленившими его. Но что-то подсказывало варвару, что лучше выслушать змеиную красотку.

Молчание затянулось, но наконец таинственная посетительница заговорила, обращаясь к королю на грондарском языке:

— Я пришла, чтобы побеседовать с тобой, король. Голос ее был чистым и нежным. Если бы Кулл не видел ее, он решил бы, что это говорит самое прекрасное существо на всем белом свете, столь пленителен был звук ее голоса.

— Мне не о чем говорить с тобой, — отозвался Кулл.

— И все же я надеюсь, что ты хотя бы выслушаешь меня. — Змееженщина выждала, но Кулл не отвечал. Тогда она, видимо приняв его молчание за знак согласия, продолжала: — Я — принцесса Шулиша. Я хочу заключить с тобой соглашение.

— Какое может быть соглашение между нами? — удивился Кулл. — Наши народы — исконные враги, которые ведут нескончаемую войну, пытаясь определить, кто станет владеть землей в грядущие века. Ты — мой враг. Если бы у меня было оружие, я бы вырвался из этой каменной клетки и прикончил тебя.

— Как бы то ни было, — продолжала Шулиша, ничуть не смущившись, — ты ведь ненавидишь короля Шашонга больше, чем меня, так?

— С чего бы это? Мне одинаково ненавистны все змеевидные люди, — зло оскалился Кулл. — Хороший змей — мертвый змей!

— Но, послушай, Кулл, — продолжала настаивать принцесса. — Не я заманила тебя сюда, не я убила твоих людей, направив на них стадо безмозглых Младших Братьев, не я устроила западню, не я хочу вновь подмять под свою пяту Валузию, как это было при правлении прежних королей... Да, — продолжала она, видя что Кулл не слишком-то собирается верить ее словам, — я ненавижу людей, как любое другое существо моего рода, но... Но есть вещи, которые я ненавижу намного больше. Я хочу предложить тебе выбор: или ты не станешь договариваться со мной и тогда ты погибнешь на алтаре Великого Змея, а

твоя страна захлебнется в крови, или я дам тебе шанс спастись.

Кулл сдвинул брови и почесал затылок.

— Не соглашайся, — пробормотал на ухо королю Валуэзии его сокамерник. — Все знают, что Шулиша — коварная тварь.

Но Кулл отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Как бы там ни было, змееженщина хотела предложить ему какую-то сделку, а Кулл находился не в том положении, чтобы выбирать.

— Не знаю, понравится ли мне то, что ты предложишь, но в любом случае я готов тебя выслушать, — проговорил он.

— Хорошо. — Принцесса облизала губы тонким, раздвоенным на конце языком, а потом начала свой рассказ: — Все дело в том, что нынешний король — мой дядя. Он коварный тиран и претендует на мировое господство. Он уже захватил многие страны людей, действуя не напрямую, а исподволь, с помощью колдовства и интриг... — Принцесса на мгновение замялась, словно поняла, что говорит совсем не то, что собиралась. — Я же хотела бы занять его место, — наконец объявила она, собравшись с мыслями. — Но у меня слишком мало сторонников, чтобы устроить переворот, и слишком много врагов, чтобы я осталась в живых, если покушение на Короля Змей не удастся. Поэтому я хотела бы предложить тебе сделку. Ты, Кулл, как я слышала, бесстрашный воин. Я дам тебе оружие, а ты убьешь Шашонга. Когда жрецы придут за тобой, чтобы отвести наверх и принести в жертву на вершине зиккурата, ты вырвешься и покончишь с узурпатором.

Кулл нахмурился. Он не знал, стоит ли ему принимать предложение принцессы.

— А что ты дашь мне взамен, если я убью твоего дядю? — поинтересовался атлант.

— Ты умрешь без мук, — уверила Кулла красавица. — Воины, охраняющие алтарь, набросятся на тебя и убьют раньше, чем ты...

— Нет, — помотал Кулл головой. — Так не пойдет. Так мы с тобой не договоримся. Тебе достанется трон, а я, завоевав его для тебя, погибну.

— Зато твоя смерть будет легкой, — сказала змеедевушка. — Иначе тебя принесут в жертву на алтаре. А ты не представляешь себе, какая это мука, когда Великий Змей выпивает твою душу.

— Я соглашусь на твое предложение только в одном случае: если после смерти Короля Змей ты защитишь меня и поможешь бежать.

— Бежать? — В голосе змееженщины прозвучали нотки удивления. — Зачем? Разве ты думаешь, что тебе удастся скрыться от нас? Наш яд достигнет твое сердце, куда бы ты ни сбежал.

— Не верь ей... не верь... — нашептывал Куллу товарищ по несчастью.

— Я убью твоего дядю, если ты дашь мне оружие и если пообещаешь две вещи: во-первых, после смерти Короля Змей я должен остаться жив; во-вторых, я хотел бы свести счеты с Ренаром — беглецом, оскорбившим меня и заманившим в эти земли, а также с неверной женой графа Фанара красавицей Лалой-ах. Они оба должны заплатить мне за гнусное предательство и гибель моих друзей.

— Что касается Ренара, — ответила принцесса, — то тебе, варвар, до него не дотянуться. Этот дворянин — один из особо приближенных к королю Шашонгу. Ты ничего не сможешь сделать против него. А женщина... — именно ей оказана честь прирезать тебя на алтаре. После этого она и сама погибнет, хотя я не уверена, что она знает об этом. Лала-ах была всего лишь игрушка в руках Ренара... А теперь выслушай мой план. Я дам тебе меч. Когда жрецы Великого Змея явятся за тобой, ты убьешь их и сам, ориентируясь по знакам, доберешься до вершины нашего

города. Там ты прикончишь Шашонга и, если успеешь, женщину, за которой гонялся, а потом...

— Ты выташишь меня оттуда, иначе перед смертью я успею обвинить тебя в измене, и все узнают, кто дал мне клинок.

Кулл и сам понимал, насколько слабы его угрозы, но отказаться от борьбы и покорно лечь на алтарь, пасть словно жертвенная овца? Ну уж нет! Этого не будет! Лучше попробовать пробиться через толпы врагов с мечом в руке и умереть в кровавой сече.

— Я согласен, — ответил он.

Принцесса выудила из складок плаща длинный, тонкий прямой меч и бросила его на пол темницы Кулла. Стальной клинок зазвенел, ударившись о каменные плиты. Кулл вытянул руку, и пальцы его привычно скжали рукоять меча, затянутую в шершавую кожу.

— Вот твое оружие. Тебя принесут в жертву завтра ночью. Постарайся не вызвать подозрений. Когда жрецы придут за тобой завтра на закате, убей их и иди по коридорам, следя зеленым указателям. Они есть во всех коридорах нашего города и предназначены для рабов. Следя по ним, ты легко найдешь путь к алтарю. А там уж действуй по своему усмотрению. Не пытайся сам выбраться из пирамиды. Выходы хорошо охраняются. Ты не пробьешься. Когда же король Шашонг будет мертв, я постараюсь спасти тебя... Если захочу.

— Но как? — начал было Кулл, однако принцесса уже исчезла.

Мерцающая гнилушка потухла, и камера вновь погрузилась в кромешную тьму.

Глава пятая

Ночью, перед самым рассветом, Келкор вышел к Великому Разлому.

Командир Алых Стражей отправился в путь поздно вечером, когда понял, что никто не пойдет вместе с ним. Но что-то гнало Келкора вперед. Словно бы предчувствуя предстоящие события, он знал, пройдет совсем немного времени, и он понадобится своему другу и господину...

Оказавшись на краю Великого Разлома, Келкор вначале очень испугался. В первый момент решив, что он подошел к Краю Мира, за которым земли нет, отважный воин упал на колени.

Страх заморозил его бесстрашное сердце. Келкору показалось, что он соприкоснулся с чем-то столь же великим, как океан, но совершенно неизвестным людям.

«Вот он, Край Земли! — думал воин. — Вот то самое легендарное место!.. Но где же Кулл! Может, правы были воины, и король мой погиб в пустыне, растоптанный и съеденный ужасными тварями? Может быть... Или отвратительные твари утащили его в свое логово...»

Осторожно подполз Келкор к самому краю обрыва. И в этот миг первый луч солнца прочертил вдоль восточного горизонта ярко красную полосу, и тогда воин в удивлении замер, не в силах пошевелиться. То, что он посчитал бездонной бездной, оказалось всего лишь темно-зеленой листвой. Под обрывом, может, на целую лигу ниже того мес-

та, где притаился командир Алых Стражей, раскинулись бескрайние джунгли — зрешице поистине удивительное в своей грандиозности и великолепии. За спиной Келкора осталась выжженная пустыня, населенная ужасными чудовищами, впереди лежали неведомые земли.

Значит, если Кулл и выжил, он где-то там. Но как спуститься по отвесному обрыву? Кулл-то наверняка не остановится перед такой преградой! Келкор огляделся и увидел к северу какое-то непонятное сооружение. Издали невозможно было рассмотреть детали, но Келкор решил, что если где и есть спуск вниз, то только там.

Келкор допил последние капли воды, оставшиеся во фляжке, потом заботливо повесил ее назад, на пояс. Авось еще пригодится. Потом Келкор осторожно отполз подальше от края обрыва, встал на ноги и медленно, не спеша направился в сторону таинственного сооружения, издали казавшегося не больше медного гроша.

* * *

Кулл постарался как можно лучше спрятать меч. Для этого ему пришлось собрать солому с пола почти всей темницы.

Его неизвестный собеседник молчал с тех самых пор, как ушла принцесса. Да и Кулл не обращал внимания на своего товарища по несчастью. В ожидании появления жрецов атлант расслабился, прилег на солому, чувствуя спиной прохладный металл клинка. Глаза Кулла закрылись, и он задремал...

Его разбудил какой-то шорох. Настороженно, точно огромный тигр, Кулл приподнялся на локте, взглядываясь во тьму.

— Эй, Гишар! — Звук был тихий. Сокамерник Кулла прижался к стальным прутьям и звал кого-то.

Медлить было нельзя. Атлант, словно распрямившаяся пружина, взлетел со своего места. Могучие руки варвара, словно стальные клещи, сжали горло раба.

— Чем это ты тут занимаешься? — поинтересовался правитель Валузии.

— Я... я... — только и смог пробормотать раб.

— Кого ты звал?

— Никого.

— Я вижу, ты не хочешь сказать мне правду. Придется прикончить тебя голыми руками, так как я не хочу морить клинок кровью предателя. — С этими словами Кулл еще сильнее сжал горло несчастного.

— Я все скажу тебе, — прохрипел наконец раб.

Кулл чуть ослабил хватку, дав рабу вдохнуть немного воздуха.

— Так кого же ты звал?

— Надзирателя.

Кулл не видел лица раба, но чувствовал, что несчастный тряслся от страха.

— Наверное, хотел рассказать ему про меч?

— Да-а-а...

И тут у Кулла родился дерзкий план. Зачем ждать жертвоприношения? Ведь принцесса могла с легкостью обмануть его. Атлант был уверен, что все так и случится. Когда он появился бы на вершине пирамиды с обнаженным мечом, началась бы свалка, и даже если бы он успел сказать Змеиному королю про проделки его племянницы, неизвестно, поверил бы тот словам варвара. Тогда почему бы не попытаться бежать раньше? По указателям он выберется на вершину зиккурата, а уж там сообразит, как спуститься вниз.

— А твой приятель придет, если ты позовешь его?

— Да, — затравленно пробормотал раб.

— У него есть ключи от камеры?

— Да.

Кулл на мгновение задумался, а потом снова покрепче сжал горло раба.

— Сейчас ты позовешь его и потребуешь, чтобы он открыл решетку, — спокойно проговорил Кулл. — Скажешь,

что вывел у меня нечто важное. Но смотри, — с этими словами король еще крепче сдавил горло предателя, — если что-то пойдет не так, ты не выйдешь отсюда живым.

Сказав это, он отпустил раба и, отступив к груде соломы, улегся, притворившись спящим. Раб остался возле решетки. Долгое время он молча стоял, растирая шею. Кулл, не выдержав, цыкнул на него, и тогда доносчик робким голосом позвал:

— Гишар! Гишар!

Где-то вдали замерцала гнилушка, и вскоре к камере скользнула тень в черном плаще.

— Ты звал меня? — тихо прошипел змеечеловек.

— Да, — торопливо заговорил раб. — Выпусти меня отсюда, — умоляющим голосом протянул он. — Этот человек настоящий безумец, он едва не убил меня... — И видя, что змеечеловек не слишком торопится открывать дверь, прибавил: — Я узнал у него нечто важное.

— Он крепко спит? — с сомнением поинтересовался тюремщик.

— Как убитый, — поспешил заверить раб.

Положив гнилушку на пол, тюремщик достал кинжал и, держа его наготове, другой рукой вынул большой металлический ключ. Щелкнул замок, и раб попытался стрелой проскользнуть в открывшуюся щель. Но Кулл был быстрее. Он использовал свое новое оружие как копье. Брошенный через всю камеру меч пронзил горло змеечеловека. Труп еще не успел опуститься на землю, а Кулл уже был у железной двери. Атлант едва успел, потому что, оказавшись по другую сторону решетки, раб снова попытался предать его и едва не захлопнул дверь перед носом варвара.

Кулл оказался проворнее, подскочив к двери, и с такой силой пнул ее, что раб отлетел к стене и, ударившись головой, сполз на пол, оставив на камнях кровавый след.

Не заботясь о дальнейшей судьба предателя, Кулл быстро подобрал свой клинок и вытер вонючую змеиную

кровь о плащ тюремщика. Кинжал змеечеловека он тоже забрал себе. Невесть какое оружие, но может тоже пригодиться.

Теперь Кулл оказался вооружен и свободен. Ему осталось лишь выбраться незамеченным на вершину зиккурата. До часа жертвоприношения было еще много времени. Город змеелюдей жил своей жизнью, и в коридорах было полно колдовских тварей и рабов. О том, чтобы переодеться в костюм тюремщика, не могло быть и речи. Никакая одежда не могла скрыть огромной фигуры атланта. Но даже если змеелюди обнаружат его, Кулл не будет безвольной жертвой. Он постарается подороже продать свою жизнь.

Подхватив с пола слабо мерцающую гнилушку, Кулл осторожно шагнул в темный коридор.

* * *

Главный советник Ту внимательно осмотрел всех собравшихся.

— Вы говорите, Ка-ну осадил город?

— Да, — ответил один из офицеров. — Судя по тому, что мы узнали у одного из пленных, многочисленные отряды пиктов и Алой Стражи окружили город и не дают никому ни войти, ни выйти.

— Но почему посол пиктов не придет к нам на помощь?

— Начнутся уличные бои, а он не хочет развязать гражданскую войну. Если Алые Стражи пойдут на штурм Хрустального города, погибнут многие, и это сильно ослабит армию Валузии. Устроив подобную резню, ни пикты, ни Кулл не завоюют любви народа.

— При чем здесь любовь народа! — возмутился Ту. — Народ это толпа... А король не нуждается в любви толпы.

— Но...

— Если бы не змеелюди, никакого восстания бы не было!

— И все же...

— Надо, чтобы Ка-ну пошел на штурм! Тогда горожане, струсив, сдадутся. Ведь все же отлично понимают, что ополченцы не смогут выстоять против отрядов регулярной армии.

— Но потери будут огромны.

— Чепуха! Когда мы схватим графа Фанара и предателя Кануба, я прикажу распять их на воротах... — Ту на мгновение замолчал, стараясь унять гнев, и, взявшись за руки, продолжал: — Я хочу послать Ка-ну несколько почтовых голубей и оговорить время атаки. Когда его воины полезут на стены, внимание восставших будет отвлечено, и мы сможем устроить вылазку. Ударим им в спину.

— И все же я считаю, что план не слишком удачный, — возразил один из офицеров. — Город окружен, и прекрасен подвозд продовольствия. В городе не так уж много запасов, а у нас ломятся подвалы. Если Ка-ну продержит осаду еще пару недель, то горожане сами выкинут белый флаг. И никто не погибнет.

— Ждать две недели, понадеявшись на голод! — фыркнул Ту. — Нет! Мы пойдем в бой и изрубим этих бунтовщиков. — Тут Главный советник повернулся к слуге, ожидающему у двери: — Принесите перо и бумагу. И сам напишу письмо Ка-ну, и мы утопим в крови Хрустальный город...

* * *

Келкор осторожно приблизился к строениям, окружавшим огромную ступенчатую пирамиду.

Видимо, правители этой земли чувствовали себя в полной безопасности. Нигде не было видно часовых, а несколько десятков рабов, возводивших какое-то строение неподалеку от основания каменного гиганта, не обратили на Келкора никакого внимания. Одетые в грязные лохмотья, рабы со скованными ногами усердно копали твердую землю, в то время как другие невольники подносили и складывали неподалеку большие камни. Келкор хотел

вначале подойти и поинтересоваться, что это за страна и какой народ тут обитает, но в последний момент передумал. Нужно было вначале увидеть хотя бы одного надсмотрщика. Затаившись, Келкор решил, прежде чем что-то предпринимать, издали понаблюдать за происходящим.

Обойдя строителей на значительном расстоянии, он проскользнул в одно из зданий внешнего ряда строений. Вероятно, оно было построено совсем недавно и пока пустовало. Келкор осторожно подобрался к окну, из которого было видно, что происходит у подножия зиккурата.

Келкор увидел, что возле самого основания ступенчатой пирамиды проходит дорога, уходящая к основанию утесов. Но не это привлекло внимание отважного воина. Змеелюди! Старые враги! Так вот куда привела их погоня за влюбленными. Значит, они попали в Змеиное королевство! Тогда понятно, откуда взялись те ужасные чудовища, что растоптали отряд Кулла. Если этой землей правят отвратительные твари из Древних эпох, то вполне возможно, что тут сохранились и более ужасные существа.

По поведению змеелюдей, по тому, что они не скрывали своих уродливых личин, было очевидно — в этих землях они господа, а люди всего лишь жалкие рабы.

Келкор сжался. Что он мог сделать против такого числа врагов? Броситься на них, размахивая мечом? А как поступил бы на его месте Кулл? Чтоб разыскать короля, нужно было в первую очередь представить себе, что станет делать правитель Валузии. Кулл ненавидел змеелюдей. Без сомнения, он попытается уничтожить их. Но для этого ему нужны были союзники, армия. А единственными союзниками короля Валузии могли стать рабы. Значит, нужно найти место, где держат рабов. Только там Келкор мог бы узнать что-то о Кулле или о беглецах, в погоне за которыми их король пересек полмира.

Но сначала Келкор решил замаскироваться. Наблюдая за происходящим у подножия пирамиды, он увидел, что не все люди скованы. Многие рабы, понурив головы, спеши-

ли по своим делам, и змеелюди не обращали на них особого внимания. Единственное, что отличало Келкора от рабов, — одежда. Поэтому воин разделся догола и свернул набедренную повязку из нательной рубахи. Свое оружие он тщательно завернул в одежду, а ту, в свою очередь, в кусок грубой холстины. Однако он скрутил сверток таким образом, чтобы в случае необходимости легко было вытащить меч. После этого он обсыпал себя с ног до головы строительной пылью. Наконец, решив, что похож на одного из слуг змеелюдей, Келкор вышел из дома.

Не поднимая головы, прошел он мимо фигур в темных плащах. Никто из змеелюдей не обратил на него внимания. Раб шел по своим делам. Чуть приободрившись, Келкор отправился вдоль огромной пирамиды, мимо множества строений у ее подножия. В первую очередь он хотел немного осмотреться, и еще его сильно мучила жажда.

Вскоре он заметил водоноса. Подойдя, Келкор зачерпнул из его ведра воду, специальной металлической кружкой. Выпив первую кружку до дна, но не напившись, Келкор зачерпнул следующую.

Водонос сказал ему что-то на незнакомом языке. Келкор не обратил внимания на слова раба и начал пить. Тут водонос подступил к нему и попытался вырвать металлическую кружку из рук воина. При этом он громко закричал.

Стоявший неподалеку змеечеловек повернулся и направился к Келкору.

* * *

Солнце сверкало на алых доспехах пеших воинов. Играли на ветру знамена. Вдали возвышались темные городские стены. Вдруг раздался чей-то крик, и перед строем на белой лошади промчался тучный старик. Рыжая борода его стояла торчком, в руке он держал легкий меч.

— Вперед! — закричал он зычным голосом. — За Кулла! За короля Валузии!

Воины, опустив щиты, двинулись к зловещим темным стенам. Следом за ними побежали плотники-ополченцы, подтаскивая длинные лестницы. К стене поползли осадные башни. Могучий таран со страшным грохотом ударили в ворота.

Только теперь Брул Копьебой узнал город, который собирались штурмовать Алые Стражи.

«Что же это происходит? — удивился пикт. — Почему Ка-ну ведет Алую Стражу на штурм столицы, которую они призваны защищать?»

Дождь стрел хлынул со стен города. С гневом Брул наблюдал, как гибнут его старые боевые товарищи. Но и пикты Ка-ну не сидели без дела. Они достойно ответили горожанам, заставив ополченцев попрятаться за каменными зубьями городской стены.

Несколько убитых сорвалось со стены и упало под ноги Алым Стражам, устанавливающим штурмовые лестницы. Вниз полилась горящая смола и расплавленный свинец. Раздались крики раненых и умирающих.

Катапульта, установленная на угловой башне, выплюнула огромный огненный шар, и тот попал точно в деревянную осадную башню. Та вспыхнула, словно стог сена. Из нее, вопя, стали выпрыгивать люди в горящей одежде...

Брулу показалось, что он летит. В мгновение ока, как будто по желанию неведомого чародея, он перенесся на самую высокую башню города. Отсюда большая часть улиц была видна как на ладони. Где-то на городских стенах шел бой, но здесь пока было тихо.

Вдруг с грохотом распахнулись ворота королевского дворца, и сотня Алых Стражей выскочила на главную улицу. По-видимому, они собирались прийти на помощь войскам, штурмующим город. Брул видел, как из багровых улиц появились воины в черных, как смоль, доспехах — люди Кануба, барона Блала. Выстроившись в две шеренги под стенами дворца, они опустили частокол копий, отрезав отряд Алых Стражей от королевского дворца. Как только

этот маневр был закончен, на воинов короля обрушились люди Кануба и вооруженные чем попало горожане. Началась резня. Алые Стражи отчаянно защищались, но их было слишком мало. Один за другим гибли они, но каждому удалось прихватить с собой на тот свет не меньше дюжины врагов. Кровь заливалась улицу. На мгновение Брулу показалось, что среди Алых Стражей он различил белые одежды Ту. Но тут воинов короля захлестнула новая волна восставших, и все смешалось...

Тем временем штурм города продолжался. Брул видел, как одна за другой падают лестницы. Видел груды трупов воинов в красных доспехах под стенами столицы Валунии...

Не в силах вынести этого зрелища, пикт громко застонал, пошевелился и проснулся. Неужели все это был лишь ужасный сон? Дрожащей рукой Брул вытер пот со лба. Нет, это не сон. Но если так...

Пикт с трудом поднялся и, покачиваясь, сделал несколько шагов по комнате. На спинке кресла висит одежда. Пикт нагнулся, но страшная боль пронзила его тело. Подбежавшая сиделка попыталась вернуть раненого в постель, но Брул уверенным движением руки отстранил ее.

Он должен одеться и ехать. Пока Кулла нет, в Хрустальном городе может случиться непоправимое. С трудом кое-как напялив одежду, Брул направился к двери, но тут она распахнулась, и на пороге появился старый лекарь.

— Я требую, чтобы вы немедленно легли, — не терпящим возражения голосом заговорил он.

Но Брул, не слушая, отодвинул старика в сторону, — Хрустальный город в опасности, — только и смог проговорить Брул. — Я должен туда попасть.

Шатаясь, прикусив губу, чтобы не закричать от страшной боли, пронзившей все тело, пикт спустился по лестнице. Во дворе стояла неоседланная лошадь, и Брул вскочил на нее. Такому опытному наезднику, как пикт, седло не требовалось. Повалившись на шею животному, Копьебой

изо всех сил пришпорил лошадь, и та, повинуясь, вынесла пикта со двора дома придворного лекаря.

* * *

Держа меч наготове, Кулл осторожно пробирался по темным коридорам, ориентируясь по зеленым светящимся знакам — стрелкам, которые встречались ему почти на каждом шагу. Были тут и красные стрелки, и фиолетовые, и бурые, и синие, но куда они указывали, Кулл не знал. Он продвигался вперед очень медленно, то и дело прячась за колоннами и шепча молитвы Валке.

То и дело беглецу приходилось сворачивать с указанного стрелками пути, чтобы не столкнуться с многочисленными обитателями города-пирамиды. Несколько раз перед Куллом открывались большие помещения, но атлант всякий раз обходил их стороной, так как там ему негде было бы спрятаться. Атлант уже не обращал никакого внимания на красоту удивительных залов и переходов подземного города.

Один раз он вышел в зал с красными ажурными, словно сплетенными из хрупких веток коралла, колоннами. В этом зале трудилось несколько дюжин рабов. Они с величайшей осторожностью длинными кисточками сметали пыль под наблюдением пузатого змеевидного человека. Люди то и дело косились на ниши, расположенные вдоль всех стен зала. Кулл проследил за их взглядами и замер, крепко сжав рукоять меча. В многочисленных нишах, нанизанные на светящиеся голубым светом колья, скалились человеческие черепа...

Но вот очередной коридор вывел Кулла в зал, отделанный плитами мрамора цвета морской волны. Посреди него начиналась широкая лестница, а наверху в отверстии лестничного пролета ярко сверкал квадратик голубого неба. В зале никого не было. Ужасный ритуал должен был начаться еще не скоро, и поэтому ни в зале, ни на верхней пло-

щадке зиккурата никого не было. Куллу осталось только подняться наверх и...

Однако король замешкался. Справа от лестницы располагалось несколько дверей, и, судя по всему, за одной из них кто-то громко разговаривал. Двигаясь бесшумно, словно огромный тигр, Кулл пересек мраморный зал.

Остановившись возле двери, Кулл прислушался. Похоже, сама Судьба привела его сюда. Из-за двери доносились голоса Ренара и Лалы-ах. Кулл ни с кем не спутал бы эти голоса. Вновь перед атлантом встала картина: умирающий Брул с колдовским ножом в спине. В один миг осторожный воин превратился в дикаря.

Ударом ноги король Валузии распахнул дверь и попрался в комнату, занеся меч. В комнате, кроме влюбленных, никого не было. Лала-ах сидела на широком диване, а Ренар стоял спиной к двери. Когда появился Кулл, Ренар начал было поворачиваться.

— Я наконец нашел вас, — объявил Кулл и одним взмахом меча снес голову Ренару, только в последний момент осознав, что перед ним не человек, а змей.

Лала-ах, увидев короля, в ужасе забилась в дальний угол дивана.

— Ва-а-аше Ве-е-ели-и-чество, — только и смогла пробормотать она.

— Я рад снова встретиться с тобой, милая, — спокойно сказал король. — Правда, эта встреча стоила жизни многим отважным людям. Но теперь все кончено. Прими же перед смертью свой настоящий облик.

— Я-я-я не понимаю вас, — пролепетала девушка.

— Не надо притворяться, — проговорил Кулл, подступая к графине. — Ты точно такая же, как твой возлюбленный. Но теперь пришел конец твоему змеиному коварству.

— Я не из этих тварей! — в страхе воскликнула девушка. — Мой муж — он один из них. Весь этот побег был подстроен, чтобы заманить вас в Королевство змей.

— Ничего, если я выберусь отсюда, то вернусь в этот город с огромной армией. А теперь, когда возлюбленный твой мертв, пришла и твоя очередь сложить голову.

Тем не менее Кулл медлил. Как и любой настоящий воин, он не любил убивать безоружного врага, особенно если это женщина, пусть даже и предательница. Лала-ах же, заметив сомнения короля, бросилась ему в ноги.

— Я всегда была верна вам... — всхлипнула она. — Ренар увез меня силой. Тогда на балу я не знала, что он оберотень...

— Ладно. — Король осторожно отстранил девушку. — Я не стану тебя убивать. Подождем возвращения в Хрустальный город, а там разберемся, кто змеечеловек, а кто — нет. — И, уже убирая меч, он спросил: — Что ты делала тут, возле алтаря Змея?

— Ренар хотел, чтобы я заколола вас на алтаре, во время зловещего ритуала, — дрожа от страха, пробормотала девушка.

— И ты согласилась?

Но Лала-ах молчала. Она боялась сказать правду грозному королю и не хотела врать. Видя ее замешательство, Кулл тяжело вздохнул.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Нет, — покачала головой красавица.

И тут за дверью послышались голоса. Кулл жестом приказал девушке молчать. Он подкрался к двери и насторожился, держа меч наготове...

Глава шестая

Келкор замер, с ужасом глядя на приближающегося змеечеловека.

— В чем дело? — поинтересовалась тварь на ломаном грондарском.

Водонос, поклонившись, что-то пролепетал на неизвестном Келкору языке, несколько раз ткнув пальцем в сторону командира Алых Стражей. Змеечело-век повернулся к Келкору.

— Ты нарушаешь правила?

— Нет, господин, — ответил Келкор на грондарском, с почтением поклонившись.

— Ты, я вижу, из новичков и еще не слишком хорошо усвоил наши правила, — надменно продолжал змеечело-век. — Раб может выпить за раз только одну кружку воды. Иначе рабы только и будут пить воду, а не работать! Запомни это! — Бич со свистом рассек воздух и опустился на плечи Келкора, тот согнулся от страшной боли, но сдержал свою гордость. Он лишь низко поклонился чудовищу. — Теперь ступай вниз, в бараки рабов, и пусть твой надсмотрщик вновь втолкнет тебе правила местной жизни.

— Но, господин, я был послан... — начал было Келкор, сам еще не зная, что придумать.

Но тварь в черном плаще не дала ему договорить. Вновь в воздухе просвистел бич. От страшного удара Келкор повалился на колени.

— Иди вниз, вдоль пирамиды, — повторил змеечеловек. — Свет на мгновение померк в глазах воина. — Там тебе все растолкуют.

Келкору ничего не оставалось, как отступать, медленно кланяясь. Отойдя на достаточно приличное расстояние и видя, что змеечеловека он больше не интересует, воин повернулся и быстрым шагом отправился по пыльной дороге вниз к манящему зеленому лесу. Теперь, когда на его коже появилось два багровых рубца, Келкор уже ничем не выделялся из общего потока рабов, спешащих по своим делам.

С ужасом наблюдал он за людьми, порабощенными змеелюдьми, но еще отвратительнее были полуразумные твари, которые были приручены змеелюдьми и помогали рабам поднимать наверх огромные каменные блоки, а также выполняли другую тяжелую физическую работу, непосильную для людей. Такие создания могли привидеться Келкору только в кошмарном сне. Слишком разнообразными были эти чудовища, чтобы можно было их описать. Одни двигались на двух, другие на четырех лапах. У каждой твари был ужасный хвост, увешанный отвратительными шипами... И еще они очень походили на тех отвратительных существ, чье стадо растоптало отряд Кулла.

Келкор шел все дальше и дальше. Дорога вниз показалась ему нескончаемой. Справа от него чудовищным оружием возвышалась пирамида. Келкор пару раз останавливал водоносов, но в этот раз не жадничал.

Постепенно командир Алой Стражи начал понимать истинное положение вещей. Если целью Ренара и его возлюбленной было добраться до этого места, то, без сомнения, они преуспели. Не могло быть и речи о том, чтобы найти их в этих краях. Шагая вдоль пирамиды, Келкор в который раз корил себя за то, что не внял голосу разума и не вернулся вместе со своими воинами к Черной реке. Ес-

ли бы не долг перед королем, он без сомнения повернул бы назад.

Внезапно его накрыла огромная тень. В небе парил дракон. Келкор вспомнил, что уже видел такую же тварь, когда пришел в себя после ужасной резни в пустыне. Тогда в голове у него гудело, и он решил, что крылатое чудовище померещилось ему. Кроме него, никто из оставшихся в живых ничего подобного не видел.

Дракон скользнул по небу, снижаясь. С удивлением Келкор заметил маленький паланкин, прикрепленный на его спине. В ней застыло несколько фигур, но из-за большого расстояния Келкор не мог определить, кто это: люди или змеи.

— Чего зазевался! — толкнул его один из рабов, идущих вниз по дороге. — Ты что, Летуна никогда не видел?

Келкор потряс головой, отгоняя наваждение, и зашагал дальше, опустив голову, стараясь двигаться точно так же, как остальные рабы.

* * *

Мерцающие гнилушки освещали маленькую комнату, спрятанную глубоко под землей. За массивным столом, уставленным всевозможными яствами, собрались заговорщики.

Граф Фанара, приняв свой естественный облик, восседал во главе стола. Напротив него, понурив голову, сидел Кануб. Барона явно что-то беспокоило. Его губы шевелились, словно он непрестанно шептал молитву, но слов слышно не было.

— Итак, что вы на это скажете, — наконец обратился он к графу, указывая на мертвого почтового голубя, который лежал посреди яств на бронзовом подносе. — Что, если проклятый пикт согласится на предложение Ту и поведет войска на штурм города?

— Не думаю, — спокойно ответил граф Фанара. — К тому же это вы должны мне сказать, что делать. Вы увери-

ли меня, что достаточно убрать Кулла и все, что он создал, развалится само собой. Ту сложит оружие, Ка-ну удалится на свои острова.

— Никто не предполагал, что все получится именно так, — вяло ответил Кануб. — Но и вы, граф, не сдержали своего обещания. Где голова Кулла? А ведь вы обещали вывесить ее на воротах в назидание всем сторонникам королевской власти.

— Я думаю, что за этим дело не станет, — зло процедил сквозь зубы змеечеловек.

— Не тяните с этим, — продолжал Кануб. — Ваших воинов в городе мало, а горожане не стремятся умирать за идеалы. Тут даже песни Ридондо не слишком помогают. При Кулле страна процветала, и этого нельзя отрицать. Узурпатору удалось многое из того, о чем его предшественники могли только мечтать... Так что если мы хотим, чтобы наша армия не разбежалась, нам нужна пустя малая, но победа.

— Что же вы предлагаете?

— Бросьте своих змеев против Ту.

— Но, когда змеев человек гибнет, чары, скрывающие его истинный облик, рассеиваются. Начнется штурм королевского дворца, и горожане увидят, что мы поддерживаем вас, это не прибавит вам популярности. Люди забоятся по своим домам, и вы никаким колдовством не заставите их защищать городские стены.

— Тогда можно попытаться напасть на Ту ночью. — Тут Кануб сделал небольшую паузу, словно собираясь с духом, но граф Фанара молчал, ожидая, когда барон Блала закончит свою мысль. — Вы, змеи, всегда кичитесь своей древней наукой и магией. Вот и используйте что-нибудь из своего колдовского арсенала.

На мгновение над столом повисла тишина. Кануб, поняв, что перегнул палку, смертельно побледнел, но по змеиной улыбке графа невозможно было сказать, какое впечатление произвели на него слова предателя.

— Хорошо, — едва слышно проговорил граф Фанарап.
— Однако нам нужно подготовиться. Ночью мы атакуем королевский дворец, но... держите своих людей подальше. Мы откроем ворота Ада...

* * *

Дверь медленно отворилась, и в комнату вошло пять змеелюдей. Среди них была и принцесса Шулиша. Для Кулла, затаившегося за дверью, все змеелюди были на одно лицо, принцессу же атлант узнал сразу.

Войдя в комнату, твари замерли, разглядывая труп Ренара. После чего они перевели взгляды на забившуюся в угол дивана Лалу-ах. Девушка выглядела еще более испуганной, чем при появлении короля Валузии.

— Что все это значит? — наконец заговорила принцесса. — Я вижу, ты не отвешала взаимностью своему любовнику. Жаль! Он был верным слугой нашему королю. — С сожалением вздохнув, принцесса подошла к трупу и ткнула его острием туфли. — Ты знаешь, какое наказание грозит человеку, осмелившемуся поднять руку на существо Древней расы?

— Я не... — начала было девушка, но, увидев движение Кулла, замолчала на полуслове.

— Если раньше у тебя еще оставался шанс остаться в живых, — продолжала принцесса, по-своему истолковав смятение девушки, — то теперь, после того как ты убьешь Кулла, я передам тебя не в руки жрецов Великого Змея, а королевским палачам. Они-то отлично знают, как обращаться со строптивыми людышками. Тогда ты еще не раз будешь молить о смерти!.. Но я даю тебе последний шанс.

Лала-ах всхлипнула.

— Возьми кинжал! — продолжала принцесса. — Варвар появится на церемонии с оружием в руках. Когда он прикончит Шашонга, ты ударишь его в спину. Но не раньше... Нужно, чтобы ты убила Кулла раньше, чем его

схватят жрецы Великого Змея. Ты понимаешь, что я говорю?

Девушка согласно кивнула.

— Я вижу, ты не собираешься выполнять условия нашего договора, — громко сказал Кулл, шагнув вперед.

Пораженные змеелюди обернулись.

— Что ж, — наконец опомнилась принцесса, — тебе удалось разрушить мои планы. Ты мог избежать злой участии и погибнуть в схватке, а не на алтаре, но теперь у меня не осталось выбора! Взять его!

Четверо спутников принцессы схватились за оружие. Четыре клинка блеснули в сумраке комнаты. Кулл сразу понял, что перед ним не хилые колдовские создания, а опытные воины. Но атлант знал, что ни одна тварь не должны была уйти живой, иначе тот единственный шанс на спасение, что еще оставался у него, растаял бы как прозрачный утренний туман.

— Коварство змей не имеет границ, — улыбнулся варвар.

В отличие от своих противников, с ног до головы закованых в броню, Кулл был без доспехов. Одежды его давно превратились в грязное тряпье, но с мечом в одной руке и кинжалом в другой атлант был опасным противником.

С диким, шипящим криком бросился первый из змеелюдей на врага. С легкостью Кулл отмел в сторону его клинок, но выпад кинжала атланта встретила стальная перчатка, усеянная огромными отравленными шипами. Змеечеловек взмахнул рукой, и кинжал Кулла со звоном отлетел в другой конец комнаты. Потом тварь отскочила назад, к своим товарищам, и замерла держа оружие наготове.

И тогда Кулл бросился на врагов. Скрестив клинки с одним из противников, варвар применил один из самых подлых приемов, которые никогда не позволил бы себе, если бы сражался на равных. Нога варвара, словно молот, ударила по нижней части живота змеечеловека. Тварь,

строение тела которой приблизительно соответствовало строению тела обыкновенного мужчины, согнулась вдвое, взывив от боли. Описав мечом круг по воздуху, Кулл заставил остальных врагов отступить и одновременно обрушил массивный кулак левой руки на затылок покалеченного противника. Змеечеловек безжизненной грудой рухнул на пол.

Тут на Кулла одновременно справа и слева бросилось двое. Варвар отскочил назад, но клинок одного из змеевлюдей задел плечо короля Валузии. Кровь окрасила в алые тона рваные одежды атланта.

— Оглушите его, обезоружьте, но не убивайте. Он нужен мне живым! — закричала принцесса.

Кулл вновь описал в воздухе дугу острием меча, не давая противникам приблизиться. А потом король Валузии сделал резкий выпад. Меч змеечеловека, того, что был справа, просвистел над головой атланта, в то время как тонкий меч Кулла глубоко вошел в грудь противника слева. С шипением одна из тварей сползла на пол, а Кулл неожиданно нанес промахнувшемуся змеечеловеку удар в грудь рукоятью меча. Тварь на мгновение замерла, ловя ртом воздух. Кулл, не останавливаясь, пронзил четвертого противника. Но тут атланту не повезло. Меч его застрял в теле врага. Последний из оставшихся на ногах змеевлюдей уже пришел в себя и, рубя воздух, стал подступать к варвару. Кулл нырнул вперед и, сделав кувырок на окровавленном полу, вскочил, готовый схватиться с противником голыми руками.

И тут страшная боль пронзила ему руку. Принцесса Шулиша, размахнувшись, всадила кинжал в левое плечо короля Валузии. Одним взмахом руки Кулл отшвырнул разъяренную фурию и едва успел раненой рукой отмести в сторону клинок змеечеловека. Меч твари соскользнул, прочертив по телу варвара кровавую полосу. Вырвав здоровой рукой кинжал из своего тела, варвар одним взмахом рассек надвое горло змея, а потом развернулся и, метнув

нож, пригвоздил принцессу к стене. Кинжал вошел в ее грудь по самую рукоять.

Лала-ах бросилась к королю.

— Ваше Величество... — только и смогла пробормотать она, глядя на ужасные раны Кулла.

— Найди тряпку почище, — приказал атлант. — Надо наложить жгут и остановить кровотечение.

Рана в плече и в самом деле была глубокой, зато — оставленная мечом оказалась не более чем царапиной.

Лала-ах действовала быстро, как будто всю жизнь только и занималась тем, что перевязывала раненых воинов. Оторвав длинный кусок ткани от занавеси, закрывавшей дальнюю стену комнаты, она перетянула руку короля чуть выше ужасной раны.

— Ну вот, теперь порядок, — тихо пробормотал Кулл.
— Но не время расслабляться. Нам нужно попытаться выбраться из этого змеиного гнезда.

Нагнувшись, король здоровой рукой подхватил меч одного из змеевидных и направился к выходу из комнаты. Лала-ах ничего не оставалось, как последовать за ним. За то время, что она пробыла в руках Ренара, она насмотрелась таких ужасов, что теперь ее ничего не пугало, даже смерть была ей не страшна.

Широким шагом пересек Кулл зал и стал подниматься по лестнице, ведущей на крышу зиккурата. И тут он увидел, кто ждет его наверху...

Часть третья

ВЕРХОМ НА ДРАКОНЕ

Глава первая

Келкор осторожно сошел с дороги и нырнул в один из бараков, очевидно предназначавшийся для рабов. Всего таких бараков было около сотни. Они вытянулись вдоль дороги, а за ними на самой опушке джунглей шли загоны, в которых копошились ужасные твари, каких воин и представить себе не мог. Эти загоны, сооруженные из массивных бревен, сами по себе были грандиозными. Воину в какой-то миг показалось, что он попал в страну великанов...

Но сейчас не время было разглядывать всевозможных чудовищ, по-видимому обитающих в джунглях за Великим Разломом. Для этого у Келкора еще будет довольно времени. Пока же ему нужно было сориентироваться и попытаться узнать хоть что-нибудь о судьбе своего короля.

Барак, куда заскочил Келкор, был большим квадратным строением, вдоль стен которого шли койки, расположенные друг над другом в четыре яруса. В центре его возвышался массивный деревянный столб, поддерживающий крышу.

В первый момент Келкор решил, что в бараке никого нет, а потом услышал тихий стон. Кто-то тут все же был. Двигаясь на ощупь в полутьме, воин прошел вдоль одной из стен. Запах в бараке стоял невыносимый, ноги по щико-

лотки утопали в грязи... Вновь кто-то застонал, и Келкор в этот раз прислушался. Стон доносился со стороны центрального столба, поддерживающего крышу сооружения. Теперь глаза лемурийца привыкли к сумраку помещения, и он смог разглядеть, что к столбу, кто-то привязан. Но, даже подойдя ближе, Келкор не смог рассмотреть лицо несчастного. Он даже не смог понять, мужчина это или женщина.

— Кто ты? — тихо пробормотал воин.

— А тебе какое дело, — хрипло пробормотал несчастный. — Ты один из них! Можешь ударить меня, как это делают они! Но помни, если ты переусердствуешь и убьешь меня, Шашонг покарает тебя!

— Кто такой Шашонг? Незнакомец хрипло рассмеялся.

— Ты шутишь, раб! Кто же не знает доброго правителя Халиша.

— Халиша?

— Города в пирамиде, — ответил привязанный к столбу человек. Но что-то странное было в том, как произнес он слово Халиш.

Удивившись, Келкор вытянул руку и обмер, когда его пальцы натолкнулись на холодную чешую змеечеловека. Несколько секунд командир Алой Стражи стоял пораженный.

«Что происходит? Судя по всему — это барак для людей рабов! Вокруг всем заправляют змеевидные! Тогда откуда же взялась эта тварь, привязанная к столбу?»

— Кто ты?

— Шуршил. Может, слышал о таком? — хриплым голосом ответил воину змеечеловек. — До недавнего времени я был в свите принцессы Шулиши, но король раскрыл наш заговор. Принцесса еще на свободе. Она считает, что ее коронованный дядюшка ничего не знает о ее кознях, но на самом деле заговор давно раскрыт. Шашонг играет с ней, как кобра с кроликом. Нас же, слуг принцессы, втайне от нашей повелительницы схватили и отдали на забаву

рабам... Но помни, человек, если ты убьешь меня, то король отомстит. Он обрек нас на муки, но не на смерть. Шашонг сам дарует нам смерть, но лишь тогда, когда сочтет нужным. Келкор задумался.

— А если я освобожу тебя? — осторожно спросил он, на всякий случай сжав рукоять клинка. Алый Страж готов был в любой момент выхватить меч и прирезать змеиное отродье.

— Какой смысл тебе меня освобождать? Ты же должен ненавидеть меня. Разве я не прав, раб? Ведь я один из тех, кто рисовал кровавые узоры на твоей спине... Освободив меня, ты не получишь никакой выгоды. Меня же снова схватят, и наказание короля Шашонга будет еще страшнее.

— А если я помогу тебе сбежать? — продолжал Келкор.

В голове его еще не созрел план, но что-то уже начинало вырисовываться. Похоже, что ему крупно повезло. Он — единственный из людей — смог узнать, что лежит за пустыней на другой стороне Черной реки. В одиночку он не сможет найти короля Кулла. Там, в пустыне, расставаясь с воинами, выжившими после нападения чудовищ, Келкор не подозревал, что ждет его впереди. Теперь же, если он сможет вернуться к армии, которая вместе с Далгаром ожидала на той стороне Стагуса...

— Куда бежать? В джунглях, как и в пустыне, правит Шашонг!

— Ты умеешь управлять драконом? — наконец отважился спросить Келкор.

— Что-то ты слишком уж храбр для раба, да и по выговору ты не похож на грондарца, — с подозрением проговорил Шуршил.

— Какая тебе разница, кто я, — спокойно ответил Келкор.

— Ты, наверное, один из этих людышек, отряд которых недавно растерзalo стадо Младших Братьев?

На это Келкор ничего не ответил. Чем меньше знает о тебе враг, тем спокойнее.

— Так ты сможешь править драконом? — вновь поинтересовался лемуриец.

— Предположим, — многозначительно ответил змеечеловек.

— Ты сможешь отвезти меня за Черную реку, ту, что в Грондаре называют Статусом.

— Но там же лежат королевства людей!

— А тут, как я понял, тебе все равно грозит казнь, — спокойно ответил Келкор. — Я ведь могу уйти и поискать кого-нибудь посговорчивее.

Змеечеловек рассмеялся, но в голосе его не было слышно веселья.

— Ты глуп, как рогатый ящер, — наконец произнес он.

— Единственное, что может найти человек в Змеином королевстве, так это смерть. Предположим, я и в самом деле решусь помочь тебе... Разве ты сможешь обещать мне убежище...

— Да, смогу, — перебил его Келкор. — В своей стране я занимаю достаточно высокое положение.

— Но наши народы всегда были врагами. Люди ненавидят змей.

— Если ты будешь упрямиться, ты погибнешь. Скоро закат, рабы вернутся сюда, чтобы отдохнуть. Днем многим из них досталось от твоих сородичей, так что не думаю, что они будут милосердны по отношению к тебе... Итак, я последний раз спрашиваю, ты сможешь управлять драконом?

— Да, — коротко ответил Шуршил.

— Хорошо. — Келкор достал из связки одежд короткий кинжал и начал пилить веревки, которыми змеечеловек был привязан к столбу. Зная о ядовитых клыках тварей, воин отлично понимал, чем рискует. Но также он понимал, что змеечеловек — его единственный шанс спастись, привести в эти земли войско и отыскать короля — мертвого или живого. — И запомни, — пробормотал Келкор, разрезая последнюю веревку, — если ты попытаешься выдать

меня своим сородичам, то умрешь первым, а потом я постараюсь как можно дороже продать свою жизнь.

Как только веревки оказались перерезаны, Шуршил упал в грязь. Он был так слаб, что не мог стоять на ногах.

* * *

Ка-ну сидел за походным столом в палатке и разглядывал письмо, которое только что принес ему слуга. Всего пять минут назад от лапы почтового голубя отвязали очередное письмо Ту.

«Уважаемый Ка-ну!

Должен признаться, я в отчаянном положении. Королевский дворец окружен. Нас слишком мало, чтобы мы могли выдержать еще один штурм. Если завтра в полдень вы начнете штурм города, то мы устроим вылазку и попробуем захватить одни из ворот города. А уж там пусть все окажется в руках Валки.

*С надеждой искренне ваши,
Главный советник Ту».*

Ка-ну еще раз перечитал письмо. При этом пикта одолевали самые мрачные думы. Так некстати начавшаяся война должна была сильно ослабить Валузию, которой и без того со всех сторон угрожали враги. А что станет с пиктами, если древнее королевство падет под мечами туранцев, окажется растоптанным конями верулийцев или слонами фарсунцев?

Посол пиктов уже собирался послать слугу и вновь созвать офицеров на совет, когда один из офицеров, несущих стражу, ворвался в палатку Ка-ну.

— Плохие вести, мой господин.

— Что еще случилось? — устало произнес Ка-ну. Пожале, с тех пор, как Кулл покинул Хрустальный город, дела идут все хуже и хуже.

— Прискакал раненый гонец с Востока.

— Вот только этого нам не хватало, — озабоченно пропоротил Ка-ну. — Где он?

— В палатке нашего лекаря, однако, похоже, он долго не проживет. У него страшная рана и...

Но последних слов старый пикт не слышал. Распахнув полог палатки, он решительным шагом направился в сторону шатра лекаря.

Казалось, уныние, сменившее тревожное ожидание, воцарились над всем лагерем Алой Стражи. Повсюду Ка-ну видел недовольные, насупленные лица. Воины вынуждены были поднять оружие против тех, с кем недавно делили хлеб и кров. И хоть большинство Алых Стражей было набрано из воинов предгорий Залгары, Хрустальный город слишком долгое время служил им домом, чтобы они с легкостью могли убивать прежних радушных хозяев, долгое время приветствовавших их как освободителей.

В палатке лекаря горел свет. Сам лекарь — худой высокий человек средних лет — склонился над человеком, лежащим на белоснежных тканях.

— Нет, я не позволю вам себя перевязать, пока не увижу Ка-ну, — твердил раненый.

— Но, Брул... — начал было лекарь. Вошедший в этот момент в палатку Ка-ну одним движением руки отодвинул лекаря в сторону. Перед ним на белоснежных простынях лежал его верный слуга Брул. Огромное кровавое пятно расплывалось у него на спине.

— Что с тобой случилось, Брул? Что с Куллом? Где король и его войско?

— С Куллом все в порядке, — с трудом разлепляя губы, проговорил раненый пикт. — Проклятое путешествие... Пусть гнев Валки обрушится на Ренара и вероломную графиню... Меня ударили ножом в спину, а Кулл с армией поскакал дальше на Восток... Нож был колдовским... Но не это главное, Кану... — Брул замолк. Видно было, что ему тяжело говорить.

— Дайте я вначале перевяжу его, — вмешался лекарь.

Посол пиктов хотел было отступить, но Брул вновь поманил Ка-ну, не обращая никакого внимания на лекаря.

— Я видел сон... Письмо Ту — подложное... Послушай меня, ты не должен штурмовать город... Ты погубишь много народа... Ту не вырвется. Он все равно погибнет...

В последнем усилии Брул вытянул руку, схватился за край плаща Ка-ну. Но в этот миг силы оставили его. Пикт упал на подушки лицом вниз. Рука его, скользнув по плащу посла, оставила на нем кровавый след, почти незаметный на красной материи.

— Он мертв? — обратился Ка-ну к лекарю, склонившемуся над раненым.

— Нет, — ответил тот. — Но Копьебой потерял слишком много крови. Кто-то уже пытался лечить его рану, однако, не долечившись, Брулл снова сел в седло. Рана открылась...

— Он будет жить?

Лекарь пожал плечами. Ему было некогда говорить — надо было попытаться остановить кровь, а потом, приложив целебные травы, перевязать раненого.

Ка-ну, понимая, что мешает, вышел из палатки. «Копьебой сказал, что с королем все в порядке и он поехал дальше на Восток. Это хорошо, — сказал сам себе Ка-ну. — Но что он говорил о штурме города и о каком-то сне? Насколько можно доверять фантазиям тяжелораненого?»

Ка-ну, как и любой человек той далекой эпохи, предшествующей знаменитой Хайборийской эре, верил в вещие сны. Вот только был ли сон Брула вещим? Не был ли он порождением лихорадки, вечной спутницы раненых? Хотя, с другой стороны, откуда Копьебой мог узнать о готовящемся штурме? Откуда ему стало известно о письме Ту?

Посол пиктов взмахнул рукой, подзывая офицера караула, который последовал за Ка-ну к палатке лекаря, держась в некотором отдалении.

— Разошли посыльных. Пусть не позже чем через час все старшие офицеры Алых Стражей вновь соберутся в

моей платке... Да, и приставь пару людей к палатке лекаря. Пусть костоправа не беспокоят, а когда Брулу станет лучше, пусть сообщат мне.

Офицер кивнул и бросился выполнять приказ пикта.

Тяжело вздохнув, Ка-ну направился к своей палатке. Давно не приходилось ему принимать столь ответственных решений. Сейчас же в руках его была судьба Валузии, и от того, какое решение он примет, во многом зависела и судьба Островов Пиктов.

* * *

Малый храм Валки располагался на самом краю Хрустального города у стены. Когда в городе началась смута, жрецы, зная, что горожане, решив выступить против своего короля, никогда не отступятся от своей веры, и поэтому не беспокоились. Пока в городе шла резня, они держали двери своего храма широко открытыми, приглашая заходить всех страждущих.

В первый же день бунта один из Алых Стражей, что несли ночной дозор на стенах города, хотел найти спасения у алтаря Валки. Жрецы благосклонно приняли его, заставив переодеться, сдать оружие и в смиренности предаваться думам о своей жизни, пока воины Кануба пытались штурмом взять королевский дворец.

Как же было велико негодование жрецов, когда вечером у стен их храма появились воины в черных доспехах! Это были люди графа Фанара — таинственного человека, который раньше считался другом Кулла, а потом примкнул к заговорщикам. Его воины за время восстания снискали себе славу самых жестоких убийц.

Один из людей графа Фанара уверенно поднялся по ступеням храма, и тут жрец в белых одеждах преградил ему путь.

— Вы не можете войти в храм Валки с оружием в руках! — спокойно произнес жрец.

Воин в черных одеждах смерил тщедушного жреца оценивающим взглядом.

— Король Валузии Кануб Великий дает вам полчаса на то, чтобы вы убрались из храма. Через полчаса мы придем и убьем всех тех, кто остался в этих стенах.

Жрец, тяжело вздохнув, опустил голову.

— Сын мой, но ведь это дом Бога, которому поклоняется большинство жителей этого города. Ни один король не властен приказывать жрецам Валки. Неужели ты не боишься гнева Всеышнего и станешь осквернять его обитель?

— Я повторяю еще раз: через полчаса мы войдем в храм. Все, кого мы найдем в этих стенах, будут убиты на месте.

Повернувшись, воин в черном спустился по лестнице и отошел к своим товарищам, тем самым показывая, что разговор закончен.

Полчаса пролетело как один миг, но никто не вышел из стен храма. Двери по-прежнему были призывно открыты, обещая покой и спасение.

Когда время ультиматума истекло, на площадь перед храмом выехал всадник. Сам граф Фанара прибыл, чтобы увидеть, как исполняется его приказ. Тот же воин, что говорил со жрецом, подошел к всаднику и что-то прошептал ему на ухо. Кивнув, всадник выпрямился и громовым голосом обратился к воинам в черных одеждах, собравшимся на площади.

— Идите и убейте тех, кто не повинуется приказам нового короля Валузии!

Воины в черном, обнажив мечи, решительным шагом направились к храму. Дорогу им заступил тот же жрец.

— Остановитесь! Если вы оскверните храм, месть Валки будет ужасна.

Предводитель воинов взмахнул мечом, и жрец повалился на ступени. На одежде его расплылось кровавое пятно. Впервые за тысячу лет кровь залила ступени этого храма.

Воины в черном вошли в храм Валки как хозяева. Безоружные жрецы были перерезаны за несколько секунд. Они и не пытались сопротивляться, кроме одного — из новых послушников. Бывший Алый Страж, схватив первое, что попало ему под руку — а это был стул, — обрушил его на голову ближайшего воина в черном. Через мгновение обагренная кровью сабля оказалась в руках новоиспеченного жреца. С ужасом увидел он, как мертвый человек в черном превращается в ужасную тварь со змеиной головой. Но замешательство его длилось недолго. Закричав, воин бросился на противников.

Кому-то он отрубил руку, пронзил грудь другому, ловко отразил выпад третьего. Но врагов было слишком много, а Алый Страж — один. Очень скоро он повалился на мраморный пол изрубленный в куски.

Вскоре предводитель воинов вышел, и с порога храма помахал своему повелителю.

— Мы очистили для вас храм, мой господин.

Граф Фанара спешился и, передав поводья коня слуге, неспешным шагом поднялся по ступеням.

Внутри храм изменился. Воины в черном сдвинули к стенам всю утварь, расчистив огромный зал, а потом притащили несколько мертвых тел. Теперь трое из них рисовали на полу гигантскую пентаграмму, используя вместо краски кровь убитых.

По знаку графа Фанара двери храма затворили, и задвинули огромный бронзовый засов. Змеевидям не нужны были лишние свидетели. То, что должно было произойти в этом храме, не предназначалось для посторонних глаз.

Когда пентаграмма была закончена, воины в черном расставили в углах кровавого рисунка толстые свечи черного воска. Еще мгновение, и слуги графа приняли свой настоящий облик, сбросив маски. Змее-люди встали, как требовал того ритуал.

Шагнув в центр пентаграммы, граф Фанара громко запел странным шипящим голосом. Никогда еще в стенах

древнего храма Валки не произносились слова ужасного языка Древних, каждое слово которого звучало как богохульство. Воздев руки к небу, эмиссар Змеиного королевства призывал дух Великого Змея помочь и обрушить свой гнев на жителей Хрустального города. И Древний Бог Зла услышал мольбы одного из своих сынов.

Со скрежетом распахнулись железные решетчатые двери усыпальниц Малого Городского кладбища, расположенного за оскверненным храмом великого Валки. Осклизлые, полусгнившие пальцы ухватились за крышки гробов...

* * *

Келкор хорошенъко встряхнул змеечеловека.

— Возьми себя в руки. Ты уже предал своего короля, так что терять тебе нечего... Помни, впереди тебя ждет свобода.

Шуршил тяжело вздохнул.

Выскользнув из барака рабов, они затаились среди груд строительного мусора, ожидая прихода ночи. В небе, постепенно начинающем темнеть, зажглись первые звезды. Скоро змеелюди станут загонять рабов в бараки. Как раз в момент всеобщей неразберихи Келкор и хотел захватить дракона.

— Соберись и пока побереги силы. Ты должен будешь править ящером.

Шуршил безвольно кивнул. Казалось, змеечеловек смутно осознавал все происходящее. Только теперь Келкор смог хорошенъко рассмотреть своего случайного союзника. Судя по всему, змеечеловек был молод, но выглядел отвратительно. Желтая, нежная чешуя вздулась ужасными синяками, часть чешуек возле рта обрамляли полоски высохшей крови. Один из длинных ядовитых клыков оказался обломан, а глаза едва открывались. Похоже, рабы за свои унижения с удовольствием отыгрались на шкуре одного из своих мучителей.

Наконец, решив, что пришло подходящее время, Келкор осторожно наклонился к своему спутнику.

— Я сейчас уйду. Уберу охрану. Ты оставайся тут и не делай глупости. Помни, если ты выдашь меня, то умрешь, а если поможешь мне, у тебя появится надежда выжить.

Шуршил обречено кивнул, но Келкор не был уверен, что змеечеловек понял его слова. Тем не менее воину нужно было действовать.

Выскользнув из-за груды каменных плит, сваленных за бараком, Келкор в мгновение ока вновь стал безвольным рабом. Покорно понурив голову, он поспешил к загону, где на цепях сидел огромный крылатый ящер. У ворот загона замерло двое змеев — стражей, с ног до головы закованых в доспехи. Подходя к ним, Келкор сделал вид, что споткнулся. Вдали щелкали кнуты, надсмотрщики разгоняли людей по баракам. Вроде бы никто не обращал внимание на одинокого раба.

— Куда! — остановил Келкора один из змеев.

— Господин послал меня. Он сказал, что забыл одну вещь в паланкине на спине дракона.

— Как ты назвал Крылатого Брата? Драконом?

— А что это у тебя за тюк? — удивился второй воин, подходя поближе.

Келкор понял, что вот-вот будет раскрыт. Медлить было нельзя. Выхватив меч из узла одежды, командир Алой Стражи отшвырнул тряпки в лицо ближайшему змеечеловеку и одним ударом свалил того, что стоял чуть дальше. Потом он резко обернулся к воину, запутавшемуся в тряпках. В тот момент, когда крик уже готов был сорваться с губ часовного, острие клинка Келкора, перерубив тонкое горло змея, оборвало его жизнь.

Командир Алых Стражей огляделся. Казалось, никто не заметил того, что произошло у ворот загона. Молясь Валке о том, чтобы никто не обнаружил их раньше времени, Келкор, отбросив меч, поспешил за своим союзником. Ведь если бы кто-то из змеев увидел человека с ме-

чом, беглецы оказались бы обречены. Но Шуршил, похоже, немного пришел в себя. Не дожидаясь возвращения своего спасителя, змеечеловек вышел ему навстречу. Едва держась на ногах, покачиваясь, как при порывах сильного ветра, он брел в сторону загона. Келкор встретил его уже на полпути и, преодолев чувство омерзения, подставил змеечеловеку свое плечо.

— Я отвяжу дракона. А ты приготовься. Нам предстоит долгий полед, — прошептал он на ухо своему спутнику.

Подойдя к воротам, Келкор чуть приоткрыл их, но, прежде чем проскользнуть внутрь загона, подхватил с земли свой меч. Внутри загона его никто бы не увидел, но оставаться без оружия Келкор не хотел.

Дракон находился в центре загона. Увидев беглецов, тварь громко зашипела и забила крыльями. Но двигаться она не могла. Две массивные железные цепи удерживали ее на земле. Одним концом они были приделаны к металлической полосе, охватывающей шею чудовища, другим — к массивным каменным колоннам.

— Ты должен посадить меня в седло на шее Младшего Брата и крепко привязать. Потом принеси мне длинный шест — они должны храниться где-то поблизости — и флягу с водой, — пробормотал Шуршил. — Мне кажется, еще немного, и я умру от жажды. После этого ты снимешь цепи...

Келкору ничего не оставалось, как согласно кивнуть.

С большим трудом подтащил он змеечеловека к огромной твари. Еще больше усилий понадобилось, чтобы усадить Шуршила в седло. Змеечеловек, казалось, то и дело терял сознание и едва шевелился. Затянув ремни крепления вокруг ног невольного союзника, Келкор бросился на поиски воды и шеста. Воин торопился. В любой момент он готов был услышать гневный оклик. К тому же трупы часовых остались лежать за воротами на самом видном месте. Стоит хотя бы одному змеечеловеку пройти мимо...

Шесты стояли возле одной из каменных колонн. Это были особые шесты, конец которых венчало ужасное шипастое острие. Флягу с водой оказалось отыскать намного сложнее. Но воин отлично понимал, если Шуршил потеряет контроль над драконом, обоих беглецов ждет смерть. Флягу удалось найти лишь в паланкине на спине ужасной твари. Тут были и запасы продовольствия. Все было подготовлено для дальнего путешествия, словно дракон только ожидал своих пассажиров.

Вернувшись к змеечеловеку, Келкор напоил его, повесив флягу ему на грудь, и сунул в руки шест.

— Сейчас я освобожу тварь, — сказал воин, но он успел отцепить лишь одну из цепей, когда во двор ворвалось с десяток змеев. На мгновение они застыли в недоумении, увидев в седле твари своего соплеменника. Сгустившиеся сумерки не давали им рассмотреть, кто же именно оседлал небесного скакуна.

Один из воинов что-то заговорил на языке змеи, выйдя чуть вперед. Не обращая внимания на змеев и вознося молитву Всемогущему Валке, Келкор рубанул вторую цепь. Дракон, услышав неприятный металлический звон, дернулся, и цепь с оглушительным треском лопнула.

Змеевидные существа с оружием наготове кинулись вперед. Келкор, видя, что не успевает добраться до паланкина, бросил Шуршилу лишь одно слово: «Взлетай!», а сам изо всех сил вцепился в обрывок цепи, свисающей с ошейника дракона. Огромный зверь, то ли повинуясь приказу Шуршила, то ли почувствовав свободу, сделал несколько шагов и неуклюже, тяжело взмыл в ночное небо.

Воины с обнаженными мечами остались далеко внизу. Келкор выпустил из рук ненужный теперь клинок и начал постепенно подтягиваться, желая подобраться как можно ближе к кольцу вокруг шеи дракона.

Вскоре ему это удалось, и он повис у ноги Шуршила.

— Дай мне руку, — попросил Келкор своего спутника, отлично сознавая, что стоит змеечеловеку пнуть его, и он полетит в черную бездну, вниз, навстречу смерти!

Но вместо удара он почувствовал прикосновение чешуйчатых пальцев. Поймав руку товарища, Келкор на мгновение повис в пустоте. А потом одним рывком перебрался на спину крылатой твари.

Так впервые за всю историю Земли был заключен союз между Древним и человеком...

Глава вторая

На мгновение Кулл застыл в оцепенении. Похоже, его ждали.

По периметру площадки, на вершине зикку-рата, выстроились жрецы Великого Змея — безмолвные фигуры в длинных серых плащах. И в центре группы, отделенный от Кулла массивным черным алтарем, возвышался король Шашонг.

Атлант узнал его по золотой короне, одетой поверх змеиного клубка, раздувшегося, словно капюшон плаща. Кулл попятился и бросил взгляд вниз, но зал, который они только что покинули, уже наполнился воинами со змеиными головами. Даже такой могучий воин, как Кулл, не смог бы одолеть столько противников.

На мгновение на крыше зиккурата воцарилась тишина, а потом Шашонг, вытянув руку, поманил атланта:

— Я рад вновь приветствовать тебя, король Валу-зии.
— И видя недоумение на лице варвара, змеечеловек продолжал: — Как я понимаю, заговорщица пала от твоей руки? Ну что ж, достойный конец. Моя племянница сама выбрала свою судьбу. Как наивна она была, думая, что я могу не знать о том, что происходит в моем городе, в моей королевстве. Но теперь все бунтовщики наказаны. Те из моих подданных, кто посмел замыслить гнусную измену, отданы на растерзание рабам — твоим сородичам, правитель Валузии.

— Я вижу, у тебя те же проблемы, что и у меня. Каждый проходимец рвется захватить королевский трон, — усмехнулся Кулл.

— Тут ты прав, — кивнул Змеиный король. — Но на этом все совпадения между нами кончаются... Сейчас ты будешь убит. Твое теплое, вырванное из груди сердце положат на этот алтарь, и ты...

— Нет, подожди... — Кулл шагнул вперед, выставив перед собой меч. — Ты говоришь так, будто моя смерть — дело решенное. Но я думаю иначе. Как видишь, в руках у меня меч. — Кулл вытянул вперед оружие, которое дала ему принцесса Шулиша. — Если твои подданные попытаются напасть на меня, то многие умрут, прежде чем я погибну.

Король Змей рассмеялся.

— Ты сильно преувеличиваешь свои силы, король Кулл. Я вижу, ты уже ранен... — Тут змеечеловек, вытянув когтистый палец, указал на левое плечо варвара. — К тому же я с самого начала хотел того, чтобы ты умер у алтаря или на алтаре с оружием в руке. Тогда душа твоя будет переполнена эмоциями. Это очень понравится нашему Господину...

А в это время Лала-ах, застыв на лестнице, с ужасом смотрела на приближающихся воинов, которые отрезали ей и Куллу путь к отступлению. Неожиданно из толпы выступил жрец в сером плаще.

— Ты помнишь, о чём говорил тебе Ренар? — шепотом спросил он, протягивая девушке небольшой кинжал. — Сейчас ты должна подняться наверх и ударить в спину этого человека. Он должен пасть от твоей руки.

В голосе жреца было нечто завораживающее. Лала-ах не в силах была отказать этому существу. Словно загипнотизированная, уставилась она в бездонные глаза рептилии. Потом, протянув руку, она машинально взяла оружие, повернулась и поспешила вверх по лестнице, следом за Куллом.

— ...А то, что в руках у тебя меч, — продолжал Шашонг, — так это ненадолго... Я вложил его в твою руку, я же и заберу.

С этими словами змеечеловек вновь вытянул руку в сторону Кулла. Атлант почувствовал, как накаляется рукоять его меча. Еще мгновение, и он уже не мог держать в руке предательский клинок. С проклятием варвар отшвырнул меч.

— А теперь убейте его, — приказал Шашонг. Два жреца, стоявшие слева и справа от короля, сбросили серые плащи, под которыми оказались черные доспехи воинов. Обнажив острые клинки, они шагнули к атланту...

— Убей его, — прошептал в спину Лале-ах священник. Девушка сделала последний шаг и оказалась за спиной Кулла.

Теперь ей достаточно было протянуть руку и нанести тот единственный удар, который оказался бы смертельным. Змеелюди уже занесли мечи, чтобы завершить ее работу, но тут девушка вместо того, чтобы пронзить сердце отважного воина, вложила клинок в его раненную руку. Взмах... другой, и оба воина Шашонга повалились на камни, заливая подножие черного алтаря своей кровью, а Кулл, резко обернувшись, швырнул девушку к своим ногам и кинжалом отбил копье одного из воинов, решившего покарать графиню за предательство.

— Как видишь, меня не так-то просто убить, — сказал Кулл, обращаясь к Шашонгу.

— Ну что ж, — спокойно сказал повелитель рептилий. — Значит, сегодня к Великому Змею отправится гораздо больше душ, чем я предполагал. Убейте его! — вновь приказал он.

Обнажив клинки, все жрецы разом двинулись к Куллу, и в это время на алтарь с темного неба упало огромное чудовище, и чей-то хорошо знакомый голос позвал короля:

— Сюда, Кулл! Быстрее!

* * *

Со стороны могло показаться, что в эту ночь жители покинули Хрустальный город. Действуя по приказу Кануба и по внушению колдовских созданий, они оставили заграждения, сложенные на улицах, примыкающих к королевскому дворцу. Они уступили место другой, пусть не столь многочисленной, но куда более страшной армии, которую вызвал к жизни граф Фанара...

Первое, что почувствовали защитники королевского дворца, — запах, ужасный запах разложившегося мяса, а потом на темных улицах, освещенных лишь призрачным лунным светом, показались первые тени. Отвратительные существа шли, ковыляли, ползли к центру города, и вело их несколько десятков воинов в черных, как уголья, доспехах.

Эта армия не была вооружена клинками, но у нее было другое более ужасное оружие — бессмертие. Невозможно убить тех, кто уже однажды умер.

Выползая из склепов и могил Малого храма Валки, мертвецы двигались не спеша, и в их движениях была угрожающая неумолимость.

— Враги! — закричал один из часовых на дворцовой стене.

Ту, готовый к любым неожиданностям, уже несколько дней назад приказал заложить все окна и двери в нижних этажах Башни Великолепия. Если Алые Стражи не смогут сдержать врага на стенах, они готовы были отступить под прикрытие этой Башни — отдельной крепости внутри королевской цитадели...

Главный советник, одев шлем и тонкую кольчугу, взял меч и последовал на стену вместе с остальными защитниками дворца. Он не хотел, чтобы кто-то потом обвинил его в трусости.

Было слишком темно, чтобы люди Ту могли хорошо видеть своих противников. Тем не менее, не ожидая, пока враги доберутся до стен, лучники встретили их

градом стрел. Но случилось удивительное: хотя стрелы и попадали во врагов, те не падали, и продолжали размеженными шагом приближаться ко дворцу. Ни один из раненых даже не закричал! Они не прятались, не старались избежать стрел. Воины Ту в испуге опустили бесполезное оружие... И тогда одии из офицеров приказал стрелять горящими стрелами. Но было уже слишком поздно: по приставным лестницам мертвецы полезли на стены королевского дворца. Неожиданно Ту увидел, как чья-то рука зацепилась за край стены. Но советник не отсек ее мечом. Он на некоторое время неподвижно застыл, глядя на ужасную конечность, плоть на которой почти сгнила, обнажив белую кость, отполированную зубами крыс и земляными червями. А потом появилась голова — безликий череп с черными провалами вместо глаз и носа.

Наконец опомнившись, Ту взмахнул мечом, и голова мертвеца полетела вниз, на мостовую. Но это не остановило страшного противника. Зацепившись второй рукой, он продолжал лезть на стену.

Ту понял, кого призвали себе на помощь его враги.

— Назад, все в Башню Великолепия! — закричал советник. — Этих тварей нельзя убить! Запремся в башне.

Подавая остальным пример, он первым спустился со стены, добежал до дверей Башни и остановился там, подгоняя остальных воинов.

Несколько Алых Стражей схватилось с ожившими мертвецами, но сразу же погибло. Мертвые обладали невероятной силой, а их укусы, судя по всему, были ядовитыми. Стоило покойнику пусть даже легко ранить воина, несчастный тут же погибал в ужасных муках.

Кто-то догадался подпалить нескольких чудовищ, и теперь по двору королевского дворца ходило с дюжину пылающих мертвецов. Потянуло запахом горелой плоти. Зрешище получилось столь фантастическим, что даже Ту засомневался в реальности происходящего. Но Главный со-

ветник не покинул свой пост — ведь если сам дрогнет, то не сможет требовать храбрости и отваги от своих воинов.

Когда последние из верных слуг Кулла скрылись в недрах Башни Великолепия, Ту нырнул следом за ними. За его спиной воины опустили на железную дверь огромный бронзовый брус. Главный советник слышал, как заскрежетали по двери пальцы мертвцевов.

Ту увидел, что перед ним, в большом зале Башни столпились все оставшиеся в живых Алые Стражи и Королевские слуги.

— Ну что? — гулко проговорил старик, понимая, что все ждут от него каких-то объяснений тому ужасу, свидетелями которого только что стали. — Колдовство змеевлюдей не знает границ... Но здесь, в этой Башне, мы в безопасности. Мы сможем выдержать долгую осаду. У нас есть припасы. Скоро Ка-ну возьмет город штурмом, и мы рассеем мятежников... — Старик еще долго говорил, но перед его глазами стоял оскалившийся череп, который Ту совсем недавно снес с гнилой шеи. Ту отлично понимал, что он сможет еще день, другой, но... что ему делать дальше, если Ка-ну не придет на помощь?

* * *

Кулл на мгновение замер, сжимая в руке окровавленный кинжал. Ему потребовалось несколько секунд па то, чтобы разглядеть в паланкине дракона командира Алых Стражей. В седле на голове чудовища сидел змеечеловек — это-то и смущило Кулла в первое мгновение. Вполне возможно, что перед ним была новая чшроумная ловушка змеиных тварей, но рассуждать об этом не было времени. У атланта появился един-* гненный шанс спастись, и он не раздумывая, подхватив Лалу-ах под мышку, помчался к своему старому другу.

Одновременно к паланкину кинулось несколько иоинов-змеевлюдей, но Келкор не терял времени зря. Орудуя копьем, больше похожим на багор, воин раскидал напа-

давших. Это окончательно убедило Кулля в том, что перед ним не замаскировавшийся змей, а настоящий лемуриец.

Отбросив кинжал, Кулл в прыжке зацепился здоровой рукой за один из ремней, крепивших паланкин к спине чудовища. И дракон тут же стрелой взмыл в небо. Кулл услышал крик разочарования, вырвавшийся из сотен глоток змеевидных, видевших, что их жертва ускользает. Вслед им полетело несколько копий, но ни одно из них не попало в цель. Ударившись о шкуру дракона, они попадали назад на верхнюю площадку зиккурата.

— Я еще доберусь до тебя, жалкая, трусливая тварь! — прокричал вслед Куллу король Шашонг. Но атлант был слишком занят, стараясь не сорваться.

— Помоги! — выдохнул Кулл.

Прилагая невероятные усилия, он удерживал в раненой руке извивающуюся девушку. Келкор бросился на помощь своему повелителю. Дрожа от напряжения, Кулл протянул Келкору девушку, которая от всего происходящего лишилась сознания.

Командир Алых Стражей подхватил несчастную и втянул ее в паланкин. Королю казалось, что вся левая половина его тела объята огнем. С трудом удерживаясь на правой руке, Кулл ждал, когда Келкор придет к нему на помощь.

Бросив косой взгляд на змеечеловека, управлявшего драконом, атлант заметил, что тот едва сидит в седле. Если бы не веревки, которые сильно впились в ноги твари, он давно бы вывалился из седла.

Наконец Келкор вновь перегнулся через борт паланкина. Скрипя зубами от страшной боли, Кулл протянул воину свою левую, израненную руку. От боли, которая пронзила все его тело, свет померк в глазах короля. Лемурийцу потребовалось всего несколько мгновений, чтобы затащить Кулла на борт. Поняв, что он в безопасности, Кулл кивком указал на раненую руку, а потом тяжело повалился и потерял сознание.

Теперь Келкор мог надеяться только на Шуршила. Если же со змеечеловеком что-нибудь случится или он передумает и решит выдать всех их своим соплеменникам...

Двигаясь осторожно, чтобы не задеть раненого — Кулл был весь в крови, — командир Алых Стражей пробрался в передний край паланкина и окликнул Шуршила.

— У тебя все в порядке?

— Да, — тихо ответил змеечеловек. — Там был сам Шашонг. Теперь я — мертвец. Он пошлет убийц, и они найдут меня даже на краю мира.

— Не бойся, — успокоил его Келкор. — В королевском дворце Валузии им будет не так-то просто добраться до тебя... А теперь держи курс на восток. Мы непременно должны отыскать наше войско. И я хотел бы поговорить с этим Кароном. Судя по всему, он торгует рабами с обитателями этой пирамиды.

* * *

Щершат низко склонился перед своим повелителем. Король змеелюдей был вне себя от ярости.

— Откуда взялся этот Брат! — прокричал он. — Я хочу знать, откуда он прилетел! Кто тот предатель, что правил им! Люди сами не могут управлять нашими Младшими Братьями, и все вы это отлично знаете! Значит, во дворце зреет измена! Я вижу, смертью моей любимой племянницы дело не ограничивается. Кто-то тут хочет заполучить мою корону и стать главным жрецом Великого Змея. Но я пока еще жив. — Тут он на мгновение прервался. Его взгляд остановился на трупе одного из жрецов, убитых Келкором. — Ни один из вас не смог остановить их! Двое жалких людышек и один предатель обманули меня! Я прикажу казнить каждого второго из тех нерасторопных увальней, что упустили этого атланта... А девушка! Кто уверял меня, что она выполнит все как надо?!

— Меня уверил в этом Ренар, — тихо прошептал Щершат.

— Теперь легко валить все на мертвых, — еще больше разъярился король. — Собирайте воинов! Поднимите отряды Кобр! Мы схватим беглецов до того, как они пересекут Черную реку!

— Да, мой повелитель! — только и смог пробормотать старый змеечеловек.

Не в силах сдержать себя, Шашонг подскочил к одному из стражников, выхватил меч из его ножен и, шагнув к старику, одним ударом отсек ему голову.

— И так будет с каждым, кто не станет исполнять моих приказов, — тихо прошипел повелитель города в зиккурате.

Глава третья

На рассвете беглецы снизились, решив сделать привал возле оазиса, находившегося на полпути между Черной рекой и городом в пирамиде. Как Шуршил рассказал Келкору, воины его народа всегда останавливаются тут, когда гонят через выжженную равнину рабов из Грондара.

К тому времени Келкор как мог перевязал короля, но состояние атланта не улучшилось. Раненая рука сильно распухла — видимо, клинок принцессы был отравлен, но жгут, стянувший руку воина, не дал отраве вместе с кровью распространиться по всему телу.

Однако схватка на крыше и поспешное бегство не прошли для Кулла даром. Король так и не приходил в себя. Графиня не отходила от своего повелителя и ухаживала за ним как могла.

Келкор чувствовал себя страшно усталым. Несмотря на то что Шуршил спас ему жизнь, командир Алых Стражей не мог перебороть себя и полностью довериться змеечеловеку. Шуршил же сам едва держался в седле от усталости, но ему некому было пожаловаться на свои мучения. Теперь он окончательно стал изгоем, связав свою судьбу с врагами своего народа.

Когда дракон приземлился у берега темно-синего озера, Келкор вылез из паланкина и хотел было отвязать от седла Шуршила, но тот отказался.

— Младший Брат глуп, он может улететь, если наездника не будет в седле, — объяснил змеечеловек. — Ты лучше иди наполни фляги водой. Надо напоить Младшего Брата, да и нам самим вода пригодится.

Келкор быстро прошел вдоль прибрежных кустов, к тому месту, где, как показалось воину, удобнее всего было набрать воды, и неожиданно остановился как вкопанный. Слезы навернулись на его глаза, когда он рассмотрел все детали открывшейся перед ним картины.

Теперь командир Алых Стражей узнал о судьбе своего маленького отряда — тех, кто направился к Черной реке. Они все полегли на берегу озера — скорее всего, столкнувшись с одним из патрульных отрядов змеев. Видимо, Алье Стражи отчаянно защищались. Возле каждого из них лежало несколько мертвых змеев.

Келкору ничего не оставалось, как вознести молитву Валке да поскорей убраться из этого места, наполнив фляги. После всех злоключений лемуриец оставался единственным полноценным бойцом среди беглецов, но и он качался от усталости. С тех пор как он последний раз спал на вершине Великого Разлома, прошло уже больше суток. А сколько всего случилось за это время!

Поспешно вернулся командир Алых Стражей к своим спутникам. Протянув флягу Шуршилу, он осторожно приблизился к морде дракона. У твари была ужасная, огромная пасть, усеянная длинными острыми, как иглы, зубами, которые торчали во все стороны, так что даже непонятно было, как чудовище могло что-то есть. Воин вылил одну из фляг в пасть дракону, но был не уверен, много ли воды проглотило чудовище, так как большая ее часть все же выплилась на землю, и тут же впиталась в сухой песок.

Потом Келкор бегом, стараясь, чтобы огромные кожистые крылья твари не задели его, обогнул чудовище и залез в паланкин. Лала-ах тем временем напоила Кулла, и король Валузии, придя в себя, полулежал на подушках, растирая левую руку правой.

— В этот раз ты подоспел вовремя, — улыбнулся король Келкору.

— Этим мы обязаны ему, — ответил командир Алой Стражи, показав пальцем в сторону скрючившегося в седле Шуршила. — Это он заметил, что на вершине зиккурата происходит что-то необычное и, несмотря на мои возражения, снизился, чтобы рассмотреть, в чем там дело.

Шуршил хлестнул шипастым концом шеста дракона. Тот, сделав несколько шагов по песку, взмыл в небо.

* * *

Кануб, лицо которого было бледным, как гипсовая маска, прошел через широко распахнутые двери королевского дворца. По обе стороны их замерли ужасные стражи из новой армии графа Фанара — полуразложившиеся трупы. Запах, исходивший от них, сводил Кануба с ума. Мертвец, стоявший справа от дверей, был высохшим, больше похожим на мумию. К прилизанному черепу, обтянутому желтой восковой кожей, прилипли жидкие остатки волос. Его напарнику повезло гораздо меньше. Вероятно, умер он не так давно, и крысы почти сразу нашли путь в его могилу. Обрывки одежд едва прикрывали белую плоть с бескровными ранами от зубов грызунов.

В испуге барон пересек анфиладу залов и комнат и оказался в кабинете, который избрал его союзник. Тут к запаху разложившейся человеческой плоти прибавилась вонь рептилий.

В кабинете графа Фанара расположилось с десяток змеелюдей, внутри замка снявших человеческие личины. Да и кого им было тут опасаться? Ни один горожанин и близко не подошел бы к королевскому дворцу. Армия зомби внушала горожанам безотчетный ужас. Ни один из восставших, даже если бы Кануб пообещал ему половину своего состояния, близко не подошел бы ко дворцу. Даже телохранители барона Блала наотрез отказались идти, когда узнали, куда направляется их господин...

Увидев Кануба, граф Фанара поднялся из-за стола и жестом пригласил союзника садиться. Видя, что барон говорит первым не собирается, граф заговорил сам:

— Я знаю, что мертвые вам, людям, не по душе... И мне тем более хочется знать, что же привело вас ко мне.

Некоторое время Кануб молчал. Он несколько раз пытался заговорить, но всякий раз губы его начинали дрожать и вместо слов изо рта вырывалось бессвязное бормотание.

— Да вы не волнуйтесь так. Можете мне поверить, вы в полной безопасности. Мои слуги намного надежнее и вернее обычных людей. Вместе с жизнью у них исчезает такая черта, как вероломство. Мертвые — преданные слуги, поверьте мне, — продолжал граф.

Наконец Кануб, ободренный словами и спокойным тоном змеечеловека, смог совладать с собой и заговорил, но голос его дрожал и ничуть не походил на обычный,ственный рык коротышки.

— Я пришел к вам, граф, чтобы решить два вопроса. Наиболее важный: что же нам делать дальше? Мы захватили дворец. Ладно, пусть несколько бунтовщиков заперлись в Башне. Однако королевская печать по-прежнему в руках Ту... Ваша дьявольская армия ведь не выпустит их оттуда?

Граф Фанара кивнул, и барон, промакнув лоб платком, продолжал:

— Мне непонятно, как быть дальше. Город осажден. Мы не можем наладить нормальной жизни. Могущественные землевладельцы, которые обещали, как только начнется восстание, встать на нашу сторону, не торопятся. Горожане волнуются. Уже пошли неприятные слухи...

— Накажите недовольных, — спокойным голосом посоветовал граф. — Повесьте нескольких трусов, что распускают слухи, и поверьте мне, народ перестанет болтать. А если это не поможет, я пришлю вам в помощь парочку моих новых воинов.

— Это не решит проблемы, — вздохнул Кануб — В городе скоро кончатся запасы продовольствия. Надо снять осаду...

— Мы как раз только что обсуждали это с моими офицерами, — ответил змеечеловек. — Я думаю, нам стоит попытаться пойти на переговоры с Ка-ну. Пикт, конечно, хитрая лиса, однако он понимает, что Алые Стражи, по большей части горцы, следовательно, местное население рано или поздно начнет рассматривать их как захватчиков. О пиках я и не говорю. Эта осада — верный способ потянуть время. Они ждут возвращения Кулла, но он не вернется... Мы же теперь, не опасаясь удара в спину, можем спокойно разобраться с послом пиков.

— Но ведь Ту до сих пор не схвачен!

— Ну и что? Пусть сидит себе в своей Башне. Долго он там не высидит, а стоит ему только нос высунуть, как на него набросятся мои воины, и пощады не будет.

— Значит, переговоры, — задумчиво протянул Кануб. Он тяжело вздохнул и стал уже подниматься, собираясь уходить, когда змеечеловек остановил его.

— Это все, что вы хотели узнать?

— Ах да! — произнес Кануб, сделав вид, что только вспомнил о чем-то очень важном. — Раз мы захватили королевский дворец, я хотел бы получить часть причитающихся мне сокровищ и бумаги тайного королевского архива.

Некоторое время граф Фанара с интересом изучал своего союзника. Нет, коротышка Кануб определенно обладал рядом достоинств, но эта патологическая жадность... Хотя, быть может, именно она подтолкнула его к союзу со змеевыми людьми.

— Думаю, что вы опережаете события, — наконец ответил граф. — Скоро мы выкурим Ту из его берлоги, вы переберетесь в королевский дворец и избавите своих людей от тяжелой работы. Что же касается архивов, они, увы, пока еще у Ту. Видимо, понимая, что не удержит весь дво-

рец, Главный советник приказал перенести их в Башню Великолепия.

Кануб обреченно кинул.

— А сейчас идите, — продолжал граф. — Как только я закончу со своими людьми, я заеду за вами, и мы отправимся в гости к старому пикту.

* * *

Стагус уже вытянулся на горизонте черной лентой, когда Кулл заметил погоню — три черные точки появились в небе у восточного горизонта. Постепенно они становились все больше, и скоро Кулл, Келкор и испуганная Лала-ах увидели, что это — драконы. В паланкинах на их спинах замерли змеелюди с луками наготове. Король Змеиного королевства точно так же, как король Валузии, никому не прощал оскорблений.

— Что будем делать? — обратился Кулл к своим спутникам.

— Я думаю, в первую очередь нужно спросить об этом у нашего друга. — И командир Алых Стражей кивнул в сторону змеечеловека, который замер в седле на голове их дракона. — Эй, Шуршил, похоже, мы в небе не одни!

Змеечеловек повернул голову. Все движения давались ему с трудом. Очевидно, он страшно устал и лишь перспектива вновь оказаться привязанным к столбу в бараке обозленных рабов придавала ему силы.

— Это воины короля, — наконец сказал он. — Они перестреляют нас или попробуют посадить дракона и расправятся с нами на земле.

— Мы сможем успеть первыми пересечь реку?

Шуршил пожал плечами, потом несколько раз ударил дракона своим шестом. Кожистые крылья ящера забили по воздуху с огромной скоростью. Люди отошли в заднюю часть паланкина.

— Как вы думаете, мы успеем? — спросил Келкор своего короля.

— Не знаю, — пожал плечами Кулл, и тут же поморщился от боли. — На всякий случай, приготовь лук и стрелы. Я-то не стрелок из-за раны, но ты, в случае чего, сможешь прихватить с собой на тот свет с десяток тварей.

— Не стоит так говорить, Ваше Величество, — остановил короля Келкор — Шуршил все-таки наш союзник. Он спас жизнь и вам и мне. — Воин замолчал, вспомнив холодное прикосновение руки змеечеловека. Почему древний враг человека спас ему жизнь? Может быть, люди могут существовать в мире и согласии и со змеелюдьми? Хотя сейчас не время было думать об этом.

Келкор вынул из плетеного сундука — одного из трех, что находились в паланкине, большой лук с десятком стрел. Примостившись в задней части паланкина, он стал внимательно следить за нагонявшими их драконами. Кулл, который не мог стрелять, заткнув за пояс меч, встал рядом со своим верным воином.

Черная река приближалась. Напряжение нарастало.

Неожиданно девушка потянула Кулла за руку. Король повернулся к ней. Лицо красавицы казалось белой восковой маской.

— Ваше Величество, — дрожащим голосом пробормотала Лала-ах.

— Слушаю тебя.

— Я могла бы попросить вас об одном одолжении?

— Говори.

— Если змеелюди схватят нас, вы могли бы убить меня? — спросила девушка, глядя в глаза королю. — Я не смогу еще раз вынести всего этого кошмара. Они все равно убьют меня, но...

— Хорошо, я выполню твоё желание, — кивнул Кулл и отвернулся, вновь уставившись на приближающихся крылатых чудовищ.

Расстояние между ними неумолимо уменьшалось. До Черной реки было уже рукой подать. Неожиданно Кулл

повернулся к своему спутнику, прервав тревожное ожидание:

— Что бы ты сделал как командир Алых Стражей, если бы увидел несколько крылатых чудовищ, приближающихся к твоему лагерю?

Келкор недоуменно уставился на Кулла.

— Я приказал бы своим лучникам открыть огонь.

— Верно, — согласился король. — Боюсь, что тот же приказ отдаст и Далгар. И тогда в нас полетят стрелы точно так же, как в наших преследователей.

— Но воины увидят, что это мы... — начал было Келкор.

— Они разберутся в этом не сразу. Вначале нафаршируют нас стрелами. К тому же наш друг, — Кулл кивнул в сторону Шуршила, — окончательно собьет их с толку.

— Тогда что же нам делать? — спросил командир Алых Стражей. — Нам самим не переправиться через реку. К тому же стоит нам бросить дракона, и преследователи тут же настигнут нас.

Король кивнул.

— Наверное, мы сделаем так... — медленно проговорил он. — Тут есть достаточно длинная веревка?

— Держите, Ваше Величество, — тут же протянула веревку Лала-ах.

— Хорошенько привяжите ее одним концом к сбруе дракона, а другим я обвязусь вокруг пояса и прыгну вниз. Люди Далгара увидят нас и не станут стрелять из опасения попасть в меня. Когда мы промчимся над ними, вы втянете меня обратно, а потом твой друг посадит дракона позади лагеря Алых Стражей. Тогда остальных драконов встретит шквал стрел, а в нас не полетит ни одной.

— Это отчаянный план, Ваше Величество, — возразил королю Келкор. — Я думаю, будет разумнее, если вниз спустят меня. Вы ранены и едва держитесь на ногах. Я даже мог бы прихватить с собой лук...

— Нет, твое место здесь, — остановил воина король. — Ты должен быть наготове и в случае чего прикрыть меня.

— Ваше Величество, — вновь вмешалась в разговор Лала-ах, — вы ранены и не сможете спуститься вниз на веревке. — Тут девушка набрала в легкие побольше из воздуха, и, словно бросившись головой в омут, выпалила: — Я отчасти стала причиной того, что вы попали в такое положение. Спустите меня на веревке. Таким образом, я хоть отчасти искуплю свою вину.

— Ну что ж, — согласился Кулл.

Келкор на время отложил лук. Один конец он закрепил на ремне, удерживающем паланкин на спине дракона, другой крепко обвязал вокруг пояса де-иушки. Река была уже совсем рядом, и поэтому немедля Келкор и Кулл помогли Лала-ах перебраться через борт, а потом стали не спеша опускать ее.

Через минуту девушка повисла в десятке локтей под брюхом дракона. Она что-то прокричала, но ветер унес ее слова. Тогда она помахала королю рукой, показывая, что с ней все в порядке.

Келкор сразу же вернулся на свой боевой пост, а Кулл остался у веревки, наблюдая за Лалой-ах. Земля проносилась в нескольких локтях под ногами девушки с огромной скоростью и ей, наверное, было очень страшно, ведь стоило дракону опуститься чуть ниже — она бы разбилась.

Змеелюди настигли беглецов над водой. В воздухе проплыло с полсотни стрел. Дракон беглецов нырнул, стараясь увернуться от погони. И тут произошло нечто ужасное. Петля веревки, на которой висела девушка, соскользнула вниз вдоль ремня. Нет, девушка не разбилась, но теперь расстояние между ее ногами и водой было лишь с ладонь. Стоило крылатому скакуну еще немного опуститься, и кровожадные обитатели реки набросились бы на графиню. Теперь из паланкина до веревки, на конце которой висела девушка, было не дотянуться. Кулл бросил взгляд на Келкора, но тот, посыпая во врагов стрелу за

стрелой, даже не заметил, что случилось. Король не стал овлекать его. Тогда, скрипя зубами от боли, Кулл перелез через борт паланкина. Крепко примотав раненую руку веревкой к одному из ремней, он потянулся здоровой рукой к той веревке, на конце которой словно маятник раскачивалась девушка. Мгновение — и пальцы Кулла крепко сжали ее. А потом король, морщась от боли, стал одной рукой вытягивать девушку, стараясь приподнять ее немногоС повыше.

В этот миг Келкору повезло. Его стрела пронзила змеечеловека, управлявшего одним из драконов, а следующая пробила дракону глаз. Змей дернулся и камнем упал вниз. Случись это над землей, все кончилось бы не так трагично, но как только дракон коснулся воды, тысячи голодных тварей впились в него, буквально утащив под воду. Мгновение, и под водой скрылся паланкин с отчаянно шипящими змеелюдьми.

Чуть приподняв Лалу-ах, Кулл закрепил веревку таким образом, чтобы в любой момент без особого усилия можно было втянуть ее назад в паланкин. После этого король вернулся в паланкин. Его рана снова открылась, и теперь все повязки пропитались кровью.

Впереди показались камыши. Шуршил поднял дракона чуть выше, и с огромной скоростью беглецы пронеслись над лагерем Алой Стражи. Это случилось так быстро, что Кулл не успел даже рассмотреть, что происходит под ними. Но, услышав пение стрел, на мгновение замер, а потом облегченно вздохнул. Смертоносный ливень обрушился на двух драконов, преследующих их. Издали могло показаться, что огромные крылатые ящеры натолкнулись на невидимую стену. Один из них чуть не рухнул в прибрежные камыши, но, выровнявшись у самой земли, развернулся, направляясь назад, к восточному берегу. За Ним последовал второй дракон.

Кулл крикнул Шуршилу, чтобы тот снижался помедленнее, и начал как можно быстрее вытягивать Лалу-ах. Кра-

ем глаза король видел отряд пиков, который устремился к ним. Келкор, подскочив, помог королю.

Как только дракон опустился, беглецов окружили пики. Вперед выехал Далгар на черном коне. Юноша сразу узнал и короля, и Келкора, но не спешил. Он знал об обманчивой внешности змеевлюдей.

— Кто вы? — спросил он Кулла.

— Это, я... твой король, — ответил атлант, слезая на землю. Следом за ним спустились Келкор и девушка.

— Мой король отправился на восток с большим отрядом... — начал было Далгар.

— А это — все, кто от него остался, — ответил Кулл.

— Остальные погибли, но изменник, посмевший оскорбить меня, понес наказание.

Не обращая внимания на воинов, Келкор побежал к змеечеловеку и перерезал ремни, удручающие его в седле.

— Эй, помогите! — приказал он воинам, но те не спешили исполнять приказание своего командира, сомневаясь, не скрывается ли под личиной человека чешуйчатая тварь.

Кулл, заметив все это, нахмурился.

— Мне кажется, ты не был таким подозрительным, когда пришел мне на помощь в Проклятых садах, — сказал король.

Далгар махнул воинам, чтобы они опустили луки. Потом он спешился и бросился к атланту.

— Я рад приветствовать вас, Ваше Величество. Я боялся, что это не вы, тем более что вы прилетели...

— Подожди-ка, — остановил юношу король. Широким шагом подошел он к лежащему на земле Шуршилу. Воины, не слушая приказаний Келкора, столпились в отдалении, боясь прикоснуться к змеечеловеку.

— С вами одна из мерзких тварей! — воскликнул Далгар, хватаясь за рукоять меча. — Я сейчас прикончу это чудовище.

— Нет, он спас нам жизнь, и никто не посмеет причинить ему вред! — объявил Кулл, наклоняясь к приоткрытой пасти Шуршила.

— Хорошенько привяжите Младшего Брата — только и прошептал змеечеловек, прежде чем потерять сознание.

Келкор и Далгар, повинуясь приказу своего короля, положили змеечеловека на носилки, и четыре воина понесли его в сторону лагеря. Прежде чем дракон почувствовал свободу, несколько дюжих воинов прикрепили цепи к ошейнику крылатого змея и вбили в землю колья, продев их через последние звенья цепей. К королю подбежалвойской лекарь, но Кулл властным движением отстранил его.

— Прежде чем перевязать эту царапину, я хочу нанести один визит, — пробормотал правитель Валузии.

Взяв у одного из воинов большой боевой топор, Кулл в сопровождении Келкора и едва поспевавшего за ними Далгара направился в сторону дома Карона.

Глава четвертая

Похоже, что все-таки одна из птиц Ту долетела до Ка-ну, — вздохнул барон Блала, поворачиваясь к графу Фанара.

— Да... Жаль! Если бы Ка-ну отказался от штурма, то в конце концов согласился бы пойти с нами на переговоры и выслушать разумные доводы, а потом сложить оружие. Теперь же нам понадобится намного больше сил.

— Но если вы опять призовете на помощь колдовство... — начал было коротышка, но граф Фанара заставил его замолчать, смерив убийственным взглядом.

— Если бы это было так легко, то колдовство правила бы этим миром. Хорошенько запомните это, Кануб! Нам, точнее вашим людям и горожанам, придется отбивать атаку Алой Стражи с помощью обыкновенных клинков. Живых мертвцев мало, и они слишком неповоротливы, чтобы защищать стены города. Зато они пригодятся мне, когда Ту выведет своих людей из Башни и попытается прорваться к воротам... Будем надеяться, он не подозревает о том, что большая часть его птичек попалась в наши сети...

Тем временем внизу перед городом выстраивались отряды в алых доспехах. Чуть поодаль плотники из предместий Хрустального города заканчивали сооружение огромной осадной башни. Как только горнисты протрубят начали атаки, могучие фарсунские жеребцы подкатят башню к

стене города, и орды пиктов хлынут в город по переброшенному с вершины башни деревянному мостику.

Казалось, начал сбываться ужасный сон Брула. Но отважный пикт не видел всего этого. Он лежал в шатре Ка-ну и бредил. После возвращения лекарь во главе с магом и ученым Китулосом перевязали пикта, смазав его рану целебными мазями, но Брул больше не приходил в себя.

А Ка-ну, подстегиваемый отчаянными посланиями Главного советника Ту, решился на некую демонстрацию. Хитрый пикт решил не устраивать нападение на город, но в условный момент подвести войска к стенам. Если же письмо, принесенное птицей не подложное, атака Ту уверчается удачей, Главному советнику с его отрядом удастся пробиться к воротам, пикт отдаст приказ атаковать город.

Горожане же, видя приготовления королевской армии, зло шутили. Разгоряченные, обманутые неведомой свободой, до которой уже было рукой подать, они распевали песни убитого Куллом Ридондо. Они плавили смолу и свинец, чтобы лить его на головы своим вчерашним друзьям и защитникам. Они подняли оружие против тех, кто в течение многих лет охранял их страну от врагов.

Лишь в той части, что непосредственно примыкает к королевскому дворцу, не было заметно никакого оживления. Люди графа Фанара, оцепив часть улиц, не пускали сюда горожан — не стоило лишний раз выставлять напоказ живых мертвцев. Нападение и осквернение храма Ка-нуб приказал свалить на людей Ту.

Его верные слуги распустили слух, что это воины Ту совершили вылазку, и в отместку на то, что Валка отвернулся от них, перебили невинных жрецов. Подобные разговоры вызвали лишь новый всплеск ненависти к Куллу и его людям. «Смерть узурпатору и его прихвостням!» — неслось со всех сторон.

Граф Фанара слушал эти призывы и улыбался. В это утро он пребывал в приподнятом настроении. Час, назначенный советником Ту, приближался.

* * *

Кулл изо всех сил постучал рукоятью топора в дверь дома Карона. Казалось, еще чуть-чуть, и она разлетится в щепки от ударов короля.

— Открывай! — взревел король.

— Что тебе надо? — донесся до людей голос из глубины дома. — Убирайся! Если ты сам смог вернуться из-за реки, то я тебе не нужен.

Ударом ноги Кулл вышиб дверь, но только он собирался войти, как перевозчик вышел, заступив королю дорогу.

Глаза Карона гневно сверкали.

— Чем ты недоволен, человек? — надменно промолвил перевозчик.

— Почему ты не рассказал нам, что нас ждет на том берегу? — гневно спросил Кулл.

— Это не твоего ума дело, но я скажу тебе. Я многие годы вожу путников через эту реку. Мне нет дела ни до того, что на этой стороне реки, ни до того, что находится на той. Я — перевозчик Карон!

— По-моему, ты, старик, чего-то не понимаешь, — вновь заговорил Кулл. — Ты прислуживаешь змеевидам, и за одно это достоин смерти!

— Змеевиды, люди — вы все лишь жалкие букашки на теле этой планеты. Пройдет еще несколько сотен тысячелетий, и вас сменят другие существа, которые и понятия не имеют о таких, как вы.

— Но ведь ты — человек! — не на шутку уже разозлился Кулл. — Ты предаешь свой род!

— Кто тебе сказал, что я человек! — зловеще проговорил Карон. — Я — проклятый богами, это так. Но я не человек и не змей, как те, что обитают за пустыней. Я — перевозчик! Те, кто платит мне звонкой монетой, могут переправиться через Стагус!

— Если ты не змей и не человек, то кто же ты? — удивился Кулл. — Один из тех фантастических созданий, что обитают в Зачарованной стране?

— Не знаю, о ком ты говоришь, — все так же зловеще продолжал Карон, — но города моих потомков уже почти миллион лет лежат в руинах. В пустынях к югу от того крошечного клочка суши, что вы называете Семью Королевствами. Среди этих руин сокрыты такие богатства и тайны, о котором ты, жалкий человечишко, и мечтать не можешь... Ты видишь во мне человека, Древние — одного из своего рода, но на самом деле... — впрочем это неважно и тебя не касается... Сейчас ты пришел на порог моего дома с оружием в руке. Ты можешь напасть на меня, но знай: боги, наложив на меня проклятие, одарили бессмертием. Ты не сможешь причинить мне вреда своим жалким топориком.

— Хорошо, — тихо произнес Кулл. — Однако отныне данной мне властью я запрещаю тебе возить кого бы то ни было через реку.

— Это не в твоих силах, — спокойно ответил Карон и, повернувшись, исчез в доме.

Кулл так и остался стоять на пороге с топором в руке.

— Только прикажите, Ваше Величество, и мы прикончим этого баxвала, — предложил Куллу Далгар, но король отмахнулся. Атлант чувствовал, что в словах Карона скрыта правда, и что ни он — Кулл, правитель Валузии, ни сам Карон не в силах изменить положение вещей. Тогда в голове короля зародилась иная мысль.

— Мы не станем убивать старика! — объявил варвар. — Келкор, прикажи воинам сжечь судно! Отныне никто не посмеет без моего ведома пересечь Черную реку. А когда я вернусь в Валузию, я подниму все Семь Королевств. Это будет величайший из походов. Мы переправимся через реку, и пусть трепещут все чудовища Востока. Мы пройдемся по Змеиному королевству огненным мечом...

* * *

После того, как лекарь перевязал Кулла и уложил в королевской палатке, атлант проспал двое суток.

За это время Алые Стражи пытались всевозможными способами уничтожить судно Карона. Но это им не удалось. Древесина этого таинственного судна была такой твердой, что даже самые крепкие топоры моментально тупились. Тогда Далгар приказал загрузить судно сухим тростником, и подпалить его. Тростник выгорел дотла, но ни одна доска утлой лодки не занялась.

Поняв, что тут, как и говорил Карон, замешано колдовство, Далгар приказал вытащить судно на берег. Это оказалось Алым Стражам под силу.

Карон все это время не показывался. Дверь его дома так и осталась выбитой.

Когда же проснулся Кулл, был собран совет, на котором присутствовали Лала-ах и Шуршил. Люди сторонились змеечеловека, но Келкор объявил, что сам накажет любого, кто посмеет оскорбить Шуршила или причинит ему вред. Алые Стражи, как и пикты, слушались отважного лемурийца, поэтому Шуршил мог чувствовать себя в полной безопасности среди воинов армии Кулла.

Все участники Совета расселись в королевском шатре. Перед ними на походном столе слуги расставили блюда со свежим мясом и кувшины с вином.

— Итак, — обратился Кулл к змеечеловеку, — я, впрочем, как и мои друзья, хотел бы знать все, что касается похищения Лалы-ах. Меня интересуют и все остальные события, случившиеся за это время. Ты ведь принадлежал к высшим сановникам Змеиного королевства и был одним из тех, кто подобрал меня в пустыне. С тобой был еще какой-то старый змей... Впрочем, мы обещаем в целости и сохранности доставить тебя в Валузию, ты можешь жить в Хрустальном городе, и я гарантирую тебе безопасность. Но если захочешь, мы отпустим тебя на все четыре стороны, но ты должен нам рассказать все, что знаешь.

— Не хотел бы я сейчас оказаться в Хрустальном городе, — тихо пробормотал Шуршил.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Кулл.

— Я начну с самого начала, — заговорил змеечело-век, так, словно не слышал вопроса короля. — Как вы знаете, меня зовут Шуршил. Я один из младших сановников-жрецов и оказался впутанным в заговор против правителя великого города Халиш совершенно случайно. По рождению я принадлежал к высшей касте, но у моих родителей не было достаточно богатства и связей, чтобы я сумел занять достойное место, — змеечеловек говорил медленно. Видимо не слишком часто ему приходилось говорить на грондарском, а других языков людей он не знал. Он часто останавливался и долго раздумывал, стараясь подбирать правильные слова. — Когда я достиг совершеннолетия, меня определили в свиту принцессы Шулиши — племянницы Короля Змей. С раннего детства я знал, что почти все королевства людей находятся под негласным правлением эмиссаров нашего народа. Мы — создания колдовства и можем по желанию менять свой облик... Но думаю, вы и сами это знаете. Так вот, я слышал, что в одном из королевств готовится переворот. Наши эмиссары уже несколько раз пытались захватить Валу зию. Один раз они даже призвали на ее земли одно из воплощений Великого Змея. Однако всякий раз людям удавалось одержать вверх над нашими посланцами, и все благодаря величайшему из врагов нашего народа — Вашему Величеству. Так вот, был придуман какой-то хитроумный заговор, и получалось так, что король — то есть вы, Кулл, — должны были прибыть в наши земли. Все дело в том, что боги людей покровительствовали Вашему Величеству. Они были намного сильнее в землях людей, и Великий Змей не мог противостоять им. Оказавшись же в наших землях, переправившись через Стагус, вы попадали на земли, где правили наши боги. Таким образом, вероятность вашей смерти возрастила во

много раз. Ваш Валка не мог защитить вас по ту сторону Статуса.

— И тем не менее я спасся, — улыбнулся Кулл.

— Да, — согласился Шуршил. — Но я не из Высшего, Черного Круга жрецов. Я не могу толковать расположение звезд в небе и пути богов... Знаю лишь, что наш владыка хотел заколоть вас на алтаре на вершине города. Это должна была сделать эта девушка, — Шуршил показал на Лалу-ах. — Не знаю, стала бы она это делать по собственной воле или по принуждению, но поверьте мне, так и случилось бы.

— Я никогда... — начала было Лала-ах, но Кулл поднял руку.

— Заставь ее замолчать.

— Шулише это все очень не нравилось. Когда скончалася ее отец, Шашонг захватил трон, оставив принцессу не у дел. Конечно, Шашонг понимал, что принцесса — законная наследница, но в его руках сосредоточилось слишком много власти, чтобы Шулиша могла потребовать трона. Все дело в том, что Высшим жрецом Великого Змея может быть только мужчина, а у нас, Древнего народа, король — высший жрец. Поэтому, когда пастухи пригнали стадо Младших Братьев и смели отряд Кулла, на поиски тела короля отправились я и Щерат. Я был представителем принцессы, он — верным слугой короля. Наш король расчитал правильно. Такого человека, как вы, Ваше Величество, невозможно затоптать. Он не может погибнуть в пасти хищника. Мы нашли вас и отвезли в нашу столицу.

— А много всего существует городов змеелюдей? — перебил рассказчика Келкор.

— Вдоль Великого Разлома стоит более десятка городов, а пустыня мертвя. Эта земля отделяет мир Древних от мира людей.

— А что лежит дальше на Востоке? — вновь спросил Келкор. — С вершины обрыва я видел лишь бескрайние джунгли.

— Там лежат страны существ, которые гораздо древнее нас, — ответил Шуршил. — Многие тайны, недоступные нам, скрываются в тех землях...

— Келкор, — вмешался Кулл, — позже ты сможешь расспросить нашего гостя и удовлетворить свою любознательность.

— Так вот, Ваше Величество, — вновь заговорил змеечеловек. — Когда мы с Щератом доставили вас в город, приближался праздник Черной Луны. Если бы Шашонгу удалось совершить то, что он задумал, его колдовская сила выросла бы еще в несколько раз. Быть может, он смог бы даже стать новым воплощением Великого Змея. Принцесса же решила сорвать его планы. Король уничтожил бы ее сразу, но боялся возмущения других Высших Жрецов — ведь он пришел к власти незаконным путем и поэтому ждал, когда моя повелительница сделает неверный шаг. Тогда ее желание захватить власть стало бы очевидным, что не прибавило бы ей сторонников... Обласканный королем, я нежился в одном из залов города, ничего не зная ни о каких заговорах. Я мечтал о блестящей карьере. Мне казалось, еще немного, я стану одним из Низшего Круга... И тут меня схватили воины короля. Меня пытали. Но я не подозревал о существующем заговоре и не смог ничего рассказать слугам Шашонга. Когда людям короля стало ясно, что от меня мало толку, они отдали меня и других слуг принцессы на растерзание рабам. Мне повезло. Повесили меня в бараке рабов утром, и у рабов было мало времени, чтобы вдоволь выместить на мне свою злобу. Думаю, что, несмотря на смертную казнь, полагающуюся за смерть любого из Древних, ни один из моих товарищей по несчастью, разделивших мою участь, не дожили до утра. Дальше... — змеечеловек кивнул на Келкора, — его рук дело. Он спас меня. Потом вас, Ваше Величество, когда я посадил дракона на крышу зик-курата. Вот, собственно, и все.

— А что ты там говорил о Хрустальном городе?

— Дело в том, что как только вас доставили в Халиш, Шашонг приказал послать гонца в Хрустальный город. После вашего исчезновения власть там должен был захватить наш эмиссар. Он собирался посадить на трон одного родственника убитого вами короля Борна.

— Как его имя? — требовательно спросил Кулл. — Кануб, барон Блала?

— Я не знаю, — покачал головой змеечеловек. — Я был младшим слугой принцессы, и меня не интересовали дела короля. Но, судя по тому, что я слышал, кровь в Хрустальном городе должна литься рекой.

— Представляю, — нахмурившись, пробормотал Кулл.

— Тогда надо срочно поднять армию и направить ее в Валузию! — воскликнул Далгар.

— Нет! — резко отрезал Кулл. — Мы не можем оставить берега этой реки. Что, если змеелюди переправятся на этот берег?

— Но ведь не сделали же они это за все предшествующие годы, — возразил королю Келкор.

— Однако разослали эмиссаров по всему миру. — Кулл на мгновение замолчал, задумавшись. — Я думаю, нам необходимо оставить тут заставу, чтобы прервать сообщение между эмиссарами змеелюдей и их королевством.

— Фортпост на территории Грондара — враждебной нам стране? — удивился Келкор.

— Ни один из грондарцев близко не подойдет к Стагусу, — уверил воина Шуршил.

— Хорошо, — кивнул Кулл. — Далгар, я надеюсь на тебя. Отбери себе полсотни воинов, а основная часть войска пусть немедленно возвращается в столицу... Сколько времени нам потребуется на обратный путь?

— Не менее трех месяцев, Ваше Величество, — ответил Келкор. — Даже если мы будем гнать коней день и ночь, раньше мы все равно не успеем.

Кулл вновь задумался, а потом опять обратился к Шуршилу:

— А дракон? Он ведь летает очень быстро. Сколько времени потребуется твоему Младшему Брату, чтобы отнести меня к стенам Хрустального города?

— Не знаю, — пожал плечами змеечеловек. — Могу сказать лишь то, что Младший Брат летит в пять раз быстрее всадника, скачущего рысью. И он может лететь с такой скоростью несколько суток подряд.

— Тогда решено! — воскликнул король Кулл. — Келкор, назначь какого-нибудь знающего офицера, чтобы он привел армию в Валузию в целости и сохранности, а мы с тобой полетим на драконе. Да еще отбери с десяток самых опытных воинов. Они полетят с нами!

— Ваше Величество, — неожиданно заговорила Лалах, — я тоже хотела бы попросить вас, чтобы вы взяли меня с собой. Мой муж на самом деле оказался змеечеловеком. Он предал меня, и я хотела бы свести с ним счеты.

* * *

Беззвучно открылась дверца в подножии Башни Великолепия, и на пустынную улицу выскользнуло с десяток воинов. Каждый из них был вооружен топором и смоляным факелом.

Удостоверившись, что врагов не видно, один из воинов подал условный сигнал. Тотчас огромные двери Башни раскрылись, и на улицу выехало полсотни Алых Стражей, с ног до головы закованных в красную броню, кроме одного всадника. Его доспехи были молочно-белыми, такими же, как развевающиеся на ветру седые волосы. Главный советник сам повел в бой воинов короля. Ту вооружился длинным, но тонким мечом, больше подходящим для какого-нибудь парада, чем для битвы. Так же, как и остальные всадники, он наготове держал оружие.

Не спеша ехали они по улицам. Нигде не было видно ни души. Но Ту, слыша шум у городских стен, чувствовал себя спокойно. Даже если Кануб перехватил одно из его посланий, у него сейчас слишком много работы на стенах,

чтобы остановить его отряд. В письме не было сказано, к каким воротам устремятся Алые Стражи, поэтому советник выбрал те, что находились дальше всего от Башни Великолепия.

Когда отряд въехал на улицу Сломанного клинка, одновременно из переулков в конце и начале улицы выкатились телеги, перегородив дорогу.

— Засада! — закричал Ту, размахивая своим тоненьким мечом.

Алые Стражи, пришпорив коней, понеслись вперед. Два первых всадника уже перескочили препятствие, когда одна из телег полыхнула огнем. В замешательстве отряд сбился в кучу, подался назад, и тут из узких боковых улочек появились живые мертвые.

Кони в ужасе захрипели, чувствуя запах мертвечины и чуя черное колдовство некромантии. Воины обрубали вытянутые к ним мертвые руки. Кто-то вновь попытался подпалить мертвецов, но оказалось, что грязные лохмотья трупов пропитаны водой.

Вот уже одного из воинов стащили с коня, и он, исчез под грудой смердящих тел. За первым последовал второй, третий всадник... Алые Стражи гибли один за другим. Отчаянно отбиваясь, воины стали отступать, всеми силами стараясь не подпускать к себе ужасных тварей. И тут на всадников обрушился ливень стрел. Больше сотни стрелков из людей графа Фанара появились на крышах.

— Назад, назад! — закричал Ту, но его голос потонул в шуме битвы.

Воины старались прикрыть старика, но их становилось все меньше и меньше. И ни мечи, ни пламя ле могли остановить изуродованных разложением восставших из могил...

* * *

Обратное путешествие верхом на драконе заняло всего неделю.

Дракон принес бы короля Валузии в Хрустальный город еще быстрее, но атлант приказал сделать крюк, залетев в Талунин. Кулл хотел забрать раненого Брула. Оставив крылатое чудовище как можно дальше от города, Кулл в сопровождении четырех воинов добрался до дома лекаря и с удивлением узнал, что пикт давно покинул Талунин, ускакав, скорее всего, в Валузию.

После этого не было никаких задержек. Шуршил изо всех сил гнал дракона, но накануне прибытия в Хрустальный город путешественники решили сделать привал. Что бы ни ждало отважных воинов в столице, ни Кулл, ни Келкор еще окончательно не пришли в себя после приключений в Змеином королевстве, а силы могли им понадобиться.

Оставив Шуршила и воинов сторожить огромного крылатого зверя, Кулл вместе с Келкором отправились в ближайшую деревню узнать новости. Зайдя в таверну с пугающим названием «Дикий вепрь», приятели заказали по кувшину вина и сели, потягивая терпкий напиток и прислушиваясь к разговорам посетителей.

Все только и говорили о гибели короля Кулла, гадали, кто займет трон: родственник старого короля Борна — Кануб или неожиданно получивший огромную власть граф Фанара. Надо сказать, слухи ходили самые разные. Кто говорил, что мятежники уже захватили королевский дворец, кто отрицал это. Но большинство сходилось на том, что Главный советник Ту мертв. Одни говорили, что он погиб в первые минуты восстания, другие же утверждали, что он с горсткой храбрецов долго оборонял дворец Кулла, но, призвав колдовство, люди графа перебили всех сторонников атланта. Относительно колдовства тоже были самые разные мнения. Двоих крестьян даже чуть не подрались. Один из них утверждал, что Кануб — колдун, другой приписывал колдовскую власть графу Фанара. Еще говорили о том, что Ка-ну возглавил Алых Стражей, но упрекали старого пикта в нерешительности.

Выпив по кувшину вина, Кулл и командир Алых Стражей покинули таверну, стараясь не привлекать к себе внимания.

— Так что же нам теперь делать, Ваше Величество? — поинтересовался Келкор, когда они скрылись в темном лесу, направляясь к поляне, где остался их дракон.

— Я думаю, что горожан обманули. Они хорошо жили все эти годы и вряд ли станут поддерживать Кануба, если увидят меня живым и здоровым. Тем более может оказаться, что кто-то из людей Ту еще жив. Я считаю, нам нужно полететь прямо в город, посмотреть, что к чему. Мы ведь всегда можем снова перелететь через стену и присоединиться к армии Ка-ну. А Шуршил? Я все же не слишком доверяю этому змею.

— Ему нет смысла предавать нас, — ответил Келкор. — Я уверен, что Великий Змей, или как его там, подписал ему смертный приговор.

— Хорошо, — согласился Кулл. — Мы высадимся на крышу королевского дворца. Если город и в самом деле во власти Кануба, то тогда мы улетим и попытаемся отыскать Ка-ну. Все говорят, что он возглавил Алую Стражу. Если же у меня за спиной будет хотя бы триста воинов, то, имея в союзниках еще и дракона, мы разгоним любые армии.

Глава пятая

Зомби все сильнее теснили Алых Стражей. Большинство воинов спешилось, образовав заслон из коней между собой и ожившими мертвецами.

Ту по-прежнему оставался в седле. Понимая, что проиграл, он тем не менее старался не поддаваться панике. То и дело он выкрикивал какие-то приказы, но их никто не слышал. Большинство воинов сражались каждый за себя, одновременно стараясь хоть как-то прикрыть отважного старика.

И вдруг на сражающихся упала гигантская тень. Ветер, поднятый кожистыми крыльями самого огромного из чудовищ, которых только доводилось видеть Алым Стражам — гигантского дракона, смел стрелков графа с окрестных крыш. Дракон приземлился на крышу одного из каменных трехэтажных домов, и тот затрещал под весом огромного тела. А потом из паланкина на спине ящера выскочил... король Кулл. Алые доспехи атланта сверкали в лучах яркого солнца. В руках он сжимал свое излюбленное оружие — огромный двуручный боевой топор с длинным острым навершием.

В первый момент Ту не поверил своим глазам. Потом старый советник решил, что это еще один трюк змеевлюдей.

А тем временем Кулл ногой вышиб люк, ведущий на чердак.

— Келкор, не подпускай их близко! — приказал король.
— Я попробую спасти Ту.

Размахивая огромным топором, Кулл нырнул в дом. Чердак оказался пустым и пыльным. Король пересек его двумя огромными прыжками. Третий этаж дома, видимо, был отведен под личные покой и сейчас пустовал, зато на лестнице между третьим и вторым этажом Кулла поджидал тучный старик, вооруженный длинной тонкой шпагой, и бледный юноша с мечом, которым, наверное, владел еще его пррапрадед.

— Остановись, именем короля Кануба! — пронзительным голосом закричал старик.

— Кого!? — опешил Кулл.

— Короля Кануба, — уже не так уверенно воскликнул толстяк.

— Заплыv жиром, ты, кажется, забыл, кто твой властелин! — рявкнул атлант. — Я — Кулл — король Валузии! Или у тебя отшибло память! С дороги, презренный, или ты сейчас расстанешься с жизнью!

Не очень-то поняв, что от него хотят, старик от испуга мешком плюхнулся на колени. Юноша же, нескладно размахивая старым мечом, бросился на короля с криком:

— Смерть узурпатору!

Кулл остановил его одним ударом кулака в челюсть. Как подкошенный юноша рухнул к ногам своего родителя. С улицы донесся новый всплеск криков, и Кулл прокользнул вниз по лестнице. Несколько секунд спустя он оказался у входной двери. Прислонив к стене топор, Кулл, взявшись правой рукой, отодвинул огромный бронзовый засов. Двери распахнулись, и в дом ввалился Ту вместе с десятком оставшихся в живых Алых Стражей. А следом за ними двигалась безмолвная мертвя армия.

Кулл, подхватив топор, шагнул им навстречу. Никогда еще атланту не приходилось сражаться с таким ужасным врагом. Сверху, с крыши, Кулл принял толпу мертвцев за свору обезумевших нищих. И только сейчас король понял,

кто перед ним на самом деле. Воспоминания о тех ужасах, что он видел в змеином городе, всколыхнулись в памяти Кулла. В нос ему ударил ужасный запах разложения и свежераскопанной земли. У короля болела и плохо двигалась левая рука, однако бинты были скрыты под доспехами.

На мгновение мертвецы замерли, увидев перед собой бронзового гиганта, больше напоминающего голема, чем человека. А атлант не терял времени даром. Со страшной силой обрушил он топор на ближайшего мертвеца. Ужасный клинок пиктов, словно бритва, снес голову ближайшему мертвецу, потом рассек надвое полусгнившее туловище. Верхняя часть трупа повалилась на землю, а ноги и верхняя часть бедер остались стоять. Еще один удар, и рассеченная надвое нижняя часть тела тоже повалилась наземь. Все вместе заняло всего несколько секунд. Потом король занялся следующим мертвецом.

Кулл во время этой схватки напоминал скорее дровосека, чем воина. Он не сражался, он рубил и расчленял. Ожившие мертвые не умирали. Их останки дергались на земле, но уже не в силах были причинить кому-то вред.

Расчистив место перед дверью и понимая, что врагов слишком много, чтобы он мог победить, Кулл отступил. Алье Стражи тут же затворили двери и поставили на место огромный бронзовый засов.

— Теперь я верю, что вы — Кулл, — сказал королю Ту.
— Никто из известных мне людей не может так сражаться.

Атлант усмехнулся и похлопал старика по плечу.

— Потом ты расскажешь мне, что тут происходит.

Торопливо вбежали они на крышу. Там их ждал Келкор с десятком воинов.

— Лала-ах сбежала, — в первую очередь сообщил командир Алой Стражи своему повелителю. — Я послал за ней одного из воинов.

— Ничего, — усмехнулся Кулл. — Вначале мы захватим город, а потом я разберусь с этой красоткой.

— Как я понял, — вновь заговорил Келкор, в этот раз обращаясь к Ту, — Ка-ну осадил город. Значит, нам надо перелететь по ту сторону стены и, встав во главе армии, взять штурмом Хрустальный город.

Главный советник оглядел остатки своего воинства, а потом объявил:

— Ка-ну не начнет штурма, если я не открою ворота. Мы так договорились.

— Тогда надо открыть ворота, — усмехнулся Кулл.

Все эти бесконечные погони, заговоры... Кулл соскучился по настоящей битве, когда перед тобою обычный враг, которого можно сразить стальным клинком.

— Все на дракона! — приказал Кулл воинам, а потом подошел к Шуршилу. Змеечеловек, на всякий случай, чтобы его не убили по недоразумению, принял облик стройного юноши. — Твой Младший Брат сможет перенести нас всех к городским воротам?

Змеечеловек с сомнением посмотрел на воинов, залезающих в паланкин.

— Их слишком много, и они все в броне... Не знаю... Попробуем...

Кулл вскочил в паланкин, и тут над головой Алых Стражей засвистели стрелы. Перестроившись, воины в черных одеждах начали наступать, осыпая маленький отряд Кулла ливнем стрел.

Повинуясь приказам Шуршила, дракон зашевелился, неуклюже пробежал по крыше и, широко расставив крылья, рухнул в проем между домами, а потом, резки ударив крыльями по воздуху, взмыл ввысь.

* * *

Лала-ах бежала по крышам. Она слышала топот Стража, который гнался за ней, и это придавало ей сил Ей неминуемо нужно было сбежать, вырваться из-под опеки короля, чтобы самой покарать предателя и доказать, что

она невиновна и на самом деле не участвовала ни в каких заговорах.

Прыгая с крыши на крышу, графиня то и дело спотыкалась, путаясь в складках длинного платья. Наконец, не выдержав, она быстрым движением руки оторвала подол юбки. Вот она увидела впереди приоткрытый люк, ведущий вглубь одного из домов. Когда она добралась до люка, воин в алой броне нагнал ее и схватил за руку.

— Отпусти! — гневно воскликнула девушка.

— Келкор приказал поймать тебя, — возразил воин.

Конечно, Лала-ах могла ударить стражу кинжалом, который прятала в складках платья, но ведь это был один из верных слуг короля. Причины она ему хоть малейший вред, ее положение стало бы еще более шатким.

— Как тебя зовут? — спросила она, стараясь вырваться из рук воина. — Послушай, я хочу поговорить с тобой.

— Зачем тебе мое имя! Ты — неверная жена, и когда король повесит мятежников, он станет судить тебя, как положено по законам нашей страны.

— Нет!.. Послушай меня, — взмолилась Лала-ах, отчаянно сопротивляясь воину, который потащил ее от спасительного люка назад, в сторону дракона. — Я верна нашему королю. Я никогда не предавала своего мужа. Но мой муж оказался змеечеловеком — колдовской тварью. Я хочу покарать его...

— Я слышал, как король говорил о том, что граф Фанара — один из предводителей восставших.

Воин на мгновение остановился. Тащить по покатым крышам упирающуюся женщину, да к тому столь решительно настроенную, было не простым делом. Ноги стражи скользили по отполированным дождями черепицам, и ему приходилось стараться изо всех сил, чтобы вместе со своей пленницей не полететь вниз.

— Я умоляю, отпусти меня, — вновь заговорила Лала-ах. — Я сбежала, потому что хочу сама добраться до моего мужа и прикончить эту гадину...

В этот момент дракон взмыл в небо, и страж услышал вопль разочарования, вылетевший из сотен глоток. Видимо, враги короля пока еще не заметили их. Нужно было быстро принять какое-то решение.

— Хорошо, — наконец решился воин. — Мы вместе пойдем к твоему мужу. Ты убьешь его, но я буду наготове, и если ты попробуешь предать...

Он не договорил. Пригибаясь и прячась за редкими дымоходами, он побежал к приоткрытым люкам следом за Лала-ах. Мгновение — и они очутились на пыльном чердаке, заваленном всевозможным хламом. Воин стал оглядываться, словно искал что-то.

— Мне нужно во что-то переодеться. Я не могу появиться в стане бунтовщиков в этих доспехах.

Лала-ах бросилась ему помогать, и вскоре они обнаружили черные камзол и штаны, чем-то напоминающие одежду людей графа Фанара.

— Нам повезло, — улыбнулся воин. — Теперь я почти не отличаюсь от наших врагов.

Лала-ах кивнула.

— И все же скажи мне свое имя, — попросила она.

— Вирад, — ответил Алый Страж.

Быстро переодевшись, воин спрятал свои алые доспехи в темном углу. Меч ему пришлось оставить, так как носить его обнаженным в руке было неудобно, а ярко-красный цвет его ножен выдавал Вирада. Воин решил отправиться в логово врага с голыми руками. Когда в городе идет бой, найти оружие не так уж сложно.

Осторожно приоткрыв люк, ведущий на третий этаж, воин прислушался. Но в доме было тихо. То ли его хозяева прятались где-то в глубине дома, пережидая смутные времена, то ли погибли, пополнив список многочисленных жертв этого восстания.

Никого не встретив на своем пути, Лала-ах и ее спутник спустились на первый этаж и выбрались на улицу.

Город выглядел непривычно. Обычно заполненные народом улицы были пусты. Ни одного прохожего. Окна домов были плотно закрыты ставнями. А ведь совсем недавно в Хрустальном городе кипела жизнь, повсюду шла оживленная торговля — в столицу Валузии прибывали караваны из всех Семи Королевств. Лавочники торговали туранскими коврами и фарсунской посудой, волшебными украшениями из далекой Лемурии и верулийскими клинками, резными бивнями мамонта с острова Му и черными невольниками из Кaa-у. По улицам спешили многочисленные разносчики сластей, важные купцы и придворные степенно шествовали по своим делам, красавицы, о которых поэты всего света слагали удивительные баллады, плавно скользили вдоль торговых рядов в сопровождении служанок и рабов. Теперь все это казалось Лале-ах далеким, волшебным сном. Это было так давно, что лишь ужасы змеиного города, колдовство, заговоры и война стали реальнее недавнего прошлого.

Девушка и ее спутник, то и дело переходя на шаг, поспешили в сторону дворца графа Фанара, но неожиданно Лала-ах остановила своего спутника.

— Послушай, Вирад, Кулл ведь посадил дракона, потому что увидел, что Главный советник Ту попал в засаду. Так?

Воин кивнул.

— Значит, королевский дворец сейчас пуст?

— Да, скорее всего, — согласился Алый Страж.

— Тогда, я думаю, что мой муж именно там.

— Но зачем ему королевский дворец? — удивился воин.

— Королевский дворец — символ власти. Я думаю, граф Фанара там.

И, не слушая дальше возражений своего спутника, Лала-ах побежала к центру города. Ей предстояла встреча, о которой она так мечтала, находясь в многих лигах отсюда, в колдовском городе на краю Великого Разлома.

* * *

Кануб, барон Блала, задыхаясь, вбежал вверх по лестнице. На верхней площадке Башни Великолепия невозмутимо замер граф Фанара. Он смотрел на готовый к битве город, раскинувшийся у его ног.

— Я требую объяснений! — завопил Кануб. — Вы ведь отлично знаете, что происходит! Все только и говорят о появлении Кулла. Король жив, а вы обещали, что он никогда не вернется. Еще говорят, что он прилетел на ужасном чудовище и спас Ту! Ваши мертвцы не смогли ничего сделать! Неужели вы не понимаете, что происходит! Люди покидают стены. Даже колокольный звон Храма Змей не может удержать их на своих местах.

— Так пусть они споют песни Ридондо! Дураки любят дураков! — усмехнулся змеечеловек.

— Вы хоть понимаете, что вы говорите! — задохнулся от возмущения барон Блала. — Когда все это затевалось, вы обещали мне, что Кулл, уехав вслед за этим вашим Ренаром, никогда не вернется. Вы обещали мне, что Ка-ну распустит армию и не станет штурмовать город. Вы обещали, что схватите Ту живым, и я лично сдеру с него шкуру! Какова цена всем этим обещаниям!? Кулл вернулся, Ту вырвался из наших рук! — Кануб застонал, закрыв лицо руками. — Мне остается лишь взывать к великому Валке в надежде, что он позволит мне сбежать из города. Кулл ведь непременно повесит меня на городских воротах!

— Не паникуйте, — попытался успокоить узурпатора граф Фанара. — Официально вы теперь король Валузии. Вы имеете намного больше прав на трон, чем этот высокочка из Атлантиды. А что касается его возвращения и бегства Ту... Признаюсь, тут вышла маленькая промашка. Но это не беда. Раз появился Кулл, Ка-ну тем более не станет нападать и разрушать столицу.

— Кулл прилетел на огромном драконе. Говорят, это — настоящее чудовище. Он уничтожил половину ваших мертвецов...

— Тут вы преувеличиваете, — оборвал Кануба граф Фанара. — Ну ладно, я вижу, вы очень волнуетесь. — Голос его по-прежнему оставался очень спокойным. — Пойдемте, я покажу вам то, что я подготовил для ваших подданных. Это надолго остудит их головы.

— Но я требую!.. — стрелой взвился Кануб. — Я требую, чтобы вы не кормили меня колдовскими сказками, а что-нибудь предприняли! Вы... подлый обманщик! Это говорю тебе я — король Валузии!

Услышав такое оскорбление, граф Фанара распрымился. Казалось, он в один миг стал выше и шире в плечах. Шагнув вперед, он башней навис над бароном.

— Что ты сказал! — прошипел он. Длинный черный раздвоенный язык змеи, высунувшись изо рта, облизнул чешуйчатые губы. — Ты король только для них. — Резким жестом змеечеловек выбросил вперед руку, указывая в сторону стен города. — Ты — подданный Великого Змея и должен служить ему, а значит, мне, ведь я эмиссар нашего повелителя в этой стране! Вижу я, ты слишком распустил язык, и мне пора его укоротить.

Побледнев, Кануб испуганно сглотнул:

— Я... я...

— Молчи. Воины Ка-ну не пойдут на штурм. Я получил то, что хотел, и теперь в одном из залов в подземелье этой Башни готовится Великое Колдовство. Кулл и Ту умрут. А когда они погибнут, я вывешу их трупы на воротах, и Ка-ну отступит от стен Хрустального города...

* * *

Дракон спустился на улицу в одном квартале от городских ворот. Алые Стражи один за другим выскользнули из паланкина и сгрудились вокруг Кулла, ощетинившись мечами. Всего, вместе с Куллом, Ту и Келкором, их было

двадцать. Двадцать клинков против целой армии. Но, было, Кулл попадал и не в такие переделки. Сейчас им нужно было пробиться и открыть ворота, а потом продержать их, пока не подойдут воины Ка-ну.

— Ты, Келкор, возьмешь трех воинов и захватишь верхнюю площадку Башни, — заговорил Кулл. — Ту, ты вместе с одним из воинов поднимешь решетку и опустишь мост. Остальные вместе со мной будут ожидать внизу подхода подкрепления. И помните, — продолжал Кулл, — вы сражаетесь не только за короля Кулла. Вы сражаетесь за то, чтобы в этом городе не вставали из могил мертвецы; за то, чтобы вас не вывешивали вниз головой на городских стенах, как при моем предшественнике Борне; за то, чтобы вами правил человек, а не змеи.

Потом Кулл махнул рукой Шуршилу, и тот поднял дракона в воздух. Змеечеловек заранее договорился с королем, чтобы не возникло недоразумений, он и Младший Брат станут кружить высоко над городом.

Король, покрепче сжав топор, зашагал в сторону ворот. Воины Алой Стражи последовали за ним.

Перед воротами была большая открытая площадь. Тут негде было спрятаться, но Кулл и не стремился к этому. Он шел открыто. Защитники ворот, увидев приближение врагов, вышли им навстречу. Их оказалось около сотни, правда, в отличие от воинов Кулла, они были вооружены чем попало, и почти ни у кого не было доспехов. Кулл остановился в нескольких шагах, потом высоко поднял руку, призывая к молчанию.

— Вы, жалкие прихвостни Кануба, — заговорил король громовым голосом, обращаясь к бунтовщикам, — вы забыли все привилегии, которыми я одаривал вас... Сейчас, прежде чем вы посмеете скрестить свое оружие с законным королем Валузии, я даю вам последний совет: бросайте оружие, и тогда я помилую вас.

— Узурпатор! — выкрикнул кто-то из толпы. Тогда Кулл обвел собравшихся перед ним людей испепеляющим взглядом:

— Да, я захватил трон Валузии. Я правил этой страной. Но в отличие от своего предшественника Борна я не уничтожал свой народ. Итак, я считаю до трех. Те из вас, кто не бросит оружие, пусть пеняют на себя.

Один из восставших, в кожаном фартуке кузнеца, неожиданно опустился на колени и виновато склонил голову.

— Помилуйте, Ваше Величество, — забормотал раскаившийся горожанин.

И тут из толпы выскоцил воин в черных одеждах. С криком «Предатель!» обрушил он меч на шею несчастного. Увидев это, Кулл взвыл от ярости. В этот момент в нем проснулся варвар, охотившийся и сражавшийся в горах Атлантиды — безумный гладиатор-берсерк. Кулл забыл о раненой руке, он забыл обо всем. Перед ним был враг, который посмел в его присутствии убить безоружного человека, взывающего к милосердию. Взлетел к небу топор короля, а потом правитель одного из Семи Королевств бросился на противников с леденящими душу криками варваров далекого Севера. Кулл не замечал ударов, которые градом обрушились на его доспехи. У него была одна цель — он хотел добраться до человека в черных одеждах. Топор короля разрубал плоть и оружие врагов, словно те были сделаны из бумаги. Кулл прошел сквозь толпу, оставляя за собой кровавую просеку изуродованных тел. Кровь врагов заливала руки ат-аланта. Словно кровавый демон, рвал он на куски тех, кто осмеливался встать у него на пути.

И вот Кулл оказался у самых ворот. Человек в черном, выставив меч, поджидал атланта. Клинок в его руках казался жалкой игрушкой по сравнению с оружием короля. Но противник Кулла оказался чрезвычайно подвижным. Извернувшись всем телом, он рубанул короля по боку. Доспехи короля треснули, не выдержав, и меч глубоко

вашел в тело короля. Кулл взвыл и одним ударом расколол череп противника надвое.

Когда человек в черном мертвым повалился на булыжную мостовую, черты лица его стали меняться. Через мгновение перед Куллом лежал мертвый змеечеловек. Король сплюнул и выругался. Один миг, и он вновь перенесся из яростной бури битвы в реальный мир.

От боли король громко застонал, потом, покачнувшись, прислонился к огромным воротам. Несмотря на кровавый туман, застилавший его взор, король повернулся, ожидая нападения, но сражаться было уже не с кем. Площадь перед Башней была усеяна мертвыми и умирающими. Из Алых Стражей в живых осталась лишь половина. Но Келкор уже побежал вверх по лестнице, чтобы занять верхнюю площадку Башни, где проходили цепи, поднимающие массивную решетку. Стоило их обрубить, и открыть ворота оказались бы невозможным делом.

Тем временем Ту уже запустил подъемный механизм, и два воина стали крутить рычаг. Где-то наверху заскрежетали блоки. Решетка медленно стала подниматься, а подвесной мост опускаться.

Кулл, собрав все свои силы, одним ударом перерубил широкую бронзовую скобу, на которой крепился засов. Несколько воинов побежали, чтобы помочь раненому королю оттащить бревно. Покачиваясь, Кулл отошел в сторону, держась рукой за стену.

— Король ранен! — закричал Главный советник. Заметив состояние короля, со всех ног бросился он к своему владыке. Но Кулл жестом отстранил его.

— Сейчас не время расслабляться, — объявил он. — Битва еще не закончена.

Главный советник проследил за взглядом короля и увидел надвигавшихся врагов: по одной из улиц, выходивших к воротам, двигались горожане. Распевая воинственные песни, они потрясали оружием. То и дело раздавались крики: «Смерть дикарю! Долой узурпатора!» По другой

улице наступал противник намного ужаснее — живые мертвецы медленно подбирались к площади. За спиной Кулла воины начали отворять ворота.

— Беги навстречу войскам Ка-ну, — приказал Кулл старику. — Пикт не должен опоздать... Я бы послал кого-нибудь поможе, но боюсь, у меня каждый человек на счету.

И, больше не говоря ни слова, король, морщась от страшной боли, вышел вперед. Ему потребовалось собрать все свои силы, чтобы не показать остальным своей слабости.

Семь воинов в изрубленных алых доспехах встали рядом с ним, готовые умереть за своего короля.

Бросив на Кулла прощальный взгляд, Ту повернулся и, отшвырнув бесполезный теперь меч, помчался так, как не бегал никогда в жизни.

* * *

Граф Фанара готовился к последнему ритуалу, который если и не поставит город на колени, то уничтожит всех людей. Это станет хорошим уроком для жителей Валузии. Вместе с теми людьми, кто окажется в зоне действия заклятия, погиб бы и Кануб. Но эмиссар Шашонга не задумывался о таких мелочах. Раз мятежный барон не может повести за собой людей, граф Фанара найдет для Валузии более достойного короля.

На жаровне стоял медный сосуд, обод которого украшали причудливые письмена на древнем языке, ныне забытом. В те дни, на Заре Истории, миром правил Черный Идол, ключник от ворот между мирами — кровавый бог Йог-Саггот. Именно к нему и другим слугам великих Ктулхи собирался взвывать граф Фанара. Как маг высшего Черного Круга, он знал многие тайные заклинания, которые недоступны были обычным змеевлюдям, но даже он не рискнул бы пробудить эти ужасные силы, если бы дела его и Кануба не оказались столь плохими.

Прямо над кувшином была подвешена девушка. Ее стопы были рассечены, и из них капля за каплей капала в кувшин кровь. Когда жертва умирала, двое слуг подвешивали над кувшином следующую несчастную. В дальнем углу комнаты лежало уже с десяток обескровленных тел, но сосуд казался бездонным.

Несмотря на нависшую опасность, граф Фанара не торопился. Он действовал спокойно и размеренно. На маленьком столике он разложил специальные колдовские инструменты: свечи черного воска, эбонитовые палочки, курительницу с порошком черного лотоса. На полу куском мела змеечеловек начертил пентаграмму. Это помещение не было предназначено для проведения подобных ритуалов, но он не хотел осквернять подобной церемонией подвалы своего дворца.

На мгновение графу вспомнилась его жена, и то омерзение, которое он всякий раз испытывал, общаясь с низшими существами. Эти розовые, беволосые обезьяны. Как он мог так долго это терпеть! Но теперь-то он сметет всех этих людышек. Он призовет в наш мир дыхание Йог-Саггота — зеленый туман, который убивает людей, но безвреден для рептилий. И тогда, уничтожив всех обитателей Хрустального города, он поставит Валузию на колени.

Он собирался уже приступить к заклятию, когда неожиданно открылась дверь. Граф оторопел — на пороге стояла та, о ком он только что думал, — его жена, Лала-ах. «Откуда она здесь? — была первая мысль змеечеловека. — Хотя, если вернулся Кулл, то почему бы не вернуться и этой твари. Надо выяснить, что случилось в Халише и как им удалось вырваться из лап Шашонга».

Мысленно поправив свой образ благородного дворянина, граф шагнул навстречу женщине, одновременно сделав знак слугам, чтобы они не вмешивались.

— Я рад снова видеть тебя, дорогая.

Лала-ах зло оскалилась. Только сейчас граф Фа-нара заметил, что платье женщины забрызгано кровью, а в гла-

зах ее горят безумные искорки. Женщина шагнула к нему навстречу, пряча руки за спину.

— Ты, наверное, удивлен?

— Отчего же, я ждал тебя.

— Опять врешь! — устало вздохнула графиня.

— И все же я хотел бы знать, как ты отыскала меня.

— Разве это так важно?

Женщина сделала еще один шаг, подбираясь все ближе.

Неожиданно дверь за ее спиной распахнулась, и в подвал, пятясь, отступил Вирад. Алый Стражи отчаянно отбивался от наседавших на него змеев. Его одежда была разорвана во многих местах и испачкана кровью. Слуги графа, оставив стонущую жертву, обнажили длинные кинжалы, готовые броситься на защиту своего господина.

— Я вижу, ты пришла не одна, — улыбнулся эмиссар змей. — Я рад. Вы оба займете почетное место в моем списке. — Взмахнув рукой он показал на жертву, подвешенную к потолку.

— Ну что ты, мы не достойны такой чести, — ответила Лала-ах. Видно было, что она на грани нервного срыва.

В это время Вирад извернулся, и его клинок пронзил одного из змеев, а затем воин отшвырнул от себя другого. Тот, ударившись о каменную стену, так и остался лежать неподвижно. Вирад, тяжело дыша и пытаясь зажать рукой глубокую рану на животе, подошел к девушке.

— Представь меня своему кавалеру, — предложил змеечеловек.

— Это излишне, — вместо Лалы-ах ответил ему Вирад.

Меч выскользнул из его окровавленных пальцев, и воин тяжело опустился на пол. Усевшись возле ног Лалы-ах, он уставился на свою рану, словно только сейчас заметил ее.

Внимание колдуна на мгновение отвлеклось, и тогда Лала-ах решила, что подходящий момент настал. Высоко занеся руку с кинжалом, она бросилась на своего мужа.

Граф не ожидал этого. Сейчас, когда очередное колдовство уже готово было свершиться, он чувствовал себя на-

стоящим властелином Валузии. Глядя на людей, как на мелких букашек, мешающих планам Великого Змея, граф Фанара искренне считал, что, увидев его величие, Лале-ах нечего не остается как броситься ему в ноги, моля о прощении, но...

Прежде чем колдун сообразил, что происходит, кинжал, с которого еще капала кровь одного из его слуг, пронзил черное сердце графа Фанара. С криком отшатнулся от Лалы-ах змеечеловек. Сделав два неверных шага, он повалился, опрокинув жаровню. Пламя взметнулось к потолку подземелья. Слуги колдуна отшатнулись от огня, Лала-ах, отступив, замерла, глядя на охваченное пламенем тело того, кто раньше был ее мужем.

Потом она отвернулась и подошла к Алому Стражу. Но Вираад все так же сидел на полу, уставившись вниз. Женщина тронула его за плечо, и воин повалился набок. В свете разгорающегося пламени сверкнули остекленевшие глаза. В этот миг закричала прия в себя, подвешенная к потолку жертва, но Лала-ах не слышала ее криков. Подобрав с пола чей-то окровавленный меч, графиня не спеша подошла к двери и стала подниматься по лестнице, ведущей во двор дворца.

Змеелюди так и остались внизу. Они не стали преследовать женщину, убившую их господина.

* * *

Восставшие были уже в десяти шагах от короля, когда он, тяжело вздохнув, поднял топор. Боль в боку была невыносимой, но Кулл собрал все свои силы, отключил ощущение боли так, как его учили давным-давно в школе гладиаторов. Еще мгновение, и он превратился в ужасного берсерка. Вознеся молитву Валке, он приготовился умереть.

Король не стал дожидаться, пока противники подойдут вплотную. С яростным криком метнулся он вперед. Но силы Кулла были уже не те, с каждой каплей крови они по-

кидали его тело. Руки налились тяжестью. Все больше усилий нужно было ему, чтобы поднимать огромный топор.

Неожиданно за спиной Кулла раздались победные крики. Словно раскаленный нож в масло, врезались всадники в красной броне в армию горожан. Тяжелая кавалерия в один миг втоптала плохо вооруженных ополченцев в каменную мостовую.

Ту и несколько воинов подбежали, подхватив Кулла. Король упал им на руки. Атлант с ног до головы был покрыт кровью — своей и чужой.

— Пошлите за Катулосом, — распорядился спустившийся с верхней площадки лестницы Келкор.

Сам же командир Алых Стражей вскочил на коня, всадник которого погиб. Воины короля легко очистили площадь, но их продвижение вперед затормозилось, когда они добрались до городских улиц. Всадники натолкнулись на живые трупы графа Фанара.

Площадь заполнилась зловонным запахом. Кони, пугаясь сверхъестественных тварей, вставали на дыбы и сбрасывали седоков. Началась неразбериха. Огромное число Алых Стражей сгрудилось у ворот.

Келкор послал часть воинов вдоль стены, чтобы они, обойдя восставших с флангов, ударили им в тыл. Но Алые Стражи встретили отчаянное сопротивление.

И в тот миг, когда Келкор уже готов был впасть в отчаяние, не зная, что предпринять, все мертвецы разом рухнули на землю. Одновременно замолчал колокол Храма Змея. Ряды горожан дрогнули. С криками пронеслись по улицам столицы Алые Стражи.

Вскоре Келкор прибыл к королевскому дворцу.

Площадь перед дворцом была пустынна. Лишь на ступенях Башни Великолепия сидела женщина. Она низко опустила лицо, и плечи ее сотрясались от рыданий. На коленях ее лежал окровавленный меч.

Приказав воинам следовать за собой, Келкор спешился и подошел к Лале-ах.

— Ты сбежала и нарушила приказ короля. Ты знаешь, что за все содеянное тебя ждет суровая плата?

Услышав голос Келкора, Лала-ах подняла голову, и воин увидел — несчастная плачет не от горя, а от радости.

— Я убила его! — со смехом произнесла графиня. — Когда-то давным-давно он был моим мужем, а теперь я его убила! Понимаешь? — Она склонила голову набок, и Келкор, как и граф Фанара, заметил безумные огоньки в ее глазах.

— Кого ты убила? — требовательно спросил командир Алых Стражей.

— Того, кто был моим мужем... Того, с кем я взошла к алтарю, не зная, на что обрекаю себя... Того, кто был со мною нежен лишь для того, чтобы предать меня самым подлым образом...

Из замка выбежал один из воинов короля.

— Мы обыскали дворец. Тут никого нет.

— Ну что ж, — спокойно проговорил Келкор, забирая окровавленный меч из рук Лалы-ах. — Пусть во дворце выставят охрану. А мы проводим вдову в ее дворец. Нам надо о многом порасспросить слуг ее мужа. Да, и непременно запалите посреди королевского сада большой костер. Пусть дракон спускается.

* * *

Кануб гнал коня.

Он бежал, бросив все свои сокровища и фамильные драгоценности, которые привез в Хрустальный город в огромном ларце. Сейчас у него было только одно желание — как можно скорее оказаться вдали от столицы Валузии. Он мечтал снова укрыться в своем горном поместье и засвалить ущелье, по которому проходила единственная дорога в его владения.

В этот раз бесполезно было просить милости у Кулла. Если король один раз и простил Кануба, запретив покидать земли Блала, то теперь он уж непременно пошлет карательный отряд, чтобы раз и навсегда покончить с «посыгнувшим на его трон».

Неожиданно всадника накрыла огромная тень.

Кануб, дрожа всем телом, осторожно поднял голову. В глубине души он надеялся, что это какое-нибудь низко пролетающее облако. Но сбылись его худшие опасения. Над ним, широко раскинув крылья, парил огромный дракон.

Увидев ужасного зверя и поняв, что расплаты не избежать, Кануб пришпорил взмыленного коня.

— Нет, нет, они не схватят меня, — пытался уговорить себя барон, а зубы его стучали от страха.

Со свистом рассекла воздух стрела, и тут же конь Кануба споткнулся. Захрипев, животное повалилось в пыль, увлекая за собой всадника. Округлившимися от ужаса глазами Кануб уставился на стрелу с черным оперением, торчащую из горла фарсунского скакуна.

Конь повалился, придавив ногу заговорщику. Коротышка отчаянно задергался, пытаясь вытащить ногу из-под тяжелой туши. Он извивался и скреб руками землю. В голове у него крутилась только одна мысль: «Только бы выбраться, только бы спастись. Если сейчас я освобожусь, то добегу до леса, а там слугам Кулла будет меня не найти». Барон даже начал молиться Валке, отрекаясь от Великого Змея и своих прежних союзников. Чего только он не обещал Великому богу, умоляя спасти ему жизнь. Но в этот день боги оказались глухи к мольбам Кануба.

Дракон опустился неподалеку от барона. С удивлением заговорщик увидел, что драконом правит змеечеловек. На мгновение ему показалось, что он спасен. Да, боги услышали его молитву, и это граф Фанара прислал за ним крылатого посланца.

Но вот на землю спрыгнуло два Алых Стражи, а за ними спустился Главный советник короля — Ту. Не спеша подошли они к своему поверженному врагу. Ту выглядел плохо. Старик осунулся, похудел, но держался по-прежнему властно и надменно.

— Взять его! — приказал он воинам, указывая на распростертого в пыли Кануба.

Дюжие стражи вмиг вытащили Кануба из-под мертвого коня. Барон пытался заговорить с ними. Он клялся и божился всеми богами, умоляя, чтобы его отпустили, обещал несметные сокровища и врал о сказочных кладах. Однако воины живо скрутили ему руки за спиной и отобрали оружие.

— Ты достоин лишь смерти, — глядя в лицо изменнику, спокойно сказал Ту. — Из-за тебя погибли многие достойные люди, жители Хрустального города были обмануты и втянуты в грязную резню... Поверь мне, смерть твоя не будет легкой.

Эпилог..

Брул постучался в дверь королевской опочивальни.

— Входите! — раздался громкий голос Кулла.

Чуть приоткрыв дверь, Брул, прихрамывая, подошел к огромной кровати, на которой возлежал король. На правительстве Валузии было столько бинтов, что он больше напоминал не короля, а мумию.

— В чем дело, Брул, говори.

— Как ты себя чувствуешь? — напрямую спросил пикт.

— Не так уж плохо, но уж точно лучше, чем неделю назад, — улыбнулся Кулл.

— Тогда я попросил бы тебя встать. Кто-нибудь из слуг поможет тебе одеться. — И, заметив недоуменный взгляд короля, Брул пояснил: — Сегодня праздник Валки. Народ гуляет. Возле Башни Великолепия собралась огромная толпа. Люди хотели видеть короля. Все они хотят знать, что ты жив, здоров... Они хотят знать, что ты их простили.

Кулл кивнул.

Медленно поднялся король с постели, потянулся.

— Ты знаешь, Копьебой, я ненавижу валяться в постели.

— И я тоже. Это особенность всех дикарей, — улыбнулся пикт. Он хотел позвать слугу, чтобы тот помог королю одеться, но Кулл остановил Копьебоя. Завернувшись в парчовое покрывало, расшитое различными гербами вассалов Валузии, Кулл, прихрамывая, направился к двери.

Как он ни силился, хромоту скрыть было невозможно. Слишком глубокую рану получил король во время сечи у городских ворот.

Неспешно прошли друзья мимо Алых Стражей и вышли в Зал Совета, где уже собирались самые ближайшие друзья и сподвижники Кулла: Главный советник Ту, командир Алых Стражей Келкор и старый толстяк Ка-ну.

— Я рад видеть Ваше Величество поправляющимся, — начал было Ту, но Кулл знаком заставил его замолчать.

— Не надо придворной лести, Ту. Сколько раз я просил тебя об этом, а ты всякий раз начинаешь все делать по-своему. Когда ты отучишься?

Главный советник насупился. Казалось, замечание короля немного задело его, но тут Ка-ну по приятельски хлопнул старика по плечу.

— Не сердитесь на него, Кулл, — обратился пикт к королю. — Я боюсь, Ту слишком стар, чтобы менять свои привычки.

В это время с улицы снова донеслись крики.

— Они хотят видеть вас, Ваше Величество, хотят увериться, что вы не станете мстить им за измену.

Поплотнее запахнувшись, Кулл подошел к двери, ведущей на балкон. Мгновение выждав, он распахнул ее и вышел на балкон.

— Король Кулл!.. Король Кулл!.. Да здравствует король Кулл! — кричала толпа.

Атлант взглянул на море лиц за дворцовой оградой, на море протянутых к нему рук. На мгновение король уставился на мертвеца, повешенного над воротами королевского дворца. Кулл не сразу узнал искаженное смертью лицо Кануба. Потом правитель Валузии снова взглянул на собравшуюся толпу.

— Люди Валузии! — громовым голосом прокричал король. — Вы были всего лишь орудием в руках изменников. Но теперь все в прошлом. Многие из вас погибли, распла-

тившись за свои грехи. Так пусть же остальные помнят об их участи! — Сказав это, король вернулся в Зал.

Это короткое выступление далось ему с трудом. Всегда он был еще слишком слаб. Капли пота выступили на лбу и висках.

К королю сразу же подскочил Ту.

— Вам плохо, Ваше Величество?

— Пустое, — отмахнулся король. — Ты же знаешь, что все раны заживают на мне быстро, как на собаке. Нет ли каких-нибудь неотложных дел, которые вы сами решить без меня не в состоянии? — Кулл обвел пристальным взглядом лица своих советников.

— Нет, Ва... — начал было Ту, но его перебил Кел-кор:

— Есть одно очень важное дело, Ваше Величество, — объявил он. — По приказу Ту был закрыт Храм Змея. Колдовской колокол сняли, и сейчас лучшие кузнецы города под присмотром Китулоса переливают его. Но дело в том, что часть населения нашего города поклоняется Великому Змею, и было бы неправильным...

— Они предатели! Пособники змеев! — взорвался Ту.

— Подожди, — остановил Кулл Главного советника.

— Было бы неразумно вот так сразу закрывать храм. Это вызовет в городе ненужные кривотолки. К тому же есть один проситель. — Тут Келкор повернулся и громко хлопнул в ладоши.

Дверь тотчас открылась, и в зал вошел Шуршил. Он был в своем естественном облике. Желтоватая чешуя морды поблескивала в солнечном свете.

Протянув руку, Кулл шагнул навстречу змеечело-веку.

— Рад видеть тебя! — сказал он, крепко пожав руку Шуршилу.

— Я тоже рад видеть, что Ваше Величество выздоравливает, — ответил змеечеловек. — Вот петиция с просьбой не закрывать Храм Великого Змея и обязательство жрецов этого храма не заниматься черным колдовством,

не плести паутины интриг и отказаться от человеческих жертвоприношений.

— Хорошо, — кивнул Кулл. — Я подпишу эту бумагу, если ты обещаешь...

— Я обещаю, Ваше Величество, — с поклоном ответил змеечеловек.

— Ну что ж. — Король взял из рук змеечеловека бумагу, один из слуг тут же протянул перо, и Кулл поставил свою подпись. — Пусть храм будет открыт для прихожан, но через неделю... или две, — поправился король, чуть подумав, — в общем, как только я смогу сесть в седло, ты отправишься со мной на Восток. Я хочу поквитаться с твоим королем...

...или пролог

Вновь во дворце графини Фанара играла музыка. Разодетые пары кружились среди зелени, еще сохранивший следы яростной битвы, полгода назад развернувшейся между змеевидными и Алыми Стражами. Но молодая хозяйка приложила все силы, чтобы уничтожить следы недавних страшных событий. Разбитые статуи были унесены на задний двор и подвалы замка, кусты и деревья коротко подстрижены, чтобы скрыть многочисленные сломанные и обгорелые ветки. Залитые кровью дорожки посыпали свежим речным песком...

И вновь, как и давным-давно, красавицу графиню пригласил на танец король Кулл, в этот день одевший алые шелка...

— Все повторяется, — тихо прошептал Брулл и опустил шелковую занавеску.

В этот миг двери раскрылись и в бывший кабинет графа вошел Шуршил:

— Все уже собрались, господин Брул, — подойдя к стене, змеечеловек открыл потайную дверь. — Военный совет вот-вот начнется.

— Но король... — начал было Копьебой.

— Не волнуйтесь, он присоединится к вам в свое время, — успокоил воина Шуршил. — Если бы покойный эмиссар Халиша знал, что его тайное убежище пригодится нам для обсуждения планов вторжения в Змеиное королевство...

— Да, конечно, — пробормотал пикт. Нагнув голову, он нырнул в потайной ход, следом за змеечеловеком.

Нужно было торопиться. Завтра на рассвете король и Союзная армия пяти королевств собирались отправиться на Восток, а полководцам нужно было еще столько обсудить.. .

ЭКУМ

СКАЛЫ
СКОРБИ

В.

BB.

АМУЛЕТ

Молодой Галлус подавал большие надежды. Он не только великолепно владел мечом и уже участвовал в бою рядом с королем Куллом, но и с успехом постигал знания, добившись таких результатов, что Главный советник повелителя Валузии Ту решил взять его в помощники, понимая, что нужно готовить себе смену загодя.

Невзрачный на вид Ту, маленького роста, с жидкими длинными волосами и вытянутым бледным лицом, был больше похож на торговца, чем на главу Совета огромного богатого королевства. Внешне он не производил ни на кого особого впечатления, однако был исключительно умен и хитер и привык планировать все на несколько шагов вперед. Он давно искал подходящего молодого человека, чтобы постепенно обучить его всему, что сам знал о Валузии и об управлении ею. Ту понимал, что это дело не одного года. Будущему советнику нужно изучить много тонкостей, знать все не только в теории, но и на практике. Кулл был четвертым на памяти Ту правителем Валузии, и советник верой и правдой служил ему, как и предыдущим королям.

Галлус родился в богатой уважаемой семье, но был лишь третьим сыном Моргана, а значит, на наследство ему рассчитывать не приходилось. Ему требовалось самому устраиваться в жизни. Наиболее легким путем была удачная женитьба — на девушке с хорошим приданым, как и поступил его средний брат, Рекид. Рода они были знатного и древнего, так что с ними мечтали связать себя узами

браха многие жители Валузии. Отец невесты второго сына Моргана с радостью предоставил зятю необходимые средства для покупки двух торговых кораблей. Взамен его дочь вошла в благородную семью, родством с которой тесть и сам был рад похвастаться.

Старший брат, Эрад, знал, что получит богатое наследство от отца, как первенец, и не особо утруждал себя науками и воинскими искусствами, да и жениться в ближайшее время не собирался, предаваясь увеселениям и отыхая в объятиях женщин, продающих свою любовь.

Пример братьев не устраивал гордого Галлуса, который желал всего добиваться сам, а не через богатых и влиятельных родственников, да и жениться он хотел по искренней и чистой любви, даже если девушка и окажется без приданого, но принесет ему радость и счастье. К тому же Галлус с раннего детства проявлял большую склонность к наукам. Он очень быстро научился читать, писать и скоро обогнал в учении двух своих старших братьев. Все учителя отмечали талант Галлуса и тягу к знаниям. Галлус хотел занять почетное место в обществе благодаря своим способностям и тяжелому упорному труду, а не удачной женитьбой и не при помощи унаследованных богатств, получения которых ему ждать не приходилось. Галлуса вместе с братьями специально обучали военному искусству, как было принято во всех знатных семьях. Младший брат и в этом обошел старших.

Когда от Главного советника Ту поступило предложение, Галлус очень обрадовался, догадываясь, что оно может ему сулить. Он, правда, не обольщался, понимая, что ему потребуется неоднократно доказывать, что он достоин занять высокое место при дворе, но он был готов к этому.

Каждый день с утра Галлус приходил во дворец на встречу с советником Ту и проводил вместе с ним долгие часы за занятиями и беседами о делах государственных и житейских. Ту вспоминал много историй из прошлого, спрашивая, как поступил бы Галлус в том или ином слу-

чае. Юноша с энтузиазмом решал поставленные перед ним задачи. Открыв рот, он слушал умудренного жизнью и опытом советника, много всего повидавшего на своем веку. Галлус впитывал знания, как губка.

Ту представил своего нового ученика и помощника королю Валузии, заметив, что смотрит на него не только как на своего преемника, но, возможно, даже как на преемника самого Кулла. Советник обратил внимание своего повелителя на то, что в семье Моргана также подрастает дочь, сестра Галлуса, на которую королю следовало бы взглянуть... Девушка необычайно хороша собой, прекрасно воспитана, из знатного рода, а ее пышные бедра просто созданы для того, чтобы рожать сыновей. Ту подготовит Галлуса должным образом, а пока наследник престола Валузии — сын Кулла и дочери Моргана — подрастает, его дядя сможет, в случае необходимости, взять правление империей в свои руки и, в свою очередь, подготовит племянника...

— Обо всем нужно думать загодя, Ваше Величество,— с поклоном заметил Ту.

— Клянусь Валкой,— воскликнул Кулл,— ты, как всегда, расписал ходы на много лет вперед!

Король долго и с пристрастием расспрашивал Галлуса о том, чем он занимался с рождения и чего хотел бы добиться в жизни. Куллу молодой человек нравился. Король оценил его разносторонние знания, вдобавок к умению владеть мечом. Им доводилось бок о бок сражаться в бою, Галлус ни в чем не уступал самому Куллу.

Галлус был строен, великолепно сложен. Мышцы его, конечно, пока еще не налились такой силой, как у Кулла, но и лет ему было гораздо меньше, чем королю. Молодой человек был ловким и выносливым. Жизненная энергия, казалось, била в нем ключом. В его огромных карих глазах все время играл задорный огонек, каштановые волосы спадали на плечи, брови извивались дугой на высоком лбу и напоминали двух уютно примостившихся мохнатых гу-

сениц, ровные жемчужно-белые зубы блестели, обнажаемые в улыбке.

Галлус произвел такое впечатление на короля, что тот, вспомнив о кровавой схватке, когда они сражались рядом, и возлагая большие надежды на молодого человека, даже подарил ему расшитый золотом и украшенный мехом леопарда плащ со своего плеча. Галлус всегда надевал этот плащ с гордостью, вызывая зависть у старших братьев, уже прекрасно понимавших, что младший добился в жизни гораздо больше, чем они. Отец же гордился сыном, с честью несущим имя их семьи.

Однажды вечером Галлус засиделся у советника Ту, рассказывавшего ему о государственных делах. К тому же Ту подготовил письмо для короля Кулла с отчетом о происходящем во дворце и Хрустальном городе — повелитель Валузии находился в своих охотничих угодьях, в двух днях пути, где уже неделю жил в своем небольшом, но хорошо укрепленном замке. Он приезжал туда несколько раз в год, чтобы отдохнуть от государственных дел. Ту велел Галлусу отправиться к королю на следующий день, с самого утра, переночевав в доме отца. Поскольку написание письма отняло много времени, Галлус возвращался домой позднее обычного.

Темными вечерами и ночами в Хрустальном городе на улицах, как правило, можно было встретить лишь дозорных. Хотя сквозь окружавшие город стены, в несколько раз превышавшие рост самого высокого мужчины, и ревностно охраняемые ворота было не так-то легко проникнуть, Куллу потребовалось много времени, чтобы навести порядок, но люди все равно еще помнили, что творилось на улицах города, когда правил деспотичный Борн, а старые страхи порою бывает очень трудно изжить. Поэтому горожане редко показывались за воротами своих домов с наступлением темноты — только если в этом была крайняя нужда. Конечно, иногда влюбленные спешили на тайные свидания, пользуясь тем, что не встретят по пути ни-

кого знакомого, но разбойники в город проникали редко, да и не решались они орудовать неподалеку от королевского дворца.

Галлус спокойно шел по тусклой освещенной улице, не ожидая встретить недругов. Письмо было спрятано на груди, во внутреннем кармане. К тому же на левом боку молодого человека висел острый меч, а справа за пояс был заткнут боевой топорик. Галлус был уверен в себе, в своих силах и возможностях — если даже кто-то и осмелится бросить ему вызов.

Когда он уже приближался к своему дому, внезапно за углом соседнего мелькнула какая-то тень. Галлус прищурился, пытаясь получше разглядеть, кто же это мог быть, но ничего не увидел. На всякий случай он положил руку на рукоятку меча и наполовину достал его из ножен. Подходя к дому соседей, он весь напрягся и полностью вынул меч. Это и спасло его.

Из-за угла в него метнули сеть. Галлус не успел быстро увернуться — сеть упала ему на голову, укрыв и правое плечо. Она сковала движения правой руки. Вслед за сетью выпрыгнул человек.

Галлус мгновенно перебросил меч из правой руки в левую. Конечно, он рисковал — ведь если бы он уронил клинок, ему тут же пришел бы конец. Однако молодой человек вовремя поймал рукоятку левой рукой и выбил меч из руки нападавшего, царапнув ему живот клинком. Противник взмыл, согнувшись пополам. Не теряя ни секунды, Галлус врезал сопернику ногой в пах, а мечом рубанул по плечу. Удары оказались такими сильными, что нападавший упал на четвереньки. Он больше был не в состоянии оказывать сопротивление.

Однако победу праздновать было рано. Из-за угла показались еще двое мужчин. Галлус быстро сорвал с головы сеть, отбросил ее в сторону и перекинул меч из левой руки в правую. Он атаковал первым, понимая, что нужно использовать завоеванное преимущество.

Он направил острие в лицо одному из мужчин, заставив того поднять свой клинок, чтобы защитить глаза. Совершив таким образом обманное движение, Галлус сделал резкий выпад, желая проткнуть насеквоздь открытую грудь противника. К великому сожалению юноши, ему это не удалось: другой разбойник защитил своего товарища, парировав удар.

Противники действовали очень слаженно: видимо, им не раз приходилось вместе вступать в схватку. Они начали удаляться друг от друга, пытаясь обойти Галлуса с двух сторон. Молодой человек отпрыгнул к стене дома, чтобы держать обоих врагов в поле зрения. Тогда они разошлись еще дальше. Галлус решил воспользоваться этим, чтобы вначале справиться с одним, а уже потом сражаться с оставшимся. Он выхватил из-за пояса кинжал и бросил его в находившегося справа от него противника. Тонкий клинок глубоко вошел в грудь неизвестному. Мужчина взывал от боли и рухнул наземь.. Из раны хлынула кровь. Вой перешел в хрип, несчастный несколько раз дернулся на земле и затих.

Правда, бросая кинжал, Галлус потерял драгоценное время, за которое второй противник успел подскочить к нему и занести меч. Галлус не сумел парировать удар, и клинок царапнул ему плечо. Юноша перекинул меч в левую руку, в который раз с благодарностью вспомнив своего учителя, заставлявшего его тренировать удары как правой, так и левой рукой. Но и разбойник оказался не из слабых и умело парировал удары. Противники оказались равны по силам. Правда, молодой человек быстро слабел: у него выдался трудный день, и он уже успел расправиться с двумя соперниками, а его противник был полон сил, и у него из плеча не сочилась кровь...

«Письмо,— пронеслось в голове у Галлуса.— Я должен доставить письмо». Ответственность и чувство долга придавали ему энергии.

Внезапно противник нанес Галлусу колющий удар, используя меч, подобно кинжалу, направляя его снизу вверх, прямо в живот. Галлус не ожидал подобного выпада и не смог его вовремя отразить. Клинок врага вошел в его плоть, разрывая внутренности на части. Противник издал победный клич. Галлус рухнул наземь, схватив руками торчавший у него из живота клинок.

«Я не выполнил приказ!» — только и успел подумать молодой человек.

Теряя сознание, он услышал слова разбойника:

— Ты слишком много хотел. Считал себя лучше и умнее старших. Вот и получай свою награду.

Свет в глазах Галлуса померк, как угасшее пламя свечи.

* * *

Верный слуга Галлуса, Никое, забеспокоился из-за долгого отсутствия молодого хозяина. Если тот по какой-то причине не возвращался домой, то обязательно присыпал кого-то сообщить, чтобы его не ждали. На этот раз никаких посыльных не появилось, и сам Галлус не предупреждал, что останется во дворце. Никое решил пойти навстречу Галлусу и, если не столкнется с ним по пути во дворец — дорога туда вела только одна, так что они не могли разойтись, — спросить у стражи, во дворце ли его хозяин.

Завернув за угол дома, расположенного по соседству с жилищем Моргана, отца юноши, Никое сразу же заметил три неподвижных тела, лежащих на пыльной дороге. У него екнуло сердце. В одном из них он, к своему ужасу, узнал молодого хозяина.

Никое бросился к Галлусу — тот еще дышал, хотя и слабо, продолжая руками сжимать кровоточащую рану на животе. Клинка в ней уже не было. Не обращая внимания на два других безжизненных тела, Никое бережно поднял юношу на руки и поспешил домой.

Только переступив через порог, он закричал, призывая остальных слуг. В доме захлопали двери, послышался то-

пот ног, но пока еще никто не разобрался, что происходит. Никое бережно опустил Галлуса на диван, не решаясь поднимать его по лестнице. Слуга понимал, что молодому хозяину нужен покой.

Проснулся и Морган, отец Галлуса. Поспешно накинув на плечи расшитый золотом халат, он бегом спустился с лестницы и склонился над сыном.

— Что случилось? — резко повернул он голову к Никосу.— Кто... Кто это сделал? Где ты его нашел?

Никое рассказал, что знал, а знал-то он совсем немного. Морган тут же взял все в свои руки: отправил самого быстрого из своих слуг за придворным лекарем Эл-та, который также всегда лечил и семью Моргана и считался одним из лучших в империи, а трех других вместе с Никосом послал к тому месту, где верный слуга обнаружил своего молодого хозяина, чтобы взглянуть, кто осмелился напасть на королевского любимчика.

Лекарь прибыл очень скоро и внимательно осмотрел рану юноши. Морган неотрывно следил за работой врача-ватаеля. Эл-та вздохнул, не решаясь встретиться взглядом с отцом Галлуса.

— Ну как он? — дрожащим голосом спросил Морган.— Он... выживет?

— Шансов практически нет... — медленно произнес Эл-та.— Очень сожалею...

— Но должен же быть хоть какой-то способ! — воскликнул отец в отчаянии.— Я готов заплатить любые деньги, отдать все что угодно, лишь бы спасти моего младшего любимого сына. Ты можешь предложить хоть что-нибудь?

Лекарь долго молчал, а потом поднял глаза на Моргана.

— Есть один способ, только...

— Говори! — закричал Морган.— Не мучь меня! Я согласен пойти на любые жертвы!

— Далеко-далеко в южных джунглях в одном из племен дикарей с сине-черным цветом кожи хранится амулет

жизни и смерти. Я слышал легенды про него. Он в самом деле может оказаться легендой, а его волшебные силы значительно преувеличены. Не хочу тебя зря обнадеживать. Дорога туда дальняя и трудная. Тебе придется преодолеть немало препятствий и вступить не в одну схватку. Да и одному в такое путешествие отправляться нельзя. Нужно собрать целый отряд воинов, снарядить их всем необходимым, взять запасы еды и питья...

— Я сделаю все, что нужно,— ответил Морган,— только вот протянет ли мой мальчик до нашего возвращения? Ведь, как я понимаю, этот поход займет много месяцев?

— Придется пригласить придворного колдуна Китулоса, может, собрать всех магов и чародеев Хрустального города и просить их остановить смерть. Такое возможно. Твой сын станет неподвижным и бездыханным — но только на время — до того момента, когда колдуны снова вдохнут в него жизнь. Он будет напоминать жука, застывшего в янтаре, или заспиртованную личинку. Правда, и оживить его полностью они не смогут, лишь вернуть в то состояние, в котором он находится сейчас. Тогда уже нужно будет использовать силу амулета — иначе Галлус никогда не вернется к нормальной жизни.

— Я готов на все. Сейчас пошлю человека за Китулосом.

Эл-та смазал рану Галлуса какими-то мазями и дал ему испить настойки из лечебных трав: требовалось поддерживать в нем жизнь до прихода Китулоса и других чародеев, если их помочь потребуется придворному колдуну, и стал их ждать.

* * *

О том, что произошло с молодым Галлусом, Ту узнал лишь в середине следующего дня. Советник был уверен, что помощник находится на пути к охотничьям угодьям Кулла.

В одном из коридоров Ту столкнулся с вернувшимся во дворец Эл-та. Вид у лекаря был грустный, он шел, низко опустив голову, и, казалось, никого не замечал. Эл-та просто натолкнулся на советника, поднял на него глаза, в уголках которых стояли слезы, и пробормотал:

— Простите, Ту, но...

Старый опытный советник сразу же понял, что случилось что-то ужасное, в душе у него зародилось нехорошее предчувствие. Эл-та лечил далеко не всех. Его никогда не вызывали к простолюдинам, а значит, несчастье постигло кого-то из тех, кого знал и сам Ту.

— Что произошло? — воскликнул советник.

— Вы еще ничего не знаете? — удивился Эл-та и рассказал советнику о том, как его среди ночи вызвали к Галлусу, раненному в живот и находящемуся при смерти.

Рядом с тем местом, где верный слуга Никое нашел своего молодого хозяина, лежали еще два трупа неизвестных мужчин, явно заезжих разбойников. На тела у обоих было много шрамов от прошлых сражений, и у каждого на правом плече было выжжено по клейму, означавшему, что занимались они не честным и неблагородным ремеслом. Видимо, молодой Галлус схватился с ними — они, скорее всего, хотели его ограбить. Ему удалось убить двух противников, но и сам он получил смертельную рану в живот. Может, конечно, с ними был и кто-то еще, но он убежал с места сражения, бросив убитых товарищей и противника, которого посчитал мертвым.

Ту с ужасом слушал оочных происшествиях. Когда Эл-та закончил рассказ, советник дрожащим голосом поинтересовался, как себя сейчас чувствует молодой Галлус и есть ли хоть какая-то надежда спасти его.

Лекарь объяснил, что смазал его рану мазями, дал испить целебной настойки, а потом пригласил Китулоса, чтобы тот на время остановил процесс смерти — до тех пор, пока Морган, отец Галлуса, не доставит в Хрустальный город амулет жизни и смерти, хранящийся в племени

сине-черных дикарей, обитающих в далеких южных джунглях.

— Сейчас Галлус уже спит,— пояснил Эл-та.— Он ничего не слышит и не чувствует. А его отец собирается в далекое путешествие.

— Я хочу взглянуть на несчастного юношу и поговорить с Морганом,— заявил Ту.— Может, нужна какая-то помощь.

Ту отправился на конюшню и попросил конюха оседлать ему лошадь. Быстро вскочив в седло, старый советник погнал ее к дому Моргана. Ту никогда не был хорошим наездником, как и не отличался особым умением в воинских делах, но добился успехов на другом поприще. Обычно ездил он медленно, вообще предпочитая путешествовать на повозке или кораблем по морю.

Наверное, он слишком быстро гнал лошадь. Из-за поворота, совсем рядом с домом Моргана, неожиданно выскочила повозка, в которую было впряженено три коня. Лошадь Ту испугалась, резко дернулась в одну сторону, потом в другую, а затем встала на дыбы, громко заряв. Ту не смог удержаться в седле и рухнул на землю.

Повозка остановилась, с нее спрыгнули испуганные горожане, сразу же узнавшие Главного советника. Один побежал в дом Моргана, стоявший за углом, чтобы попросить о помощи. Бесчувственного Ту отнесли в дом отца Галлуса и положили на тот же диван, где ночью лежал молодой человек (днем его перенесли в темную комнату, без единого окна — так велел Китулос).

Морган схватился за голову: второе несчастье за один день. Он снова послал человека за лекарем Элта и колдуном Китулосом, понимая, что, скорее всего, опять придется воспользоваться услугами и того, и другого.

Только через четыре дня прибыл король Кулл, которому и сообщили о случившихся несчастьях. Правитель Валузии очень уважал и ценил старого советника, помогав-

шего ему в управлении огромной и могучей империей, а также возлагал большие надежды на молодого Галлуса.

Морган передал королю пропитанное кровью его сына письмо, найденное на груди Галлуса: видимо, Ту велел молодому человеку доставить его повелителю Валузии, и Галлус, когда на него напали разбойники, яростно сражался, не только защищая свою жизнь, но и прилагал все усилия, чтобы послание советника не попало в руки врагов.

Кулл отдал приказ Алым Стражам, валузийским горцам, самым сильным и выносливым своим воинам, закованным в алую броню от шлемов до шпор, пройтись по всем тавернам и выяснить, не слышал ли кто про заезжих разбойников, где-то с неделю назад появившихся в городе. Кулл решил жестоко покарать тех, кто остался в живых из этой шайки,— если, конечно, с двумя убитыми Галлусом разбойниками был кто-то еще.

Услышав про планы Моргана отправиться за амулетом жизни и смерти, Кулл заявил, что сам возглавит поход и возьмет с собой верных и надежных воинов, а также Китулоса, помочь которого обязательно должна потребоваться, раз им предстояло иметь дело с колдовскими силами. Ведь амулет жизни и смерти должны охранять не просто дикари, а существа, наделенные магическими способностями, а, значит, одним воинам тут не справиться.

И советник Ту, и молодой Галлус были очень дороги королю. Именно поэтому он хотел помочь им лично. Расспросив Китулоса, Кулл удостоверился в том, что и Ту, и Галлус будут спать до их возвращения — ничего не чувствуя, ничего не слыша, ничего не понимая. Они застыли, как жуки в янтаре, только вокруг не было янтаря, а лишь какая-то невидимая человеческому глазу оболочка, на которую не должны были падать лучи солнечного света. Китулос велел положить их в темной комнате, без единого окна и щелочки, сквозь которую мог бы проникнуть свет. Он также советовал поостеречься и не только защищать

двух мужчин от солнца, но и не давать отсветам пламени свечи или факела падать на их лица.

Кулл лично проверил, что Ту и Галлус лежат в одном из сухих подвалов дома Моргана. Он приказал навесить на дверь могучие замки, на которые Китулос еще наложил заклятие, чтобы никто не мог проникнуть внутрь и никоим образом не навредил бы дорогим ему людям. Король отдал четкие указания воинам, которые должны были круглосуточно дежурить перед дверью, никого не впуская внутрь до возвращения Кулла, Моргана и валузийского войска.

* * *

Отряд отправился в путь на следующий день. Им предстояла дальняя дорога. К тому же Китулос только приблизительно знал, где хранится амулет, так что им требовалось еще найти его и отвоевать у дикарей.

На боку у каждого воина блестели ножны с острым клинком, за пояс был заткнут боевой топор и ножи, солдаты также прихватили с собой луки и палицы. На телегах везли две катапульты, которые, как считал Кулл, им могут понадобиться.

Ножны короля переливались на солнце драгоценными камнями, украшавшими их,— рубины, сапфиры и изумруды составляли хитроумный узор. Огромный меч атланта уже неоднократно выручал владельца в многочисленных схватках и не раз обагрялся кровью врагов королевства. По приказу короля кузнец накануне специально заточил клинок, впрочем, как и боевой топор, и кинжал, висевшие на боку могучего воина.

Кулл взял с собой много подарков, под тяжестью которых скрипели телеги: он надеялся вначале попробовать обменять на них амулет, а не вступать в схватку. К тому же по пути его маленькой армии могли встретиться и другие племена дикарей, которых тоже следовало умилостивить подношениями, хотя, в случае необходимости, все

валузийские воины могли оказать достойное сопротивление.

Великолепно сложенный Кулл напоминал льва, готового вступить в сражение. На его атлетическом загорелом теле не было ни капельки жира, мышцы играли при каждом его движении. Король выделялся среди всех воинов, составлявших отряд, своей статью и мощью. Его уверенный взгляд говорил о том, что этот человек знает себе цену и ни перед кем не отступит.

Морган, отправившийся в поход за амулетом, чтобы помочь своему младшему сыну, выглядел жалко в сравнении с королем. И возраст у него уже был не тот, и не было у него такого опыта ведения сражений, как у Кулла, хотя в молодые годы он любил поохотиться, о чем свидетельствовали многочисленные трофеи, украшавшие залы в его доме. Однако представитель древнего знатного рода в молодые годы по большей части проводил время в городских стенах, но случившееся с сыном заставило его сняться с места и отправиться в джунгли.

Когда отряд следовал по улицам Хрустального города, жители высыпали на улицы, желая воинам удачи: весть о случившемся быстро разнеслась по всем домам и тавернам. Многие лелеяли надежду на то, что если Куллу с его воинами все-таки удастся раздобыть амулет жизни и смерти, то он сможет помочь не только тем двоим, ради которых и была затеяна экспедиция. Никто не хочет умирать, не представляя, что ждет его за тонкой гранью жизни и смерти. На этой земле, по крайней мере, уже многое известно, человек как-то обустроился, оброс друзьями и родственниками, а что ждет его за Вратами, о которых ходило столько легенд? Каждый надеялся, что и ему, может быть, удастся задержаться подольше на этом свете, если амулет все-таки способен возвращать людей из владений Владыки Смерти...

Отправляясь в поход, Кулл оставил приказ продолжать расследование нападения на молодого Галлуса. Допро-

сившие хозяев и постояльцев городских таверн воины, посланные Куллом, узнали, что на прошлой неделе, поздним вечером, в самом дальнем и темном углу в общем зале самой маленькой пивной встречались четыре человека. Один, слишком богато одетый для подобного заведения, закрывал платком лицо, видимо не желая быть узнанным, остальные просто надвинули шляпы на глаза. Они о чем-то тихо беседовали, потом богатый господин передал каждому из трех по небольшому мешочку — скорее всего, с монетами. Больше хозяин таверны ничего сказать не мог.

* * *

Лишь через много месяцев отряд Кулла добрался до джунглей, в дебри которых им предстояло пробраться. Кулл решил, что они пойдут вдоль реки, петлявшей среди деревьев. В любом лесу лучше держаться поближе к воде — чтобы было, что пить, и чтобы пополнять запасы продовольствия. Ведь где река, там и рыба, и к ней обязательно приходят на водопой различные животные.

Кулл внимательно разглядывал темно-синюю поверхность. Вода была необычного, слишком насыщенного синего цвета, правда, оставалась прозрачной — на дне просматривались все камни причудливых форм и всевозможных размеров.

Китулос подошел к воде вслед на Куллом и проверил ее на наличие колдовских чар. Придворный лекарь Эл-та зачерпнул воды в рог и на всякий случай капнул в нее настойки из целебных трав, чтобы сделать ее абсолютно безопасной для питья. Кулл первым отпил из рога. Вода показалась ему удивительно вкусной и свежей.

Отряд тронулся в путь вдоль берега. Воинам приходилось мечами прорубать себе дорогу. Сверху свисали лианы, по стволам деревьев вверх ползли причудливые растения, огромные широченные листья непонятных кустарников тоже сильно осложняли путь.

По приказу Кулла воины, идущие впереди, менялись через каждые пятьсот шагов, переходя в конец строя. Новые, со свежими силами, принимались рубить ветки, закрывающие дорогу. Потом наступал черед следующих, затем очередь вновь доходила до первых, и все повторялось вновь. Периодически приходилось делать привалы, чтобы испить вкусной речной воды и немного отдохнуть. Люди устали от бесконечного сражения с растительностью джунглей. К тому же они постоянно отбивались от назойливых мошек, так и норовящих залезть в глаза, ноздри и уши.

Когда уже начало темнеть, отряд вышел на большую поляну, поросшую по краям непонятным растением с широченными листьями в человеческий рост высотой. Кулл объявил ночной привал, сказав, что этими листьями воинам следует укрыться ночью, как одеялом, — они были такими большими, что в них можно было замотаться. Каждый топориком срубил себе по листу и стал готовиться к ночлегу. Воины развели несколько костров, достали запасы сущеного мяса, несколько человек сели на берегу в надежде поймать рыбу. Им повезло: река просто кишила крупными рыбинами, незнакомыми валузийцам. Они оказались огромными, конечно, не такими, как листья неизвестного куста, но взрослый сильный мужчина с трудом вытягивал улов из реки. Вдоволь насытившись, валузийцы улеглись на изумрудную траву, завернувшись в гигантские листья, и только дозорные остались бодрствовать на своих постах.

Ночь прошла спокойно. Их не беспокоили ни люди, ни звери. Лишь где-то в отдалении слышалось рычание льва, не решавшегося подойти поближе, кричала гиена, щебетали незнакомые птицы.

Рано утром Кулл поднял отряд, приказав двигаться дальше. К полудню джунгли поредели. Воинам больше не приходилось прорубать себе дорогу. Они могли относительно свободно двигаться между деревьями, и даже телес-

ги, на которых стояли катапульты и лежали пожитки, без особого труда маневрировали между стволами. Потом впереди показались невысокие хижинки.

— Это здесь? — спросил Морган у Китулоса.

Колдун не знал ответа. Ведь легенды говорили, что до племени дикарей, хранящих у себя амулет жизни и смерти, месяц пути, а они пока не преодолели и четверти. К тому же у тех дикарей кожа, как гласили легенды, отливала синим цветом, а мелькавшие между хижинами фигурки казались такими же, как и валузийцы.

На всякий случай Кулл отдал приказ приготовиться к бою. Однако сражаться им не пришлось: путников встретили мирно и дружелюбно. Гости здесь были редки, так что жители затерявшейся в джунглях деревеньки всегда были рады увидеть новые лица и узнать о том, что делается в других землях. И они очень обрадовались подаркам, полученным от Кулла.

— Зачем вы прибыли в наши края? — спросил старейшина у Кулла, пригласив короля к своему костру.

— Мы ищем амулет жизни и смерти, — ответил Кулл. — Не слышал ли ты о нем, почтеннейший?

Старейшина внимательно посмотрел на гостя из далеких стран, вздохнул и ответил:

— Опасное дело ты затеял, чужеземец. Ох, опасное... Лучше поверни назад, пока не поздно. Я сам никогда не видел этого амулета, но слышал рассказы своего деда. Когда-то, много лет тому назад, вождь нашего племени решил раздобыть его: от какой-то непонятной болезни умирала его молодая жена. Потом его единственный сын заразился от матери и тоже стал увядать на глазах. Вождь не хотел лишаться ни жены, ни наследника и поскакал в племя морталлов — так звались те, кто хранит этот амулет у себя. Он взял с собой лучших воинов. Особого сопротивления морталлы ему не оказали: они все разбежались в разные стороны. Вождь принес амулет в нашу деревню. Ему удалось вернуть здоровье и жене, и сыну, оба быстро

пошли на поправку, но потом наше племя стали преследовать несчастья. Пожар, наводнение, нападение диких зверей, которые всегда обходили поселение стороной...

— И долго это продолжалось? — поинтересовался Кулл.

— Три месяца. Потом к нам пришли двое морталлов и сказали, что хотят вернуть назад свой амулет, добавив, что несчастья будут преследовать нас до тех пор, пока мы не отдадим его. Вождь вернул амулет. С тех пор не было ни одного пожара, и река больше не разливалась. Вообще это очень спокойная река. На протяжении всей истории нашего племени тогда произошел ее единственный разлив... Амулет приносит несчастья, хотя и возвращает людей к жизни.

Кулл глубоко задумался.

— А если вернуть двух людей к жизни, а потом сразу же отделаться от него? Например, выбросить в море? Или сжечь?

— Я не могу тебе ответить,— вздохнул старейшина.— Я не знаю. Все, что я слышал про этот амулет,— рассказы моего давно умершего деда. Правда, если я правильно все помню, амулет не горит и не тонет. Он уцелел и во время пожара, и его не унесло водой, когда все наше поселение залила вышедшая из берегов река.

Кулл долго молчал, прикидывая в уме все возможные последствия применения амулета, потом посоветовался с Китулосом, который про побочные действия амулета никогда не слышал... И все-таки король решил идти дальше. Он ведь отправился в путь, чтобы найти единственное средство помочь Ту и Галлусу. Если они вернутся к жизни — одна проблема будет решена, а там станет видно, что делать с амулетом,— ведь в Валузии жило немало сильных чародеев и магов, способных разобраться с воздействием амулета и найти способ от него избавиться, если такая необходимость возникнет.

На следующий день с рассветом отряд Кулла снова тронулся в путь. Старейшина пожелал им счастливого пути и удачи.

* * *

Еще через несколько дней пути воины Валузии наткнулись на другую деревню. И здесь дикари встретили их дружелюбно. Гости здесь бывали нечасто. Кулл и Морган одарили старейшин и вождя подарками, дали им попробовать изысканных вин. За ужином в шатре вождя Кулл, как и в племени вислоухих, поинтересовался, не известно ли предводителю вислоно-сых что-нибудь об амулете жизни и смерти, до которого, судя по всему, им оставалось не так уж далеко.

Вождь долго молчал, глядя в огонь, потом встретился взглядом с чужеземцем.

— Король далекой страны,— обратился он к Куллу,— послушайся моего совета: оставь эту затею. Этот амулет не приносит счастья. Про него много ходят всяких слухов, и его силу часто преувеличивают. Да, он способен возвращать людей к жизни, но не всех и не всегда. И всем, кто к нему прикоснулся, он приносит горе.

— Ты сам видел его когда-нибудь? — спросил Кулл.

— Да, маленьким мальчиком. Тогда серьезно заболели мой дед и старший брат. Отец, потеряв надежду на их выздоровление после того, как ничто из применяемых нами обычных настоек трав не подействовало, отправился за амулетом в племя морталлов, сине-черных гигантов. Получил он амулет без особой борьбы. То ли морталлы были уверены, что амулет все равно вернется к ним, и не хотели терять лишних людей, то ли они все трусы, не желающие вступать в борьбу с сильными воинами, но они попрятались по своим шатрам, когда отец с отрядом наших воинов приблизился к их деревне. Мой отец беспрепятственно вошел в белый шатер, где хранится амулет, и снял его с каменного пьедестала.

— Так амулет помог или нет твоим деду и брату? — спросил Кулл.

Вождь глубоко вздохнул.

— Я был маленьким мальчиком и не очень хорошо помню все, что произошло в тот роковой день. Мой дед сразу же выздоровел, а старший брат умер. Отец долго горевал — мой старший брат должен был после него стать вождем — такая у нас традиция. Но ему не суждено было дожить до совершеннолетия. Когда отец приставил амулет к голове моего старшего брата, в нашем шатре внезапно появились огромных размеров чудовища — я до сих пор не могу забыть тот ужас. Я потерял сознание. Когда очнулся, брат был уже мертв, отец с несколькими ранами лежал рядом, мать лишилась рассудка. Она так и не пришла...

— И что это были за чудовища? — уточнил Кулл.

— Они напоминали гигантских ящеров — и одновременно людей, но не обычных людей, состоящих из плоти и крови, а полуразложившиеся трупы. Ты можешь представить буровато-зеленого ящера с человеческим лицом, на котором зияют пустые глазницы? Передние лапы его заканчиваются пальцами, с которых отваливается почерневшая плоть, а задние ниже колена покрыты гниющим мясом? Я смотрел на них всего несколько секунд, а после этого упал без чувств.

— Отец рассказывал тебе что-нибудь?

Вождь покачал головой.

— Ему было слишком тяжело вспоминать случившееся. Он одновременно лишился жены и сына. Нет... Мать прожила еще несколько лет, но была не в себе. Правда, дед полностью выздоровел и, кстати, пережил отца!

— Что случилось с амулетом потом?

— Пришли два представителя морталлов и попросили вернуть его назад, сказав, что он принесет нам одни несчастья. Мы в этом уже не сомневались и с радостью отдали

его. Больше никто из наших людей не делал попыток за-владеть им. Я не советую этого и тебе, король.

* * *

На следующий день Кулл долго совещался с Китулосом и Эл-та, выясняя все, что те слышали об амулете жизни и смерти и о том, как правильно его использовать. Китулос считал, что дикари, живущие в джунглях, просто не знали, как следует поступать, чтобы добиться положительного результата. Их колдуны слабы для того, чтобы взять под контроль силы, заключенные в амулете. В Валузии же, кроме Китулоса, есть еще много опытных и могущественных чародеев, которые совместными усилиями сделают все, что нужно. А после того, как Ту и Галлус снова встанут на ноги, амулет можно будет или вернуть обратно — если Кулл этого захочет, или положить в каком-нибудь храме, или, в конце концов, выбросить в море.

— Ты уверен, что, используя его, мы не накличем бед на Валузию и Хрустальный город? — спросил король у Китулоса.

— Уверен, Ваше Величество! — воскликнул колдун. — Маги и волшебники, находящиеся у тебя в услужении, не то что необразованные дикари, сроду не видавшие знатных людей. Только посмотрите, как нас здесь разглядывали. Все, что мы принесли с собой, было им в диковину. Конечно, они не справились с силами амулета! И не забывайте, что он — единственный способ помочь Ту и молодому Галлусу.

Кулл отдал приказ продолжать поход.

* * *

Наконец, на тридцатый день пути по джунглям, они подошли к поселению таинственных морталлов. Кулл велел остановиться в некотором отдалении от него — как только они издали заметили поднимающийся вверх дым, свидетельствовавший о человеческом жилье. Вместе с несколь-

кими опытными воинами, которым Кулл безоговорочно доверял, король отправился на разведку — взглянуть, что представляет из себя деревня колдунов.

Черные шатры из шкур животных стояли кругом. Шкуры были старые, прорыженные и прожженные во многих местах. Создавалось впечатление неопрятности и неухоженности. Кругом валялись кучи грязи и мусора, над которыми висели облака мух... В центре же поселка стоял совершенно белый шатер. Кулла и его воинов поразило, что он оставался незапачканным в окружении такой грязи, но это было так. Шкуры его оказались целыми, не порванными и не прожженными. Из отверстия наверху не поднимался дым.

По поселению ходили странного вида люди с сине-черной кожей и непомерно вытянутыми шеями. Даже зубы у них были черными и острыми, напоминающими акульи. Они, как и их поселение, казались грязными и неопрятными. Из одежды на них были лишь набедренные повязки — как на мужчинах, так и на женщинах, дети бегали голышом. От поселения шел отвратительный запах, такой мерзкий, что Куллу и его людям вначале пришлось закрыть носы и рты руками, чтобы сдержать приступ тошноты. Так пахнут разлагающиеся трупы, кучи навоза и гнилые фрукты одновременно.

Морталлы не заметили разведчиков, и у них не было выставлено дозорных. Пока Кулл с воинами сидели в высоких густых кустах вокруг поселения, сине-черные люди спокойно продолжали заниматься своими делами. В деревне не было ни одной собаки, которая могла бы учゅять незнакомцев.

Кулл вернулся в свой лагерь, приказал еще дюжине воинов присоединиться к нему, носильщикам — взять подарки, привезенные из Валузии, и отправился назад к деревне. Он решил войти в нее в полном боевом вооружении, но не начинать рубить всех направо и налево, а посмотреть, как отреагируют на их появление жители дерев-

ни, и потом уже решать, как действовать. Может, удастся что-нибудь узнать про волшебные свойства амулета у хранящих его дикарей?

Когда Кулл с сопровождавшими его воинами появились из зарослей, все жители деревни, находившиеся на улице, одновременно замерли и уставились на белых пришельцев с поблескивающими на солнце мечами и кинжалами, на увешанных подарками носильщиков. Кулл шел первым, играя мышцами и держа руку на рукоятке острого меча. За ним следовали носильщики с дарами, следом шеренгами по три воина шагали крепкие сильные валузийцы в полном вооружении.

Подойдя к первому шатру, Кулл уже собирался заговорить со стоявшим перед ним морталлом, но тут случилось невероятное — все находившиеся на улице сине-черные люди стали превращаться в игуан. Человек сжимался до размера крохотной ящерки длиной в ладонь, а потом рос на глазах до полутораметрового гиганта-ящера. Потом самая крупная игуана издала какой-то непонятный, разры вающий барабанные перепонки звук — и все чудовища превратились в яркие костры, горевшие синим пламенем. Синий дым, поднимавшийся от них вверх, полетел в белый шатер и исчез в нем. Костры потухли. В деревне наступила полная тишина, нарушенная лишь тяжелым дыханием валузийских воинов. В удивлении наблюдали они за происходящим перед их глазами.

Кулл решил заглянуть в ближайший к нему шатер. Там, на звериных шкурах, разбросанных вокруг очага в центре, лежало две змеи, свернувшиеся кольцами. Создавалось впечатление, что они мертвые. Кулл выхватил меч из ножен и осторожно острием дотронулся до одной из них. Она никак не отреагировала на прикосновение клинка. Тогда Кулл попытался сдвинуть ее мечом с места. Змея застыла в одной позе, и ее было невозможно развернуть, а для того, чтобы сдвинуть со шкуры, требовалось приложить неимоверные усилия.

В других шатрах лежали похожие змеи — все черные и блестящие, большие и маленькие, но застывшие, свернувшись кольцами.

Тогда король отправился в белый шатер, где, судя по всему, и должен был храниться нужный ему амулет жизни и смерти. Отодвинув белую шкуру, закрывавшую вход, Кулл вошел в прохладное, освещаемое тусклым светом небольшого костра помещение. Дым от очага в центре не шел вверх — в отверстие, как в других шатрах,— а просто растворялся в воздухе, достигнув уровня, на котором находился амулет. Прямо за очагом, выложенным камнями, стояла крупная глыба, шириной метра два и высотой метра полтора, выкрашенная в черный цвет. На ней лежал небольшой предмет из какого-то странного черного металла, поблескивавшего в отсветах пламени, по форме напоминавший голову орла с телом игуаны и человеческими руками и ногами.

Кулл обогнул очаг и остановился перед странным амулетом, внимательно рассматривая его. Следовавший за ним Китулос проверил помещение на наличие в нем колдовских чар, с удивлением для себя отметил их отсутствие и тоже приблизился к амулету.

— Ну, что ты о нем думаешь? — повернулся к нему Кулл.

Китулос вынул из-за пояса две палочки, украшенные руническими письменами, и провел ими вокруг амулета. От него во все стороны посыпались искры, однако быстро потухли. Тогда Китулос снял с пояса флягу с какой-то жидкостью и вылил несколько капель густого раствора на черный предмет. Вверх взметнулось пламя, но тоже быстро потухло. После этого колдун произнес какое-то заклятие, неотрывно глядя на странное соединение орла, игуаны и человека. На этот раз предмет никак не отреагировал.

Колдун повернулся к Куллу и заявил:

— Теперь ты можешь спокойно брать его в руки и везти в Хрустальный город. Эти дикари не провели нужных ма-

гических обрядов перед тем, как присваивать его себе, поэтому у них все пошло не так, как они хотели.

— Мы должны его во что-то обернуть или...

— Просто положим ящик, который я специально захватил с собой, Ваше Величество. Мастера изготовили его по моему приказу: я объяснил им, как укрепить стенки, а потом несколько раз спрыснул его магическим раствором. Этого достаточно. Сейчас я крикну кому-нибудь из воинов, чтобы его принесли.

Ящик был большим и вместительным, туда вошло бы еще три подобных амулета. Китулос сам снял его с глыбы, на которой он стоял, опустил в ящик и плотно прикрыл крышкой.

— Мы можем отправиться в обратный путь, Ваше Величество,— обратился он к Куллу.— Теперь у нас есть то, ради чего мы предприняли поход.

Кулл молча кивнул и вышел вслед за Китулосом из шатра.

* * *

Обратная дорога заняла на день меньше: им не приходилось рубить ветки и свисавшие с деревьев лианы. Узнав, что они все-таки везут домой амулет, вождь первой из деревень покачал головой, но не стал их отговаривать. Старейшина второй, наоборот, предпринял не одну попытку убедить их в том, что амулет принесет им несчастья.

Когда наконец через много месяцев пути они вернулись в Хрустальный город, Кулл, Китулос, Эл-та и Морган тут же отправились в дом, где в темной комнате лежали скрытые от солнечных лучей Ту и Галлус.

Кулл поинтересовался у стражников, охранявших вход, не пытался ли кто-нибудь проникнуть внутрь за время их отсутствия. Ему ответили, что только старший брат Галлуса, Эрад, изъявлял желание зайти и посмотреть, все ли в порядке с братом. Ему было в этом отказано.

Китулос приказал, чтобы советника и его молодого помощника перенесли в один из залов наверху, где он проведет необходимый магический обряд. Колдун снял заклятие с засовов, и воины тут же исполнили его приказ. В просторном зале, где Морган обычно принимал гостей; в зале, украшенном трофеями, добытыми им и его предками в молодые годы, собралось немало народа. По стенам, ярко освещая помещение, горели факелы. В отсветах пламени поблескивали древние мечи и щиты, уже несколько столетий хранившиеся в знатной уважаемой семье. Здесь же были и чучела убитых на охоте зверей: Морган когда-то был заядлым охотником.

Кулл велел Алым Стражам занять места у входа, сам в сопровождении Моргана и двух его старших сыновей занял место в ногах двух широких лож, на которые положили Ту и Галлуса. По бокам, вдоль стен, стояли несколько приглашенных чародеев и лекарей.

Китулос решил начать со старого советника. Он положил амулет жизни и смерти ему на голову и начал произносить слова магического заклинания. Вначале не произошло ничего необычного. У Ту задрожали ресницы, но сам он оставался неподвижен. Тогда Китулос произнес слова заговора во второй раз. Кулл и все собравшиеся внимательно следили и за колдуном, и за тем, что происходит с Ту. На этот раз старый советник пошевелил одной рукой, потом другой и вздохнул. Китулос произнес заговор в третий раз.

Стоило ему сказать последнее слово, как из стоявшего на голове Ту амулета вверх взметнулось облако. Постепенно оно приняло очертания советника Ту и зависло над ним. Все собравшиеся затаили дыхание. Какое-то время облако неподвижно висело, не отклоняясь ни вправо, ни влево, не поднимаясь вверх, не опускаясь вниз. Тело старого советника неподвижно застыло на ложе, а его туманный образ висел прямо над ним. Ни тело, ни облако не шевелились.

Китулос, похоже, не ожидал подобного развития событий и растерялся. Ему на помощь пришел старый опытный маг, специально прибывший из Лему-рии. Он бросился вперед, вытянув перед собой правую руку, и коснулся ею облака, висевшего над Ту, одновременно произнеся три слова на непонятном никому языке. Слова эти имели такую силу, что все стены в доме Моргана задрожали, стоявшие в зале люди почувствовали порыв ледяного ветра, с потолка на пол посыпались льдинки. Облако вытянулось подобно шнуре, практически сразу же разделившись на две части, каждая из которых стекла в ноздри советника Ту. Стоило им оказаться внутри, как Ту сразу же зашевелился, открыл глаза, сел и в удивлении обвел собравшихся взглядом. Он не понимал, где находится и что вообще здесь происходит.

— С тобой все в порядке? — бросился к нему Кулл.

— Да... — медленно произнес советник. — Но где я? И кто все эти люди? — Ту обвел рукой стоявших вдоль стен чародеев и лекарей.

— Мы оживили тебя при помощи амулета жизни и смерти, — ответил Кулл. — Вместе с отцом Галлуса и отрядом отборных воинов я пробрался через джунгли к племени сине-черных морталлов и забрал его, чтобы вернуть к жизни и тебя, и Галлуса. Ты помнишь что-нибудь из того, что случилось с тобой?

Ту оглядел свое тело, на котором не осталось ни цар-пинки. Он мог шевелить и руками, и ногами, ни одно движение не приносило ему боли — он полностью выздоровел.

— Я помню, как скакал на лошади, — сказал он. — Потом она встала на дыбы и... Больше ничего.

Сказав последнюю фразу, Ту повернул голову направо и увидел лежавшего на соседнем ложе Галлуса — бледного, бездыханного и обмотанного бинтами.

— Сейчас мы займемся им,— сказал Китулос.— Наверное, тебе, Ту, лучше отойти к одной из стен и занять место рядом с другими зрителями.

Кулл помог старому советнику подняться, и они отошли к Моргану и двум его старшим сыновьям. Морган побледнел от напряжения. Средний брат, Ре-кид, смотрел на Ту, открыв рот от удивления. На лбу у старшего, Эрада, выступила испарина.

Китулос попросил лемурийского чародея оставаться рядом, чтобы помочь ему, и снова трижды произнес слова заговора. Повторив заговор, он замер, с нетерпением глядя на амулет, ожидая снова увидеть облако. Но вместо этого весь зал внезапно наполнился дымом, идущим ниоткуда и отовсюду одновременно. Дым быстро начал принимать очертания жутких чудовищ: с телом игуаны, человеческими ногами и руками и странными головами — иногда орлиными, иногда человеческими черепами с пустыми глазницами. Человеческие ноги и руки были конечностями трупов с полуразложившейся плотью. Зал наполнился невыносимым смрадом, у всех собравшихся к горлу подступила тошнота, глаза начали слезиться от едкого дыма.

Первым отреагировал Кулл, бросившийся к ближайшему к нему чудовищу с обнаженным клинком.

Он должен был победить этих чудовищ и вернуть к жизни молодого Галлуса! За ним последовали Алье Стражи, Морган и его средний сын, старший же в ужасе попятился в угол. Зазвенели мечи, высекая искры. Кулл снес голову первому чудовищу — и оно на глазах стало превращаться в сине-черного морталла — мертвого, с отрубленной головой. Второму чудовищу Кулл воткнул меч в живот. Падая, оно едва не сбило короля с ног. К Куллу ринулось еще одно, на какое-то мгновение он остался безоружным, но ему на помощь пришел Морган.

Колдуны действовали доступными им средствами и тоже успешно: пол зала уже был завален телами мертвых морталлов. Внезапно послышался дикий грохот, в полу

появилась дыра, и из нее показалось огромное существо высотой метра два с половиной. Его костлявые руки сжимали посох, лицо казалось расплывчатым, в пустых глазницах черепа поблескивали зловещие тусклые огоньки, черный плащ, расшитый непонятными узорами, свисал до пят. Седые волосы разметались по плечам, все тело скрипело при каждом движении. С навершия посоха во все стороны валил едкий дым.

— Владыка Смерти! — прошептал Китулос, отшатнувшись.

Чудовище остановилось возле Галлуса, рядом с амулетом, и посмотрело на Кулла, стоявшего в ногах молодого человека. Меч короля был обагрен кровью множества морталлов, и он в эту минуту был готов сразиться и с самим Владыкой Смерти.

— Я не боюсь тебя! — крикнул Кулл, глядя в пустые глазницы, из которых в ответ на его слова вылетели две молнии.— Я готов сразиться с тобой! Ты...

— Я знаю, что ты меня не боишься,— послышался хриплый, леденящий душу голос.— Ты уже много раз доказал это...

— Да,— кивнул Кулл, вспоминая, как уже один раз прошел Врата после того, как шпион бросился на него, входящего в Зал Совета. Тогда верный Брул пронзил сердце врага. Кулл свалился без памяти — и попал к Владыке Смерти, но ему удалось вернуться назад, пока Врата еще не полностью затворились за царем.

— Я пришел не за тобой,— заявил Владыка Смерти.

— Так за кем же? — воскликнул Кулл.— Ты думаешь, что я зря проделал такой путь, добыв колдовской амулет? Зря сейчас сражался с насланными тобой чудовищами? Отдай мне Галлуса, забери этих сине-черных морталлов и уходи.

— Послушай меня, король,— снова раздался скрипучий голос глубокого старца.— Ты многого не знаешь. И никто из окружающих тебя людей не знает силы этого амулета.

После произнесения над ним того заговора, что известен твоему придворному колдуну, просыпаюсь я, Владыка Смерти. Ты, обращаясь ко мне через амулет, предлагаешь сделку: одни души взамен других, которые ты хочешь вернуть назад, в царство живых. Я легко отдаю стариков: они мне не нужны, они не подпитывают меня так, как молодые. Стариков я могу, даже просто отдать тому, кто знает слова второго, тайного заговора. За стариков я не прошу ничего взамен, как не прошу и сейчас за твоего советника. Но за молодых я должен получить плату. Ты хочешь, чтобы этот юноша снова ожил. Но у него сильный дух, такие люди нужны мне! Однако я готов заключить^Л с тобой сделку: юноша оживет, если я получу вместо него другого.

Кулл молчал: ему не хотелось отдавать Владыке Смерти никого из молодых сильных воинов: они не заслуживали такой судьбы. Для воина почетно умереть в схватке, но не быть принесенным в жертву...

— Ты в нерешительности, король,— хрипло усмехнулся Владыка Смерти,— но я помогу тебе сделать выбор, так и быть, но при одном условии: после того, как молодой Галлус оживет, ты выкинешь амулет в море.

— Как ты собираешься мне помочь? — уточнил Кулл.— Ты просто назовешь того, кого ты хочешь. Разве это помочь?

— Ты не можешь определить, кого предложить мне взамен молодого Галлуса, ведь так? Тебе жалко отдавать своих смелых, сильных и могучих воинов, своих преданных, испытанных друзей, умелых колдунов и лекарей?

Кулл кивнул, не понимая, к чему клонит Владыка Смерти.

— А ты согласишься отдать мне того, кто нанял убийц, чтобы прикончить молодого Галлуса?

— Да,— ни секунды не колеблясь, ответил Кулл, который сам бы отправил к Владыке Смерти этого человека,

если бы знал, из-за кого стольким людям пришлось вынести тяжкие испытания.

— Вот он,— сказал Владыка Смерти, вытягивая вперед искривленный костлявый палец.

Он показывал в угол, где сжался старший брат Галлуса, Эрад. Он дрожал от страха и обливался потом, хотя в зале и было прохладно. Он трепетал, как лист на ветру, закрывая лицо руками. Казалось, он хотел уменьшиться в размерах и вообще находиться где-то далеко-далеко.

Все собравшиеся посмотрели на старшего сына Моргана. Владыка Смерти сказал правду: человек никогда не стал бы вести себя так, как Эрад, если бы он был невиновен.

— Но почему ты сделал это? — воскликнул Морган, ужасаясь услышанному.

Его старший сын отнял руки от лица и пролепетал дрожащим голосом:

— Потому что с самого детства все восторгались успехами Галлуса. Все говорили, какой он умный, какой сильный, сколько всего он знает, сколько умеет. Нас все время с ним сравнивали, и сравнения шли не в мою пользу, хотя я — старший сын и наследник! Но ты, отец, явно сожалел, что придется оставить все мне, как положено по закону, потому что больше любил Галлуса. Ты, брат,— повернулся он к Рекиду,— всегда предпочитал компанию Галлуса, а не мою. У матери он был любимчиком. А я... Я...

Эрад захлебнулся слезами.

— И ты поднял руку на жизнь брата! На родную плоть и кровь! — воскликнул Морган,— Как ты мог?! Такое нельзя простить. И ты должен был не завидовать, а стараться стать лучше, учиться больше, чем Галлус... Как ты мог?

Владыка Смерти повернулся к Куллу.

— Ну? — прохрипел старец.

Король посмотрел на сжавшегося в углу Эрада, на разгневанного Моргана, пораженного Ту, усталого Китулоса,

воинов. Если жизнь завистника требовалась для того, чтобы оживить молодого, подающего большие надежды юношу и не забирать жизнь более достойного воина, колдуна или лекаря,— что ж, Кулл был готов ею пожертвовать.

Король посмотрел в пустые глазницы Владыки Смерти и кивнул.

— Отдай нам Галлуса и бери вместо него Эрада. А завтра рано утром я выброшу этот проклятый амулет в море...

ЧЁРНЫЙ ГОРОД

В прозрачных, как кристалл, — и таких же твердых — глазах Кулла, короля Валузии, отразилось некоторое удивление, когда двери царских покоев с треском распахнулись. Отшвырнув, как котят, дюжих охранников, перед королем предстал разъяренный воин, но Кулл только вздохнул, узнав нарушителя спокойствия. Кому, как не ему, королю-атланту, лучше знать нрав служивших ему варваров — такая же горячая кровь дикарей текла и в его жилах.

Брул Копьебой, стоя посредине царского чертога перед монархом великого королевства, в приступе ярости сдирал с обмундирования эмблемы Валузии и знаки своего высокого воинского звания, недвусмысленно демонстрируя, что не намерен больше иметь дела с Куллом. Король оценил значение этой демонстрации.

— Кулл! — рявкнул пикт, побелевший от гнева. — Я требую правосудия!

Король тяжело вздохнул. Стоило только ему подумать, что он наконец-то обрел мир и покой в полной изысканной неги Камуле, вырвавшись на отдых из кипевшей огнем и предательством столицы, как... Даже сейчас, в ожидании продолжения гневной тирады взбешенного пикта, он расслабленно вспоминал о, видимо, подошедшей к концу череде сонных праздных дней, прошедших с момента его прибытия в эту горную метрополию удовольствий, где дворцы из мрамора ярусами ниспадали с величавых холмов.

— Мои соплеменники верой и правдой служат империи много лет! — взмахнул мозолистым кулаком пикт. — А сегодня одного из моих лучших воинов похищают прямо у меня на глазах в королевском дворце!

Кулл подобрался в кресле, скав подлокотники резного трона.

— Что за бред? Какой еще воин... Кто кого похитил?

— Это я предоставляю выяснить тебе, — прорычал пикт. — Только что он стоял рядом, прислонившись к мраморной колонне, как вдруг — р-р-раз! — и исчез. Я услышал лишь испуганный вскрик да почувствовал какой-то мерзкий запах!

— Может, ревнивый муж? — не в силах настроиться на серьезный лад, высказал предположение Кулл.

Брул грубо прервал короля:

— Гроган отродясь не заглядывался на девок, даже из своего народа. А эти двуличные камулианцы все как один ненавидят нас, пиков. У них это в крови.

Кулл улыбнулся.

— Тебе это просто кажется, Брул. Здешний народ ленив, изнежен и слишком любит развлечения, чтобы ненавидеть кого-то. Они поют, сочиняют стихи... Но... не думашь же ты, что Грогана умыкнули поэт Толлигоро, певица Зарита или кифарист Мандор?

— А мне без разницы, — огрызнулся Брул. — Я вот что скажу тебе, Кулл: Гроган пролил не одну пинту крови в боях за твоё королевство, и он лучший командир моих, а следовательно, и твоих конных лучников. Так вот, я разыщу его, живого или мертвого, даже если мне придется разворотить всю эту смердящую Камулу по камням! Валка! Да я скормлю этот поганый городишко огненному зверю, а потом залью угли потоками крови, а потом...

Кулл поднялся с кресла.

— Отведи меня к тому месту, где ты последний раз видел Грогана, — сказал он жестко, так что Брул проглотил

остаток своих угроз, повернулся и, угрюмо глядя перед собой, вышел из зала.

Они начали спускаться по извилистому коридору, заставленному статуями.

Кулл и Брул походили друг на друга врожденной гибкостью движений и звериной грацией, несгибаемым характером воина и присущей лишь варварам первобытной необузданностью, но в то же время они были совершенно разными.

Если Брул выглядел как типичный представитель расы пиктов: среднего роста, крепко сбитый, но сухощавый и жилистый, как гепард, такого же медного цвета, то Кулл был высок, широкоплеч, с мощными торсом и ногами атлета — массивный, но совершенно не производивший впечатления тяжеловесности. Солнце и ветер выдубили его и без того медную кожу, и лишь серые глаза, как две льдинки, сверкали холодным блеском.

— Мы проверяли сокровищницу, — проворчал пикт. — Гроган, Манаро и я. Только Гроган прислонился к выступающей из стены колонне, как исчез прямо у нас на глазах! Панель качнулась внутрь, и его не стало. Мы успели заметить темноту внутри да почувствовать волну отвратительного смрада. Хорошо еще, что Манаро, стоявший рядом с Гроганом, вовремя выхватил меч и ткнул клинком в отверстие, поэтому панель не смогла полностью закрыться. Мы пытались ее распахнуть, но без толку... Ты вот говоришь, стишки пописывают, а они умыкнули опытнейшего воина средь бела дня у меня под носом, я даже не успел крикнуть «измена»... Я оставил Манаро возле тайной двери, а сам поспешил за тобой.

— А зачем ты срывал валузийские эмблемы? — скрывая улыбку, спросил король.

— Это я со зла, — буркнул, потупившись, Брул, избегая смотреть Куллу в глаза.

Тот кивнул, ничего не добавив.

Кулл понимал, что это было естественное проявление чувств взбешенного дикаря, не умевшего и не желавшего идти на попятную, для которого единственным возможным способом взаимоотношений с врагом была схватка.

Но вот они вошли в сокровищницу, скрытую в глубине холма, на котором возвышалась Камула.

— Манаро божится, что слышал какие-то звуки, — с некоторым сомнением в голосе добавил Брул. — Да ты сам посмотри, вон он приник ухом к щели. Эй, Манаро!

Кулл нахмурился, увидев, что рослый валузиец не изменил своей неестественно напряженной позы и никак не отреагировал на приветствие. Воин приник к панели, одной рукой стиснув меч, не дающий закрыться потайному лазу, прижавшись ухом к трещине, достаточной лишь для того, чтобы просунуть в нее пальцы. Мрак в узком отверстии был почти осязаемый, какой-то ненормально густой — казалось, за таинственной дверью притаилась тьма, словно гигантский богомол, изготавлиявшийся к удару.

Король мягко скользнул вперед и резко потряс солдата за плечо. Еще не окоченевшее, безвольное тело Манаро отделилось от стены и рухнуло к ногам Кулла. В широко распахнутых глазах мертвца застыл ужас.

— Валка! — выдохнул Брул. — Он мертв... Каким я был идиотом, что оставил его одного в этом проклятом месте!

Кулл внимательно оглядел сокровищницу.

— На его теле нет крови, но посмотри на его лицо! Боюсь, тут не обошлось без колдовства!

Брул пригляделся, с губ его сорвалось ругательство. Черты погибшего валузица превратились в застывшую гримасу ужаса. Но что могло напугать варвара, не ведавшего, что такое страх?

Кулл приблизился к трещине в стене, прислушался и поманил спутника. Откуда-то из глубин холма, куда, похоже, вел таинственный лаз, доносились тошнотворные завывания, которые не в силах было воспроизвести горло

человека, по крайней мере, живого... Они звучали тихо, их с трудом можно было различить, но и этого было довольно, чтобы безошибочный слух варваров смог уловить в этих звуках ненависть ко всему живому и злобу тысячи демонов. Кулл с отвращением передернул могучими плечами.

Мгновенно все для себя решив, он выдернул из держателя железный штырь светильника, резким движением вогнал его в щель, встал, широко расставив ноги и кивнув Брулу, ухватился за штырь двумя руками. Могучие мышцы короля Валузии взбугрились, застонал металл. Подскочивший Брул навалился всем телом на рычаг и заревел, вкладывая все свои силы в единый рывок. На какой-то миг оба варвара неподвижно замерли, их жилы вздулись от нечеловеческого напряжения, а затем каменная кладка пошла трещинами, древний механизм не выдержал, и дверь со скрежетом отделилась от стены, открыв проход во тьму.

Кулл, с которым произошла разительная перемена, побоносно рассмеялся — подобравшись, как тигр на охоте, отбросив наносную светскость, он снова превратился в дикаря-атланта. Человек, только что бывший непрступным монархом огромной империи, превратился в смертельно опасного варвара, могучего воина, которому по доблести и умению не было равных во всей Атлантиде. И Брул, презиравший дворцовые манеры, инстинктивно почувствовал перемену, безоговорочно принял лидерство Кулла.

Хищно оскалившись, Кулл взял другой штырь с масляным светильником, кивнул еще на один спутнику и без тени сомнения шагнул в подземный ход.

Озаряемые неровным светом факелов стены низкой галереи уходили куда-то вниз. С потолка свисали ключья безжизненной паутины, толстый слой пыли покрывал стены. Но вот пол был, на удивление, чистым, создавалось впечатление, что движение по галерее было весьма ожив-

ленным. Пикт, которому, похоже, пришла в голову та же мысль, яростно бросил:

— Я всегда презирал лживых камулианских хлыщей, что бы ты ни говорил про якобы безобидных писак. И не песенки они сочиняют, а придумывают, как бы нас всех на тот свет половчее спровадить. Я так думаю, что и Грогана они похитили, чтобы выведать наши слабые места и нанести удар. Напрасно надеются, песы дети! Ничего, ничего, я еще доберусь до их змеиного гнезда!

Кулл лишь бросил на пикта взгляд, и тот сразу же умолк.

— Вспомни несчастного Манаро. Мы не нашли на его теле ни единой раны. Я, конечно, допускаю, что его могли отравить, но это не вызвало бы такой ужасной гримасы. Похоже, он умер от ужаса, но ты не хуже меня знаешь — такого ветерана испугать трудно. К тому же камулианцы слишком любят солнце, чтобы соваться в подземелье. Вперед, словами делу не поможешь!

Сначала каждую сотню шагов в стенах извилистого хода встречались потайные глазки и секретные двери — вся эта часть дворца явно держалась под контролем неведомых наблюдателей, потом глазки и двери исчезли, и ход вышел за пределы дворцовых стен. Светильники уже едва тлели. Лиги однообразных коридоров остались позади, а друзья все никак не могли найти источник звуков, которые, ни на миг не прекращаясь, не становились громче.

Но постепенно картина вокруг начала меняться. Каменная кладка сменилась грубо отесанным сплошным камнем, потолки стали выше, появились каменные идолы и чудовища, никогда не виданные ни Брулом, ни куда более искушенным Куллом, от коридора начали ответвляться многочисленные боковые проходы, где, судя по наслоениям пыли, десятилетия не ступала нога человека И вдруг, совершенно неожиданно, двое воинов оказались на краю исполинской расщелины, уходящей вниз в бесконечную

тыму, время от времени нарушающую багровыми вспышками дыхания духов огня.

Под ними, в своей первозданной красоте и могуществе, расстипался невероятный подземный город, все здания и многочисленные скульптурные группы которого были вырублены в массиве черного камня неведомыми мастерами тысячелетия назад.

От каменных стен исходило серебристое сияние. Создавалось впечатление, что город окутан полупрозрачной пеленой светящегося тумана. И лишь в центре, где на просторной площади особняком стояла пирамида, чистый серебряный свет поглощало мглистое облако с прожилками какого-то неестественного мрака, походившее на мутный глаз неведомого демона.

— Кулл, что это? Я и не предполагал, что у тебя под дворцом целый подземный город!

— Я и сам этого не знал. Хотя погоди... — Кулл присвистнул пальцами, пытаясь что-то припомнить. — Судя по тому, что я читал в одном древнем манускрипте, нас угораздило наткнуться на город Древних. Я читал о каком-то Черном Городе. Честно говоря, я думал, что все это сказки, потому что, кроме этого автора, никто никогда о Черном Городе не упоминал.

— Ничего себе сказки! Да в этом Городе можно спрятать целую армию. Я тебе точно говорю, налицо заговор проклятых камулианцев!

— Не думаю. Этому манускрипту тысячи лет, и в нем говорится, что уже тогда Черный Город был скорее легендой, чем реальным местом.

— Что это за Город такой? — не унимался пикт.

— Этого, похоже, не знал и автор, но он писал, что это жуткое место, полное неведомых опасностей. То ли там кто-то живет, то ли там кто-то похоронен, но уж точно хорошего ждать не приходится.

Притихший пикт бросил вопросительный взгляд на Кулла, и тот продолжал:

— Что бы там ни скрывалось, нам туда.

— Валка! Будем надеяться, что Гроган еще жив.

— Будем надеяться, что в этом месте участь живых не будет хуже смерти, — ответил Кулл, снедаемый нехорошими предчувствиями. Он не стал подробно рассказывать пикту о том, что писалось об этом месте.

— И как нам туда попасть? — не выдержал нетерпеливый пикт, друзья уже битый час пробирались по узкому карнизу, пытаясь найти способ перебраться на противоположный край расщелины. — Крылья нам вырастить, что ли?

— Надо искать дальше, — сурово ответил Кулл. — Если похитители Грогана смогли выйти оттуда, значит, мы сможем войти туда.

Брул не стал возражать.

Мост, если его можно было так назвать, первым заметил Брул.

— Смотри, что это? — Пикт, привлекая внимание, тронул Кулла за плечо и указал рукой на еле различимую на фоне провала полупрозрачную полосу, отходившую от обрыва в сторону Черного Города.

Кулл, куда чаще своего верного друга сталкивающийся с волшеством, сразу узнал магическую тропу Древних. Об этих загадочных мостах, на которых происходили странные вещи и которые могли вести в странные места, немало рассказывалось в манускриптах, но воочию атлант видел их впервые. От придворных магов король Валузии знал, что в Атлантиде было несколько таких мостов, расположенных в укрытых от взора простых смертных Местах Силы. Предания гласили, что эти пути, выполнившие в том числе и защитные функции, были воздвигнуты в незапамятные времена великими магами Гондваны — паладинами молодого человечества, во времена великой битвы с Демонами Тьмы.

О тех страшных днях практически не было ничего известно за исключением того, что магам-хранителям уда-

лось изгнать Демонов Тьмы, или как их называли еще — Вершителей Зла, из этого мира. В горниле битвы, ярость и масштабы которой не в силах охватить человеческий разум, пошатнулись основы мироздания, а магическая энергия исчерпалась на зоны вперед. Нынешние величайшие маги Атлантиды, как белые, так и, хвала судьбе, черные, были лишь тенью отражения в зеркале великих чародеев Древности.

Кулл, не ведавший ни сомнения, ни страха, шагнул вперед, Брул поспешил за ним. Они шли по щиколотку в сером тумане, стелющемся по самой земле. С каждым шагом туман поднимался все выше и выше, и скоро скрыл воинов с головой. Атлант почувствовал странное ощущение, какое бывает только во сне, и внезапно оказался в какой-то призрачной часовне. Подобные ощущения были ему уже не в новинку, его разум находился за пределами физического мира, в тонком мире чистых сущностей, где не было, казалось, ни времени, ни пространства.

В отличие от многих предыдущих путешествий в запредельное, сейчас Кулл не чувствовал угрозы и присутствия зла, как, например, тогда, когда оказался в ледяной цитадели Идабугзур или в Подводном Городе. Наоборот, в этом месте появлялось ощущение гордости и величия. Неожиданно в воздухе начала разгораться ослепительно белая искра, и вот уже перед атлантом предстала полупрозрачная фигура, закутанная в странное свободное одеяние.

Призрачный человек, а то, что это был человек, сомневаться не приходилось, обладал благородным лицом и величественной осанкой, пускай и производил впечатление ровесника вечности. На шее старца пульсировал амулет в виде золотой звезды с семью лучами.

— Приветствуя тебя, Кулл, царь Валузии, в обители света, — раздался низкий рокочущий голос, исполненный мудрости и скрытой силы. — В тяжелую минуту призвал я тебя, ибо ныне человечество стоит на перекрестках судь-

бы, и бессильны прозреть грядущее даже великие небожители.

Кулл склонил голову в почтительном приветствии и вежливо, но твердо спросил:

— Кто ты, умудренный? И чем могу я, простой смертный, помочь великим небожителям?

— Я — Мельгилод — последний из магов-хранителей Гондваны, первоматерика Земли, — сказал старец. — Так уж случилось, что однажды, вступив в битву со злом, ты и в этот раз должен сражаться с исчадиями ада, ибо в эту полночь завершается оборот Колеса Мироздания. Именно сегодня должно обрести завершение то, что началось десятки и десятки тысяч лет назад, — и тебе суждено участвовать в великой битве...

Наш орден зародился на заре истории во времена борьбы молодого человечества со Старыми Богами, которые ревниво пытались уничтожить молодую расу. Поддержали людской род силы Света, и Старые Боги потеряли опору на Земле, уйдя в запределье. Многие тысячи лет маги-хранители, не ведая страха, стояли на страже, оберегая человечество, и, наконец, одержали великую победу. Казалось, мир воцарился на многострадальной земле, и расцвели пышным цветом ремесла и искусство, процветала Гондвана, мудрыми были правители ее, счастливыми граждане. Но из глубин Вселенной появилась на нашем небосклоне Черная комета, открылась бездна, и восстали из нее Демоны Тьмы, главным из которых был Верезаал. Воистину были они ужасны, ибо являлись воплощением вселенского зла, чуждого всему живому. И встали маги-хранители, старейшим из которых был я — Мельгилод — на защиту мира. Велика была наша сила, но не слабым было и племя демонов. Сотни и сотни лет длилась битва, все новые и новые силы кидали обе стороны в бой, творя все более и более могущественные заклинания. Сама земля содрогалась в конвульсиях и шла трещинами, кипели моря и рушились горы. Не выдержала Гондвана такой концен-

трации магических сил и раскололась на множество островов, большинство которых погрузились в морские пучины.

В этой катастрофе погибло почти все живое, и оставшимся людям, уцелевшим лишь на высочайших горах, пришлось начинать все заново. Таков был конец нашего и начало вашего миров... В конце концов нам удалось изгнать из нашего мира демонов, но и маги ушли в высший мир, потеряв физическую оболочку. Уцелели лишь мы с Верезаалом. Много дней и ночей длилось наше сражение, и пал, наконец, повелитель Вершителей Зла. Не выдержало и мое несовершенное тело, но прежде, чем уйти в иной мир, вырвал я из груди проклятого Верезаала черное сердце. Наложив на него заклятие Великого Предела, я развоплотил демона — ибо не смог его уничтожить, столь велика была сила зла повелителей демонов. Он же завещал воздвигнуть уцелевшим своим ученикам подземный город, получившим позднее имя Черного, и положить делом своей жизни охрану Сердца Тьмы. Шли тысячелетия, и наступил момент, когда умер последний из стражей Черного Города, исчезли из памяти уцелевших воспоминания и о великой битве и о Сердце Тьмы, потому что человечество начало свою историю заново. Летели годы, и вот уже на некогда мертвой земле выросла прекрасная Камула. Наблюдая за миром, хотя и лишенный возможности действовать, я было решил, что Черный Город навсегда скрылся от человеческих глаз. Но зло коварно и изворотливо. Открылось месторасположение тайной обители другим глазам — змеиным.

— Так поганый Змей и здесь поспел? — не выдержав, встрял в разговор доселе внимательно слушавший Кулл.

— Увы. И опять переплелись твои дела с делами Змея, — кивнул Мельгилод.

— Мне казалось, что я перебил всех его слуг? — удивился Кулл.

— Никто ближе тебя не был к тому, чтобы обрубить все его щупальца. Удалось уцелеть лишь паре дюжин змеевлю-

дей. Как только Великий Змей обнаружил это место, он сразу же послал слуг к безумному черному магу — лемуринцу Кадуру. Вместе они выработали ужасный план вызвать из небытия Верезаала. Ни один из других магов, идущих черным путем, не был столь безумен, чтобы призвать Верезаала... И вот уже несколько лет Кадур, которому беспрекословно подчиняются адепты Змея, в ожидании Черной кометы день и ночь творит непотребное колдовство, купая Сердце Тьмы в человеческой крови и скормливая ему души каждую полночь. Нынешней ночью Черная комета как раз будет в зените, и тогда омытое горячей кровью сердце демона притянет из небытия Вершителя Зла, и не будет на Земле сил, могущих его остановить...

Сначала колдуны доставляли свои жертвы из-за гор, проводя их в Черный Город по подземному ходу, но теперь, когда до пришествия демона осталось всего несколько часов и Кадур считает, что никто не в состоянии его остановить, змеевидные люди решили схватить жертву прямо во дворце. И проклятый колдун не так уж далек от истины, ибо нет сейчас равных ему по силам.

— Так почему же ты не вернешься, чтобы завершить начатое? — яростно вскричал Кулл, внимавший древнему магу.

— Нет возможности покинувшему мир земной, вмешиваться в события на Земле. Он может лишь общаться с избранными да скорбеть об их участи. И лишь смертные в силах победить рок. Все, что я могу, это лишь укрыть тебя — и только одного тебя, от ока Кадура, уже почувствовавшего, что на мост ступил посторонний. Ты просто не в состоянии представить себе, чего мне это стоило, — грустно ответил маг.

— Ты хочешь сказать...

— Да, Брула уже схватили.

— Что теперь с ним будет? — оскалился Кулл.

— Я не знаю. Это место и время закрыто от взора небожителей.

— Но чем я могу помешать Кадуру, такому могущественному, по твоим словам, колдуну?

— Пускай тебя ведет судьба, — ответил Мельгилод, коснувшись лба Кулла — того на мгновение окутала сияющая дымка. — Пока крепки твои дух и вера, никакое колдовство не в состоянии причинить тебе вреда. И еще одним я тебе смогу помочь: ты окажешься на том конце моста ровно через час после того, как подручные Кадура околдовали твоего спутника. Знай же, что близится переломный момент существования твоего мира и приближается новый, но каков он будет — мир света или мир тьмы — решается в этот миг, и судьба мира находится на острие меча. — Мельгилод печально улыбнулся, и звезда мага вдруг яростно вспыхнула, бросив золотой луч, который словно молния ударили в кончик меча Кулла, налившегося на секунду радужным светом. — Да пребудет с тобой мое благословение.

Фигура Мельгилода начала блекнуть и растворилась в тумане. Когда же туман рассеялся, Кулл обнаружил себя стоящим на краю Черного Города. За спиной его лежала бездна, Брула нигде не было видно.

Удобнее перехватив меч, варвар, скрываясь в тени зданий, бесшумно и стремительно заскользил к зловещей пирамиде, в глубинах которой свершалось непотребное колдовство. Ни на секунду не задумываясь О том, что делать, ничуть не смущенный рассказом Мельгилода, Кулл намеревался освободить своих друзей и перебить прихвостней Змея, посмевших снова бросить ему вызов. Узы дружбы и личный вызов были для него куда важнее всех богов, демонов ада и колдунов, вместе взятых.

Когда до пирамиды оставалось не более лиги, на одном из перекрестков Кулл услышал голоса. Осторожно выглянув из-за угла, он увидел группу фигур, одетых в одинаковые черные хламиды с большими капюшонами, полностью скрывающими лица.

Атлант прислушался к разговору и по характерной шипящей речи понял, что перед ним змеелюди.

— Сегодня для тебя поистине знаменательный день, Дицал. Если бы ты так некстати не наложил заклятие ужаса на второго варвара, нашему господину могло не хватить материала, ты сам бы мог угодить на алтарь, — меж тем говорил один из змеелюдей. Это был высокий мужчина, именно он возглавлял колдунов. — Хорошо что всеведущий Кадур почувствовал присутствие варвара на мосту!

— Прости мою ошибку, Нефер, я пока не столь опытен в высоком искусстве, как ты! — раболепно склонился колдун.

— Запомни, Кадур не прощает ошибок, и возблагодари судьбу за то, что именно сегодня свершится великое колдовство, а то бы тебе точно несдобривать.

Остальные змеелюди зашипели, выражая веселье, а один из них добавил:

— Небось глупый варвар решил погеройствовать, как свойственно этому невежественному племени людышек. Знаю я эту породу. Им только дай волю, они полезут из всех щелей словно тараканы.

Колдуны опять развеселились.

— Это уже неважно. — Нефер повернулся и заскользил прочь, словно змея. — Нам пора.

Кулл заскрипел от ярости зубами, догадываясь, кого имели в виду дьявольские отродья. Ничего, его меч еще скажет свое слово, держись Брул!

Через несколько минут отряд из дюжины колдунов под предводительством Нефера поравнялся с сидящим в укрытии варваром, и королю в лицо ударила волна тяжелого запаха рептилий.

Пропустив процессию вперед, варвар крался за ней некоторое время и когда решил, что настал подходящий момент, одним рывком послал свое тренированное тело прямо в середину отряда, сбив двоих колдунов ногами и ко-

сым ударом своего гигантского меча распластав третьего от плеча до середины груди.

Его противники, не теряя времени даром, извлекли из-под своих одеяний кинжалы, ничуть не испугавшись дерзкого варвара. Кулл, охваченный яростью берсерка, крутился как тигр, стремительно нанося и парируя удары, стараясь подобраться к главному колдуну, отступившему в тыл своего воинства и бешено шипевшему какие-то заклинания.

Краем глаза король Валузии с удовольствием отметил, что из сбитых им с ног колдунов поднялся лишь один, который присоединился к своим собратьям, дружно наставшим на Кулла. Змеелюди обрушили на короля град ударов, они решили взять Кулла живьем. Любого обычного человека, пускай и хорошего воина, не потерявшего голову от страха при виде змеиных морд, адепты нечистого победили бы за счет своей неутомимости и количества, но Кулл лишь с хохотом разметал длинные кинжалы атакующих в стороны, как тростинки, кромсая тела, обрубая державшие оружие руки и снося головы.

В стремительной атаке вспоров одному из змеелюдей живот и высоко подпрыгнув, пропуская удар по ногам, Кулл могучим ударом снес голову другому. Отшвырнув пинком очередного противника, король проложил себе путь к колдуну, воздевшему руки к небу и произносившему какое-то заклинание.

Перекувырнувшись через голову, Кулл несколькими безжалостными выпадами покончил с оставшимися змеелюдьми. Теперь перед ним стоял один Нефер, меж рук которого воздух наливался пламенем. И тут колдун метнул в Кулла огненный шар.

Кулл, плюющий на волшебство чернокнижников и веривший только в силу стали, знал, что, пока он крепок в своей вере, ему никто не в состоянии нанести вред. Поэтому король был уверен, что магия не коснется его и на этот раз.

Так и произошло — магический шар ударил прямо ему в грудь, рассыпавшись фонтаном безвредных искр. Король Валузии перехватил меч левой рукой и нанес стремительный удар массивным навершием по капюшону колдуна. Змеиный выкормыш как подкошенный рухнул на камень мостовой.

Вся схватка не заняла и трех минут. Кулл отер пот со лба и прислушался — вокруг снова воцарилась тишина, нарушаемая завыванием да стонами поверженного врага. Да, король все рассчитал точно — колдунам никто не спешил на помощь. Промокнув несколько незначительных ран, полученных во время боя, краем камзола, Кулл, преодолевая брезгливость, кончиком меча скинул капюшон с потерявшего сознание колдуна.

Именно этого он и ожидал — широкие костиистые плечи венчала полузмеиная-получеловеческая голова. Мутные, лишенные век глаза змеечеловека закатились.

Кулл пару раз чувствительно ткнул колдуна острием меча. Тот заворочался и, приходя в себя, зашипел:

— Грязное ничтожество...

— Если ты издашь еще хоть один звук, змеиное отродье, я вырежу твой язык, — яростно перебил Не-фера правитель Валузии. — Ты будешь говорить только тогда, когда я тебе это разрешу. Понял?!

Колдун не сводил с короля ненавидящих глаз, но замолчал.

— А теперь рассказывай, как вам удалось захватить моего друга и куда вы его дели.

— Мы сторожили у моста, получив приказ всеведущего Кадура. Он почувствовал, что на мост вступил посторонний, и приказал нам доставить его в пирамиду.

— Зачем?

— Я скажу тебе зачем, смертный червь! Вот уже много лет наше братство, не прекращая ни на минуту, творит могучие чары... непонятные твоему ущербному разуму. Мы совершили заклинание воплощения Черного Господина.

Твоему приятелю суждена великая участь подготовить путь Верезаалу, заменив предыдущего варвара, отдавшего к этому времени до последней капли жизненную силу на алтаре Кадура. Велика жажда Сердца Тьмы! — Глаза колдуна светились фанатичным блеском. — Мне не страшны твои угрозы, грязный варвар. И твоя кровь послужит всемогущему Верезаалу.

— Моя кровь послужит только благу Валузии, болтливый пес. А от тебя мне нужна не досужая трепотня. Я хочу знать, как охраняется пирамида и сколько еще твоих змеиных братьев мне придется уничтожить.

Колдун самоуверенно рассмеялся.

— Всемогущему Кадуру нет нужды охранять пирамиду. Так велика его сила, что укрыто было это место от глаз смертных долгие годы. Но сегодня свершатся наши чаяния и любые предосторожности уже кажутся смешными, даже сами боги не в состоянии помешать Кадуру. Тем более в его распоряжении несколько десятков лучших магов Большого Змея, — с тщеславием добавил колдун. — Посвяти лучше оставшееся время молитве своим бессильным богам, но и это не поможет ни тебе, ни прочей черни. Через несколько часов свершится великое таинство, спадет заклятие проклятого Мельгилода, и Черный Господин восстанет из бездны.

— Ну так иди и подготовь ему встречу. — Кулл в ярости вонзил меч прямо в рот змеечеловеку, разрубив голову пополам.

С отвращением нацепив на себя смердящее одеяние, которое, слава Валке, надежно его укрыло вместе с мечом, Кулл решительно направился к пирамиде.

На всякий случай, не очень надеясь на маскировку, некоторое время он внимательно наблюдал за входом в пирамиду, но, похоже, колдун сказал правду, и все часовые ушли, присоединившись к Кадуру.

Каменные ворота, словно приглашали войти, но клубящиеся за ними в неровном свете тусклых светильников

тени не предвещали ничего хорошего. Доносящиеся из мрачных глубин пирамиды завывания приобрели новую силу, теперь в них не осталось ничего человеческого. Надвинув капюшон поглубже, Кулл, не оглядываясь, пересек широкую площадь и вступил в пирамиду.

Отвратительный смрад едва не сбил его с ног — ему никогда в жизни не доводилось сталкиваться ни с чем подобным. Воздух наполняли миазмы — разложившаяся мертвечина (так не пахло даже на пиратской галере, где Кулл провел две недели, прикованный к веслу вместе с раздувшимися от жары мертвецами), сладковатый запах крови, вонь каких-то курений и тошнотворный запах рептилий. Но ничто не могло остановить короля Валузии на избранном пути. Едва не захлебнувшись судорожным кашлем, Кулл оторвал кусок материи от своего камзола и обмотал им лицо под капюшоном.

Широкий коридор, вырубленный в скальной породе, поднимался наверх. И через каждые двадцать шагов в настенных держателях коптили светильники, сделанные из человеческих черепов, дававшие достаточно света, чтобы можно было разглядеть стены, украшенные фресками Хранителей, запечатлевших историю падения Верезаала. Некогда яркие, воспевающие торжество жизни над злом, фрески были частично сколоты, частично замазаны грязью и покрыты колдовскими рунами.

Приглядевшись, Кулл с омерзением понял, что руны нарисованы человеческой кровью. Многие изображения были глумливо исправлены кривыми каракулями, неумело пририсованы сцены насилия и пыток, особенно черно книжники старались изуродовать облик Мельгилода, и лишь изображения Черного Демона были старательно обведены зловещей краской.

Пройдя шагов триста, Кулл различил далеко впереди несколько смутных фигур и внутренне подобрался, готовый уничтожить любого, дерзнувшего встать на его пути. Приблизившись, он понял, что с этой стороны опасность

ему не угрожает — эта часть логова некромантов была «украшена» прикованными к стенам мертвецами.

Вначале это были изуродованные останки людей, затронутых разложением в той или иной мере, замученных, видимо, совсем недавно — по форменным ливреям Кулл опознал нескольких слуг из дворцовой челяди. Но чем дальше Кулл шел по тропе, достойной вести скорее в ад, нежели в человеческую обитель, тем древнее становились останки.

Кулл прикинул количество жертв проклятого Ка-дура и понял, что остановит его в любом случае, пускай ценой собственной жизни — и это не будет уж столь большой платой за то, чтобы очистить Землю от подобного существа, которого больше нельзя было назвать человеком, так далеко он ушел по дороге Зла.

Стараясь не смотреть лишний раз на ужасные стены, атлант пробирался дальше и дальше, и через какое-то время впереди появилось расплывчатое бледное пятно, указывающее его цель — алтарный зал, откуда доносились отвратительные песнопения. Должно быть, это были упомянутые колдуном «могучие чары».

Вход в зал, где, оберегая мир, некогда великие воины стерегли сердце Демона, никто не охранял. Да и кого было страшиться могучему чародею в сердце своей цитадели? Кулл, прижавшись к стене, осторожно выглянув из-за угла и огляделся — просторное сводчатое помещение было совершенно пусто. Так же, как и коридор, некогда торжественную залу старательно изгадили, стремясь уничтожить все, что напоминало о славном прошлом и было связано с именем Мельгилода. Многочисленные статуи и скульптурные группы, украшавшие пещеру, были повалены и безжалостно искорежены. Стены и даже потолок покрывали кощунственные письмена и символы. Кулл никогда не видел ничего подобного, но был уверен, что ничего хорошего эти письмена не сделали. Но именно в этом, ныне оскверненный черным колдовством месте, по словам

древнего мага, и должна была решиться судьба человечества.

Напротив Кулла в конце залы возвышалось каменное сооружение — это и был алтарь. По обеим сторонам алтаря можно было разглядеть массивные порталы с вырубленными из золотистого камня колоннами, такие же колонны, но поменьше, поддерживали крытую галерею, идущую по периметру всего помещения. Что творилось перед обращенным к порталам алтарем, Куллу не было видно, именно оттуда исходили злобные завывания.

Кулл бесшумно скользнул под защиту галереи и словно кошка крался вдоль стены, прячась за колоннами. Он почти достиг левого портала, подобрался насколько мог к алтарю и осмотрелся, оценивая обстановку.

Перед алтарем, испуская смрад, курились бронзовые чаши в виде демонов. А в центре на полу была начертана магическая пентаграмма. По ее углам возвышались черные свечи с неестественно черными языками пламени. Возле них замерли на коленях пять колдунов в таких же, как и у него, одеяниях. Эта пятерка непрестанно извергала из себя богохульственные завывания, каждый звук которых оскорблял человеческий слух.

Оценив обстановку, Кулл решил что непосредственная опасность ему не угрожает. Казалось, впавшие в транс колдуны не реагируют на происходящее. Теперь он перенес свое внимание на алтарь и содрогнулся: скованный по рукам и ногам зажимами в виде змеиных голов, впившихся железными клыками в хрупкую человеческую плоть, на каменной плите корчился человек. Это был Гроган. В покрытом ранами, агонизирующем, изможденном человеке нельзя было узнать коренастого весельчака-пикта, каким тот был всего лишь день тому назад. Кулл заскрежетал зубами, шепотом взывая о мести ко всем известным ему богам.

Прямо у ног человека, омываемый стекающей по каменному желобу кровью, в полукруглом углублении пуль-

сировал комок абсолютной тьмы, то и дело вспухая жадными извивающимися щупальцами. Эти отвратительные отростки всякий раз упирались в покрывающее сердце Верезаала бледно-голубое сияние, не в силах преодолеть заклятие Мельгилода. Создавалось впечатление, что сердце Демона, словно живое существо, наделенное собственной волей, раз за разом пробует крепость магических оков. Куллу показалось, что напор тьмы постоянно усиливается и над алтарем распространяется темное, пульсирующее в такт сердцу Демона, мерцание.

Внезапно в правом коридоре послышались шаги, раздались приглушенные голоса. Они становились все громче и громче. Кулл постарался слиться с темнотой. Из глубины пирамиды, где находилось логово Кадура и его приспешников, вышла процессия, возглавляемая гигантом в черной накидке, за которым следовала вереница колдунов.

Предводитель змеевидов, а это несомненно был Кадур, в отличие от прислуживавших ему колдунов, был человеком. Обритый наголо широкоплечий мужчина, черты лица которого выдавали лемурийца, статью не уступал Куллу. Он был одет во все черное. Единственным цветным пятном в его костюме оказался широкий алый кушак, с которого свисали какие-то мешочки — видимо, колдовские снадобья.

Следом колдуны волокли опутанного цепями пленника, в котором Кулл признал Брула Копьебоя. Хотя и сильно помятый, пикт пока был цел и невредим.

Тем временем процессия достигла алтаря, и Кадур заговорил:

— Братья, настало время решающего жертвоприношения! Скоро наш господин осчастливит своим присутствием этот мир! — Колдуны пали ниц, и ле-муриец продолжил: — Его воля послала нам новую жертву. — Он махнул рукой в сторону Брула. — Горячая кровь этого воина позволит Верезаалу разорвать путы Мельгилода, будь про-

клято его имя. Воистину непобедим Повелитель Бездны, и нет силы, которая сможет помешать его планам!

Лицо колдуна исказила ужасная гримаса, и он извлек из-под плаща испещренный рунами обоюдоострый черный меч с обсидиановой рукоятью.

— Пора заменить это тело новым. — Кадур неспешно приблизился к Грогану, который лишь судорожно дернулся, и одним движением распорол пикта от живота до шеи. На камни хлынула струя крови.

Уже мертвое тело продолжало безумно дергаться, словно извлекаемая черным ритуалом душа изо всех сил цеплялась за хрупкую плоть. Но это продолжалось недолго.

Произнося нараспев какое-то заклинание, лемуриец вырвал из еще дымящейся раны сердце несчастного и бросил его в ближайшую чашу для воскурений.

Кулл увидел, как поднявшийся из нее сизый дым смешивается со струей крови. Черное мерцание усилилось, и сердце проклятого Верезаала взорвалось черными щупальцами, заставив потускнеть голубое сияние заклинания Мельгилода. Казалось, еще чуть-чуть, и оно растает вовсе. Свет многочисленных светильников поблек, воздух словно загустел, и алтарный зал наполнило присутствие чего-то ужасающее злого. Колдуны в пентаграмме заголосили еще громче, к ним присоединились и вновь прибывшие змеевлюди.

Все существо Кулла переполняла ненависть к исчадию ада Кадуру. Атлант сдерживался изо всех сил, чтобы не броситься с мечом на проклятых чернокнижников. Живущий в его сердце варвар, превыше всего чтящий заветы дружбы, рвался в бой, чтобы немедленно свести счеты с врагом, но стальная воля несгибаемого монарха удерживала Кулла на месте. Это был, наверное, один из самых страшных моментов в жизни атланта — на его глазах погибал друг, а он вынужден был бездействовать. Кулл понимал, что у него будет лишь единственный шанс сорвать планы Кадура. Он надеялся, что, если ему удастся пре-

рвать церемонию хотя бы на несколько минут, Кадур упустит время и не сможет совершить жертвоприношение ровно в полночь (то, что в жертву предназначался его лучший друг и верный соратник, ничего не меняло), это поможет удержаться заклинанию Мельгилода до следующего появления Черной Кометы.

Кулл вознес хвалу Валке, что постигшую Грогана участь не видел Брул, который все еще пребывал в беспамятстве.

Колдуны, побуждаемые небрежным кивком Кадура, отстегнули крепления и сняли со скользкого от крови алтаря тело пикта, после чего споровисто распяли Брула, провевшив крепость оков. Один из колдунов поднес маленькую бутылочку к губам пикта и влил ему в рот какую-то жидкость. Тело пикта выгнулось дугой, тот застонал и очнулся, ошелошло мотая головой.

Кадур приблизился к беспомощной жертве и оценивающе оглядел крепкое тело Брула.

— Отлично. Твоя жизненная сила велика, Верезаал будет доволен. Возрадуйся — твою никчемную душу использует сам Господин Черной Бездны. Разве мог ты когда-нибудь мечтать о такой чести, жалкий червь?

— Твой господин черного горшка подавится моей душой, ублюдок! Твое счастье, что мне не дотянуться до твоей глотки. Я бы вырвал твой песий язык и засунул его тебе в задницу! Я бы посмотрел, как ты колдуешь с оторванными руками, ногами и головой! — Брул, охваченный яростью берсерка, напрягая все мышцы, пытался вырваться из оков, не обращая внимания на то, что железные зубья терзают его плоть. Кадур злобно оскалился.

— Посмотрим, как ты заговоришь, когда я возьмусь за тебя. Последнее, что запомнит твоя душа, перед тем как утолить голод Верезаала, будет великая боль. Можешь поверить, мне нет равных в этом умении. Явившись сюда, ты сам выбрал свою участь, но, впрочем, через пару часов ее разделят легионы и легионы. — Колдун рассмеялся со-

вершенно безумным смехом. — Лишь слово Черного Господина будет властствовать в этом мире, и я буду верным слугой его!

— Ты будешь мертвецом, кусок змеиного деръма, — сплюнул Брул. — Найдутся и по твою душу охотники!

— Мне никто не страшен, варвар.

— Ничего, Кулл доберется до тебя, проклятый колдун. Ты будешь не первым чернокнижником, которого он отправит в ад!

— Твой Кулл — ничтожество. Сейчас он вкушает прелести жизни в последний раз и даже не подозревает о том, что ему готовит грядущий день. Этот дурак думает, что он здесь хозяин! Нет, я один — повелитель Черного Города. Я способен почувствовать любое живое существо задолго до того, как оно приблизится ко мне на лигу. Так же, как мне было известно о твоем приближении, так я почувствую и любого другого человека. И окажись даже твой Кулл в этот миг здесь, что он мог бы противопоставить моему могуществу? — Кадур небрежным жестом заставил вспыхнуть огонь в курильницах до потолка. — Растет сила Верезаала, и увеличивается моя власть. Оружие смертных не в силах нанести мне вред. Нет мне равных ни среди магов, ни среди воинов.

Колдун замер, прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Время близится. Приступим, братья!

Семерка колдунов присоединилась к молившимся. Их заклинания слились в непрерывный вой. Свет, казалось, померк еще больше, а пламя черных свечей вскинулось почти до потолка.

Кадур начал сыпать в огонь содержимое мешочек, свисавших с алого кушака. Курильницы зачадили, испустив струи маслянистого дыма, который начал обволакивать алтарь и самого колдуна. Брул закашлялся, но в промежутках между приступами кашля продолжал поливать Кадура отборной бранью. Больше не обращая внимания на

пленника, лемуриец начал произносить заклинания, каждое слово которых было кощунством.

Не в силах больше сдерживаться, Кулл решил, что настал его час. Натянув капюшон поглубже, он вышел из-за колонны и, стараясь семенить, как остальные колдуны, направился к магической пентаграмме. Когда до нее оставалось не более нескольких метров, один из колдунов удивленно взглянул на атланта, дотронулся до плеча соседа и показал на приближающегося Кулла пальцем.

Решив, что скрываться больше незачем, Кулл одним движением скинул с себя омерзительное тряпье и, воздев двуручный меч, издал боевой клич, напоминающий рев тигра. Перемахнув одним прыжком оставшееся расстояние до адептов поганого змея, он обрушился на колдунов, сбив на лету одну из черных свечей.

Превратившись из человека в яростную машину разрушения, полностью отдавшись во власть первобытных инстинктов, Кулл начал собирать кровавую жатву. Опустив со всей накопившейся в нем яростью меч на первого попавшегося ему под руку колдуна, атлант развалил того пополам. Не теряя ни одного мгновения, король косым ударом снизу отправил на тот свет другого противника и отбросил пинком третьего, вонзив меч тому прямо в грудь.

Видимо впервые за много дней заунывный вой колдунов сбился, распавшись на отдельные голоса, вскоре и все замершие. В алтарном зале вместо черных заклинаний звучал теперь звон стали. Колдуны недолго пребывали в растерянности и, потеряв еще двоих, сплотились в живую стену, прикрывавшую Кадура, выкрикивающего свои заклинания и делавшего пассы руками. Ощетинившись, словно дикобраз иглами, длинными кинжалами, змеелюди старались не пропустить Кулла к алтарю.

Но как могли хлипкие колдуны остановить великого воина, несгибаемая воля которого рвала их слабые, наложенные впопыхах заклятия точно паутину! Увернувшись от парочки огненных шаров, Кулл нанес смертельные уда-

ры еще нескольким колдунам. Оставшиеся продолжали яростно сопротивляться, но... скоро в живых остался лишь один-единственный колдун. Стارаясь выгадать для Кадура хоть несколько секунд, змеечеловек сам бросился на выставленный вперед меч Кулла, нанизавшись до самой крестовины. В предсмертной агонии он наносил сильные, но беспорядочные удары, которые Кулл с трудом парировал левой рукой, не желая отпускать меч. Наконец колдун испустил дух, и Кулл с трудом вытащил меч из обмякшего тела. Но этой задержки вполне хватило Кадуру. Он успел завершить свое заклинание и застыл, занеся свой черный меч над рвущимся из оков Брулом...

Вложив все силы в поистине тигриный прыжок, чуть не порвав связки, Кулл плечом протаранил Кадура, отшвырнув его от алтаря. Удар, направленный в живот Брула, задел лишь бок пикта, моментально окрасившийся кровью.

Кадур, не потеряв равновесия, невероятным образом извернулся, и его меч со свистом рассек воздух прямо перед лицом Кулла, едва увернувшегося от столь стремительной и неожиданной атаки. В глазах колдуна разгорелись угли злобы и безумия, черная пена выступила на губах, и лемуриец окончательно потерял сходство с человеком, став похожим на одного из демонов преисподней.

Зазвенели мечи, причем Кадур наносил удары с такой скоростью, что его меч казался черной молнией, раз за разом обрушивавшейся на Кулла. Атлант использовал все свои силы и мастерство до последней капли, стараясь отразить бешеный написк колдуна. Спустя пять минут с начала поединка Кулл уже тяжело дышал, а лемуриец даже не запыхался. Совершая невозможное, атлант несколько раз пробивал защиту колдуна, но проклятый маг, казалось, был неуязвимым. Чего, к сожалению, нельзя было сказать о короле Валузии. Из рассеченной щеки Кулла сочилась кровь, несколько глубоких ран было на груди и левой руке.

Первые капли крови раненого Брула, струйкой стекавшие по каменному желобу, достигли ограниченного магической сферой сердца Верезаала. С каждой секундой черное свечение усиливалось, а голубой цвет защитных чар Мельгилода все больше тускнел. Тьма сгущалась вокруг алтаря. Казалось, сердце Демона обрастает мглой — это некогда низвергнутый из этого мира Повелитель Черной Бездны стремился обрести плоть!

Брул рванулся, напрягая в нечеловеческом усилии тело и совершенно не обращая внимания на боль. Железо оков, удерживающих правую ногу пикта, не выдержало и со звоном лопнуло. Нога варвара, хоть и израненная железными зубьями, оказалась свободной.

— Ты ни за что не смог бы добраться до меня, если бы тебе не помог дряхлый волшебник, укрывший тебя он моего взора! — выкрикнул Кадур Куллу. — Но старый дурак проиграл! Он увидит, какая судьба уготовлена его пешке! Теперь тебя не спасут никакие чары!

Ликующий Кадур, глумливо хохоча, обрушивал удар за ударом на Кулла. Король изо всех сил противостоял Кадуру, уставая все больше и больше. Кулл не собирался сдаваться и готов был пожертвовать своей жизнью ради спасения мира, пускай у него был только один-единственный шанс!

Кадур усилил натиск и сильнейшим ударом отбил меч Кулла далеко в сторону. Устремившись вперед, он собрался длинным выпадом проткнуть атланта насмерть, но в этот момент Брул пнул его ногой, вложив в этот удар всю свою силу, всю свою ярость, всю свою ненависть. Не ожидавший с той стороны никакой опасности, Кадур пошатнулся и на секунду замер, балансируя и пытаясь сохранить равновесие. Но тут его нога поскользнулась в луже крови, натекшей из зарубленных Куллом колдунов, и лемуриец рухнул навзничь.

Этот момент навсегда остался в памяти атланта. Казалось, время остановило свой неумолимый бег: груды из-

рубленных трупов на полу, перекошенное лицо Брула, замерший в падении Кадур — и над всем этим сгущающаяся тьма, исходящая от черного сердца Верезаала, нетерпеливо змеящегося щупальцами на окровавленном алтаре. Голубое сияние заклятия Мельгилода стремительно тускнело, растворяясь во мраке. Еще миг — и оно исчезнет, рухнут последние границы между миром людей и запредельем ада. Никогда в жизни Кулл с такой силой не ощущал хрупкости человеческой жизни. Сама вечность распахнулась, объединив в сердце атланта чаяния и надежды людей, связав его с ними узами неизъяснимого родства, наполнив все его существо великой силой.

В голове Кулла вновь зазвучали слова древнего мага о том, что судьба мира находится на острие меча. И больше не ведая усталости, отчаяния или злобы, Кулл, словно поднятый неведомой силой, устремился к алтарю и, ухватившись обеими руками за крестовину своего верного меча, божественной молнией вонзил клинок прямо в сердце Демона в тот момент, когда погасло голубое сияние!

Воздух взорвался криком безумной ярости и боли, издаваемым Демоном, чье могущество человек даже не в состоянии вообразить. Казалось, вздрогнула сама земля. Как можно описать крик Повелителя Ада, почти получившего долгожданную свободу?

Атланта отшвырнуло далеко от алтаря, распавшегося на куски. Стены и потолок пошли трещинами, посыпались камни. Вертикально торчащий в сердце Демона меч раскалился добела и, став похожим на воткнутый в камень священный крест, вдруг взорвался безумной вспышкой света, рассеявшей тьму.

Сквозь туман в голове, вызванный многочисленными ранами и ударом, в последние мгновения перед тем, как провалиться в блаженное беспамятство, Кулл увидел невероятную картину: там, где только что лежало черное сердце, стремительно вспухал клубок ярчайшего света, состоявшего из великого множества огоньков. Это, наконец,

обрели свободу души сотен людей, замученных Кадуром, который сейчас, визжа от ужаса, пытался на четвереньках бежать прочь. Но пришел час расплаты! Облако огоньков накрыло Черный Город. Раздался жуткий крик, словно душа проклятого Кадура была исторгнута из тела и разорвана на части. Да так оно, видимо, и было. На камне, где только что корчился гигантский лемуриец, больше ничего не было!

Кулл пришел в себя. С трудом поднялся на ноги и побрел смотреть, что стало с Брулом. Изрядно помятый, с ранами на боку и ноге, Брул, однако, был жив, хотя и засыпан каменным крошевом расколотого алтаря. Подобрав с пола кинжал, атлант освободил руки и ноги друга из треснувших оков.

— Ты чуть не опоздал спасти мир, — строго сказал Пикт и рассмеялся, обняв Кулла, у которого едва хватило сил улыбнуться в ответ.

Поддерживая друг друга, друзья отправились назад, оставив за плечами Черный Город.

СКАЛЫ СКОРБИ

Война, даже если ее ожидаешь, всегда начинается не вовремя. Не подоспели союзники, вассалы попрятались в своих крепостях, отказываясь воевать, жена, как на грех, собирается рожать — все одно к одному. Но, несмотря ни на что, медлить нельзя — мятежи распространяются подобно пожарам. Если удастся погасить сразу — может, соседние дома и уцелеют. Вот и сбиваешь зад о жесткое седло, глотая дорожную пыль. Голова полна мрачных мыслей, и становится, казалось бы, совсем не до красот природы. Но нет-нет да и залюбуешься открывшимся видом, забыв на миг про то, куда и зачем едешь.

Дорога Аймед, только что петлявшая в лесной чаще, вырываясь на простор, становилась прямой, словно копье всадника. Казалось, некий воин-титан оставил здесь свое оружие. Дорога — древко копья, острие — ущелье, разрубившее предгорья. Иззубренные вершины гор Слиаб Дан царапали синеву, оставляя на ней бороздки перистых облачков. Наверное, будет ветreno.

Такого яркого неба Конхобар не видел с тех пор, как год назад ездил в Мунстер на свадьбу своей сестры. Говорят, оно здесь такое всегда. Воинственные жители северной провинции всегда причиняли правителям Тары множество хлопот. Женитьба короля Мунстера на его сестре, как тогда казалось Конхобару, скрепила единство государства. И все же государство вновь раскололось. И кто же стал отступником?! Он, Лабрайд, которого из всех королей Конхобар уважал больше всего! Тот самый Лабрайд, с ко-

торым бок о бок громили племена Фир Болг. Тот самый Лабрайд, отец его племянников, муж его любимой сестры Этне, Дагд его разрази! А эти удельные короли — четверка предателей — отказались идти на Мунстер. Кто сослался на мор среди скотины, кто на распутьцу. Ни одного воина не получил Конхобар от своих уделов. Не жаль им чести своей, нарушителям священной клятвы. Пусть! Найдется и на них управа, ежели Луг Копьеносец позволит разобраться с Лабрайдом...

Конхобар недобро прищурился, вздернув подбородок, — берегись, Мунстер! Он ехал во главе длинной колонны воинов, стальной рекой вытекавшей из леса. Рядом тесной группой двигались верхом на рыжих конях его телохранители. Один из них держал штандарт с вышитым золотом изображением сжатого кулака на красном поле — герба Верховного Короля. Следом шла тяжелая кавалерия — всего полторы тысячи копий. Воины в черных плащах с длинными миндалевидными щитами, расписанными белыми узорами, восседали на вороных конях. Гвардия Тары — "Несущие Ветер". Все сплошь, вместе с лошадьми, закованные в чешуйчатую броню, воины напоминали мифических существ. Трепещущие флаги на копьях, лязг стали, солнце на полированных латах. Пыль клубами поднималась из-под копыт. Жаркое лето в этом году... Вслед за колонной всадников из леса выходила тяжелая пехота. Даже ржание лошадей и топот копыт не заглушали ее тяжкой поступи...

Король съехал на обочину. Его любимый белый жеребец затанце-вал, крутясь перед собратьями. Воины, проезжая мимо, склоняли древки копий, приветствуя Конхобара Кетаках, Верховного Короля гойделов. Казалось, будто ветер пробегает по колосьям несжатой нивы. Полуденное солнце светило ему в спину, и вокруг всадника воздух сиял янтарным пламенем. Языки солнечного огня, пронизывая красный плащ, скрепленный золотой застежкой в виде

сжатого кулака, роняли на вороненую сталь доспехов недобрый кровавый отблеск, но Конхобар не замечал его.

Среди телохранителей резко выделялся один воин на стройном, длинноногом жеребце гнедой масти. В отличие от закованных в сталь гайделов, он почти не имел на себе доспехов. Из одежды — лишь широкие кожаные штаны и сапожки из мягкой замши. На поясе, набранном из стальных пластин, подвешены ножны с длинным прямым мечом. На загорелые плечи небрежно наброшена накидка из зеленой шерсти, сколотая бронзовой фибулой. Предплечье сильной руки, сжимающей поводья, обвито браслетом в виде золотого дракона. Гнедой переступил копытами, звякнула сбруя. Темноволосый всадник повернул голову, и его черные глаза встретились с глазами Верховного Короля.

— Ну что, Брул Копьебой, — спросил Конхобар, — с этими воинами есть у нас шанс против Лабрайда? Говорят, будто бы у него двадцать тысяч мечей.

Брул пожал плечами.

— Посмотрим, — сказал он. — За своих питков я ручаюсь.

Король не отводил взгляда, и Брулу вдруг подумалось, что они очень похожи — Кулл и Конхобар. Даже глаза те же — серая сталь. Та же тигриная мощь в движениях, стремительность решений, несгибаемая воля. Разве что волосы у Конхобара светлые, как пшеница, а у Кулла — черные, как крыло ночи. Да, одного поля ягоды — короливоины. И дела их королевские похожи. Только вот нет у Конхобара своего Брула — некому спину прикрыть... Когда он по смерти отца принял золотую цепь — символ власти Верховного Короля, страну раздирали усобицы. Пять удельных королевств воевали друг против друга. Все против всех. Брат шел на брата, сын на отца. Посевы гнили — люди боялись выходить в поле. Там, где еще удавалось что-то вырастить, все вытаптывали кони грабителей. Страна лежала в руинах. Торговля захирела — какой ку-

пец поедет туда, где нет шансов не то что продать товар, но и голову на плечах сохранить. Хищные соседи, почувяв наживу, стали отдирать от страны лакомые куски. Банды иноземных разбойников в открытую высаживались с кораблей прямо в портах и грабили там, где, казалось бы, уже нечего взять.

Положение было отчаянное. Молодой король начал многолетнюю войну за объединение враждующих племен под единой властью. Он начал ее всего с тремястами всадников, без надежды на победу и почти без средств, чтобы платить дружине. Но за ним пошли люди, и он победил, заслужив в этой войне имя Конхобар Кетаках, то есть Конхобар Стартв. Из пяти маленьких королевств он создал одно большое, с центром в Таре. Местные короли, оставленные им у власти, принесли ему присягу на верность и клялись Четырьмя Стихиями. При королевском дворе постоянно жили заложники — поручители из правящих фамилий. Впрочем, Конхобар больше правил доверием, чем страхом. Но ни это, ни женитьба на сестре Верховного Короля не помешали Лабрайду Мунстерскому проявить неподчинение Конхобару. Лабрайд наотрез отказался выплачивать борома — ежегодный налог, прогнал послов и теперь... Теперь будет война.

* * *

Конхобар не хотел воевать. Одно дело — когда через границу ло-мятся вражеские полчища и нужно сражаться, чтобы не исчез с лица земли твой народ. И совсем другое, когда начинается гражданская война. Что ни говори — хоть и пять королевств, но народ — гайдэлы — один. Чуть пришептывают, разговаривая, на востоке, чуть сильнее растягивают слова на юге, но все родня. И дрались, и брались — бывало всякое. И знают ведь, что нельзя погорзнь, а каждый гнет свое. Мол, почему в Таре Верховный Король, а не в Рудрайге? Чем хуже? И рвали бы так страну еще столетие, если б не Конхобар.

Он укрепил государство, разбил врагов на западе и востоке, тех, кто издавна устраивал непрестанные набеги. Морские разбойники в ужасе бежали от его флота, вооруженного метателями огня. Конхобар установил справедливые законы, снизил налоги. Соседние государства стали считаться с гордым северным ко-ролевством.

Пошли караваны, расцвела торговля — казалось бы, наступил долгожданный мир. Жить бы да жить, растить бы детей. Но как говорится — если у вас все хорошо, то это значит, что вы чего-то не заметили. Казалось, сами боги гневались на многострадальный народ, посыпая ему все новые испытания. И какая муха укусила Лабрайда? Рука короля в латной перчатке стиснула рукоять меча.

Мимо маршировала тяжелая пехота. Пять тысяч воинов попирали сандалиями пыльную землю. Большие прямоугольные щиты, расписанные изображениями зверей, заброшены за спину. Тяжелые сариссы колеблются над рядами конических шлемов. Гаибуаитх — "устрашающее копье" — имя этой пехоты. Славнее войска нет в земле гойделов. Никогда не бежали они с поля боя, не побегут и теперь.

Конхобар нахмурился — откуда мысли о поражении? Его армия невелика — но это отважные воины. В союзниках у него сам Кулл Валузийский. Как доложили вестники, его кавалерия в трех часах пути отсюда и все сокращает разрыв. Было бы неплохо их подождать — но Лабрайд может занять проход в горах при Круах-ан-Глер — скалах героев. Тогда выгрызать его оттуда придется зубами...

Конхобар затылком почувствовал изучающий взгляд валузийского эмиссара и усмехнулся.

Небось сравнивает меня со своим другом атлантом. Что ж, нас еще в бытность наемниками сравнивали. Мы, быть может, потому и подружились, что равны оказались силы. Жаль, что Брул привел с собой всего пятьсот пиктских конных стрелков, они очень пригодятся против мунстерской кавалерии и пригодились бы еще больше, будь их

хотя бы тысяча. Впрочем, присутствие самого Копьебоя вселяло уверенность. Ведь он — правая рука Кулла.

Голова колонны всадников уже приближалась к предгорьям, когда Конхобар послал коня им вслед. Телохранители помчались за ним. Копыта гремели боевыми барабанами, ветер свистел в ушах, пытаясь сорвать алый плащ с плечей короля. Гони! Пехота приветственно вскидывала сариссы вслед проносящейся кавалькаде. Конхобар! Имя — боевой клич. Как воинам не любить такого короля!

* * *

Когда в лесу не поют птицы, это всегда кажется странным. А сейчас тишина не звенела даже — она просто гремела. Зеленый сумрак окутал колонну валузийских воинов. Всадники в алых доспехах настороженно оглядывались, держа оружие наготове. Им было не по себе — хотя они знали, что вдоль дороги через лес идет боевое охранение из пиктских конных стрелков. Наездники пиктов находили дорогу в таких дебрях, где и пеший-то не всегда проберется... Две тысячи Алых Стражей — личной гвардии Кулла Валузийского — ждали приказа. Сам Кулл тоже ждал, восседая во главе колонны на огромном вороном коне. Он ждал известий. Глаза короля внимательно взглярывались чащу леса. Руки сжимали рукоять лежащей по-перек седла тяжелой совны — оружия, напоминающего лезвие кривого меча, насаженного на древко копья. Разведчика Кулл заметил, когда тот еще не вышел из буйных зарослей дикой малины, хотя пикт, казалось, двигался совершенно беззвучно. Один варвар стоил другого.

Воин приблизился, ведя своего лохматого конька на поводу. Его иссиня-черные волосы украшала пара орлиных перьев. Лицо было покрыто синими молниями боевой раскраски.

Клан Синего Барса — определил король — командир трех дюжин.

Разведчик застыл на месте в трех шагах от Кулла, вытянув правую руку ладонью вперед. Левая рука начала совершать замысловатые движения, время от времени касаясь правой ладони в той или иной точке. Король внимательно наблюдал, разбирая пиктский тайный язык жестов, которому его научил Брул Копьебой.

По колонне всадников прокатился легкий шепоток. Предавали известие о появлении разведчика. Прокатился и стих. В тишине был слышен лишь лошадиный храп и тихое позвякивание металла. Воины чувствовали неладное, но сохраняли спокойствие. Кулл здесь. Кулл найдет выход...

Известия оказались неутешительными, но король знаком отпустил разведчика. Сильные пальцы сдавили луку седла. Как же быть? Кулл, повернувшись в седле, оглядел командиров полутысяч, находившихся в голове колонны. Четверо бывалых воинов тронули лошадей и подъехали поближе.

— Ну что, ребята, известия — хуже некуда. В получасе езды отсюда дорога уходит в овраг. На другой стороне в лесу укрыты два отряда тяжелой пехоты. Пикты подобрались к ним вплотную. Пехоты около тысячи человек. Часть из них метатели дротиков. На деревьях по обеим сторонам оврага укреплены плеты, на них лучники. Лучников не больше трехсот, зато с большим запасом стрел. Я думаю, пехота перекроет дорогу, когда мы спустимся в овраг, а лучники расстреляют нас сверху. В конце концов мы их выбьем, но поляжет половина Альых. Что посоветуете? Пикты сняли их дозорных вдоль дороги, так что у нас есть немного времени.

Командиры помолчали, переглядываясь, потом один из них, с изуродованной шрамом щекой, спрыгнул с коня. Вынув из ножен кинжал, он стал чертить им в пыли предлагаемую диспозицию. Кулл смотрел на чертеж. Вот пехота мунстерьцев, вот лучники. Сюда направить две спиральные кавалерии, а отсюда зайдут стрелки пиктов. Провести де-

монстративную атаку... Оставить путь для бегства... Мысли короля обратились в другую сторону. Пикт, который принес известие, выдал себя, когда выходил из леса, скрипом сухого мха. Обычное ухо цивилизованного человека забыло, что может слышать подобные звуки. Чтобы вернуть себе чуткость слуха, нужно долгое время жить в лесу, разделяя опасности вместе с его обитателями. Кулл никогда и не терял этой остроты. Поэтому он услышал скрип сухого мха. Сухой мох... Король бросил взгляд вверх, туда, где кроны лесных великанов перекрывали дорогу. Солнце прорывалось через узорный шатер листвы световыми столбами, отчего сумрак леса становился еще гуже... Много пожухлых листьев... Кулл снова взглянул на пыль, в которой шрамолицый капитан громил острием кинжала вражескую засаду.

— Как ты думаешь, Брессал, — спросил он командира со шрамом, — давно в этих местах не было дождя?

* * *

— Легкая пехота — на скалы! Занять вершины Круах-ан-Глер! Если там есть мунстерьцы — сбросьте их вниз!

"Проклятие!" — подумал Конхобар. Они успели занять выход из ущелья. Теперь придется принимать бой на их условиях. А о Кулле ни слуху, ни духу. Ждать нельзя — до темноты несколько часов. Если упустить время — придется отражать ночное нападение. И возвращаться на равнину нельзя — ударят в спину конницей, и будет не развернуться в узком горном проходе. Начнется резня — ущелье слишком длинное. Разведчики доложили расстановку сил, и она явно не в нашу пользу...

Конхобар придержал коня, глядя, как вооруженные арбалетами стрелки лезут на скалы. Воины были из местечка Слиаб Ли Котайг, иначе Гора Договора, самой южной окраины его собственных владений. Прирожденные стрелки и скалолазы, они не раз выручали Верховного Короля в трудных ситуациях. Он помнил, как в битве при Mag Туи-

ред, когда, казалось, уже все потеряно, они расстреляли в упор идущую в атаку тяжелую кавалерию фоморов. Оставалось надеяться, что они выручат своего короля и на этот раз.

Возвратился очередной дозор.

— Конница мунстерцев стоит за Скалами Героев. Отряд небольшой — человек пятьсот. Дальше ущелье расширяется, и дорога уже идет по равнине Мунстера. Там, где заканчиваются скалы хребта, стоят основные силы Лабрайда. По первым прикидкам их очень много — тысяч двадцать — против наших восьми...

Значит, и в самом деле двадцать тысяч? Ну что ж, Конхобар махнул рукой в латной перчатке и пришпорил коня. Несущие Ветер помчались вслед за своим королем. Колонна пехоты тоже ускорила шаг. Скалы Героев приближались. Две громадные глыбы камня нависали над истерзанным ветрами ущельем. Зимой дорога здесь была непрходимой из-за снежных лавин и буранов, постоянно проносящихся по ущелью. Большую часть года естественная крепость защищала мунстерцев с юга.

Вот Лабрайд и решил, что ему все дозволено. Но ведь все платят налоги — почему же Мунстер не должен?

Конхобар натянул поводья. Белый жеребец встал на дыбы.

— Вот они!

Впереди между каменных громад замерли ровные ряды всадников в синих плащах. Король пустил коня шагом.

Нужно дождаться, пока легкая пехота займет вершины. Потянуть время. Бой начнется, когда будет нужно ему, а не Лабрайду. Несущие Ветер построились вокруг короля клином. Это построение Конхобар позаимствовал у валуэзийцев еще в те времена, когда служил командиром двух сотен в наемных войсках великого королевства. Тогда же он встретился с Куллом...

Что же его задерживает? Неужели Лабрайд узнал о войсках Кулла и устроил засаду? Только не это. С Лабрайдом

будет нелегко справиться и при помощи валузийцев. А если их не будет...

Подтянулась колонна тяжелой пехоты. Пятьсот конных стрелков Брула замыкали боевой порядок. Как всегда невозмутимый эмиссар валузийцев возглавлял своих воинов. Обозы снова отстали. Сейчас это даже хорошо — не будут путаться под ногами.

Конхобар отдал приказ, и затрубили герольды. Один из его всадников выехал на открытое пространство между войсками и вонзил в землю копье — вызов на поединок. Страй мунстерской кавалерии раздался в стороны, выпуская своего поединщика. Северянин верхом на огромном буланом коне вынесся на ничейное пространство. Два воина встретились, меряясь взглядами.

Бешено вертя коней, они выкрикивали друг другу угрозы и про-клятия, по обычанию восхваляя себя и перечислив своих родичей и их деяния до десятого колена. Конхобар усмехнулся. Древний обычай служил сейчас хорошую службу. Длинный ритуал оскорблений помогал выиграть время. Арбалетчики должны успеть занять вершины...

Наконец поединщики разъехались в разные стороны. Вооружены они были примерно одинаково, только конь у воина Конхобара был защищен кольчужной броней. Глухой шлем с перьями орла прикрыл его голову. Длинная тяжелая пика и большой миндалевидный щит всадника Тары были разрисованы белыми спиральями. Черный плащ как знамя полоскался на ветру. Всадник застыл на месте, наблюдая за противником. Тот тоже не спешил, выжидая. Мунстерца защищали кольчатая броня и небольшой овальный щит с умбоном. Шлема не было — ветер из ущелья трепал светлые волосы. Синий плащ крыльями трепетал за спиной. На пике флагшток с тигриной головой — сотник!

Тень от скалы падала на Несущего Ветер, а мунстерского воина заливало слепящее солнце. Вот всадники тронули коней. Буланый и вороной сорвались с места и понеслись

навстречу друг другу. Опустились пики, и меж войсками пала тишина. Ну! Кто?! Все стремительней разбег — гул копыт наполняет ущелье... Р-р-рааа! Сшиблись! Пыль взметнулась вверх. Кони встали на дыбы. Казалось, что сейчас витязи опрокинутся! Копье мунстерца разлетелось о щит Несущего Ветер, но отломившийся наконечник застрял в обитых кожей досках.

Копье Несущего не сломалось, а вот щит мунстерца не выдержал и треснул. Неясно было, ранен тот или нет. Несущий отшвырнул копье — честный бой! Воины выхватили мечи. Звон, мелькание бликов, свирепый рев северянина. Бешеная круговерть конного поединка закружилаась и вдруг распалась. Из схватки вылетел буланый, унося прочь безжизненного всадника. Несущий Ветер поднял коня на дыбы, что-то крича вслед. Вороной жеребец прошел так несколько шагов, прежде чем передние копыта снова коснулись земли. Воин ловко подхватил лежащее копье и поехал к своим. Его товарищи ударили древками о щиты.

— Конхобар! Конхобар! — ревели луженые глотки. Теперь пора.

— Бей! — рыкнул король.

И клин тяжелой конницы пришел в движение. Лес коний качнулся и замер, нацелившись вперед.

"Бей! Бей!" Земля взгримела под копытами коней. Полторы тысячи всадников начали свой смертоносный разбег. Мунстерцы полумесяцем рванулись навстречу. Куда там — Несущие Ветер атаковали вниз — под уклон, а северян было гораздо меньше. Их просто смело, как сносят весенние воды запруды в долинах Тары. Хруст копий, крики боли. Мунстерцы повернули коней, отступая. Конхобар понимал, что это демонстративный маневр, что его воинов пытаются заманить под стрелы лучников, засевших в скалах. Арбалетчики должны успеть.

Вдали — там, где стояли основные силы Лабрайда, наметилось движение. Стоящие отряды кавалерии двинулись вперед, набирая скорость. Со скал ударили лучники. Кон-

хобар побледнел. "Неужели?" Но нет, второй залп вышел слабым, а третьего и вовсе не последовало.

Сверху раздавалось треньканье тетив и кличи котайгской пехоты:

— Лугай Ад! Лугай Ад!

Теперь мунстерским длинным лукам не до нас...

Кавалерия Мунстера развернулась. С подошедшими отрядами ее было не меньше чем Несущих. Они напали на клин воинов Тары с трех сторон. Битва возобновилась. Несущие взялись за мечи. Их штандарт в виде Драконьей головы упрямо продвигался вперед.

— Ну что — время! — Конхобар спрыгнул с коня.

* * *

Сидевшие в засаде воины Лабрайда встревожились. Ветер нес на них со стороны врага слабый запах дыма. Известию от постов не поступало. Валузийцы давно уже должны бы появиться в овраге, а их все нет. Другая дорога? Но здесь нет развилок, а прямиком через лес конница не пройдет... Стрелки из лука, засевшие на площадках из досок посреди ветвей деревьев, первыми увидели опасность. Над зеленым разливом леса вздымались клубы густого дыма. Боги! Пожар в лесу, да еще в то время, когда не первую неделю стоит ужасающая жара. В такую погоду лес горит, как сухие опилки. Ветер теперь играл против войск Лабрайда. Раньше он относил в сторону шум и запахи засады, а теперь нес на нее огонь. Лесная тишина взорвалась воплями испуганных людей, хрипло орали командиры, стараясь навести порядок. Тщетно. Никто не хочет сгореть заживо...

* * *

Тяжелая пехота мунстерцев пришла в движение. Широкий фронт ее первой линии, перекрывавшей выход на равнину, двинулся вперед. Вторая линия оставалась на месте. Над ней полоскался на ветру штандарт Лабрайда. Что за-

думал этот негодяй?! Конхобар провел свою тяжелую пехоту между скал Героев и поставил фалангой. Теперь все решит сила. Сумеют ли Несущие Ветер справиться с конниками Лабрайда? Чья пехота удержит строй? Демоны! Где же Кулл — так не хватает его тяжелой кавалерии...

Кавалерийский бой сместился к правой стороне ущелья. На вершинах тоже шла битва. Легкая пехота Конхобара рубилась с лучниками Мунстера. То и дело вниз со скал падали пронзенные стрелами тела.

Конхобар взял из рук телохранителя тяжелый щит пехотинца. Ко-ролю надлежит биться вместе с воинами на самом опасном участке. Так он считал, так поступал всегда. Люди видели рядом с собой его красный плащ, и это придавало им силы. Король занял место в строю рядом с штандартом, на котором было изображено копье, пронзающее льва, — эмблема Гаибуайбхех.

Тут же телохранители подняли его собственный штандарт. Взвыли волынки, и многоголовое чудовище фаланги сделало один тяжкий шаг вперед. Снова вой волынок — шаг. Вой — шаг. Вой... Волынки задавали ритм. Шаги становились быстрее. С грохотом опустились сариссы. Длинные копья третьего и четвертого ряда легли на плечи первых двух. Сариссу можно удерживать только двумя руками, поэтому щиты воинов висели на перевязях через плечо... Волынки воют о смерти. Воины ускоряют шаг. Навстречу — видно над краем щита — движется такой же строй мунстерцев. Вооружены они более разномастно, поэтому в стене их щитов видны разрывы. Туда и нацелились конные стрелки пиктов, которых Конхобар оставил охранять проход между скалами. Они били из луков через головы своих воинов. Пикты, страшные лучники, — тетивы гудели подобно грому. Дикари с ревом выпускали смертоносные стрелы. Мунстерский строй щерился прорехами, теряя людей, истекая кровью, но упорно шел навстречу пехоте Конхобара.

Ладони короля приросли к древку сариссы. Между козырьком шлема и щитом щель, через нее видна широкая спина впереди идущего. Пыль из-под ног воинов висит в воздухе.

Слушать волынки. Шире шаг. Слушать. Волынки быстрее, еще быстрее. Фаланга переходит на бег. Щетина сарисс, тяжкий топот. Сейчас, сейчас столкнутся. Ну! А-а-а! Воины взревели и побежали изо всех сил. Стремительно приближающийся вражеский строй. Чьи-то злые синие глаза над краем щита. Удар! Вломились!

Треснули щиты. Сариссы продавили строй. Передние шеренги на мгновение замерли, истекая кровью. Строй северян дрогнул и откачнулся. Фаланга Конхобара мгновенно выплеснула клин воинов. Клин ударил и отпрянул назад. В строю врагов образовалась брешь. Снова ударил клин — снова брешь. Мунстерцы отвечали тем же. Противники сошлись ближе — длинные копья поломаны в первой сшибке.

Конхобар выхватил короткий меч, висевший на правом боку. Ну — за дело! Шеренги сошлись — пошла рукопашная схватка. Мунстерцы рванулись к штандарту.

Король сражался. Молнией взлетел меч. Поворот, взмах, удар. Щит загудел — метнули топор, поворот — удар. Телохранители прикрыли бока. Взмах, удар. Фаланга слегка попятилась, удерживая подобие строя. В первых рядах — настоящая свалка. Мунстерцы взялись за боевые топоры...

От громового лязга стали болеть уши. В поле зрения появлялись и пропадали лица врагов. Яростные, искаженные ненавистью, болью, страхом. Бей! "Это я — ваш Верховный Король!" "Бей — бей!"

Мунстерцы узнали короля. Самые опытные воины рванулись вперед, чтобы иметь честь убить его. Но Конхобар, как скала посреди людского моря, — об него разбивался прибой. Волны врагов накатываются и откатываются

ся. Рука короля разила без устали. Центр фаланги стоял нерушимо — не отступали и фланги. Конхобар!

Секунда передышки. Телохранители прикрыли щитами. Из задних рядов передали свежий, взамен изрубленного, щит. Снова бой. Воины в передних рядах тоже меняются с задними.

— А ну, дай я! Держись — держись! Р-ра-а! У них есть резервы — а у нас нет. Что на скалах — неясно. Где же Кулл?! Дагд! — неужели он опаздывает...

* * *

Пикты перестали стрелять — теперь они рисковали попасть в людей Конхобара. Брул оглядел своих разрисованных синими узорами воинов. Им явно хотелось в бой. Что ж, похоже, так и будет.

Вдали — в строю основных сил Лабрайда — снова наметилось движение. Сколько же у него войск? Откуда они берутся, может, союзники? Ага. Это снова конница в синих плащах — большой отряд — почти две тысячи, если судить по штандартам. Брул чертыхнулся.

Конница Лабрайда обогнула сражающуюся пехоту слева и напрорвилась прямо к проходу. Похоже, они хотят сбить нас с позиции, а потом уже атаковать Гаибуаитх с тыла. Ну что ж, пусть идут. Брул отдал команду. Фланги отряда выдвинулись вперед, образовав полумесяц.

* * *

Мунстерские всадники галопом неслись на строй пиктов. Их седовласый командир скомандовал:

— Сталь Солнцу!

Сверкнули обнаженные мечи. Строй дикарей дрогнул. Они поворачивали коней и пускались наутек, скрываясь за скалами Героев. Бегут! Проход наш! Капитан, пришпорив скакуна, первым ворвался в Круах-ан-Глер. Он не почувствовал боли, когда под шлем влетела стрела... Мунстерская конница с разгона влетела в проход и наткнулась

на железный дождь. Пикты, привстав на стременах, с гиканьем рвали тетивы луков:

— Арноудрах! Кех аг-аг!

Всадники Лабрайда валились наземь. В проходе образовался завал из дергающихся, утыканных стрелами тел людей и коней. Северяне повернули назад. Перестроились и снова напали. И снова пикты взвыли: "Смерть! Смерть!"

Брулу казалось, что это повторилось бесконечное множество раз, хотя в действительности уже после третьей атаки у его стрелков опустели колчаны. Это было чудовищно — мунстерские всадники шли на верную смерть под стрелы пиктов, но продолжали атаковать снова и снова... Страшен враг, которому не дорога жизнь.

Четвертый натиск пикты отражали в пешем строю, стоя на валу из конских трупов. Полуголые воины с короткими копьями и мечами против тяжелой конницы. Пикты не любили доспехов, щиты у них маленькие, но все же нелегко победить их в рукопашном бою...

И конница откатилась снова, оставляя убитых у ног свирепых дикарей. После пятой атаки у Брула осталась половина воинов, большинство из которых были ранены более или менее тяжело (потом они будут гордиться, что никто не был ранен в спину), остальные были убиты. Но пикты и не думали отступать — они тоже не ценили своей жизни. Умереть в битве — что может быть лучше для воина?

Конница Лабрайда снова начала разбег, когда Брул услышал гром копыт за спиной...

* * *

Всадники в синих плащах шли в атаку, когда пикты исчезли из прохода. Снова ловушка? Воины сдерживали коней, привставая в стременах. О боги! В пространстве между скалами им открылась страшная картина — ущелье по ту сторону прохода полнилось кава-лерией в алых плащах. Стой клином — визитная карточка валузийцев. Впереди

на самом острье строя огромного роста воин на вороном коне...

Какое-то мгновение в воздухе повисла тишина. Звуки боя стихли. Потом алый клин качнулся вперед. Валузыцы выплеснулись из прохода словно горный поток, перелившись через вал трупов, и врубились в поредевший строй Лабрайдовых воинов.

Казалось, будто красный форштевень гигантской галеры разрезал синюю волну. Мунстерцы уперлись и... были сметены, разметаны и втоптаны в пыль. Неудержимая кавалерия Алых Стражей вырвалась из теснины на поле битвы при Краух-ан-Глер...

* * *

Кулл мчался впереди своих воинов, воздев над головой окровавленное оружие. Вот пехота под королевским штандартом отчаянно бьется с превосходящими силами. Вот прижатая к скалам кавалерия Конхобара. Дальше — дальше! Вот фланг Лабрайда! Вперед! Марш, марш!

Конхобар сам разберется с пехотой врага. Нужно взять в плен мунстерского короля — тогда все остальные разбегутся как зайцы. Кулл зря не станет гробить своих Алых. Хватило того, что Брул чуть не погиб. Ну, держись, Лабрайд!

* * *

Конхобар заметил Алых Стражей, когда те обогнули левый фланг его пехоты. Сейчас они нападут с тыла и... Куда?! Демон! Что он делает? Кулл, убей тебя громом! Фаланга шатается под натиском северян. Их больше, гораздо больше. Из пяти тысяч тяжелой пехоты Тары остается едва ли две... Ну же, Кулл, помоги хоть коннице! Нет, он идет прямиком на Лабрайда... А, вот стрелки пиктов. Правильно — помогли Несущим Ветер. Удалили! Что... Гонят! Давай! Подайте щит! Брандуб! Щит! Брандуб! Демон! Брандуб — держись!

Мунстерцы, увидев в тылу кавалерию валузийцев, надавили еще сильней, желая поскорей покончить с пехотой Конхобара. Фаланга едва держалась. Погибли почти все телохранители Верховного Короля.

Взмах — удар. Щит тяжел от дротиков врага. Взмах — поворот — удар. Двойной. Вниз — вверх. Удар. Держись, Блатах! Бей — помошь близка — бей! Фаланга держалась, истекая кровью. Упал штандарт "Гаибуайбтех". Упал и снова поднялся. Вокруг знамени — водоворот битвы. Древко переходит из рук в руки. Бей! Снова падает штандарт.

Конхобар выхватывает его из отсеченной руки знаменосца. Рази! Бей! "Конхобар! — ревут воины. — Конхобар!" Фаланга держалась. Несущие вместе с пиками гонят мунстерскую конницу. Боги! Это все, что осталось от них?! Проклятие на мою голову — я потерял армию! Слезы проложили дорожки по скулам короля СтаБитв. Мои воины... Мои воины... Будь проклят Лабрайд! Будь проклят!

* * *

Алые Стражи вломились в строй пехоты Лабрайда двумя клиньями, опрокидывая пиками мунстерских воинов. Те не оставались в долгу. Началась свалка. Визжали умирающие лошади. Смертный крик втоптанных в землю людей, хруст костей, лязг, стон, рык. Руби! Бегут! Пехота не устояла, попятилась, отбиваясь. Алые надавили еще, и бегство стало неудержимым. Штандарт Лабрайда втоптали в кровавое месиво кони валузийцев. Кулл развернул свою кавалерию — не время преследовать бегущих!

Алые грянули в спину фаланге северян. Началась резня. Мунстерцы сломались, не выдержав атаки с двух сторон. Совна в руках Кулла описывала сверкающие полукружия, отсекая руки, головы, древки копий. Страшный стон истребляемой толпы стоял над ущельем.

Кулл пробился к штандарту Конхобара. Два с ног до головы за-брызганных кровью короля взглянули друг на друга. Вид Конхобара был страшен. Изломанный меч, посеченные доспехи, шлем сбит, а светлые волосы стали бурыми под коркой засохшей крови. Но самым ужасным были глаза. Это были не глаза сорокалетнего воина. Скорее, глаза старца — тусклые и пустые. Кулл соскочил с коня.

— Ты не ранен, Волк?

Старая кличка — еще с тех времен, когда они вместе служили в наемниках. Конхобар разлепил рассеченные губы.

— Где Лабрайд? — Голос звучал глухо, как из могилы.

— Ты убил его?

— Нет. Он смылся перед самым моим носом — что поделать! У меня не было выбора — тебя тут совсем зажали. Я не стал догонять.

Конхобар взглянул на правителя Валузии пустыми глазами:

— Спасибо... Коня одолжишь?

Кулл даже возражать не стал — просто передал повод. Волк всегда сам знал, что ему нужно...

Верховный Король взобрался в седло. Пропитанный кровью плащ повис изодранным знаменем. Он оглянулся на Кулла (снова этот пустой взгляд):

— Прекрати резню — они все же мои подданные.

— Но...

— Они сдадутся, — сказал король и умчался. Хоть бы спросил — куда побежал Лабрайд.

* * *

Вечерело. Тропа петляла в скалах. Конхобар преследовал Лабрайда, полагаясь скорее на чутье, чем находя следы. Ненависть и боль теснились в сердце короля.

— Плевать, что муж сестры, плевать на племянников. Плевать! Убью! Разорву в клочья! Что он наделал! Что он наделал...

Подковы гремели по тропе.

Камнепад. Прогрохотали, осыпаясь в бездну, осколки валунов. На пути расселина — рывок! Конь Кулла просто двужильный. Три часа гонки по скалам, а ему хоть бы что. Странная порода. Что там впереди? Он! Стой! Стой, не уйти тебе, Лабрайд!

— Хоть умри как человек! Стой, говорю!

Остановился? Неужто не всю честь растерял? Хорошо бы.

Вороной вылетел на широкую тропу. Сквозь просвет каменных столбов пламенел закат. Лабрайд, освещенный его лучами, стоял посреди площадки. Шлем цел, доспех без царапинки. Трус! Воинов погубил, а сам — бежать!

— Ну давай, — произнес король Мунстера, выхватывая из ножен меч. — Давай посмотрим — кто больше на роль Верховного Короля подходит. Ты, Конхобар, или я...

Конхобар соскочил наземь, держа в руке выщербленный в бою короткий клинок. Если этот ублюдок думает, что целые доспехи и длинное оружие дают ему преимущество, — его дело. Разговаривать с ним — дело дохлое. Задавить сволочь. Это из-за него легли две трети моих воинов...

Конхобар прыгнул вперед. Ложный замах. Секущий слева — направо. Парировал. Хорошо! Поворот, уход. Кланг! Хорошо рубит. От души. Нырок — уход. "Идти за мечом". Снова уход. Шаг влево, выпад! Замах — выпад! Достал! Слабо — доспех не пробить. Лабрайд пошел по кругу, подстерегая короля. Ну-ну,стереги!

Ого! Вот что задумал — "Спокойный ум", "Тело Меча"! Кланг! Сце-пились! Глазницы Лабрайдова шлема истекали ненавистью. А на тебе по ногам! Что, дерньмец, не нравится?! Вот это да — скакешь как заяц! (Да простит мне такое сравнение храбрый зверек.) Давно так не рубился, говоришь? И правда — не видел я тебя в первых рядах. Бой в строю? Ах, сволочь! Зря ты напомнил... Кланг! Снова "Ид-

ти за мечом". Навершие рукояти с грохотом оставило вмятину в забрале Лабрайдова шлема.

Получил! Вставай, хватит валяться — добивать не буду! Вставай! Так. Молодец! А ну... Хорош, гаденыш, хороши... А это... Кланг! Отбил. Еще отбил. Хорошо... — оп! Хороший удар! Все — хватит играть! "Огонь и камень", "Красные Листья"! Жалобно вскрикнул сломанный клинок.

Лежишь? Больно... Я знаю. Там, на поле, Лабрайд, десять тысяч убитых гойделов — и ты их убийца. Всего лишь не хочешь платить налоги. Я виноват?! Я тиран?! Ты идиот, Лабрайд! Да мне плевать, кто будет Верховным Королем! Если ты сможешь управлять лучше меня — вот, подавись! Конхобар швырнул в лицо мунстерского короля изрубленную золотую цепь — знак королевского достоинства.

Когда вы поймете! Вы, все. Когда же вы, наконец, поймете, что в доме должен быть один хозяин, иначе все сожрут мыши. Да что мыши, вы сами все сожрете, ничего не оставляя взамен. И сдохнете на обломках королевства. Самостоятельные и независимые. Страна должна быть свободной. А независимость — это когда от тебя ничего не зависит!

* * *

Прошло полчаса. В горах темнеет быстро, и площадка между ка-менных столбов погрузилась во тьму. Конхобар сидел, привалившись спиной к нагретой солнцем за день скале. Рядом с ним на окровавленной попоне лежал перевязанный Лабрайд Мунстерский. Кони, strenоженные в углу скальной площадки, фыркая, беседовали о своем.

— Ну, Лабрайд, надумал, что делать с верховной властью? — спросил Конхобар.

— Я не приму... — прохрипел тот.

— Это почему? Ради чего же тогда погибло столько народа? Ты ведь хотел...

— Ты достойнее... Я думал, ты... ты...

— Может, так и есть. Но, по правде говоря, мне плевать, что ты думаешь. Налоги нужны — от этого никуда не деться... Честно говоря, я не знаю, что с тобой делать. Час назад я хотел тебя прикончить. И сейчас, как вспомню Круах-ан-Глер, тоже хочу. Королем тебе больше не быть. Но сегодня достаточно горя. Столько воинов погибло, столько гайдельских воинов. И твоя дурацкая смерть их смертей не отменит. А вот Этне будет больно... Какой я был болван, когда поженил вас...

— Прости, Конхобар. Я...

— Заткнись. Тебе нельзя много болтать. Скоро нас найдут, и тебя отвезут к скалам Скорби. У меня в обозе есть лекари...

— Скалам Героев...

— Скалам Скорби! Это черный день королевства! И я же сказал — заткнись!

* * *

Говорят, перед битвой Конхобар велел своим воинам сложить ка-ирн — памятный знак, и каждый из воинов положил в него по одному обломку скалы. Лабрайд приказал сделать то же самое. Возвращаясь назад, воины забрали свои камни. Но погибло так много людей, что каирны не уменьшились и на половину. И остались камни...

ВОЛШЕБНАЯ МЕЛОДИЯ

На город опускалась ночь. В небе уже замерцали первые звезды, а пиршество в одном из прекрасных внутренних садов королевского дворца было еще в самом разгаре. Зажгли факелы, и в их свете лица пирующих казались еще более разгоряченными и неестественно оживленными. И лишь тот, кто восседал на высоком золоченом троне во главе длинного дубового стола, казалось, не принимал никакого участия в общем веселье.

Это был король Валузии Кулл, черты лица которого выдавали атланта, а могучий торс — закаленного в боях воина. Его серые, со стальным отливом глаза безучастно смотрели куда-то вдаль. Его золотой кубок с нектаром стоял перед ним, оставаясь нетронутым.

Коренастый смуглолицый пикт, сидевший по правую руку от короля, бросил на него встревоженный взгляд.

— Что с тобой, Кулл? — спросил он, наклонившись поближе к повелителю Валузии, чтобы их разговор никто не мог услышать. — Ты устал или, может быть, тебя что-то тревожит?

Кулл продолжал молча сидеть, по-прежнему глядя отсутствующим взглядом поверх голов собравшихся. Пикт осторожно огляделся, но, не заметив ничего необычного, вновь вопросительно взглянул на короля.

— Кто это сейчас пел так прекрасно и... божественно? — наконец произнес Кулл, как будто обращаясь к самому себе.

Пикт помедлил, прислушиваясь, затем нахмурился.

— Ты просто устал,— со вздохом сказал он,— По правде говоря, и я тоже. Сегодня был тяжелый день.

Но Кулл, казалось, не слышал его.

— Это пение мне что-то напоминает,— пробормотал он и наконец взглянул на пикта.— Скажи, Брул, где я мог слышать его раньше?

— Не знаю.— Брул залпом осушил свой кубок, и мило-видная девушка, прислуживавшая за столом, тотчас наполнила его вновь.— Я ничего не слышал, Кулл. Певцы и танцоры давно ушли, разве что кто-нибудь из перебравших гостей на том конце стола затянул какую-нибудь военную песню.— Нет,— покачал головой Кулл.— Так не мог спеть ни один певец. Так не мог спеть ни один смертный.

Он взял в руки свой кубок, и девушка с кувшином тотчас застыла, готовая вновь налить королю хмельного напитка. Но Кулл лишь сделал один глоток и, поставив кубок на стол, вновь взглянул на пикта.

— Ты прав, Брул. Сегодня был тяжелый день. Всем пора отдыхать.

* * *

Задув свечу, Кулл откинулся на подушки своей широкой кровати и закрыл глаза, но через некоторое время почувствовал, что, несмотря на усталость, сон к нему не идет. Он размышлял о событиях предшествующих дней — военном походе против туранцев, уже давно терроризирующих своими грабительскими набегами Малые Княжества.

Обескровленные и потерявшие значительную часть армии в изнурительных схватках со свирепыми язычниками, воевавшими в нарушение всех правил ведения войны, правители Малых Княжеств в отчаянии обратились к валузиjsкому царю с просьбой о помощи. Кулл немедленно согласился, едва скрывая радость варвара, предвкушающего бешеный головокружительный вихрь сражения — на-

стоящего дела, по которому он уже порядком соскучился. Поход был недолгим и успешным. По возвращении в столицу Валузии состоялся военный парад, завершившийся пиром, в нем участвовали и представители Малых Княжеств.

За окном раздавалось пение птиц и журчание воды в фонтанах. Кулл невольно вспомнил, как сегодня во время пира с ним произошло что-то странное. Осушив несколько кубков, он вдруг почувствовал странное оцепенение. Голоса присутствовавших слились для него в один низкий монотонный гул, в котором нельзя было различить ни слова; их лица, озаряемые отблесками факелов, превратились в одно неясно мерцающее световое пятно. Лихорадочно цепляясь за остатки сознания и стараясь не утратить чувства реальности, Кулл заставлял себя думать, что это всего лишь переутомление.

Правда, в одном из боев с туранцами он получил удар по голове, но на такой пустяк не стоило обращать внимания — бывали раны и похуже. Но вот гул стих, и вместо него раздался совсем другой звук, сначала едва слышимый, но постепенно все более громкий, превращающийся в необыкновенное по красоте пение.

Кулл в этот момент до такой степени был увлечен этой мелодией, что ему показалось, словно и он сам запел вместе с тем чистым хрустальным голосом. В этой песне не было слов, но Кулл понимал, о чем она, и для него больше ничего не светлое не существовало. Когда же мелодия стихла и он постепенно вернулся к реальности, то не смог вспомнить ни одной ноты. Осталось только ощущение чего-то необъяснимого и прекрасного.

Сейчас, размышляя об этом, Кулл прислушивался к звукам за окном втайной надежде еще раз услышать то самое пение, но ни в каких переливах птичьих голосов не смог уловить ничего похожего на ту волшебную мелодию.

* * *

На следующее утро Кулл поднялся позже обычного с ощущением тяжести во всем теле и будто налитой свинцом головой. Воспоминания об услышанной мелодии уже покинули его, и теперь король размышлял только о предстоящем дне, который сулил ему немало хлопот,— ведь за время его отсутствия в стране неизбежно накопилось великое множество неотложных государственных дел. Сидя на своем троне в Тронном зале, Кулл выслушивал одного за другим советников, придворных и посланников, делал распоряжения, отдавал приказы и обменивался любезностями. Когда подошел час перерыва, к Куллу приблизился Брул. Пикт с озабоченным видом глядел на короля Валуции.

— Кулл, не лучше ли тебе отложить все дела на завтра? У тебя не слишком здоровый вид...

— Валка! — с досадой оборвал его Кулл.— Что с того, что я вчера напился? Немного трещит голова, но из-за этого откладывать дела не будет даже простой сапожник, не то что король великой державы! Или ты забыл, кто я?

— Нет, Кулл,— спокойно отозвался пикт, и глаза его холодно блеснули.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, затем Брул повернулся и вышел из Зала Приемов. Оставшись один, Кулл задумчиво обвел глазами пустой зал, еще недавно наполненный множеством людей, у каждого из которых было какое-нибудь дело к королю — начиная от вопросов государственной важности и кончая назойливыми изъявлениями почтения. Кулл глубоко вздохнул, в который раз почувствовав, какое нелегкое бремя он на себя взвалил. Варвару, с детства привыкшему к суровой и полной лишений жизни, до сих пор по душе было спать на голой земле под рокот волн и крики диких зверей, мчаться во весь опор на взмыленном коне и отчаянно рубиться в яростной схватке, а не восседать на мягком роскошном троне в окружении льстивых придворных. Но что делать — он король, как только что напомнил об этом Брулу,

лучшему Другу, с которым не раз приходилось вместе быть на волосок от смерти.

«Зря я его обидел,— подумал Кулл, устало закрыв глаза.— А все потому, что я должен сидеть на этом троне, а не сражаться с врагами. Так где же теперь настоящий я — в боях и походах, когда мне приходилось не раз ощутить преданность Брула и цену нашей дружбы, или здесь, в этом дворце, где я могу отослать его прочь, как какого-нибудь надоевшего мне безмозглого советника?»

Его размышления прервал слуга, склонившийся перед Куллом в глубоком поклоне:

— Ваше величество, пикт Тору, доверенное лицо Ка-ну, испрашивает вашей аудиенции.

Кулл кивнул, и через несколько мгновений в зал вошел худощавый человек небольшого роста и вежливо, но с достоинством поклонился. Это был один из лучших шпионов Ка-ну, он часто бывал во дворце Кулла. Официально он занимал какую-то незначительную должность, но на самом деле неусыпно выполнял свою основную функцию — подслушивать и подглядывать везде, где только можно, дабы вовремя предупредить и пресечь какие-нибудь возможные козни против короля. Тору обладал удивительными способностями: двигаться абсолютно бесшумно, проходить через любые посты стражи, оставаясь незамеченным, находиться одновременно в нескольких местах и слышать даже сквозь толстые каменные стены. Кулл в глубине души немного побаивался этого молчаливого человека с непроницаемым лицом и немигающим взглядом, но все же проникся к нему доверием после того, как Тору несколько раз блестяще доказал свою преданность Ка-ну, пославшему его охранять владыку Валузии,— а значит, и преданность самому Куллу.

Тору дождался, когда слуги покинули Тронный зал, и только после этого заговорил:

— Ваше Величество, я только что видел человека, который под видом слуги шел с подносом по коридору, ве-

дущему в нижние помещения дворца. Я проследовал за ним и убедился, что он спустился в кладовую. Там он зажег свечу и принялся что-то искать. Оставив его, я поспешил сообщить вам об этом.

Кулл недоуменно взглянул на Тору.

— А почему это не мог быть настоящий слуга, выполняющий свои обычные обязанности? Мало ли что человек ищет в кладовых — после вчерашнего пиршества наверняка было попорчено достаточно утвари, вот и понадобилось что-нибудь заменить.

Но Тору невозмутимо покачал головой.

— Нет, Ваше Величество,— бесстрастным голосом произнес он, не мигая глядя на Кулла.— Это был не слуга. Я узнал его.

— И кто же он? — нетерпеливо воскликнул Кулл, поражаясь привычке Тору умолкать на самом интересном месте.

— Бифар, сын и наследник Керума, участвовавший вместе с вами в походе туранцев и приглашенный в числе прочих в столицу Валузии на праздник.

Кулл нахмурился и пожал плечами. Макания, одно из Малых Княжеств, выставила в поход самое малочисленное и плохо обученное войско, во главе которого стоял Бифар. За время похода он не проявил особой храбрости, но и трусом его тоже нельзя было назвать. Его отец Керум был куда более опытный воин, но, сославшись на болезнь, он остался дома, послав вместо себя сына.

Кулл решительно поднялся и направился к дверям Зала Приемов, Тору последовал за ним. Они прошли по главному коридору и свернули в боковой, ведущий к лестнице для слуг.— Не проходил ли сейчас здесь слуга с подносом? — спросил Кулл у стражника, стоявшего у самой лестницы.

— Да, Ваше Величество,— ответил тот, показав глазами направление, по которому прошел слуга.— Он спустился вниз по лестнице.

— И больше не поднимался?

— Нет, Ваше Величество.

Кулл выдернул факел из стенного держателя и начал быстро спускаться по лестнице. Внизу было темно.— Его здесь нет,— удивился король, осмотрев кладовую.— Наверное, вышел через другую дверь. Но что ему там понадобилось? Не припомню, чтобы в этой части дворца хранилось что-то ценное. Может быть, у него проснулся интерес к какой-нибудь рабыне? — Нет,— покачал головой Тору.— Он что-то искал именно здесь.

На всякий случай Кулл обошел еще несколько соседних помещений, а затем решил вернуться наверх, чтобы поискать Бифара там. Слуги сбились с ног, разыскивая по всем помещениям дворца затерявшегося гостя, но результатов эти поиски не дали.

Куллу пришлось провести еще несколько часов в Тронном зале, решая неотложные государственные дела, а затем, когда день подошел к концу, зал опустел, он вновь остался наедине с Брулом.

— Что ты думаешь обо всем это, Брул? — спросил король молча стоявшего у трона пикта.

— Мне уже со вчерашнего дня не нравится все, что здесь происходит,— ответил Брул.— Надо быть начеку.

— Гости собирались отбыть домой завтра на рассвете,— задумчиво произнес Кулл, постукивая пальцами по рукояти меча.— Если к этому времени Бифар не объявит-ся, будем бить тревогу.

— Я думаю, это надо сделать раньше, Кулл. Прямо сейчас.

— Подождем еще немного. Может быть, молодой повеса развлекается где-нибудь с рабынями. Мы же предоставили гостям полную свободу действий, чтобы они чувствовали себя как дома.

— Боюсь, что некоторые из них могли воспринять это слишком буквально,— проворчал пикт.— Мы ведь не знаем, как они привыкли вести себя дома.

— Они? — переспросил Кулл.— А что, кто-нибудь еще выкинул какой-то номер?

— Еще во время вчерашнего пира я заметил, как двое гостей постоянно шептались о чем-то в дальнем углу сада. А сегодня один из них целый день крутился во дворе, как будто что-то вынюхивал, другой же в одиночестве шнырял по дворцу, заглядывая во все уголки.

— Валка и Хотат! — рассвирепел Кулл.— Что все это значит? Если они замышляли что-нибудь против меня, то почему не осуществили свои намерения раньше — например, в суматохе вчерашнего праздника?

— А ты не помнишь, как вчера ты отключился на несколько минут, а, потом начал нести какой-то бред про божественное пение?

— Ну и что? — удивился Кулл.— Я просто переутомился. Да и как могли навести на меня какие-нибудь чары? А кстати, как зовут этих подозрительных типов?

— Дарфано и Мал ок-Син.

— Странно,— пожал плечами Кулл.— Что может быть между ними общего? Дарфано показал себя храбрым воином, хотя и не очень опытным из-за своей молодости. Мал ок-Син, как я заметил, все время держался в тылу — скорее всего, он просто трус. А этот Бифар... не знаю даже, что и сказать. Ни рыба, ни мясо. Хоть мне и кажется, что ты слишком подозрителен, Брул, но все же лишняя осторожность не помешает,— согласился Кулл и, вскочив на ноги, принялся нетерпеливо расхаживать возле трона.— Надо порасспросить Тору. Может быть, ему удалось узнать что-нибудь новое.

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что Бифар так и не появился. Никакие расспросы его оруженосца и двух солдат личной охраны ни к чему не привели — все трое утверждали, что не видели своего господина с утра вчерашнего дня.

А Дарфано и Мал ок-Син тем временем готовились к отъезду, отдавая обычные распоряжения своим слугам.

Тору невидимой тенью блуждал возле них, чутко прислушиваясь к любым разговорам, но на вопросительные взгляды Кулла, несколько раз выходившего во двор проводить гостей, лишь украдкой пожимал плечами.

Наконец к отъезду Дарфano и Мал ок-Сина все было готово, и последние воины Малых Княжеств — за исключением Бифара — торжественно покинули королевский дворец. Кулл переглянулся с Брулом и, повернувшись, молча вернулся в свои покои.

Весь следующий день события развивались своим чередом. Выслушав отчет Главного советника Ту о положении дел во дворце и в столице в связи со странным исчезновением Бифара, Кулл кивнул, удовлетворенный хотя бы тем, что пока не было замечено ничего подозрительного или опасного. На всякий случай решено было усилить патрули Алых Стражей и удвоить охрану нижних помещений дворца. В кладовой, где последний раз видели Бифара, разместили сторожевой пост из шести вооруженных до зубов солдат,— одним словом были приняты все меры для предотвращения любых неожиданностей.

Когда этот длинный и утомительный день подошел к концу, Кулл, наскоро поужинав, отправился в опочивальню с твердым намерением лечь спать пораньше. Свечу на всякий случай он пока гасить не стал и некоторое время лежал, прислушиваясь к звукам и шорохам надвигающейся ночи. Легкий успокаивающий ветерок доносил из окон, выходивших на великолепные внутренние сады царского дворца, тонкие пряные ароматы цветущих декоративных кустарников и цветов. Вдыхая всей грудью упоительную гамму этих ароматов и наслаждаясь долгожданной ночной прохладой, Кулл уже начал засыпать, как вдруг какое-то неясное ощущение вызвало у него чувство тревоги. Сначала он не мог ничего понять, но потом до его сознания дошло, что к знакомым запахам цветущего сада был подмешан еще какой-то, совершенно неизвестный. Осознание этого длилось лишь краткий миг, после чего все показа-

лось ему нереальным, и он вновь услышал мелодию, которая нашла мгновенный отклик в его душе. Всем существом своим Кулл следовал за ней, паря в пространстве и растворяясь в божественной музыке.

* * *

Утром Кулл с трудом смог открыть глаза. Голова гудела, а тело едва слушалось его. Ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы приподняться и сесть, прислонившись к спинке кровати. Едва он сделал это, как дверь распахнулась, и в комнату вошел Брул.

— А я уже начал волноваться,— сказал он, подойдя к кровати.— Ты никогда так долго не спал. Что-то случилось?

— Не знаю,— неуверенно произнес Кулл.— Наверное, видел дурные сны. Я не помню.

— И все? — Брул пытливо посмотрел на друга.— Может быть, опять кто-то пел?

— Может быть,— поморщился Кулл.— Я же говорю, что ничего не помню. Просто я долго не мог заснуть, и вот...

— Понятно,— Брул неотрывно смотрел атланту в глаза.— Кулл, если у тебя есть что сказать мне, скажи сейчас. Или ты уже не доверяешь мне?

— О чём ты? — устало махнул рукой Кулл.— Мне правда нечего сказать. Вернее, я не могу этого объяснить. Иногда я как будто слышу какую-то музыку... А может, мне это только кажется.

— И после этого ты становишься совсем больным — вот как сейчас?

— Я не болен... просто какая-то слабость,— вяло отозвался Кулл.— Сейчас встану, и все пройдет.

— Нет уж, полежи,— решительно возразил пикт.— Я велю женщинам сделать тебе укрепляющий настой из трав.

И с этими словами он круто развернулся и вышел из комнаты. Кулл молча смотрел ему вслед, не в силах сопротивляться настойчивости друга.

Через некоторое время в комнату вошла необыкновенной красоты девушка, неся поднос, на котором стоял кувшин с дымящимся отваром и широкая глиняная чашка. Она приветливо улыбнулась Куллу и поставила поднос на резной столик возле кровати.

— Приветствую вас, Ваше Величество,— нежным голосом произнесла она и склонилась в изящном поклоне.— Сейчас всю вашу хворь как рукой снимет.

— Кто ты? — Равнодушный к женщинам, Кулл все же невольно залюбовался ею.— Как тебя зовут?

— Крета, ваше величество,— с легким поклоном ответила девушка и налила из кувшина полную чашку отвара.— Я служу здесь, во дворце,— в основном, составляю отвары для заболевших, иногда прислуживаю за столом во время праздников.

— Но я тебя никогда не видел раньше! — недоуменно воскликнул Кулл.

Крета залилась тихим переливчатым смехом.

— Это потому, Ваше Величество, что я всегда стою у вас за спиной, прислуживая вам и тем, кто сидит рядом с вами. А еще потому, что вы, кажется, совсем не видите женщин.

Кулл смутился и потер лоб рукой.

— Из чего состоит этот отвар? — спросил он, чтобы переменить тему.

— Он довольно прост — это всего лишь вербена с медом, но при правильном сочетании может через какое-то время поднять на ноги даже тяжелобольного.— Улыбаясь, Крета подала ему чашку с отваром.— А вы не так уж тяжело больны, Ваше Величество, так что выздоровеете немедленно.

Кулл недоверчиво поднес чашку к губам и сделал маленький глоток, ощущив через мгновение легкую волну

тепла, пробежавшую по его телу. Теперь уже, не колеблясь, он допил весь отвар до капли и почувствовал, как весь наливается силой. Поставив чашку на столик, он с удивлением и благодарностью взглянул на служанку.

— Да ты просто волшебница, Крета,— восхищенно произнес он и, выпрямившись, сел на кровати.— Где ж ты была все это время?

— О нет, Ваше Величество, я совсем не волшебница, просто немного разбираюсь в травах. Я считаю, это должны уметь все женщины. Дело мужчин — воевать, а дело женщин — исцелять их раны, полученные в боях.

Не в силах скрыть своего восхищения ее словами, Кулл только покачал головой.

— А теперь позвольте мне удалиться, Ваше Величество. Теперь я здесь больше не нужна.— Поклонившись, Крета взяла поднос и грациозной походкой направилась к двери.

Кулл соскочил с кровати и зашагал по комнате, наслаждаясь необыкновенной легкостью движений, затем торопливо оделся и вышел в коридор.

День начался как обычно — череда лиц, вереница вопросов государственной важности, обмен любезностями и многое другое, что к вечеру всегда утомляло Кулла. Но сегодня, как ни странно, он не чувствовал ни малейшей усталости и к полудню уже успел сделать столько дел, сколько раньше не успевал сделать до вечера.

Когда посетители, придворные и аристократы один за другим разошлись, к Куллу приблизился советник Ту. Он явно был чего-то обеспокоен.

— Ваше Величество,— тихо произнес он, оглядываясь.— У меня не очень хорошая новость. Исчез ваш золотой кубок.

— Что? — не понял Кулл, во все глаза глядя на советника.

— Ваш золотой кубок необыкновенной ценности и красоты, инкрустированный драгоценными камнями...

— Я помню, какой он из себя,— перебил его Кулл.— Что с ним случилось?

— По-видимому, его похитили,— развел руками Ту.— Мне доложили об этом только сейчас, но когда именно это случилось, я пока не знаю.

— Но ведь зал, где он находился, охраняется так, что туда и мышь не проскочит,— нахмурился Кулл и нетерпеливо встал с трона.— Валка, что здесь происходит? Сначала исчезает один из моих гостей, устроив перед этим какой-то нелепый маскарад, затем исчезает мой самый любимый кубок, которым я по-настоящему дорожил. Что будет дальше? Исчезну я сам?

— Успокойтесь, мой господин, мы непременно все выясним. Может быть, это просто недоразумение...

— Хватит с меня этих недоразумений! — в ярости воскликнул Кулл, вспомнив еще об одном — загадочной мелодии, которая уже дважды слышалась ему, зачаровывая неземным звучанием.— Выясните все, что можете, прощешите все углы, а я сам займусь своим расследованием. Если Бифар прячется здесь в какой-нибудь потайной комнате, а по ночам рыскает по дворцу и ворует все, что ему приглянулось, то я найду способ его изловить и взгрею. Он пожалеет, что на свет родился! А если он замышляет что-нибудь похуже, то я просто разорву его на куски голыми руками!

— Кулл,— остановил короля Брул Копьебой.— Ты забыл еще о тех двух волках, которые сразу показались мне подозрительными. Зря мы отпустили их с миром. Надо было попридержать их здесь да и вытрясти из них всю душу!

— Вот! — Кулл резко повернулся к пикту.— Ты этим и займись. Бери Алых Стражей и скачи во весь опор в их княжества. Дальше поступай по обстоятельствам — или разберись с ними на месте, или тащи их сюда.

Брул с сомнением взглянул на разъяренного короля.

— А если тебе понадобится моя помощь здесь, Кулл? — осторожно спросил он, зная, что Кулл поймет его намек.

— Если ты беспокоишься о том, о чем я тебе рассказываю, — понизив голос, произнес он, — то напрасно. Все будет в порядке.

Он вспомнил о Крете, ощущив, как на душе его вдруг потеплело. Если неведомые враги опять попытаются наслать на него наваждение в виде сводящей с ума мелодии, то Крета вылечит его. А если он поделится с ней своей тайной, то она, может быть, даже найдет способ поставить надежный заслон их поискам.

— Поезжай, Брул, — уже спокойным голосом произнес он. — Медлить нельзя.

— Хорошо, — коротко ответил пикт и направился к выходу. В дверях он обернулся и еще раз взглянул на Кулла.

Их взгляды встретились.

Они мысленно пожелали друг другу удачи.

* * *

Луна заливала серебряным светом внутренние сады, вид на которые открывался из окон опочивальни Кулла. Все было как обычно — легкий ветерок, шелестение листьев, пение птиц — умиротворяющая картина безмятежного покоя, нарушенная лишь тем небольшим штрихом, что сам король не лежал, раскинувшись на своей широкой мягкой кровати, а стоял у стены, сжимая рукоять меча и взглядавший в panoramu садов.

Легкий стук в дверь заставил его вздрогнуть, но только потому, что он позволил себе немного задуматься и забыть, что ждет гостя. Беззвучным кошачьим шагом Кулл пересек комнату и остановился у двери, острием кинжала открыв засов. Дверь приоткрылась, и в образовавшейся полоске света Кулл разглядел знакомый профиль Тору.

— Идемте,— шепнул доверенный слуга Куллу и, дождавшись, когда король выйдет из опочивальни, двинулся направо по коридору.

Спустившись по лестнице и миновав знакомую кладовую с постоянно бодрствующим караулом, они прошли через несколько коридорчиков и комнатушек неизвестного предназначения, пока Тору не замер у глухой стены, бросив на короля испытующий взгляд.

— Придется лечь на пол,— прошептал он.

— Ложись,— разрешил Кулл.

Тору пожал плечами и в одно мгновение уже оказался распластанным на каменной стене, он замер и закрыл глаза. Кулл немного подождал, но картина не менялась. Догадавшись наконец, что ему тоже предлагали отдохнуть в такой же позе, король, гремя доспехами, улегся на пол, слегка упираясь шлемом в мягкие сандалии Тору. «Однако»,— подумал он.

Впрочем, не успел он даже подумать, как за стеной раздался слабый звук. Кулл напряг слух, но не смог ничего разобрать, очевидно из-за шлема, который так и не догадался вовремя снять. Стянув его, наконец, он прижался ухом к стене и отчетливо услышал стон, явно человеческий, который звучал приблизительно так: «А-о!» Затем все стихло, и Кулл поднялся на ноги. Через некоторое время и Тору оторвался от стены. Они переглянулись. Бифар!

— Валка! Но что ему там понадобилось? — воскликнул Кулл, но Тору тут же приложил палец к губам, призывая молчать.

— Пока мы это не выяснили, Ваше Величество, лучше, чтобы никто не знал, что мы его обнаружили,— шепотом произнес пикт.— В том числе и он сам.

— Но, похоже, что ему там не очень нравится,— тоже перешел на шепот Кулл.— Он ведь стонал. Может быть, ему нужна помощь!

Тору с сомнением покачал головой.

— Он произносил какие-то странные звуки: «А-о!» Это был не просто стон. Ведь не зря же он залез туда!

— Заклинание? — повторил Кулл, и ему стало немного не по себе.— Он что там, колдует?

— Мне ничего не известно об этом потайном помещении,— вместо ответа сказал Тору.— Странно, я думал, что знаю каждый уголок во дворце.

Кулл удивленно взглянул на шпиона Ка-ну, который, появившись сравнительно недавно во дворце, уже так досконально изучил его.

— Этот дворец — слишком древний и наверняка хранит немало тайн, которые не под силу изучить одному человеку за всю свою земную жизнью,— сказал он, задумчиво коснувшись рукой каменной стены. — Вопрос в том, откуда Бифару могло быть известно о каких-то тайных комнатах дворца и что он пытался там найти?

— Или кого,— добавил Тору.

Кулл удивленно вскинул бровь.

— Может быть, он там не один,— пояснил пикт.— Что, если он шел туда на встречу с сообщниками, которые уже давно там прячутся? Может быть, там окопались черные маги или змеевиды...

— Но Бифар-то уж никак не похож на черного мага,— раздраженно перебил его Кулл, невольно повысив голос. Вся эта болтовня уже стала ему надоедать. Он привык действовать, поэтому решительно повернулся и пошел назад по коридору.— Надо начать поиски с той самой кладовой, где ты последний раз его видел,— бросил он через плечо Тору, неслышно двигавшемуся следом.— Ты говоришь, он там что-то искал. Поищем и мы!

* * *

С раннего утра в кладовой кипела работа. Прощупывался и простукивался каждый кусочек стен, пола и даже потолка, тщательно перетряхивалось содержимое шкафов,

сундуков и корзин,— но к полудню уже стало ясно, что эти поиски тщетны.

Кулл стоял у стены, скрестив руки на груди и мрачно наблюдая за происходящим. Ему уже было ясно, что здесь они ничего не найдут, но он пока не решил, что следует предпринять дальше.

— Ваше Величество! — Тору вырос перед королем как из-под земли.— Может быть, попробовать сломать стену в том месте, где мы слышали голос?

Кулл рассеянно кивнул, продолжая думать о своем. Есть ли какая-нибудь связь между заклинаниями в потайном убежище и той мелодией, которая сводит его с ума? Что за тип этот Бифар, и как он нашел вход в ютайное убежище во дворце, где раньше никогда не бывал? Вход, о котором, очевидно, знают очень немногие, может быть, даже кто-то один. Но кто?

Сомнений не было — Бифару кто-то подсказал, как найти вход. Кто-то надоумил его переодеться в костюм слуги, чтобы пройти мимо стражи, не вызывая подозрений. Значит, во дворце уже давно зреет заговор! Но что за силы стоят во главе него, и зачем им понадобился этот недотепа Бифар?

Кулл вспомнил неловкого простодушного увальня и пожал плечами. Скорее всего, они хотят его как-то использовать, хотя, возможно, Бифар всего лишь притворялся простодушным, а на самом деле вынашивал тайные замыслы.

Решив отдохнуть и подумать в одиночестве, Кулл поднялся наверх и велел принести обед к нему в покой. Вошел слуга с большим серебряным подносом с яствами. Он поставил еду на изящный инкрустированный столик рядом с креслом Кулла. Поклонившись, слуга повернулся, собираясь уйти, но Кулл вдруг резко остановил его.

— Подожди! Где все это приготовлено? — спросил он, охваченный внезапным подозрением.

— На кухне, Ваше Величество, как всегда,— с легким недоумением ответил слуга.

Кулл никогда не позволял себе заставлять слуг пробовать пищу, которую они ему подавали. Вот и сейчас, немного поколебавшись, он кивнул, разрешая слуге удалиться. «В конце концов, если бы они хотели меня отравить, то давно бы уже сделали это,— подумал он.— Им незачем было бы вызывать для этого Бифара и воровать мой кубок».

Но есть королю все равно почему-то расхотелось.

* * *

Кулл проснулся от стука в дверь. Резко вскочив на ноги, он огляделся и увидел, что в комнате ничего не изменилось. Крикнув, чтобы вошли, он вновь сел в свое мягкое удобное кресло, в котором заснул.

В дверях появился советник Ту.

— Мой господин,— сказал он, пройдя на середину комнаты.— Мне бы хотелось поговорить с вами наедине.

Кулл жестом указал ему на соседнее кресло.

Ту откашлялся, затем взглянул в глаза королю.

— Мой господин, поиски кубка пока ничего не дали, но, когда я сегодня осматривал залы, то обнаружил одну странную вещь...

— Что именно? — равнодушно спросил Кулл, уже готовый ко всяkim неожиданностям. Побольше бы этих странных вещей, тогда скорее можно было бы найти путь к разгадке той головоломки, которую судьба подбросила ему на этот раз. Для решения загадки явно недостает еще нескольких звеньев!

— На том месте, где стоял кубок, я обнаружил вот это,— несколько смущенно проговорил Ту и извлек из-за пазухи покореженную медную кружку вроде той, в которую нищие обычно собирают милостыню на городской площади.

Кулл недоуменно уставился на нее. Ничего себе недостающее звено! Теперь он еще больше запутался.

— Но это еще не все,— продолжал Ту,— Тору просил меня передать вам, что видел Бифара.

— Где? — крикнул Кулл, вскочив на ноги.— С этого надо было и начинать!

— Тору сейчас следит за ним и просил ему не мешать. Он сказал, что на этот раз его не упустит.

— Хорошо,— неохотно сказал Кулл.— Но все же где это было? Надо хотя бы...

Он не договорил, внезапно почувствовав, как земля упливает у него из-под ног. Тяжело рухнув в кресло, король вздохнул. Лицо советника расплылось в блеклое неясное пятно, слившись со стеной, которая медленно шевелилась, надвигаясь на Кулла...

И зазвучала прекрасная мелодия.

Кулл парил в пространстве, переливаясь на солнце, как прозрачный ручей, тело его то превращалось в спираль, то образовывало собой ровную гладь моря. Он мог все, он был властелином, ему было весело и радостно. Он уже не пел вместе с божественным голосом, он сам стал песней, летевшей ввысь, он обнимал собой всю землю. Он испытывал безграничное счастье.

* * *

— Сейчас все будет хорошо, все пройдет.— Голос Креты донеся до Кулла сначала как будто из небытия.

Он не смог даже открыть глаз. Мысли ворочались с трудом, тело было как будто чужим.

«Что?.. Как?..— сначала только эти слова родились в его сознании, но затем пришли другие. — Ну и пусть».

Кулл почувствовал, как чьи-то мягкие, но увереные руки начали растирать его тело, постепенно возвращавшееся к жизни. Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним девушку, втиравшую в его грудь какие-то ароматные мази. Она ласково и ободряюще улыбнулась ему, и он

вдруг сразу ощутил какую-то уверенность и душевный покой.

— Ну вот, уже почти все в порядке,— проворковала она, закончив растирания.— Теперь мы выпьем целебный отвар и почувствуем себя заново родившимся.

Она говорила с ним, как с маленьким ребенком, и Кулл невольно улыбнулся. Он уже окончательно пришел в себя, но когда выпил чашку отвара, то почувствовал такой приток сил, что и впрямь как будто заново родился.

— Спасибо тебе, моя спасительница,— прошептал он так, чтобы никто больше этого не слышал.

Крета лишь улыбнулась в ответ, затем взяла в руки поднос и, слегка кивнув головой, повернулась и направилась к двери. Кулл с улыбкой посмотрел ей вслед, затем легко встал на ноги и посмотрел на столпившихся вокруг него советников.

— Ну что у вас за кислые лица? — весело спросил он и, не выдержав, расхохотался. Его так и подмывало сказать: «Ну и рожи у вас!», но он сдержался, вспомнив, что у короля есть не только права, но и обязанности, а именно — соблюдать этикет.

— Мой господин, я так испугался, когда вы внезапно потеряли сознание,— растерянно пробормотал Ту.

— Я? Сознание? — Кулла просто душил смех,— Вот уже чего никогда со мной не бывает! Мне просто надоело стоять на ногах, вот и все! А что, нельзя?

Советники переглянулись. Ту вновь взял на себя смелость заговорить:

— Мой господин, я понимаю, такие напряженные события...

— Какие такие события? Это, что ли? — Кулл схватил со столика корявую медную кружку и ткнул ее чуть ли не в нос Ту.— Ничего себе события! Да какая разница, из чего пить!

Советники снова переглянулись.

— Вам, наверно, сейчас лучше всего отдохнуть,— вновь осмелился заговорить Ту, незаметно при этом отступая к дверям.— А мы позаботимся о том...

— Вы уже и так позаботились! — загрохотал Кулл.— Пошли вон! Чтоб я вас больше не видел!

Советники, толпясь и толкая друг друга локтями, торопливо вытекли в дверь. Кулл с довольным видом уселся в кресло, но тут дверь вновь приоткрылась, и в щели показалось озабоченное лицо Ту.

— Я не успел вам сказать, мой господин,— торопливо проговорил он.— Произошли еще кое-какие события.

— Например? — ехидно прищурился Кулл.— Увели моего любимого коня и вместо него в стойло поставили старого козла?

— Нет, мой господин...

— Козу?

— Нет, мой господин,— терпеливо гнул свое Ту.— Кое-что посеръезнее.

— Как вы мне все надоели,— Кулл положил ногу на ногу и скрестил руки на груди.— Ну что там еще?

— Тору...

— И что?

— Вам лучше посмотреть... если можете.

Кулл нахмурился, но встал и подошел к двери.

— Веди.

Они прошли по нескольким коридорам, спустились вниз и, поплутав еще немного, подошли к тому месту, где прошлой ночью они с Тору, припав ухом к стене, прислушивались к заклинаниям Бифара.

Как раз там, где вчера лежал Тору, теперь аккуратной кучкой лежала его одежда, поверх которой возвышались его мягкие кожаные сандалии. «Как будто купаться пошел,— подумал Кулл.— Правда, место выбрал неподходящее. И время».

— И давно это? — вслух спросил он.

— Что? — не понял Ту.

— Ну, давно это здесь лежит? — нетерпеливо повторил Кулл, слегка поддев ногой кучку, как будто под ней мог оказаться скрючившийся пикт.

— Последний раз его видели в полдень, мой господин,— виновато ответил Ту.— А это... его одежду обнаружили совсем недавно.

— А ты не хотел бы искупаться? — спросил Кулл.

— Я... не совсем вас понял, мой господин...

— Да ладно, не обращай внимания,— прошептал Кулл. Он прислонился к стене, весь покрывшийся испариной.— Ту, не оставляй меня, со мной что-то происходит.

— Да, мой господин,— со страхом и одновременно с облегчением произнес Ту.— Я и сам чувствовал, что с вами что-то неладно. Пойдемте наверх.

Кулл покорно позволил вести себя по лабиринту коридоров, пытаясь держать себя в руках.

Они поднялись наверх; Ту повел было короля в сторону его покоев, но Кулл внезапно дернулся и решительно направился к дверям Тронного зала.

— Меня там ждут! — воскликнул он, распахивая двери зала.

В Зале никого не было. На возвышении стоял трон, покрытый накидкой из горностая. Кулл медленно, оглядываясь на Ту, двинулся к нему.

На троне что-то лежало. Какая-то бесформенная куча, вызвавшая суеверный страх даже у такого видавшего виды царедворца, как Ту. Они приблизились к трону и переглянулись. Кулл протянул руку и взял то, что там лежало.

Сначала он ничего не понял. Потом, повернувшись к окну, из которого еще сочился сумеречный свет, он поднял то, что держал в руках, и понял, что это лохмотья нищего.

— А вот теперь, кажется, я начинаю понимать,— задумчиво пробормотал он.

— Мой господин, кто-то нарочно подкладывает вам атрибуты нищенской жизни,— прошептал Ту.— Похоже, вас хотят оскорбить.

— Нет, Ту,— покачал головой Кулл.— Они хотят свести меня с ума. Много было заговоров в этом дворце — сюда лезли и змеи, и призраки, я сражался со всеми врагами на свете — и они поняли, что меня просто так не одолеть. Я могу выйти с мечом против целого войска, я могу даже погибнуть — но это не означает, что они победят. На этот раз они задумали более коварный план — когда я сойду с ума, они выставят меня на посмешище, так чтобы весь народ Валузии понял, что Кулл всего лишь жалкий варвар, мечтавший о королевстве, как о запретном плоде, и получивший за это сполна.

— Ваше Величество, народ Валузии за время вашего правления достиг процветания, которого никогда не было при прежних тираниях. Когда Борн...

— Не о том ты говоришь, Ту,— с горечью произнес Кулл.— Меня пытаются свести с ума, разве ты не понял? Я сделаю все возможное, чтобы этого не произошло, но мне нужна помощь. Я не попросил бы твоей помощи, если сейчас бы передо мной встали десять или двадцать вооруженных до зубов врагов. Но сейчас нужна твоя помощь, потому что я не знаю, с кем имею дело, в этом непонятном для меня сражении я могу проиграть. Ты понимаешь меня, Ту?

Ту долго медлил с ответом, глядя в глаза Куллу.

— Мне тоже не приходилось сталкиваться с подобными вещами, мой господин,— признался он.— Но теперь мне многое стало ясно. И я обещаю вам...— Он замолчал, не находя нужных слов.

— Ладно.— Кулл положил руку ему на плечо.— Я верю, что ты будешь рядом, когда понадобится. А теперь я пойду к себе. Мне надо подумать.

Луна еще не взошла, но Кулл уже лег в кровать, размышляя о событиях последних дней. Он пытался связать воедино цепь событий, но все равно чувствовал, что не хватает главного, связующего звена. На мгновение его охватил самый настоящий страх — он впервые почувствовал, что с этими неведомыми силами ему придется сразиться в одиночку. Никто по-настоящему не сможет помочь ему, ведь враги не покушаются на его тело — ни один из его верных приближенных не сможет броситься наперевес летящему копью или занесенному мечу. Нет ни копья, ни меча, есть только загадки, сводящие его с ума. И как бы он ни выстраивал их в ряд, все равно чего-то не хватает.

Он понял, что ему хочется вновь услышать мелодию, которая поднимала его с поверхности земли и уносила в неведомую даль. Кулл боялся признаться себе, что всем своим существом стремится испытать еще раз то божественное ощущение, позволявшее ему до такой степени расширить границы своего «я», отречься от своей личности, возвыситься до слияния со всем сущим на земле и на небе, что все другие желания рядом с этим казались мелкими и ничтожными. Это была его тайна, великая тайна, поделиться которой он не мог ни с кем. Даже если бы захотел.

Кулл понимал, что мелодия вот-вот зазвучит, он ждал ее, но она пришла так незаметно, что сначала он пытался соединить ее первые ноты со своим земным существованием — тщетная надежда обрести гармонию на земле, где божественный дух будет в вечном противоборстве с земной плотью.

Потом он, конечно, оставил все попытки цепляться за иллюзии, условности и улетел... улетел... улетел...

* * *

— Куда он пошел? — допытывался Ту у стражника, охранявшего Главные ворота.— Направо или налево?

— Прямо,— отвечал стражник, бесстрастно глядя на Ту.

Плюнув, Ту вернулся во дворец и, посовещавшись с другими советниками, решил незамедлительно начать поиски.

С утра выяснилось, что король Валузии Кулл пропал. Его не было ни во дворце, ни в садах, ни в конюшнях, ни в оружейных — нигде! Алые Стражи, охранявшие вход во дворец, сказали, что ровно в пол-ночь король вышел за ворота в полном боевом облачении и молча, не произнося ни слова, исчез в лабиринте улиц.

— Почему же вы... — крикнул было Ту, но, встретив суровый взгляд начальника караула Алых Стражей, осекся и замолчал.

Решено было снарядить несколько отрядов, в задачу которых входило прочесать весь город и найти короля Кулла. Живым или мертвым.

Когда за последним из отрядов захлопнулись ворота, Ту взглянул на столпившихся на крыльце советников и неожиданно командным голосом произнес:

— Соблюдать полное спокойствие. Король Кулл сейчас вернется. Расходитесь, — и для пущей убедительности добавил: — Марш.

* * *

Кулл открыл глаза и с удивлением осмотрелся. Место было ему абсолютно незнакомым. Небольшая комнатушка с низким закоптелым потолком, узкая прорезь в стене, служившая окном, и тяжелый густой запах множества дымокурений, исходивший из алькова, в котором маячила коленопреклоненная фигура.

— Где я? — едва разлепив губы, спросил Кулл.

— Дома,— ответил сгорбленный незнакомец.

Кулл хотел было еще что-то спросить, но внезапно почувствовал такой упадок сил, что снова впал в забытье.

Первое, что он увидел, когда вновь очнулся,— это склонившееся над ним лицо женщины средних лет. Он всматривался в него, и хотя чувствовал, что лицо ему знакомо, не мог ничего вспомнить.

— Кто ты? — прошептал он.

— Ланда,— ответила женщина и поднесла к его губам медную кружку с какой-то жидкостью.— Выпей, тебе полегчает.

Он покорно выпил и вновь бессильно откинулся на тюфяк, почувствовав через несколько мгновений, что ему действительно полегчало.

— Как я здесь оказался?

— Как всегда,— ровным голосом произнесла она.— Напился, подрался, получил по голове и отлючился.

— Кто... я? — спросил Кулл, приподнявшись на локтях.

— А кто же еще? — усмехнулась женщина.— Кто у нас первый пьяница и дебошир во всей округе?

— Ничего не понимаю,— пробормотал Кулл и вновь откинулся на тюфяк.— Насколько я помню, я правитель Валузии.

Женщина откинула голову назад и зашлась в беззвучном смехе.

— Точно! — наконец выговорила она.— Король Кулл и есть. Вылитый. Зря, что ли, тебе прозвище такое дали на городской площади?

— Какое прозвище? Объясни мне, что происходит! — простонал Кулл, во все глаза глядя на женщину.

— Сейчас поймешь. Подкрепись сначала, а то совсем слаб стал.— И она протянула Куллу еще одну кружку с отваром.

Он жадно выпил ее, стремясь поскорее окрепнуть и встать на ноги, но вместо этого внезапно почувствовал головокружение и провалился в пустоту, похожую на бездну.

Брул подстегивал коня, летя во главе небольшого отряда, состоявшего из нескольких десятков воинов. Чуть позади него ехали Дарфано и Мал ок-Син, каждый в сопровождении двух воинов личной охраны. Вот уже вдали показались знакомые очертания городской стены столицы Валузии, и Брул, сгорая от нетерпения, еще пришпорил коня.

Они добрались до дворца, когда солнце уже клонилось к закату. Спешившись и торопливо умывшись, Брул поднялся по ступеням и нос к носу столкнулся с советником Ту.

— Король пропал, Брул,— без лишних слов сказал советник.— Дело плохо. Мы с утра прочесываем весь город, но...

Брул лишь мельком взглянул на старика и, не говоря ни слова, развернулся и пошел обратно. Взяв лошадь из конюшни, он вскочил на нее и полетел к воротам, которые стремительно распахнулись перед ним.

* * *

— А как меня зовут?

— Офан. Ты попрошайка, но страдаешь манией величия.

— А где я живу?

— Где придется. Иногда ты ночуешь у меня — я подбираю тебя, когда ты валяешься рядом с моим домом, весь в крови — значит, опять тебя побили торговцы за какую-нибудь кражу на рынке.

— У тебя доброе сердце.

— Тебе пора идти, иначе твое место кто-нибудь займет.

— Какое место?

— На главной площади, ты всегда сидишь там слева от храма и просишь милостыню. Вот твоя одежда, я привела ее в порядок.

Зорким взглядом Брул окидывал каждого встречного, вглядывался в прорези окон, заворачивал в тупики.

Он никого не спрашивал, словно онемел, но глаза его горели таким жарким пламенем, что могли испепелить всякого, кто был причастен к тайне исчезновения Кулла.

Прочесав все трущобы, он вновь вывернулся на главную площадь, и вдруг его прошиб пот так, что даже конь под ним дернулся и захрапел. Прямо перед ним в лохмотьях нищего сидел король Кулл и монотонно бубнил:

— Подайте бедному калеке на пропитание. Люди добрые, помогите.

У ног короля стояла покореженная медная кружка, в которой уже болталось несколько мелких монет. Брул подъехал поближе и бросил в кружку золотую монету. Нищий вскинул глаза, и у Брула больше не оставалось никаких сомнений — такие серые со стальным отливом глаза могли принадлежать только его другу, валузийскому правителью, Куллу.

Брул соскочил с коня и подошел к нищему.

— Кулл,— тихо позвал он его.

Оборванец не шевельнулся, уставившись на ноги пикта, обутые в сандалии.

— Господи,— наконец проговорил нищий до боли знакомым голосом.— Вы загораживаете солнце. И клиентов.

— Ну хватит! — крикнул Брул.— Поехали, разберемся во дворце!

Он оглянулся и с облегчением вздохнул, увидев двух Алых Стражей.

— Ребята, берите его и везите во дворец. И пока помалкивайте,— добавил он, хотя и знал, что это излишне. Алые Стражи молча подхватили Кулла и сделали все как надо.

* * *

— За что? — Этот крик настолько достал Брула, что ему хотелось заткнуть уши.— Что я сделал? Ну и что, что я похож на Кулла! Меня так дразнят на площади, но я же

не претендую на его трон! Куда вы меня тащите? В тюрьму? На виселицу? За что?

— Что произошло минувшей ночью, перед тем как король покинул дворец? — спросил Брул, заложив руки за спину, в то время как Ту, к которому он обращался, суетился вокруг Кулла, пытаясь поглаживанием и постукиванием по щекам привести его в чувство.

— Сразу всего и не расскажешь,— промямлил Ту, взглянув на грозного пикта.— Какие-то странные события, которые я не могу объяснить, но это было никак не связано... Одним словом, исчезновение короля стало для всех полной неожиданностью.

— Понятно,— процедил сквозь зубы Брул.— Где колдун, которого я сразу же велел вызвать?

— Он здесь,— откликнулся один из советников.— Уже составляет какие-то снадобья.

— Уйдите все,— внезапно потребовал Брул.— Здесь остаются только король, колдун и я. Колдун, иди сюда, мне надо потолковать с тобой!

К Брулу подошел щуплый старик с белой, почти до колен, бородой и, не дожидаясь вопросов, заговорил первым:

— Это очень редкий случай. Королю подсунули букет трав, вызывающий у него чувство потери реальности. Это может привести...

— Короче,— перебил его Брул.— Короля надо привести в чувство. Понял?

— Мне очень жаль.— Колдун не мигая смотрел на Брула,— Тут я бессилен. Эти травы растут очень далеко, и способ их сочетания и приготовления известен очень немногим. К сожалению, я не вхожу в число этих избранных.

Скрипнув зубами, Брул кинул взгляд на дверь и увидел там замешкавшегося Ту.

— Иди сюда,— поманил он его пальцем.— Подумай, кто мог отравить короля. Кто имел доступ к его еде, питью? К его телу?

— К телу? — вдруг с готовностью откликнулся советник Ту.— Тут есть одна девушка, она поила его какими-то отварами и растирала мазями.

— Сюда,— хмуро кивнул Брул и подошел к королю, который, дико озираясь, нервно расхаживал по комнате.

— Кулл,— сказал пикт, положив руку на плечо правителя Валузии.

Кулл сбросил ее, недоуменно уставившись на Брула.

— Сажайте меня в тюрьму, режьте меня на куски, вам все равно не достать моей души, как не достать солнца,— свистящим шепотом произнес он.

Услышав звук открываемой двери, пикт резко повернулся, не успев ответить Куллу.

В сопровождении Ту и двух служителей в комнату вошла красивая девушка.

— Ты кто? — отрывисто спросил Брул.

— Крета. Я готовлю целебные травы для заболевших. Мне приходилось дважды помогать королю во время недомоганий.

— Сейчас можешь что-нибудь сделать?

Крета пристально взглянула на правителя и покачала головой.

— Я лечу только простые недомогания, а тут я ничем не могу помочь.

Кулл смотрел на девушку, как будто силясь что-то припомнить, но так и не смог. Внезапно он рванулся к двери, но Брул загородил ему дорогу, схватив за руки. Кулл легко отшвырнул пикта, но двое Алых Стражей навалились на него и скрутили руки его за спиной.

— Вяжите,— кивнул Брул в ответ на вопросительный взгляд одного из них.

Связав, Кулла усадили в кресло.

В этот момент за дверью раздался какой-то шум. Оборачиваясь на звук, Брул вдруг случайно перехватил взгляд Креты, устремленный на короля.

В нем отчетливо сквозила тень злорадства.

* * *

Двоих Алых Стражей волокли по коридору Ланду, отчаянно упиравшуюся и кусавшую их за руки. На нее навела старуха нищенка, видевшая, как ночью кто-то очень похожий на короля Кулла вошел в ее дом, а утром вышел оттуда в лохмотьях нищего. Дом Ланды перерыли, обнаружив там царскую одежду и доспехи, а кроме того — целый склад всевозможных трав, снадобий и амулетов. Саму колдунью поймали в районе Восточных ворот и немедленно доставили во дворец.

Представ перед суровым взглядом Брула, она гордо выпрямилась и расхохоталась.

— Это и есть ваш король Кулл? — крикнула она, указывая на привязанного к креслу атланта.— Хорош, нечего сказать! Неужели народ Валузии достоин такого правителя?

— Я отвечу на твой вопрос, старая ведьма,— сквозь зубы процедил Брул.— Но сначала ты ответишь на мой. Кем тебе приходится Крета?

Ланда вздрогнула и только сейчас заметила стоявшую поодаль Крету, за спиной которой возвышались двое Алых Стражей.

— Не знаю, о ком ты говоришь,— тем не менее с вызовом ответила она.

— Может быть, освежить тебе память? — спросил Брул и, подойдя к Крете, достал кинжал.

— Стой,— выдохнула она, впившись в него горящими глазами.— Не надо. Она моя дочь.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился голый, прикрытый лишь одним листком, отдаленно напоминавшим фиговый, человек небольшого роста с безумно горящими глазами.

«Ну и ну,— читалось в его взоре.— Кажется, теперь я начинаю понимать».

Это был Тору, великолепный шпион Ка-ну, и на этот раз не уронивший своего достоинства, выбравшись из жутких подземелий древнего дворца.

* * *

— Ну что, все в сборе? — спросил Брул, грозно окинув взглядом толпу.

Пришедшие люди наполнили комнату, где еще совсем недавно были только он, Кулл и Ту.

Вперед вышел Мал ок-Син, вытащив из-за пазухи золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями.

— Простите,— виновато сказал он, с трудом пряча лукавую улыбку.— Мне он, собственно, был не нужен, но я побился об заклад с Дарфано, что моя ручная летучая мышь стащит его. В общем-то я собирался его вернуть... со временем.

— А я хотел переманить к себе оружейника,— честно признался Дарфано, тоже сделав шаг вперед.— Я очень хочу преуспеть в воинском искусстве, поэтому обошел все конюшни и мастерские Кулла, чтобы кое-чему научиться.

— Теперь скажу я,— подал голос тщательно прикрывавшийся неведомым растением Тору.— Когда я шел за человеком в одежде Бифара, меня неожиданно вдавили в стену, и я оказался в мрачном застенке. Кто знает, сколько я провел бы там времени, если бы не моя природная сообразительность — голыми руками я прорыл под землей подземный ход и выбрался наружу.

— Кто бы мог подумать,— рассеянно сказал Брул, все это время не спускавший глаз с Креты.— Сейчас еще заявится Бифар и тоже повеселит нас своим рассказом, а то вдруг нам станет скучно.

Все невольно посмотрели на дверь, но никакой Бифар там не появился.

— А теперь отвечайте, две колдуны, что вы задумали сделать с нашим королем.— Брул, заложив руки за спину,

прошелся между матерью и дочерью.— Я не обещаю вам легкой смерти в случае, если вы начнете упорствовать.

Он подошел к Крете и внимательно посмотрел ей в глаза. Она стояла, гордо выпрямившись и глядя на Брула с пренебрежением. Он все понял.

— Но зачем? — едва слышно прошептал он.— Что плохого он тебе сделал?

— Тебе этого не понять, варвар,— так же едва слышно ответила она.— Лучше уйди, а то ты все испортишь.

Она неотрывно смотрела на Кулла.

Брул подошел к Ланде и, выхватив меч, приставил его к горлу старой колдуньи.

— Нет! — крикнула Крета.— Я все расскажу!

— Ты ничего не расскажешь, моя девочка, потому что ты ничего не знаешь,— проскрипела Ланда.— Я умру, но они ничего не узнают.

— Узнаю,— Брул подошел к Крете и замахнулся на нее мечом.— Говори, старая ведьма, или твоя дочка умрет.

— Ты ничего не добьешься, подлый варвар,— прошептала Ланда, выхватив спрятанный на груди узкий тонкий нож.— Я унесу эту тайну в могилу.

Она вонзила нож себе под сердце — Брул даже не успел подбежать к ней — и рухнула на холодный каменный пол.

Крета не шелохнулась, безучастно глядя на труп матери.

— Теперь мне все равно,— прошептала она.— Я все делала только ради нее. Я все расскажу.

— Сначала помоги королю,— потребовал Брул.— Верни его в прежнее состояние. Ты ведь можешь это сделать.

Крета кивнула и подошла к Куллу. Положив рук ему на лоб, она что-то зашептала, затем, вытащив из-за пазухи небольшой флакончик, приложила его к губам короля.

Облаченный в царское одеяние, Кулл хмуро слушал рассказ Креты, нетерпеливо постукивая пальцами по подлокотникам.

— Моя мать так до конца жизни и не смирилась с тем, что ты убил Борна и занял его место,— говорила Крета, спокойно глядя на короля.— В молодости она была его любимой наложницей и жила здесь, во дворце. Потом, когда родилась я, Борн изгнал ее, и остаток дней она коротала в жалкой лачуге...

— Ты — дочь Борна! — воскликнул пораженный Кулл.

— Да. Во всяком случае, она мне так сказала. Я никогда не видела Борна и не питаю к нему никаких чувств. Мать открыла мне эту тайну, только когда я стала прислуживать во дворце. Она и уговорила меня подмешивать тебе в пищу и в вино снадобья, которые сама готовила.

— Что это за снадобья? — мрачно спросил Брул.

— Она много лет собирала редкие травы и училась готовить отвары и настои. Она не собиралась убивать тебя, король, ее целью было свести тебя с ума, выманить из дворца и выставить в лохмотьях нищего на посмешище всей столице. Она решила, что это будет самой лучшей местью — смерть для тебя не так страшна, как позор. Но твой друг сорвал ее планы, обнаружив тебя на площади и доставив во дворец.

Кулл покосился на Брула и вздохнул.

— А что случилось с Бифаром? — спросил он.

— Этот простофиля смотрел на меня во все глаза во время пира, и я решали его использовать — назначила ему тайное свидание и передала костюм слуги, чтобы он мог беспрепятственно передвигаться по дворцу. Я сказала ему, чтобы он поискал в кладовой ключ от потайной комнаты, но сама встретила там и повела по коридору, где есть тайное убежище — мать рассказала мне о нем и еще об одном, куда я запрятала потом твоего пикта-шпиона.

— Где же сейчас Бифар? — спросил Кулл.

— Должно быть, все еще там,— пожала плечами Крета.— Оттуда нет другого выхода. Я расскажу, как его оттуда вызволить. Ему давно уже пора на свежий воздух.

— Что будем с ней делать? — спросил Брул, когда Крета в сопровождении Ту и двух Алых Стражей направилась вызволять Бифара из заточения.

— Мне кажется, она раскаялась,— задумчиво произнес Кулл.— Но я еще подумаю.

И вот наконец перед глазами короля предстал Бифар, которого почти нельзя было узнать,— исхудавший и заросший бородой, в изодранном костюме слуги, он дико озирался и, похоже, до сих пор не понимал, что происходит.

— Бифар,— сказал Кулл, едва скрывая улыбку.— Тебя сейчас накормят и приведут в порядок, потом ты отдохнешь. Но сначала я хотел бы задать тебе один вопрос. Что за таинственные заклинания ты произносил в своем затенке? Они звучали как-то странно: «А-о!» Что это?

Бифар оглянулся на Крету и, обретя дар речи, выдохнул:

— Я кричал — «За что?»

ЗАПАДНЯ

Король Валузии Кулл, задумчиво разглядывая причудливый рисунок родонитовых вкраплений на поверхности круглого каменного стола, рассеянно кивал, слушая своего друга Брула. Ночь уже давно опустилась на Валузию, а они все продолжали разговаривать, время от времени потягивая из кубков сладкий нектар и закусывая лепешками с хубой. Их беседа, поначалу оживленная и даже жаркая, постепенно начинала угасать, и теперь уже казалось, что король почти не слушает пикта, все больше и больше погружаясь в свои мысли.

— Брул,— внезапно сказал он, откинувшись на мягкую спинку дивана и немигающим взглядом уставившись в одну точку.— Я устал.

Разгоряченный своей речью пикт смолк на полуслове и, отодвинув в сторону кубок, выжидательно взглянул на Кулла. В комнате воцарилась тишина, лишь за широко распахнутым окном безмятежно шелестела листва, да внизу, под ровной глухой стеной, негромко окликали друг друга охранявшие дворец Алые Стражи. Валузия крепко спала. Ночь смыла границу между небом и землей настолько, что красные строчки костров, разведенных на крепостных стенах внешней стражей, слились с огоньками мерцающих звезд.

— Я очень устал,— повторил Кулл и закрыл глаза, но когда пикт поднялся, чтобы уйти, король остановил Копьеобоя решительным взмахом руки.— Садись. Я не хочу

спать. Пойми, Брул, весь вечер ты твердишь мне об опасностях, которые будто бы подстерегают меня на каждом шагу. Я устал от этого.

— Ты считаешь, что я неправ? — сдержанно спросил Пикт.

— Ты прав в том, что вокруг валузийского трона действительно плетутся интриги и козни,— проговорил король.— Я уже пережил немало покушений и немало заговоров. Но нельзя же все время думать лишь о том, что каждое слово, обращенное ко мне, таит ловушку, а любой придворный из-за нескольких драгоценных камней способен пойти на предательство. Клянусь Валкой, если начать подозревать всех и каждого, то скоро я буду бояться собственной тени!

— Бояться не надо,— спокойно отозвался Брул.— А вот об осторожности никогда не следует забывать. Потому что тебя на каждом шагу преследуют и опасности, и предательства.

— Я вижу, ты уже начал говорить словами советника Ту,— невесело усмехнулся король.— Похоже, в последнее время вы с ним просто спелись. Он и в самом деле так давно на государственной службе, что успел повидать всякое — и измены, и заговоры, и подлые предательства. На его глазах Валузия меняла правителей, как служанка ца-пириу меняет опорожненные кубки на полные. Бьюсь об заклад, что по ночам ему снится дыба, на которой он сам себя пытает, чтобы выбить признание в измене! — Кулл взял со стола свой кубок, но, не отпив и глотка, поставил его на место.— Однако ты же воин, Брул, ты прирожденный воин, и твое оружие не дыба, а копье. Сколько заговорщиков пало от него, скольких изрубил на куски твой меч! Тебе неведомо чувство страха и в решающую минуту ты всегда рядом!

Пикт собрался было что-то возразить, но промолчал, лишь задумчиво покачав головой.

— Да, ты всегда рядом,— повторил король, все больше распаляясь.— Но, сдается мне, сейчас ты меня не понимаешь. Неужели тебе не надоело под любой складкой плаща видеть спрятанный кинжал или уныло ждать, пока кто-нибудь другой первым отведает вкуснейшую хубу? Я ведь вижу, как она тебе нравится! — и он хитро прищурился.

Брул невозмутимо взял из чаши лепешку и надкусил ее.

— Как видишь, она не отравлена, Кулл, но это еще ничего не значит. Она могла быть отравлена. Я беспокоюсь не за себя, ведь не я сижу на валузийском троне,— сказал он, глядя Куллу в глаза.— Сойди с него — и враги оставят тебя в покое. Даже ненависть тех, кого ты беспощадно преследовал и чьих родственников безжалостно убивал, постепенно утихнет.

Король непонимающе уставился на пикта:

— Так ты что — предлагаешь мне добровольно отречься от трона? Я, конечно, устал, как после многодневной охоты, но сдаваться пока не собираюсь!

— Знаю,— усмехнулся Брул.— Даже если ты и покинешь трон, то снова будешь мечтать завоевать его. И снова ринешься в битву, презрев смерть. Никто не спорит — выбирая между ядом и мечом, ты выберешь клинок и заговору предпочрешь честный поединок.

— Так о чем мы тогда говорим? — пожал плечами Кулл.— Пусть все остается, как есть.

— Хорошо,— согласился пикт.— Но вспомни о бежавшем из Грондара Кос-кри, которому ты дал кров сегодня. Где-где, а в этом диком крае никто не признает ничьей власти. И все-таки там нашелся Непостижимый Алкерз, истребивший друзей и родных изза необузданной жажды стать вождем нескольких жалких племен. Даже там дикари боятся за право казнить и миловать! Так что, Кулл, и впрямь хватит уже говорить об этом. Но, направляя меня к тебе, Ка-ну дал мне один совет: «Будь настороже, Брул. Всегда, во всем, со всеми. Потому что ты не должен допустить, чтобы король Валузии погиб».

Кулл устало вздохнул и махнул рукой. В комнате вновь стали слышны шелест деревьев и тяжелые шаги стражников. Ночная тьма настойчиво вытесняла из покоев тусклый свет уже начавших чадить настенных факелов.

— А если ты устал, Кулл, то тебе пора передохнуть и сменить обстановку,— произнес Брул, поднявшись с кресла.— И лучшее средство от усталости — охота. Ни придворных, ни предателей. Среди отрогов Залгарских гор водится много оленей.

Кулл взглянул на друга и, улыбнувшись, молча кивнул.

* * *

Всю жизнь спавший с чуткостью зверя, Кулл проснулся от прикосновения упавшего на лицо первого солнечного луча. Вырвавшийся на волю золотой шар затмил сиянием не успевшие спрятаться звездочки. Дежурный стражник подложил в костер новую охапку хвороста, и взметнувшийся ввысь огонь напомнил Куллу о только что прерванном сне. Ему опять снилась молодость, картины из прежней варварской жизни. Неясные, неуловимые блики ми-нувшего — запах, цвет, звук. Прошлое всегда жило в нем, существовало независимо от воли Кулла, пряталось в нем, подобно бродяге, скрывающемуся по подвалам и закоулкам от преследований уличной толпы. Гудящее пламя ночных костров, обжигающие пальцы куски жареной оленины, дурманящий запах лесной травы, пьянящий не хуже крепкого вина, хруст треснувшей под лапами неведомого зверя веточки — все это пряталось в его снах, скрывалось за суетой бесконечных церемоний, за пестротой расшитых золотом костюмов, за выщербленными временем дворцовыми стенами.

Уже три дня король с Брулом и небольшим отрядом Алых Стражей путешествовали по густым зеленым рощам Залгарских предгорий. Жара разогнала лесных обитателей по укромным местам, но пара красавцев оленей стала достойной наградой усталым охотникам. О государственных

делах никто ни разу не заикнулся — воины короля старательно выполняли указание Брула. Сидя у костра, они вспоминали веселые и загадочные истории из своей жизни, наперебой рассказывали друг другу байки, состязались в мастерстве и быстроте приготовления жаркого. И, понятное дело, дружно опустошали вместительные бурдюки с добрым вином.

Все чаще и чаще король ощущал в себе прежнего Кулла — варвара, вольного жителя гор и лесов, сильного и ловкого хищника. Однако порой вспоминался ему и недавний разговор с Брулом, так сильно разбередивший его душу...

Кулл легко вскочил на ноги, облачился в легкие доспехи и улыбнулся, взглянув на крепко спящего пикта. «Что ж, пусть спит,— решил он.— А я, пожалуй, с удовольствием поброджу в одиночестве». Взяв меч и два небольших копья, атлант бесшумным пружинистым шагом направился в сторону ближайших утесов. Через несколько шагов, словно вынырнув из-под земли, перед ним появился высокий молодой воин — один из лучников, выставленных в ночной дозор. Почтительно кивнув королю, юноша вопросительно посмотрел на него.

— Когда Брул проснется, передашь ему, что я отправился по срочным государственным делам,— произнес Кулл заранее приготовленную фразу, стараясь придать своему лицу как можно более серьезное и озабоченное выражение. «То-то он будет удивлен,— с удовольствием подумал король.— Скорее всего, даже поднимет переполох. А то слишком уж он расслабился, видя, как мне понравилась его затея с охотой».

Часовой послушно кивнул и, пропустив Кулла, внимательно наблюдал за удалявшимся королем, пока извилистая тропинка не скрыла охотника за серыми скалами. Кулл понимал, что ранним утром обнаружить оленя можно только на водопое, и поспешил к дальнему ручью, куда еще не заезжал его отряд. Он шутя преодолел несколько крутых глинистых склонов, перемахнул через щедро усы-

панный острыми камнями овраг, грудью пробил дорогу в плотно сросшемся колючим кустарнике. Через некоторое время король очутился у подножия высокого холма, под пологим склоном которого лежала цветущая поляна. Призывно журчал полноводный ручей, колыхались высокие, с человеческий рост, травы. Но чтобы окинуть взором подходы к воде, надо было подняться повыше, и Кулл снова углубился в лес.

«А вот тут, пожалуй, отличное место для западни», — подумал он, пробираясь к вершине, и в то же мгновение земля вдруг разверзлась под его ногами.

Голубое хрустальное небо с золотым диском дернулось и куда-то пропало, а от сильного удара по шлему в глазах замерцали мириады звездочек. Кулл полетел в бездну, сокрушая могучим телом древесные корни и земляные выступы и тщетно пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь руками. Неимоверная боль от страшного удара о землю затмила сознание, и последнее, что успел почувствовать король — ледяное дыхание смерти.

А наверху гибкие ветки молодого орешника сразу же вернулись в прежнее положение, надежно скрыв зияющий провал от посторонних глаз. Перепугавшаяся было стайка розовых щеглов, убедившись, что опасность миновала, вернулась на насиженное место и старательно довела до конца веселый утренний концерт.

* * *

Брул не хотел есть, но усилием воли заставил себя сжевать жесткий кусок соленой оленины. Он не ел уже пару дней и стал замечать совсем непривычную для него дрожь в руках. От бесшабашной охоты не осталось и воспоминаний. Сейчас Копьебой сидел на толстом дубовом столе, превращенном в скамью, а перед ним, терпеливо дожидаясь конца трапезы, навытяжку стоял старший из Алых Стражей.

«Что за глупая выходка? — в который раз раздраженно бормотал себе под нос пикт.— Кулл стал совсем несносен. Уйти в одиночку невесть куда, не сказав мне ни слова...»

Брул не привык к долгим раздумьям. В его душе всегда жил азарт воина, неизменно готового к бою. Но сейчас вокруг не было врагов. В то утро, когда король покинул лагерь, в столицу срочно отправили ездового. Через день тот вернулся, и пикт несколько раз заставил его пересказать послание. Вдобавок ко всему Ту сообщил, что особо важных и срочных государственных дел, требующих непременного присутствия короля, в ближайшее время не ожидается.

Брул и до прибытия гонца догадывался, что Кулл подшутил над часовым, очевидно, чтобы напомнить пикту их недавний разговор. Два дня Копьебой и Алые Стражи тщательно осматривали окрестности, стараясь найти хотя бы малейший намек на местонахождение короля, и все это время пикт надеялся, что Куллу надоест шутить и он объявится сам. Но все было напрасно. Король словно сквозь землю провалился.

Возможность того, что Кулла растерзал какой-нибудь вепрь или медведь, Брул отбросил сразу. Копье-бой не верил и в то, что Кулл мог заблудиться,— как и любой варвар, он великолепно ориентировался, а самый быстроногий олень не продержался бы и дня, состязаясь с ним в выносливости...

И тогда у всех на устах замерло одно, пока ни разу не произнесенное вслух слово: «Заговор!»

Караульный Элформ, последним видевший короля, уже был наказан за то, что не осмелился сопровождать своего повелителя: его обезоружили и взяли под стражу. Но кто посмел поднять руку на Кулла, с помощью каких чар удалось выманить его из лагеря? На эти вопросы, назойливыми мухами кружившиеся в голове Брула, ответов не было. Никто из Алых Стражей за все время охоты ничего подозрительного не замечал, а не доверять бывалым и предан-

ными воинам — гвардии Кулла — не было никаких оснований.

«А вдруг король просто устал от моего общества? — кольнуло в сердце Брула.— И сейчас сидит где-нибудь во дворце и смеется надо мной. Вдруг он согласился на эту охоту только для того, чтобы сбежать от меня? Фу, чепуха какая-то! Этого не может быть».

Пикт заскрежетал зубами, когда понял, что не в состоянии справиться с потоком навязчивых идей. Надо было действовать. Брул вскочил на ноги и зычным голосом отдал необходимые распоряжения. Вскоре отряд, оставив на месте охотничьего лагеря нескольких человек, обязанных днем и ночью жечь огромный костер, быстрее ветра помчался в столицу.

Ту, с красными от бессонных ночных глазами, внимательно выслушал рассказ Брула. Советник уже несколько дней не покидал Зал Совета, вежливо отказывая в приемах послам и вельможам и подпуская к себе только верных ему людей. Впрочем, те не задерживались и исчезали, едва получив четкие указания. С Брулом Ту разговаривал наедине.

— Это все? — спросил Главный советник, когда пикт подробно рассказал ему об исчезновении короля.— Так где же он может быть?

Копьебой раздраженно посмотрел на него, но Ту не отвел холодных настороженных глаз.

— Он ушел к вам,— съязвил Брул и неожиданно сильно ударил кулаком по столу.— Так где же он?

Ту нервно вскочил, но тотчас взял себя в руки. Медленно, словно нехотя, он поведал Копьебою о принятых им мерах. Под страхом смерти всем, узнавшим об исчезновении короля, было запрещено упоминать о случившемся. Во все деревни и города поскакали гонцы с повелением немедленно сообщать в столицу о любом подозрительном происшествии. Келкор, командир Алых Стражей, уже подготовил вверенное ему войско к длительным поискам про-

павшего короля. Верный союзническому долгу, Ка-ну обязал свою необъятную шпионскую сеть работать без сна и отдыха, чтобы успеть в зародыше пресечь любые заговоры и мятежи...

Как раз в этот момент в Зал Совета вошел раб и доложил о прибытии посланника, а следом за ним появился и сам Ка-ну. Пикт был мрачнее и раздраженнее, чем обычно, и походил на человека, который просто устал от утомительной длинной дороги. Откланявшись и отдохнувшись, Ка-ну попросил позволения присесть и, не дожидаясь ответа, развалился в кресле в наиболее удобной и допустимой по этикету позе.

— От моих людей пришли первые вести,— без предисловий заговорил посланник.— Ничего важного они не узнали. На границах все спокойно, ни одно государство не в состоянии ныне выступить против Валузии. В Грондаре смута, но их новый вождь, Непостижимый Алкерз, больше чем о паре разбойничьих налетов на Турианию не помышляет. Нет, исчезновение Кулла может быть связано только с заговором внутри Валузии.

— Кто посмеет бросить вызов Куллу? — недоверчиво воскликнул Ту.

— Не случайный прохожий, конечно. Заговор возглавляет тот, кто силен и знатен, кто решил, что его час пробил.

Ту и Брул внезапно почувствовали на себе пристальный взгляд Ка-ну из-под густых нависших бровей. Неприятное ощущение зародилось в душе у обоих. Советник и пикт невольно напряглись и переглянулись, но Ка-ну, словно не замечая этого, заговорил присущим только ему вкрадчивым тоном:

— Возможно, Кулл заподозрил изменника и скрылся, решив подготовить врагу западню. А может, сам попал в нее... Подождем. А пока начнем с самого начала. Вы допрашивали часового?

— Не один раз,— простонал Брул.— Зовут его Элформ. Он немного путается, не помнит точно, говорил ли Кулл, что отправился в Хрустальный город, или сказал лишь о каких-то государственных делах. Но тропинка, которую он показал, ведет в горы, а не в столицу.

— Как давно он в Алых Стражах?

— Келкор тщательно отбирает своих воинов и верит им,— ответил Ту.— Он сказал, что юноша успел отличиться на службе, хотя зачислен в Алые Стражи не так давно.

Некоторое время Ка-ну молчал, с интересом рассматривая роскошный перстень на безымянном пальце своей левой руки. После длинной паузы задумчиво и медленно, почти по слогам, он произнес:

— А вы знаете, что его родственник был казнен Куллом за участие в заговоре Энароса?

* * *

Кулл свалился на груду сгнивших стволов, и это спасло ему жизнь, но падение с большой высоты надолго лишило его сознания.

Ни чувств, ни памяти не осталось... Только гул. Он заполнил собой все, что раньше было Куллом. Не стало ни ног, ни рук, ни головы — одно мучительное гудение, окутавшее его подобно облаку. Затем из гула родилась боль, яростной волной нахлынувшая на короля. Она терзала бесчувственную Плоть до тех пор, пока вдоволь не насытилась. Потом она стала слабеть, постепенно дробясь на отдельные ссадины и ушибы.

Кулл попытался открыть глаза, но когда ему это удалось, ничего, кроме непроглядного мрака, он перед собой не увидел. Придя в себя от непроизвольного судорожного движения, король пытался понять, что же произошло. В кромешной тьме, окружавшей правителя Валузии, что-либо различить было невозможно. Только сверху пробивались слабые лучики света, под ногами копошились огонь-

ки светлячков, да откуда-то издалека приходило неясное желтоватое мерцание. Постепенно глаза Кулла привыкли к темноте, и он смог хотя бы приблизительно сориентироваться. Высоко-высоко над головой короля клубился туман, а вокруг тут и там торчали каменные глыбы, возвышаясь над уродливо скрючившимися низкорослыми деревьями и кустами.

«Кем бы ни был тот, кто сбросил меня сюда, он за это поплатится,— подумал Кулл.— Клянусь Валкой, это будет ужасная смерть!»

Но сколько король ни напрягал память, он не мог вспомнить, как же все это случилось. Он шел по лесу совсем один, и если бы кто-нибудь оказался рядом, варвар мгновенно почувствовал бы это. Никто — ни зверь, ни человек — не смог бы застать его врасплох.

И тут в голове Кулла мелькнула яркая картина: синее небо, золотое солнце, зеленая трава — и внезапно уходящая из-под ног земля. «Я просто провалился в яму!» — решил он, и в этот миг сотни раскаленных игл пронзили его тело. Но силы — если так можно назвать способность едва шевелить ноющими руками и ногами — медленно, но верно возвращались к правителю Валузии. Крепко сжав рукоять меча правой рукой, а левой пошарив вокруг, он наткнулся на обломок одного из копий.

Свернувшая на стылом воздухе кровь уже не сочилась из многочисленных царапин, а доспехи уберегли короля от более глубоких ран. Собравшись с силами, Кулл поднялся, с трудом выпрямившись в полный рост. Облака клубящегося тумана скрывали свод, но было ясно, что он очутился в большой и просторной пещере.

— Почти как дворец Паука-Камня! — растерянно проговорил Кулл, обдумывая, как выбраться из западни.

И в тот же миг он почувствовал тревогу. Ведь пещера на самом деле могла оказаться обиталищем Короля Пауков! Как-то одна из рабынь рассказала Куллу об огромной пещере. Старинные предания гласили, что с незапамятных

времен она служила домом самому древнему жителю Земли, единственному бессмертному существу — Пауку-Камню. Легенды рисовали его то безжалостным мучителем, забавлявшимся страданиями людей, попавших в его паутину, то великодушным хозяином, щедро одаривавшим путников, по воле случая очутившихся в его ловушке. Но никто и никогда не видел дворца Паука-Камня, а если кому и было суждено угодить туда, то уж живым назад он не возвращался. Правда, легенда казалась наивной сказкой, которой матери пугают расшалившихся малышей. К тому же в Залгаре, где по преданию находилась пещера, ничего таинственного никогда не происходило.

«Уж не испугался ли я?» — потирая ушибленные места, невесело улыбнулся Кулл. Но взбодрить себя ему не удалось. Король не боялся смерти и никогда не думал о ней. Он знал, что рано или поздно падет от руки врага, но испустить дух в безжалостных клешнях каменного исполина, пропав без вести для всего мира?.. Кулл громко выругался.

— Пора отсюда выбираться,— сказал он сам себе и, закинув голову вверх, крикнул: — Брул! Эй! Брул! Стража!

Однако с губ короля сорвался лишь невнятный хрип. Кулл со злостью выругался еще раз и, сделав затяжную паузу, постарался набрать в легкие побольше воздуха. Со второй попытки прежний мощный голос вернулся к нему, и подобный грому крик короля разнесся во все стороны. Свирепый рев атланта вызвал лавину из камней и обледенелых комьев земли, где-то неподалеку вспугнул летучих мышей. Но вскоре эхо замерло и в зале вновь воцарилась тишина. Король остался наедине с мрачным безмолвием. Тонкая ниточка слабенького света, падающая на то место, где Кулл очнулся после падения, как бы обозначала путь его вынужденного полета и была, наверное, последней связующей нитью с жизнью и единственной надеждой на спасение.

— Брул! Стража! Я здесь! — вновь и вновь гремел голос атланта. Сыпалась земля, бесновались в воздухе обе-

зумевшие от грохота твари, билось о далекие каменные стены гулкое эхо. Пещера словно смеялась над королем, вторя его реву и оглушая эхом всякий раз, когда от бессилия немел язык и от боли сводило челюсти.

Но никто, кроме эха, Куллу не отвечал.

Однако правитель Валузии не сдавался. Он извергал проклятия, звал на помощь языческие и валузийские божества и от отчаяния даже размахивал мечом, но все впустую. Порой ему начинало чудиться, что долгожданные голоса друзей наконец-то окликают его, но это были лишь отзвуки эха. Кулл оказался в полном одиночестве в гигантской холодной пещере, пропитанной отвратительными испарениями, среди каменных глыб и карликовых растений.

Трудно сказать, сколько времени звал король слуг. У него еще оставались силы, чтобы продолжать свои попытки докричаться до людей, как вдруг откуда-то издалека до него донесся какой-то неясный шум.

Это не было эхом. Вгляделвшись повнимательнее, Кулл замер: из темноты к нему приближались два огромных немигающих багровых глаза.

* * *

Короля прошиб пот. Хозяин пещеры приближался неторопливо, осторожно ощупывая жвалами лежавшие на пути валуны. Наметанным взором охотника атлант, уже порядком освоившийся во тьме, разглядел приближающееся чудовище. Размером Паук-Камень во много раз превосходил самого крупного валузийского быка, а выставленные во все стороны жвалы и лапы смахивали на крылья гигантской ветряной мельницы. За исключением выпуклых глаз, всю тварь покрывал поросший мхом каменный панцирь. Под тяжестью чудовища трещали и крошились в труху стволы пещерных деревьев. Мерное приближение страшилища казалось шествием Смерти.

Волна ужаса, охватившего Кулла в первое мгновение, склынула так же быстро, как и накатила. Кровь непобедимого воина вскипела в жилах атланта, а боевая песнь, зазвучавшая в таинственных глубинах сознания, удесятерила силы. Король не думал о том, что бессмысленно бороться со зловещим созданием, что стальной меч перед каменной громадиной выглядит детской игрушкой. Разбуженный после долгого сна первобытный инстинкт дикаря взял верх над разумом.

Пристально глядя на паука, Кулл осторожно попятился. Но он не собирался спасаться бегством. Надо было выждать, разгадать замысел противника, нашупать его слабые места, выманить его на свет, а самому затаиться в темноте среди валунов. Тем временем пещера как будто готовилась к предстоящему грандиозному сражению. Армия светлячков пурпуре распалила свои огни, тревожно запищали летучие мыши. Над головой Кулла захлопали кожистые крылья. Невидимые крылатые обитатели пещеры места себе не находили.

Упервшись спиной в большой валун, король остановился в нескольких шагах от места своего падения и замер, выставив перед собой меч. Он не сомневался, что обречен, но — варвар по натуре — он не привык отступать и готов был достойно встретить чудовище.. Прошло несколько мгновений, и неожиданно над Куллом что-то просвистело — чудовище принялось плести паутину. На атланта упал один из ее волосков — толстый гибкий канат, напоминавший лиану. Меч Кулла легко разрубил его, но за первой последовали новые и новые нити. Липкие путы уже готовы были пленить короля, но он бешено вертелся, непрерывно работая мечом.

Стоило Куллу зазеваться — и податливая поначалу паутина опутала бы его, а потом, затвердев, превратилась бы в крепчайшую каменную сеть. Краем глаза Кулл видел, как несколько больших летучих тварей забились, попав в хитросплетения паутины. Сам же Кулл, упорно перерубая

падавшие на него нити, не спускал глаз с замершего исполина. Атлант отступал все дальше и дальше, а потом побежал. Королю приходилось карабкаться по скользким валунам, перепрыгивать через заросли, больно царапавшие и без того истерзанное тело. Кулл понимал, что борьба с паутиной истощила его, отняла последние силы, но останавливаться было нельзя. Спасение заключалось в бегстве...

Наконец, решив, что между ним и чудовищем легло достаточное расстояние, Кулл перевел дух и огляделся. Паук-Камень застыл на месте и не двигался. Отойдя еще немного, король укрылся в узкой расщелине между скалами. Из мрака до его слуха донеслось скрежетание каменных челюстей — исполинское животное с наслаждением пожирало попавших в его сети птиц и летучих мышей. Насытившись, зверь вновь устремил взгляд багровых глазищ в сторону человека, но атлант понял, что враг смотрит не на него. Кулл непроизвольно обернулся. За спиной короля откуда-то снизу сочилось расплывчатое бледно-желтое свечение. Разгоряченный бегством атлант только сейчас обратил внимание, что воздух в этой части пещеры был теплее.

Постояв немного, паук нехотя развернулся, и до Кулла донеслись звуки удаляющихся тяжелых шагов. Чудовище возвращалось в свое логово. Кулл был спасен. Он победил в битве! Когда правитель Валузии смог осознать случившееся, громоподобный торжествующий вопль наполнил все пространство пещеры. Король был готов броситься вдогонку за гигантской тварью, но чрезмерная усталость успела призвать на помощь благоразумие. Кулл предпочел остаться в расщелине, пока окончательно не стихнут шаги паука, а потом отправиться к загадочному желтому мерцанию.

Так мирно завершилась первая встреча величайшего из Королей и величайшего из Пауков.

Желание найти выход из подземелья с новой силой овладело Куллом. Выбравшись из расщелины, он направился в сторону источника таинственного света С трудом делая каждый шаг, король тем не менее был настороже, крепко сжимал меч и даже успел пожалеть, что в пылу единоборства с пауком выронил обломок копья.

Вскоре он увидел, что источником света и тепла служило озеро, наполненное горячей пузырящейся водой. Чем ближе Кулл подходил к нему, тем жарче становилось вокруг. И тут король понял, что копье ему явно не помешало бы. Несмотря на полумрак, от взора атланта не ускользнули подозрительные тени, несколько раз мелькнувшие на фоне желтых бликов. Они могли принадлежать только живым существам.

Подобравшись поближе, Кулл замер и что был напряг слух, однако смог услышать лишь шипение булькающей воды. Тем не менее атлант чувствовал присутствие неизвестного и потому вдвойне опасного врага, возможно, не уступающего в силе Пауку-Камню. Но его гнали вперед дикая жажда и желание промыть ссадины и царапины. Призвав на помощь Валку, Кулл отыскал пологий спуск к озеру. Беспрестанно озираясь по сторонам, он осторожно коснулся воды и с радостью почувствовал, что на поверхности она не так горяча, как казалось. Вдоволь напившись и приведя себя в порядок, Кулл приготовился снова скрыться в ближайших кустарниках, когда за спиной его, словно гром среди ясного неба, раздался человеческий голос:

— Приветствуя тебя, воин... Тебе не повезло.

* * *

Кулл был готов встретить в пещере кого угодно, только не человека. Резко обернувшись, атлант молниеносным движением выставил меч в сторону говорившего и тут же на миг отшатнулся. Ему показалось, что перед ним тень

или привидение — настолько слаба и безжизненна была фигура, еле угадываемая в отблесках светящегося озера.

Но таинственный незнакомец продолжал свою речь, ничуть не испугавшись атланта:

— Убери меч, воин. Я слишком слаб, чтобы представлять для тебя опасность. В этой пещере я пробыл несколько зим и за это время превратился в дряхлого старика, а ведь я, наверное, не старше тебя. Эх, когда-то я тоже был силен и статен... пока не провалился сюда. А ты, воин, настоящий герой. Я видел, как ты бился с пауком. До тебя никто не разрывал его пут. Два моих друга окончили жизнь в его утробе, будь она неладна.

Кулл в ужасе всматривался в загадочного незнакомца. Невероятное испытание, выпавшее на долю правителя Валузии, смертельная схватка с пауком, еще отзывавшаяся предельным напряжением мускулов, ярость попавшего в засаду воина, готового наброситься на любое представшее перед ним существо, подталкивали атланта к решительным действиям. Но беззащитность незнакомца успокоила настороженного Кулла. Убрав меч, король приказал обитателю пещеры подойти поближе.

В тусклом мерцающем свете озера Кулл увидел сгорблленного изможденного старика с длинными седыми волосами и такой же седой бородой. Его лицо покрывала густая сеть морщин, а глаза были неподвижными, как у слепого.

Седобородый присел на плоский камень у воды и снова обратился к Куллу:

— Победи в себе страх, воин, тебе никто не угрожает. В пещере люди не убивают друг друга, нас и так мало. Сядь, я расскажу тебе все. Но прежде отведай здешней рыбы, она очень вкусна. Попробуй — и ты согласишься со мной.

Старик бросил к ногам короля тряпичный сверток, из которого вывалилась рыбина длиной в локоть. Завидев пищу, Кулл ощущил сильный приступ голода — должно

быть, прошло уже немало времени с тех пор, как он провалился в пещеру. Но, превозмогая желание немедленно наброситься на еду, атлант решил сначала прояснить все до конца:

— Кто ты, старик, и как попал сюда? Ты сказал — нас и так мало. Значит, ты тут не один? Сколько вас? И как отсюда выбраться?

В ответ раздались отрывистые шипящие звуки, очевидно, доставшиеся незнакомцу в наследство от прежнего громкого смеха.

— Сразу видно, что ты оттуда, сверху. Там люди, видать, по-прежнему не доверяют друг другу. Тут другие правила, тут мы друг другу нужны. Если, например, ты хочешь стать нашим повелителем — изволь, воин. Скоро ты станешь похож на нас, но пока ты силен и здоров — управляй нами! Лови рыбу, бей летучих мышей — других занятий здесь нет. А сейчас ты все-таки поешь, да я и сам немного подкреплюсь.

Седобородый вынул из-за пазухи другую рыбину, поменьше, и принялся жадно поглощать ее, не обращая внимания на кости и плавники. Кулл присел рядом. Рыбина и в самом деле была вкусной.

— Наверху меня звали Арбитогой.— продолжал свой рассказ старик.— Я лемуриец, как и мои друзья по несчастью. Когда-то я служил лучником-наемником, воевал... У меня была невеста... А затем я провалился сюда... Отсюда нет возврата... Нас поначалу было восемь. Один умер сразу, счастливец... Он погиб от жестоких ран, полученных при падении. Двоих сожрал паук. Еще одного унесла болезнь, а пятый бросился на меч, сойдя с ума. Но, может статься, он был умнее всех... До сих пор не могу понять... Сейчас нас трое. Мои товарищи скоро вернутся — они ушли за летучими мышами. Мясо их жесткое и горькое, но все-таки мясо... Рыбу мы ловим и варим в кипящем озере. Так вот и живем.

Спокойствие, с которым Арбитога говорил о невероятных событиях, вызвало у Кулла раздражение, но все же он задал еще один вопрос:

— А паук?

— Паук не забирается в теплую часть пещеры. Он живет там, мы — здесь, и друг другу не мешаем. Паук, по правде говоря — мелочь.

И словоохотливый лемуриец впервые замолчал.

— Пусть Хелфара и Хотат отдадут меня на растерзание своим псам! — Кулл в ярости перешел на языческие проклятия.— Это каменное отродье, поглотившее твоих друзей, для тебя мелочь? Ты в своем уме? Нет, ты безумец. Любой воин за столько лет выбрался бы из любой пещеры, да еще и паука посадил бы на цепь, чтобы за деньги показывать зевакам... Где, где тут выход? Ты же должен знать, пещерное пугало?

Равнодушно взглянув на разъяренного короля, Арбитога покачал головой:

— Отсюда нет выхода, воин. Ты могуч и полон жизненных сил, но тебе, как и нам, не повезло. Отсюда нет выхода. И никогда не будет. Боги отворачиваются от того, кто попадает в гости к пауку. Я могу открыть тебе твое будущее, воин. Сначала ты будешь непрерывно искать выход. Ты станешь нырять в озеро, чтобы узнать, как попадает туда вода, складывать пирамиды из камней и строить лестницы из деревьев. Ты будешь лазить по отвесным скалам, пока не сорвешься вниз и не разобьешься вдребезги. Ты пару раз проберешься на территорию паука в надежде отыскать лазейку там. Потом ты начнешь заговариваться, рвать на себе волосы, биться лбом о камни и, наверное, от отчаяния поколотишь кого-нибудь из нас... Потом ты либо сйдешь с ума, либо покончишь с собой... А если нет, то начнешь неплохо видеть в темноте, но зато лицо твое превратится в обтянутый кожей череп. Вот как у меня... Отсюда нет выхода — запомни это.

Кулл взревел от негодования:

— Отсюда есть выход, пугало! Я найду его, уйду сам и вас выведу! Даю тебе...

Он едва не сказал «королевское», но спохватился, решив, что открыть свое имя время еще не пришло:

— ... слово воина.

Арбитога горестно вздохнул, невольно показав Куллу, что мысли об избавлении еще не совсем покинули его:

— Отсюда нет выхода! Мы тоже думали иначе. Мы делали все, что могли, для спасения. Сколько раз мы ложились спать уверенные, что завтра что-нибудь да придумаем, где-нибудь да отыщем выход. Но отсюда нет выхода. Видишь, я не спрашиваю тебя, знают ли о твоем исчезновении там, наверху. Наверное, знают. И ищут тебя, воин. Но не найдут. Здесь гиблое место.

Кулл заметил неподалеку две сгорбленные фигуры и показал на них Арбитоге. Пленник Паука-Камня что-то крикнул, и его товарищи замедлили шаг и осторожно приблизились к старику. Каждый положил у его ног по убитой летучей твари, после чего троица молчаливо принялась за разделку добычи. На Кулла больше никто не обращал внимания, и он, изумленный рассказом Арбитоги и измученный своими приключениями, предпочел передохнуть где-нибудь в безопасном месте. Найдя куст, который мог надежно скрыть его от чьих-либо глаз, король растянулся под ним, крепко сжимая в руке меч. Сон сморил его сразу.

Так начались дни и ночи отчаяния и гнева. Днями Кулл называл время, когда с невидимого пещерного свода сквозь пелену клубившихся на недостижимой высоте туманов пробивались тончайшие нити солнечных лучей, ночами — когда лучи исчезали. Старожилы паучьего обиталища не обращали внимания на Кулла. Их чувства настолько притупились, что внезапное появление нового соседа удивило их меньше, чем проявленная им сноровка при поимке нетопырей или ловле рыбы. Кулл метким выверенным ударом вонзal копья в мелькавших у поверхности воды серебряных рыбин, а затем опускал добычу по-

глубже, туда, где из дна вырывался кипяток. Несколько мгновений — и вареное кушанье подавалось к общему столу. Научиться бить на лету огромных нетопырей тоже не составило труда. Король заметил, что его новые товарищи сразу признали в нем вожака и считали своим долгом уступить ему за трапезой кусок пожирнее.

Впрочем, общались пленники редко, без слов понимая друг друга. Молчаливо, с бесстрастным выражением лица разделявали добычу и равнодушно поглощали ее.

А Кулла ни на миг не оставляя мечта о спасении.

* * *

Вся Валузия упорно искала своего короля. Вопреки строжайшим запретам, известие об исчезновении Кулла в считанные дни расползлось по стране, обрасти все новыми невероятными подробностями. Землепашцы Ги-Кутры верили, что за многочисленные ратные подвиги верховные божества забрали Кулла в свою небесную стражу. Рыбаки с северного побережья доказывали, что однажды на рассвете военный корабль с золотыми парусами унес правителя Валузии назад в Атлантиду. Охотники и рудокопы Залгары под страшным секретом рассказывали леденящие душу истории о том, как потерявший рассудок от собственного величия король возомnil себя Бессмертным и бросил вызов самому Пауку-Камню, опрометчиво проникнув в его пещеру и сгинув там от одного лишь взгляда ужасных паучьих глаз. Каждый второй при этом божился, что сам слышал доносившиеся из-под земли предсмертные стоны правителя Валузии.

Разные слухи бродили по столице. Простолюдины сошлись во мнении, что король, переодевшись нищим бродягой, пустился в загул по дешевым кабакам и развратным притонам. Терзалась в догадках и валузийская знать. Одни полагали, что Кулл пал жертвой коварного заговора приближенных, настолько вероломного, что открыто объявить о перевороте никто измятежников не решился. Другие,

напротив, считали, что сам Кулл разоблачил козни недругов и на время скрылся, готовя сокрушительный удар по изменникам. Никто не знал, что случится на следующее утро: кто поднимется к рулю власти, а кто с такой же скоростью окажется в опале или даже в могиле. Тайком аристократы со дня на день ожидали восшествия на трон какого-нибудь новоиспеченного тирана.

Алые Стражи прочесали каждую пядь Валузии. Не осталось в стране лачуги, в которой не побывал бы кто-нибудь из них, не числилось в списках сборщиков налогов человека, который под хмурыми сверлящими взглядами стражников не был бы опрошен. Значительный убыток несла государственная казна — власть щедро оплачивала ежедневный изнурительный труд тайных агентов и добровольных соглядатаев. Всеобщая подозрительность охватила страну. Никто не решался даже шепотом произносить имя «Кулл». А вот у опальных поэтов и бродячих комедиантов самым модным стало именно слово «король», оно звучало едва ли не в каждой строчке и каждой репризе...

Которую ночь Брул не смыкал глаз. Он дважды ездил в горы Залгары, осматривая подозрительные ущелья и долины. Напрасные поиски вконец измотали его. Вдобавок пикта раздражала необычайная осмотрительность, которую вдруг стал выказывать в общении с ним советник Ту. По этому поводу у них состоялся утомительный и неприятный разговор, в результате которого они договорились о разделении обязанностей: Ту брался управлять государством, а Брул — искать короля. Однако Брулу сразу не понравились некоторые решения Ту, он был уверен, что Кулл поступил бы по-другому. К тому же друзья сообщили Копьебою, что, нарушив договоренность, Ту негласно организовал собственные поиски.

Стало ясно, что им все же придется выяснить отношения. Брула угнетало двусмысленное положение, которое он, чужеземец, занимал при дворе. Ситуацию усугубляло то, что Ка-ну, учитель и наставник Брула, постоянно был в

разъездах. Во время редких свиданий посол пиктов был немногословен, задумчив и ничего дельного Копьебою подсказать не мог. Похоже, впервые за время долгой службы Ка-ну его главное детище, тщательно подобранная обширная шпионская сеть, не могла выполнить поставленной перед ней задачи, и это обстоятельство крайне удручало посланника.

Готовясь к неминуемому столкновению с Ту, Брул перебирал в голове возможных союзников. При любом раскладе у советника их получалось больше. Но пикт понимал, что многие из вельмож, внешне заискивая перед Ту, в глубине души ненавидят старика за преданность Куллу. Обретя новых друзей, Брул мог бы достичь равновесия.

И поэтому с течением времени пикт все чаще присматривался к Кос-кри. Беглец из Грондара прибыл во дворец при первых же слухах об исчезновении Кулла. Он был взволнован и хотел убедиться, что обещания, полученные накануне от короля, остаются в силе и что ему не откажут в пристанище. Кос-кри с учтивой покорностью выслушал витиеватые разъяснения Ту об отъезде Кулла на длительную охоту, но был не в силах сдержать радостной улыбки, когда и Ту и Брул в одни голос заверили его в том, что слово короля нерушимо.

С тех пор изгнаник часто появлялся во дворце, и Копьебой имел возможность хорошо приглядеться к нему. Крепко сложенный черноволосый мужчина с лицом и выправкой воина, Кос-кри не мог не вызвать у него симпатий. Он всегда оставался вежливым и спокойным. Однако грондарец сторонился дворцовых церемоний, не отличался многословием, на приемах предпочитал оставаться в тени. Он обладал редким даром внимательно выслушать собеседника, в какие бы словесные дебри не заносил того длинный язык. А вот с его уст редко слетало более одной короткой фразы.

Влияние Кос-кри при дворце усилилось, когда гнусный тиран Непостижимый Алкерз предпринял дерзкое нападе-

ние на Валузию. Пройдя через сопредельные территории, шайки издавна занимавшихся военным промыслом грондарцев стали грабить отдаленные валузийские селения. Конечно, будь Кулл в столице, такого бы не случилось. А без него отпор разбойникам сразу организовать не удалось.

Костяк армии — Алые Стражи — был разобщен на маленькие группы, разъехавшиеся по стране в поисках короля, а наемники — пикты и лемурийцы, роптившие из-за задержек с выплатой жалованья, предпочитали не рисковать, защищая бедные пограничные деревни. Был наголову разбит и один из небольших отрядов Алых Стражей, волей судьбы оказавшийся вблизи границы и опрометчиво ринувшийся в неравный бой.

В эти тяжелые дни Кос-кри решительно встал на сторону валузийцев. Всей душой ненавидя тирана и страстно мечтая о его низвержении, немногословный грондарец давал четкие ответы на вопросы валузийских военачальников. Бывалый солдат Брул видел, что всех военных хитростей, изобретенных его народом, Кос-кри не раскрывает, и оттого проникся к беглецу еще большим уважением, укрепившимся после нескольких доверительных бесед.

Однако старик Ту опередил неискушенного в интригах пикта. С некоторых пор Брул старался ходить по городу в сопровождении группы верных ему хорошо вооруженных соплеменников, не забыл он взять их и отправляясь на короткую, как ожидалось, встречу с советником. Оставив охрану в коридоре, Копье-бой вошел в Зал Совета.

Советник Ту сидел в своем кресле, скрестив руки на груди, с бледным и напряженным лицом.

— Брул,— резким голосом произнес он, когда пикт прошел на середину Зала.— С этого дня ты отстранен от государственных дел. Пора тебе, пикт, вернуться в свое посольство.

И Ту дважды громко хлопнул в ладоши.

Не ожидавший подобной решительности от старика, Брул тем не менее не растерялся.

— Не слишком ли ты торопишься, Ту? — стиснув зубы, спросил он и громким голосом позвал свою стражу, однако никто не появился даже после повторной команды. Стараясь не показывать свою растерянность, Брул недодумевал, что же случилось с его воинами. В подобном замешательстве пребывал и Ту, еще пару раз нервно хлопнувший потными ладонями.

Внезапно все двери в Зал одновременно отворились, и через них один за другим в помещение вошли Алые Стражи. Молча встав вдоль стен, они разом обнажили мечи. Выхватил свой клинок и сбитый с толку Брул. Ту, на лбу которого выступила испарина, с диким видом озирался вокруг. Немая сцена длилась несколько мгновений, пока в центральном проходе не появился Келкор.

— Твои люди не придут, Ту,— сказал командир Алых Стражей, поравнявшись с советником.— Они обезоружены. А твои пикты, Брул, заперты в соседней комнате.

Мельком взглянув на обнаженный клинок Брула, Келкор невозмутимо и уверенно направился к королевскому трону.

* * *

Зловещие пророчества Арбитоги сбывались с неумолимой жестокостью. Из скрюченных стволов Кулл пытался связать длинную лестницу — но гнилая от смрода и холода древесина рассыпалась при первом прикосновении. Он хотел навалить курган из камней — но отдельных валунов оказалось не так много, а дробить скалы было занятием непосильным даже для такого могучего атланта. Кулл добрался до самых отдаленных закоулков пещеры — но повсюду натыкался на отвесные скалы, по гладкой поверхности которых могли взбираться разве что насекомые. В ярости король колотил по ним камнями, но отполированные временем скалы не давали даже крохотных трещин. В

озеро он тоже пробовал нырять, но один раз обжегшись, больше попыток не повторял. Выхода из пещеры действительно не существовало. Раза два Кулл подбирался к логову паука и с вершины небольшого утеса наблюдал за чудовищем. Немигающие багровые глаза больше не вызывали в нем страха.

Кулл потерял счет времени и постепенно начал втягиваться в монотонный ритм жизни обитателей пещеры, надеясь теперь уже только на чудо. Но однажды эта мирная жизнь узников проклятого подземелья могла навсегда — по крайней мере для троих — прерваться. В тот вечер Кулл от нечего делать спросил Арбитогу, чего ради лемурейские лучники забрели в Залгару. Ответ пригвоздил короля на месте.

— Нас нанял богатый стариk-валузиец. Отвалил полный мешок денег, мне они как раз требовались для свадьбы, — глядя в пустоту, глухо произнес Арбитога. — Мы должны были убить валузийского короля Кулла. Уж не знаю, по какой причине стариk пожелал расправиться с ним — нам было все равно. Соединиться с другими отрядами предстояло позже, в ожидании наша группа укрылась в лесу. Тут под нами и провалилась земля...

Кулл похолодел. Стараясь не выдать своего волнения, он поинтересовался именем богача. Арбитога долго напрягал память, но затем уверенно произнес:

— Титиаф.

Король судорожно сжал руки в кулаки, не в силах поверить словам своего собеседника. Он знал Титиафа, ми-лейшего безобидного старика, потомка древнейшего рода. После гибели единственного сына на войне старый аристократ уединился в родовом поместье и в столице почти не показывался. И вдруг такое!

«Да, Брул прав — никому нельзя верить, — с ненавистью подумал Кулл. — Чудак и тихоня Титиаф! Какая дурость толкнула тебя в заговорщики? Жажда власти? Богат-

ства? Ради этого ты плонул на могилу сына, павшего во славу Валузии. Зачем тебе нужна моя жизнь?»

Не в силах больше сдерживать душившую его ярость, Кулл резко вскочил на ноги и выхватил меч. Но нелепость происходящего образумила его. Бывших наемников, когда-то намеревавшихся расправиться с ним, а ныне делящих с ним стол и кров, можно было разрубить на куски в одно мгновение — и остаться одному. Совсем одному, если не считать Паука-Камня.

«Валка! — в отчаянии подумал Кулл, бессильно опустившись на землю.— Что со мной? Я ли Кулл? Кулл всегда убивал своих врагов и поэтому выжил. Но это было наверху, а здесь все иначе. Здесь не убивают друг друга, а помогают жить. Они хотели убить меня, а теперь повинуются моим приказам. И что есть смерть? Игра непостижимых сил мира, прихоть божеств, играющих с человеком, как с прирученной кошкой? Если бы мы встретились тогда, я убил бы их, и они не провалились бы сюда... И я тогда был бы здесь один. Брул прав. Арбитога прав. Паук прав. Выхода нет...»

Наутро король обнаружил в руке клок собственных волос.

* * *

— Я, Келкор, командир Алых Стражей, по долгу перед Валузией и королем Куллом приказываю вам, Ту и Брул, прекратить вражду и, полностью доверившись друг другу, направить усилия на благополучное разрешение государственных дел. Пока жив последний из Алых Стражей, никто не посягнет на этот трон и никто не взойдет на него иначе как по повелению короля Кулла. Отныне до его возращения надлежит вам, Ту и Брул, все решения принимать только после совместного обсуждения и единодушного их одобрения.

Давненько видавший виды советник и храбрейший воин не испытывали подобного позора. Алая краска стыда

щедро заливала обоим щеки, когда Ту и Брул пожимали друг другу руки, и в то же время обоим сразу стало легко на душе. Как они могли дойти до вражды, если и тот, и другой неоднократно доказывали свою безграничную преданность королю? Уму непостижимо, к чему может привести исчезновение правителя...

С того памятного дня сменилось уже две луны, и все это время советник и воин работали бок о бок, стараясь вернуть жизнь государства в нормальные рамки. Хоть без короля это было и сложной задачей, но определенных успехов совместное правительство все же достигло.

Объединенный отряд Алых Стражей вымели остатки банд грондарцев из Валузии. Недовольных безденежьем наемников послали в помощь сборщикам налогов — опустошенная нуждами смутного времени казна требовала серьезного пополнения. Но главное, что надо было сделать — это пресечь эпидемию охватившей Валузию всеобщей подозрительности, в пагубности которой власть убедилась на личном примере.

И когда при личной аудиенции престарелый чудаковатый аристократ Титиаф, отец павшего за государство героя, стал плести Ту и Брулу ахинею о том, что он и есть главный заговорщик, уставшие от череды приемов правительства громко рассмеялись.

«Бедный старик выжил из ума,— с сожалением подумал Брул.— Весь народ, от мала до велика, ищет заговорщиков, и он из патриотических чувств вознамерился спасти Валузию — возомнил себя предателем».

— Господин Титиаф,— обратился к вельможе Ту, стараясь говорить как можно более вежливо и успокаивающее.— Мы принимаем ваши слова к сведению. Вам следует немедленно вернуться к себе и ждать дальнейших распоряжений правительства.

Но Титиаф не уходил, а виновато понурив голову, продолжал мялить:

— Вы должны поверить... я хотел убить Кулла.

Брул, не выдержав, подошел к старику, и крепко взяв его под локоть, повел к дверям Зала.

* * *

План спасения пришел к Куллу внезапно, в одно мгновение. Возвращаясь к озеру после дневных скитаний по пещере, он как-то наткнулся на провисшие остатки гигантской паутины и долго с любопытством ощупывал окаменевшие канаты. Один из них свисал с вершины скалы, взобраться на которую Кулл безуспешно пытался не один раз. Проворно перебирая руками по паутинке, атлант перебрался на скалу и вскоре уже осматривал окрестности с непривычной высоты. Над головой его клубился туман. Тут-то и предстала перед правителем Валузии Дорога Наверх.

«О всемогущий Валка,— замирая от охватившего его радостного предчувствия, прошептал Кулл.— О Хонен, Холгар и Хотат! О великий Тигр!» Он стремительно спустился вниз и, взбудораженный, прибежал на берег. Громовой бранью, пинками и тычками король поднял с земли ничего не понимавших верноподданных и немедленно отправился с ними на ночную охоту. Требовалось поймать с десяток живых нетопырей — по прикидкам Кулла, этого должно было хватить.

К утру соседи Паука-Камня справились с поставленной задачей. Атлант самолично подрезал отчаянно пищавшим тварям перепончатые крылья, связал их несколькими имевшимися в подземном государстве веревками и поволок товарищей к дыре, через которую давным-давно попал в царство гигантского паука. Наскоро втолковав онемевшим от страха и холода спутникам, что нужно делать, неистовый варвар запел первую пришедшую в голову боевую песню, вкладывая в нее всю мощь своих легких. Эхо немедленно разнесло громовые раскаты голоса Кулла по всей пещере. Пара мелких летучих мышей упала замертво от убийственного грохота — атлант еще и яростно швы-

рялся камнями. Но Куллу нужен был другой слушатель — хозяин пещеры. И когда вдали зажглись два багровых фонаря, атлант расхохотался. Измученный безнадежным отчаянием узник вновь стал решительным воином, не желавшим ничего, кроме победы.

Паук-Камень приближался со скоростью улитки, но Кулл, проклиная его за это, все же холодел от радостного предвкушения битвы и с восторгом взирал на противника. Это был достойный враг, и первая встреча с ним, окончившаяся счастливым избавлением от каменных пут, теперь казалась королю детской забавой.

Когда до чудовища осталась сотня шагов, Кулл запустил первого нетопыря. Несчастное существо судорожно задвигало изуродованными крыльями, но, удерживаемое веревкой, не могло скрыться в сторону от падавшего на него тонкого солнечного луча. Обнаружив такую превосходную мишень, Паук-Камень нанес прицельный удар, оплетя жертву пока еще гибкими лианами.

В это время из-за соседнего валуна Арбитога вытолкнул в воздух вторую тварь, служившую отвлекающей приманкой. Пока паук разворачивал каменные жвалы в сторону новой добычи, беглецы быстро перебрались по едва затвердевшей паутине на вершину скалы, причем лемурийцы вместе с живым скарбом повисли на Кулле, в одиночку работавшем руками и ногами.

Начиналось второе действие. Необходимо было развернуть паука таким образом, чтобы следующим залпом он заплел паутину на гораздо большей высоте и в нужном месте. Для организации маневра предназначались третья и четвертая мыши. Крылья у них были обрублены полностью, мясистых созданий простобросили вниз, к подножию скалы. Писк и возня обреченных тварей привлекли внимание охотника. Он подполз поближе. Теперь страшилище находилось почти под ногами безумцев. Людей обдал жар гигантского туловища, поверг в смятение скрежет каменных челюстей.

Едва ли не вопя от страха, троица бывших наемников инстинктивно вжалась в скалу. Но Куллу страх был неведом — его охватило упоение битвой. С диким криком он раскрутил в воздухе пятого и шестого нетопырей, крепко связанных вместе, и с силой швырнул их вверх. Увидев столь крупную добычу, паук замер, как будто растерялся, и выдал из жвал столь мощный залп слюны, что паутина оплела вершину самого высокого утеса, вплотную подступившего к туману. Дернув веревку, Кулл сбросил приманку прямо под нос очень удивившемуся такому повороту событий пааку. В полусотне локтей приземлились седьмая и восьмая мыши. Пока Паук-Камень, уставившись в землю, пировал, четверка беглецов преодолевала самый опасный участок пути. Двое лемурийцев опять мертвой хваткой вцепились в Кулла, лишь Арбитога на сей раз поднимался самостоятельно, благо каменистых канатов было вдоволь.

Высадившись на крохотной площадке, Кулл осторожно посмотрел вниз — и поразился тому, что не погиб при падении. «Валка меня любит!» — только такое объяснение пришло ему в голову. Далеко внизу, на дне черной бездны, копошился крошечный паук. Над головой клубился серый ледяной туман, сквозь который все же проглядывали хитросплетенья древесных корней. Начиналась земля, в которой уже можно было вырубить ступени.

Кулл вдруг свирепо оглядел лежавшую на скале троицу, стучавшую зубами от холода и нервного перенапряжения:

«Они хотели убить меня, а я спас их. Зачем?»

Он поднял голову вверх и вдруг засмеялся счастливым смехом. Победа!

В бездонную пропасть полетели девятая и десятая твари.

— На, жри, урод, помни королевскую милость! — крикнул Кулл хозяину пещеры. Так закончилась вторая и

последняя встреча величайшего из Королей и величайшего из Пауков.

* * *

Засидевшись допоздна в Зале Совета, Ту и Брул уже собирались разойтись, как вдруг их внимание привлек странный шум за окнами. Они переглянулись и оцепенели. В криках толпы, доносившихся с улицы, отчетливо слышалось слово: «Король!»

Не сговариваясь, они бросились из Зала, промчались по коридорам, в несколько прыжков сбежали по лестнице и...

Навстречу им во дворец ворвалась толпа, несущая на руках короля Кулла. Ту и Брул не могли поверить своим глазам, но изможденный, в покореженных доспехах и рваной одежде, это был именно он — Кулл, правитель Валунии. Его глаза горели огнем воина и победителя.

— Кулл,— только и смог выговорить пикт.

— Кулл,— беззвучно прошептал старый советник.

Королю наконец удалось освободиться из объятий толпы и подойти к своим друзьям. Они крепко обнялись.

— Где же ты был, Кулл? — спросил пикт.

— Коротал время в одной чудной пещере,— загадочно улыбнулся король.— Даже можно сказать, во дворце.

— Как же это...— начал было Ту, но в этот момент от толпы отделился старый седой аристократ и подошел к ним.

— А, Титиаф, старый заговорщик! — повернувшись к нему, воскликнул Кулл.— Ты опять крутишься во дворце? И чего тебе неймется?

Старик посмотрел королю в глаза и опустил голову.

— Три года назад мой сын, мой единственный сын погиб в развязанной тобою войне. Я был в беспамятстве от горя и задумал отомстить тебе, но заговор не состоялся — наверное, по воле богов. Потом я молился о твоем здоровье... Но потом твои люди расспрашивали меня о заговоре.

В нашем роду не принято лгать. Я пришел сюда и сказал правду, но мне не поверили...

— Не поверили? — усмехнулся Кулл.— Я могу подтвердить, что против меня действительно существовал заговор, и его возглавлял Титиаф.

Изумленные Ту и Брул переглянулись.

— Арестовать его! — повернулся к страже советник.

— Не надо,— остановил их король.— Иди, старик, и доживай спокойно остаток дней в своем поместье. А в наказание подбери во дворе троих доходяг, дай им приют и пропитание. Иди, иди, не хочу тебя видеть.

— Кулл, объясни же толком, в чем дело? — не выдержал пикт.— Что за пещера? Что ты там делал? Хотел устроить западню Титиафу?

— Да нет, я просто провалился туда. Как дурак,— засмеялся Кулл.— И попал прямо к Пауку-Камню. Но об этом потом.

— А мы-то все время искали предателей и шпионов,— покачал головой Ту.— Оказывается, их и не было! Если не считать, конечно, Титиафа.

— Нет, был шпион и посерьезнее,— раздался вдруг печальный голос Ка-ну.— Я сразу заподозрил его и был уверен, что именно он организовал твое похищение. Увы, шпиону удалось бежать, мы схватили только слугу,— Ка-ну мельком взглянул на Брула и продолжал:

— Кос-кри — не изгнаник, а лучший шпион Непостижимого Алкерза. Его задачей был сбор сведений, он старался втереться в доверие к влиятельным людям при дворе. Именно он незамедлительно сообщил в Грондар об исчезновении короля, и банды разбойников поспешили в Валузию. Именно по его наводке попал в засаду отряд Алых Стражей... Много славных воинов полегло в том бою. Среди них, кстати, был и Элформ. Помните часового, с которого все началось? — Ка-ну печально улыбнулся.— К сожалению, все могут ошибаться.

— Выходит, это мы оказались в западне,— сквозь зубы процедил Брул.— А я был уверен, что это ты, Кулл, угодил туда!

— Нет, западню мне никто не строил. **Я** сам ее нашел,— улыбнулся король. Он обвел взглядом дворец и, взглянув на пикта, хитро прищурился.— И добровольно из нее не уйду.

ЛЕТОПИСИ ДРЕВНИХ ЛЕТ

Глава первая ВСТРЕЧА

Дорога вилась сквозь бесконечную выжженную пустыню. Редкие холмы оживляли однообразие унылого пейзажа. Солнце, будто свирепея, разгоралось на небе, воздух был пропитан душной пылью. Порой в этом раскаленном мареве возникали леденящие душу миражи. Непрерывной чередой сменяя друг друга, они растворялись в воздухе, как призраки. Иногда были слышны глухие стоны...

Идущего по дороге человека тоже можно было принять за мираж, настолько чуждым он казался для этих диких и пустынных мест. Это был высокий, крепкий, но не лишенный изящества, кемакнец неопределенного возраста. Его осанка отличалась благородством, а лицо дышало мужеством, прямотой и добротой. В черных, широко открытых глазах светился пронзительный ум; слишком резко очерченный подбородок свидетельствовал о твердости характера. Одежда путника представляла собой обычный балахон, подпоясанный красным шелковым шарфом с золотой бахромой. Большая дорожная сума, перекинутая через плечо, раскачивалась в такт шагам. Вооружение путника ограничивалось торчащим из-за пояса кинжалом. В руках он держал посох с увесистым навершием. Ничто не указывало на то, что этот странник не кто иной как знаменитый Смарг из Гильдии Чародеев Вечности.

Редкий человек решался путешествовать в этом жутком безлюдье. Но обстоятельства заставили колдуна пренебречь всякой осторожностью.

Его целью был город Хабиб, прославленный Хранилищем Древнейших Рукописей. В башнях города хранились многочисленные свитки, повествующие о днях давно минувших и днях грядущих. Считалось, что среди них была и рукопись о Золотом Времени.

Раньше ученые, маги и их ученики приходили в Хабиб за новыми знаниями. Многие из них мечтали прочесть о Золотом Времени, но до сих пор это не удалось никому.

В древнем граде обосновались жрецы богини Хазры, славившиеся безмерной жестокостью. В последнее время они все чаще и чаще приносили кровавые жертвы своему грозному божеству. Край опустел, редкие путники осмеливались входить в город Хазры. Участились набеги на соседей. Их совершали хазриты, черные воины того же племени, что и жрецы. Откуда они явились — не знал никто. Беспощадные ратники разоряли приграничные селения, уводили в плен женщин, стариков и детей. Мужчин убивали на месте. В крепости пленных подвергали страшным пыткам и предавали смерти перед лицом богини Хазры.

Некоторые маги до сих пор еще пытались проникнуть в Хабиб и добыть Летописи, думая, что смогут уничтожить ненавистную Хазру и вернуть Золотые Времена. Но один за другим они [^]огибали под ударами ножей жрецов.

* * *

Много дорог вело в Хабиб, широких и удобных как для повозок с товарами, так и для конных путников. Славный город в прежние времена торговал с разными государствами Мира. Богаты и полны товаром были его рыночные площади, чего там только не встречалось: всевозможные чудо-фрукты и ягоды, изысканные ковры и ткани, меха, золотые украшения и драгоценные камни... Продавали там

и чистокровных скакунов из восточных стран, и экзотических птиц, и необычных зверей.

Торговал Хабиб и со своим ближайшим соседом, королевством Валузия. Дорога, вымощенная камнем и утопающая в зелени садов, тянулась до самого Хрустального города.

Вот по этой еще недавно оживленной торговой дороге, где только изредка проезжал вооруженный человек, теперь двигалось могучее войско. Это король Валузии Кулл после очередного набега хазритов решил уничтожить ненавистный ему и его народу город-крепость. Черные воины, истребив жителей одного из пограничных городов, принялись разорять окраины Валузии. Король не мог допустить оскудения государства и смерти своих подданных. Он поклялся жестоко отомстить и собрал многочисленную армию, состоявшую не только из пиктов — искусных воинов и стаинных союзников Валузии — и легионов быстрых и неутомимых наемников-варваров, но и из атов — мирных жителей приграничных земель Валузии. Костяк войска составляла верная Куллу, непобедимая Алая Стража из горцев Залгары. Валузия могла выставить и более многочисленную рать, но распри среди знати заставляли короля Кулла держать внутри страны сильную армию...

Войско шло по дороге ровной колонной. Впереди, по бокам и сзади патрулировали конные разъезды. Тяжелые катапульты и легкие баллисты, необходимые для штурма всякой хорошо укрепленной цитадели, располагались в середине колонны под усиленной охраной. Уничтожение их стало бы огромной потерей для всей Валузии. Девять катапульт бессменно охранялись Алоей Стражей, а баллисты были переданы на попечение пиктам.

Во главе этой хорошо вооруженной армии стоял сам король Кулл — могучий варвар с бойцовской статью: широкие плечи, мощная грудь, узкие бедра. Все в нем выдавало воина от рождения, который мог не только руководить армиями, но и победить любого в честной схватке.

Из-под густых черных бровей поблескивали холодные серые глаза.

В полном вооружении он ехал впереди своих воинов на высоком гнедом жеребце...

День за днем армия Кулла двигалась по пустынной местности. Каждый новый день походил на предыдущий. Вот и сегодня: они ехали целый день, сделав лишь короткую остановку, чтобы поесть и дать отдохнуть лошадям, когда зной стал совершенно невыносимым. Мертвая тишина нарушалась лишь звяканьем доспехов, ржанием лошадей под пропитавшимися потом седлами, да монотонным скрипом катапульт и обоза, тянувшимися вслед за кавалерией.

Заканчивался еще один день трудного перехода, но города не было видно. Казалось, что в мире существует только бесконечная дорога и проклятая безлюдная пустыня. Близилась ночь. Впереди, на пересечении двух дорог, открылась большая пустошь. Доскачив до нее, король Кулл круто развернул коня и громко отдал приказ:

— Разбить лагерь!

Хорошо обученные воины быстро обустроили очередную стоянку. Люди отдыхали у костров, готовили еду, чистили оружие, кормили стреноженных коней. Расставив часовых, командиры легионов прибыли в королевский шатер, над которым развевалось знамя Валузии. Доложив о состоянии войск, они уже собирались уходить, как вдруг раздался голос командира охраны короля:

— Лазутчик! Какой лазутчик в этой пустыне? Кто поймал его?

— Я, Нонок, начальник ночной стражи,— раздалось в ответ.— Я обходил посты, и вдруг на дороге, прямо передо мной, словно призрак, возник человек. Он шел в сторону палатки короля. Опешив от неожиданности, я закричал: «Стой! Кто ты такой и что здесь делаешь?» «Я — Смарг. Веди меня к королю», — ответил незнакомец. Он говорил так, словно имя его мне известно. Но я о нем никогда не

слышал, оно ни о чем мне не говорит. Я вызвал часовых, и мы привели его сюда.

Король Кулл вышел из палатки в сопровождении своих командиров. Он увидел человека, стоявшего в окружении воинов.

— Кто ты такой? — спросил Кулл.

— Я — чародей. Зовут меня Смарг. Уже много дней иду я из Сквиша в город-крепость Хабиб.

Удивленный Кулл оценивающе взглянул на говорившего. Король знал, что Сквиш находится далеко от Валузии и не понимал, что же могло заставить этого мага в одиночку проделать столь тяжкий и полный опасностей путь. Он еще раз внимательно посмотрел на незнакомца — тот держался уверенно и с достоинством.

— А знаешь ли ты, Смарг, что Хабиб — проклятое место. Там царят хаос и тьма?

— Да, мне это известно. Существа, обитающие там, поклоняются Хазре.

— Так, что же общего может быть между вами?

Смарг долго молчал, в свою очередь изучая собеседника, а потом спросил:

— Король, ты идешь покорить Хабиб?

Кулл усмехнулся:

— Как можно покорить Хаос? Нет. Я иду его уничтожить, сравнять с землей. Пусть его слуги исчезнут во тьме забвения!

Смарг еще немного помолчал, обдумывая услышанное. И поколебавшись, наконец произнес:

— Наша встреча предопределена судьбой. Знаешь ли ты, что крепость укреплена не только людьми, но существует еще и магическая защита, разрушить которую пока не удалось никому. Она тем сильней, чем больше кровавых жертв приносят богине Хазре. Поэтому черное воинство рыщет повсюду в поисках все новых жертв. Справиться без моей помощи ты не сможешь. Город неприступен, пока существует защита.

Король с нетерпением дослушал и сразу же спросил:

— Тогда зачем же ты идешь в Хабиб?

Смарг пронзил Кулла взглядом своих темных, почти черных глаз. Чародей боролся сам с собой, он понимал, что им не обойтись друг без друга, но все же опасался довериться варвару. Наконец он решился:

— Король, я помогу тебе завоевать город, но поклянись не жечь его. В бывшем храме богини Алавы хранятся Летописи Древних Лет. Если ты сожжешь город, то в огне погибнут и бесценные рукописи. Там есть и Летописи о Золотом Времени. Существует предание, что тот человек, который найдет их, сможет установить в Мире Вечную Гармонию. Я решился достать эти Летописи. Я должен их найти!

Убежденность чародея завораживала. Но стряхнув с себя оцепенение, Кулл рассмеялся:

— Неужели для человека так важна эта призрачная Гармония? Я не верю в нее и поэтому не могу дать тебе такой клятвы. Это не первая цитадель, которую мне придется разрушать, и не последние враги, которых я уничтожу. Так что я обойдусь и без твоей помощи! Можешь сопровождать мою армию, но пока я приставлю к тебе стражу... А сейчас всем пора отдохнуть. На рассвете выступаем.

* * *

К исходу следующего дня на горизонте появились стены крепости Хабиб. Окрашенные лучами заходящего солнца в кроваво-красный цвет, они грозно высились на фоне вечернего неба. Некогда украшенные вьющимися растениями, стены ужасали распятymi на них останками пленников. Пространство перед крепостью покрывали человеческие кости и черепа, очищенные червями набело.

Мрачную картину довершала громадная уродливая статуя, возвышавшаяся рядом с бывшим храмом Алавы. Она походила на ужасных существ, о которых рассказывали

уцелевшие от набегов жители Валузии: приземистых, массивных, с приплюснутыми головами, слишком большими даже для их массивных тел; со свалявшимися волосами, обрамляющими плоские лица, с близко посаженными глазами и впавшими носами. Их безгубые рты напоминали резаные раны, руки и ноги были уродливо искривлены. Они выглядели, как те отвратительные твари, которых по преданиям Боги изгнали с поверхности земли.

В Хабиб вели четыре дороги, проходившие через массивные, окованные медью, деревянные ворота. По обеим сторонам каждого ворот стояли невысокие башенки. Из-за отсутствия воды, рвы вокруг города были засыпаны землей. Поразительно, но на стенах и у бойниц не было видно ни одного защитника, а ворота города были беспечно приоткрыты.

Король Кулл в сопровождении Смарга поднялся на вершину холма. Стояла неестественная тишина. Город точно вымер, не раздавалось ни единого звука, которыми обычно полны городские улицы. Все застыло в безмолвии, как перед грозой.

Увидев открытые ворота, король отправил к ним конный отряд. Одновременно он отдал приказ: развернуть войска в боевой порядок и не спеша двигаться в сторону цитадели. Смарг невозмутимо наблюдал за действиями военачальника. Только легкая улыбка коснулась уголков его рта.

Вдруг чародей ожился. Прислушиваясь к чему-то и закрыв глаза, он сделал несколько пассов руками, как бы ощупывая невидимую преграду. Теперь уже Кулл наблюдал за ним с некоторым любопытством.

— В городе знают о нашем приближении и готовы встретить. Над цитаделью есть магическая защита, но она слабее, чем я предполагал. Видимо, в последнее время жертвоприношения Богам Тьмы почти прекратились,— задумчиво изрек Смарг.

— Мало набегов, мало жертв,— коротко бросил Кулл, обратив внимание лишь на последнюю фразу.— Мы дали им отпор еще раньше.

Но тут глаза короля расширились от удивления. Передовой отряд конницы, под предводительством одного из лучших его командиров, графа Залга, столкнулся с невидимой преградой. Первые всадники вместе со своими конями полетели на землю, невидимая рука разметала их в разные стороны. Лавина коней, не успевая остановиться, подмяла передних и, двигаясь по инерции, повторила их движение, растекаясь направо и налево. Еще не понимая, что произошло, Кулл мгновенно отправил гонцов остановить уже развернувшиеся и готовые к бою войска. Король приказал отойти на безопасное расстояние от крепости и разбить лагерь.

Вслед за этим король послал отряд разведчиков осмотреть подходы к крепости и выяснить причину такого непонятного поведения первого отряда. Воины понеслись вскачь к вражеской цитадели. Наконец-то закончился этот изнурительный переход под палящим солнцем. Им предстояло настоящее дело.

Кулл со Смаргом наблюдали за происходящим с холма. Всадники отряда графа Залга присоединились к разведчикам.

Разведчики действовали осторожно. Доехав до места падения и наткнувшись на невидимую преграду, они не смогли подобраться к стенам Хабиба ближе. Один из разведчиков изо всех сил рубанул по невидимой стене мечом, но тот, обиженно звякнув, отскочил от нее и вырвался из рук воина. Другой попытался пробить преграду копьем. Копье отлетело, с силой отброщенное назад, и всадник, вылетев из седла, повалился наземь.

Командир разведчиков решил попытаться подъехать к крепости с другой стороны. Отряд развернулся и поехал вдоль преграды, пытаясь найти хоть какой-нибудь проход.

Король Кулл видел, что происходит что-то странное и не-понятное.

Вдруг ворота крепости распахнулись и оттуда вылетел отряд черных воинов. Хазриты производили устрашающее впечатление — всадники, одетые во все черное, на черных как смоль конях... Когда этот отряд проходил сквозь невидимую преграду, полыхнул яркий свет.

Черный вихрь налетел на отряд разведчиков. Бой был скоротечным. Один за другим падали воины Валузии. Каждому воину Кулла приходилось обороняться против троих, но разведчики — искусные воины, погибая, успевали отправить в преисподнюю двух, а то и трех хазритов. Но схватка закончилась слишком быстро, Кулл не успел даже послать подмогу. Уцелевшие черные всадники по безмолвной команде прекратили схватку, развернули коней и помчались обратно в крепость, словно их здесь и не было. При проходе через невидимую стену опять была яркая вспышка света, которая, постепенно угасая, мерцала еще какое-то время.

Ошеломленный Кулл долго молчал. Когда он заговорил, его голос звенел от холодной ярости:

— Что это, Смарг?

— Я предупреждал, король! Это и есть непреодолимая магическая преграда. Она хорошо защищает город не только над землей, но и под землей, представляя собой замкнутую сферу, ограждающую Хабиб.— Чародей смолк, остановленный жестом Кулла.

— При чем здесь сфера? — прорычал король.— Говори о деле!

Смарг понял, что король еще не остыл и раздражен не-понятными словами. Но это его не смущило, и он продолжил:

— Сфера это как шар,— сказал Смарг и руками описал круг в воздухе.— Простым штурмом город тебе не взять. Нет такой силы, которая могла бы уничтожить защиту снаружи. Эта магия и раньше применялась для защиты

крепостей. Но ничто не проходит даром. Использование магии во зло, приводит к разрушению империй и гибели тиранов,— продолжал он, чувствуя что Кулл постепенно приходит в себя.

Король действительно восстановил способность рассуждать здраво. Впервые столкнулся атлант с тем, что, имея громадное войско, он не способен атаковать и разгромить врага.

Приняв доклад разведчиков, ничего не добавивший к увиденной им картине, Кулл дал знак магу продолжить. Надо было разобраться в происходящем и принять решение.

— В летописях говорится, что великий король прошлого Шимах тоже использовал магию для своих завоеваний. Он порабощал одно государство за другим, и никто не мог его одолеть. Многие пытались убить или захватить короля, но у них ничего не получалось. Много горя принес тогда Шимах. Король же черпал свое могущество от злых сил Тар-Тара, открыв дверь в наш мир для мерзких тварей. Зло расползлось по земле. И тогда несколько чародеев решили выступить против Шимаха. Они долго готовились. Несколько попыток одолеть Шимаха окончились неудачей. Великие чародеи погибли, пытаясь познать ее секрет. И только благодаря Радборну, юному ученику верховного жреца, удалось остановить приход в наш Мир мерзких тварей Тьмы. Узнав заклинание, уничтожающее стенузащиту, Радборн сбежал. Его, умирающего в пустыне от голода и жажды, случайно обнаружил чародей-скитальц по имени Кали. Он выходил юношу. И в знак благодарности Радборн поведал тому все, что знал.

Кулл с интересом выслушал Смарга. Когда тот замолчал, король спросил:

— А почему я никогда об этом не слышал? Почему не упоминалось об этом ни в одном предании? И что случилось с Шимахом потом?

— Хорошо! Я клянусь, что у тебя будет время взять эти рукописи. А потом я сожгу этот город, и пусть о нем не останется даже воспоминаний,— решил король.

— Значит, ты понял почему никто не знает об этом мрачном прошлом,— молвил чародей Вечности, оставив последнее слово за собой.

Войско Кулла уже разбило лагерь и продолжало укреплять его на случай возможного нападения. Обозы развернули так, чтобы они образовывали плотное кольцо вокруг лагеря. Перед ними установили рогатины и побросали связки хвороста и тюки с овечьей шерстью, которые обычно использовали пешие воины для защиты от стрел при штурме укреплений. Они должны были остановить конницу противника, если бы тому вздумалось произвести ночную вылазку. Кони, попав в хворост, непременно поломали бы ноги и повалились, похоронив под собой всадников или скинув их на частокол из рогатин. А град стрел из повозок обоза довершил бы уничтожение неприятеля. При необходимости можно было использовать и легкие баллисты для метания каменной картечи. Против нее не могла устоять еще ни одна армия, с которой сталкивался Кулл в своих походах. Баллисты расположили за кольцом повозок.

Несмотря на то, что хорошо обученные войска действовали и без его вмешательства, король Кулл пошел проверить дозоры и осмотреть укрепления лагеря. Ему хотелось обдумать план штурма. Только приняв решение, король советовался со своими командирами.

Смарг, которого не интересовало укрепление лагеря, в сопровождении приставленной к нему стражи спустился с холма и прошел в отведенную ему палатку. Достав из походной сумы несколько свитков, он развернул их на столе и углубился в чтение. Чародей еще окончательно не решил, как проникнуть в Хабиб, чтобы совершить там таинство разрушения черной магии, защищающей город. Борьба со злой силой Хазри, поддерживаемой всей мощью Тар-

Тара, смертельно опасна. Он понимал, что завтра для него может настать последний день жизни. Но чародей следовал выбранному пути.

Смарг верил — настало время! Он сможет достать Летописи Золотых Времен, и тогда цель его жизни будет достигнута... или он погибнет. Времени на размышления уже не оставалось — необходимо было подготовиться к завтрашнему дню.

Смарг уже довольно долго изучал старинные рукописи и почти отчаялся найти верное решение. Вдруг он радостно вскрикнул, схватив древний почерневший от времени свиток со странными иероглифами, вместо букв:

— Наконец-то, нашел!

Чародей снова углубился в чтение, что-то бормоча себе под нос. Потом решительно встал, еще мгновение подумал и направился на поиски короля Кулла, не обращая внимания на едва поспевавшую за ним стражу.

Король, тем временем уже приняв окончательное решение, твердым шагом направился к палатке Смарга. Они не успели пройти и по сорок шагов каждый, как столкнулись друг с другом.

— Ну как, чародей, удалось тебе разыскать что-нибудь в своих свитках? Когда ты сможешь снять магическую защиту, чтобы я мог послать вперед моих воинов?

— Да! Готовься к штурму крепости. Но мне понадобится самая мощная твоя катапульта, чтобы послать в крепость того, кто совершил задуманное.

— И это все, что тебе необходимо? — король недоверчиво посмотрел на мага.

— Конечно, нет. У меня будет не простой помощник. Это будет хоть и не очень большой, и не самый сильный, но все же демон,— с некоторой иронией в голосе произнес Смарг.

— Демон?

— Да. Ничто земное не сможет пройти сквозь эту преграду. У демона должно получиться. В одной из своих

и постасей он сможет пройти сквозь магическую защиту. Но в этой ипостаси он не может передвигаться. Приземлившись в крепости, он прочтет заклинание, которое прекратит доступ Силы к Защитной Сфере. И тогда все будет зависеть от тебя и твоих воинов. А сейчас прикажи страже отойти подальше, нам необходимо обсудить наши будущие действия.

— Да будет так! — решительно молвил атлант.

Глава вторая ШТУРМ КРЕПОСТИ

Лагерь замер до рассвета. Ничто не нарушало тишины, нигде не раздавалось ни шороха, ни лязганья оружия. Со стороны черного воинства больше не предпринималось попыток напасть на лагерь валузийцев. То ли усиленные дозоры, патрулировавшие окрестности, то ли излишняя уверенность в своей неуязвимости, то ли подготовка к обороне привели к тому, что последователи Хазры ни разу не потревожили войска Кулла...

В деталях обсудив с королем будущий штурм, Смарг не лег спать, а трудился почти всю ночь, изготавливая зажигательные смеси, тщательно смешивая разные порошки и что-то бормоча себе под нос. Ему потребовалось множество глиняных сосудов из-под вина, которое Кулл всегда брал с собой в поход, не отказывая себе в некоторых излишествах. Часть вина пришлось вылить, а остатки чародей добавил в свои смеси. Так Смарг готовил еще один сюрприз для Хабиба.

Считалось, что секрет этих смесей давно утерян, но колдуну удалось восстановить его. В одном из своих странствий он познакомился с демоном Харишем, который и помог раскрыть тайну горящей воды. Однажды Смарг спас этого молодого демона, которому было всего четыреста семьдесят лет (а демоны, как известно, почти

вечны). И вот теперь чародею понадобилась помощь его необычного друга...

Забрежил рассвет.

Кулл зашел в палатку колдуна, и Смарг достал из сумы еще один мешочек с порошком красного цвета и свиток с каким-то замысловатым текстом. Затем он подошел к светильнику и бросил в него щепотку порошка.

Огонь недовольно зашипел. Палатка наполнилась розоватым дымком, и пламя светильника, полыхнув, неожиданно стало похоже на прекрасный цветок, который притягивал к себе взор. Смарг запел заклинание на неизвестном языке, раскачиваясь из стороны в сторону в такт звуныной песне, больше похожей на молитву.

Король Кулл пытался отвести взгляд, но огонь и движения Смарга завораживали его. Он попытался сбросить с себя это наваждение. Большим усилием воли ему это удалось. Король хотел прервать действия чародея, но Смарг остановил его взмахом руки.

— Тише, король, тц мешаешь! Чтобы ты не увидел, сиди спокойно и ничего не говори!

Заинтригованный Кулл стал смотреть, что будет дальше. Он был твердо уверен, что справится с любой опасностью.

Пламя светильника опять несколько раз вспыхнуло и вдруг — из ничего явилось нечто. Создание огня несколько мгновений выбрировало в такт молитве, как бы раздумывая, что ему делать дальше, а затем сформировалось в обыкновенного демона — тварь, похожую на обезьяну, покрытую чешуей.

— Кто посмел потревожить меня?

— Успокойся, Хариш! Не так грозно!

Демон осмотрелся вокруг и, заметив короля Кулла, удивился. Почему это простой смертный присутствует при таинстве обряда?! Оглянувшись, он увидел и чародея:

— О, Смарг! — с демонической улыбкой произнес Хариш, явно обрадовавшись, что его вызвал знакомый кол-

дун.— А это кто? Что понадобилось от меня этому смертному?

— Пришел наш час,— объявил чародей.— Мне нужна твоя помощь: на рассвете будет штурм крепости Хабиб. Надеюсь, несмотря на твою «молодость», тебе не надо рассказывать всю историю?.. С помощью катапульты мы пошлем тебя сквозь Магическую Сферу, защищающую город.

— И что я должен сделать дальше? Ты ведь знаешь, что с мощью Хазры, поддерживаемой Тар-Таром, мне не справиться. Она слишком сильна. Как я разрушу ее защиту? — Демон, казалось, затрепетал от страха, когда произнес имя богини.

— Успокойся. Ты ведь бывал в переделках и похуже, но выдержка всегда помогала тебе!

— Ну уж нет! Какая выдержка? Только здравый смысл и ничего больше! И сейчас он мне говорит: уходи, пока не поздно.

Не выдержав, Кулл рассмеялся:

— Чародей, ты хочешь отправить этого скулящего от страха демона в крепость? Да что он может? Нет ли у тебя кого-нибудь посмелее?

— Хариш не такой уж и трус, как тебе кажется, король! Просто у всех есть свои слабости. Он любит, чтобы его уговаривали.

Смарг опять обратился к демону:

— Успокойся! У нас есть время только на подготовку. Если выполнишь то, что задумано, будешь свободен от всех обязательств передо мной.

Демон задумчиво посмотрел на мага и произнес уже другим голосом:

— Хорошо!

Кулл увидел быструю перемену, произошедшую в демоне.

Еще недавно тот скулил от страха и был ростом чуть выше человека, а теперь перед королем предстал уже дру-

гой демон: увеличившийся раза в два Хариш занял собой всю палатку.

Смарг продолжил.

— Мы перебросим тебя сквозь магическую преграду. Там ты произнесешь заклинание, которое я тебе дам. Защита крепости исчезнет. У Хазры сейчас немного воинов, нарушена цепь ее пополнения: жертва — жрец — Хазра — Велзул. В крепости не осталось рабов для жертвоприношений. Так что силы заклинания должно хватить. Сама Хазра не решится открыто выступить против людей, это может привлечь Богов на нашу сторону. А их она боится. Когда будет проделан проход в магической защите, начнется штурм. Богине и ее жрецам будет не до тебя. Тем временем ты пробирайся в ее храм. Там есть хранилище Древних Летописей. Попытайся найти мне свитки с легендами о Золотом Времени. Ты знаешь о них, мы не раз с тобой говорили об этом... Я, как только смогу, тоже появлюсь в храме.

Демон печально посмотрел на Смарга.

— Ты все же решился на это... Да помогут тебе Боги!

Смарг устало вздохнул и сказал:

— До штурма осталось мало времени. Кулл, прикажи забрать горшки с зажигательными смесями и делай все так, как мы с тобой решили. Хариш, возьми этот пергамент и запомни заклинание. А сейчас мне надо отдохнуть.— После этих слов он передал старый обгоревший свиток демону и погрузился в сон, продолжавшийся до восхода солнца.

* * *

С первыми лучами солнца лагерь ожила. Со всех сторон звучали приказы командиров, готовящих к бою легионы.

Король Кулл давно уже был на ногах. В полном боевом облачении он вошел к Алым Стражам, выстроившимся перед его шатром. Его взору открылась картина, ласкающая глаз любого полководца. Ровными рядами на высоких

могучих скакунах сидели всадники, облаченные в яркие алые доспехи. У каждого воина был огромный двуручный меч, а на луке седла крепился боевой топор. Алая Стража, одним своим видом могла обратить противника в бегство. Первая сотня Алой Стражи состояла из личной охраны короля. Это были самые сильные воины, славившиеся неистовостью в битве. Они всегда сражались как берсерки, прикрывая в бою короля Валузии.

Солдаты встретили своего предводителя приветственными криками:

— У-ла! У-ла! У-ла-а-а..!

Взметнув над головой меч, Кулл ответил на приветствие своей Стражи и стрелой взлетел на коня.

Лагерь мгновенно забурлил, командиры выводили на равнину перед крепостью отряд за отрядом. Впереди шли пешие воины-варвары и поселяне-добровольцы, они составляли костяк штурмовых легионов. За ними следовали конные пикты.

Лагерь, который еще совсем недавно бурлил, словно морской прибой меж береговых скал, пустел. Но на равнине, куда монотонно переливался поток войск, возникало столь необычайное построение, что любой мало-мальски сведущий в тактике человек пришел бы в замешательство.

В крепости, как и следовало ожидать, наблюдали за передвижениями войск Кулла. Но ворота, обращенные в сторону лагеря, были по-прежнему приоткрыты, дразня и как бы приглашая попробовать войти. Черному воинству давно никто не оказывал должного отпора. Близлежащие города были слишком слабы и разобщены, чтобы выступить против Хабиба. Так что, надеясь на непроницаемость Сфера, хазриты не удосужились как следует подготовиться к штурму. И теперь они толпились на стенах, насмехаясь над противником и не подозревая, что в этот раз им придется драться с многочисленной и сильной армией.

А войска Кулла действительно активно готовились к штурму. К двум воротам двинулся отряд, состоящий из

поселенцев и варваров. Основные же силы короля Кулла выстраивались, разделившись на четыре отряда. В центре, чуть выдвинувшись вперед, плотной стеной встала Алая Стражи. Позади нее располагались в ряд все девять катапульт, взведенных и готовых к бою.

На левом и на правом флангах, как раз напротив ворот, находились смешанные отряды пиктов и наемников-варваров. Около каждого всадника-пикта стоял пеший воин, держась левой рукой за луку седла. Позади каждого отряда стояли колесницы, с установленными на них легкими баллистами. В колесницы были впряжены тройки коней, с завязанными темной тканью глазами. Правый и левый фланги оказались настолько удалены друг от друга, что не смогли бы взаимодействовать в бою. Позади всех этих построений, сразу за катапультами, стояли король Кулл и чародей Смарг в окружении сотни воинов.

Необычность этой картины заключалась в том, что все войска, за исключением двух человек, стояли спиной к врагу, будто собирались стройными рядами покинуть поле боя.

Вдруг из крепостных ворот вылетели два отряда черных всадников. Когда они проходили сквозь Сферу, как и в первый раз вспыхнул свет. Хазриты на всем скаку налетели на ополченцев и наемников-варваров. Первыми, прикрывая ополченцев, в ряды хазритов врубились варвары.

Наверное, все обитатели крепости высypали на стены, полюбоваться тем, что происходит в стане врага. Они смеялись и издевались, как им казалось, над беспомощным противником. Но тут события стали развиваться столь неожиданно, что уже через несколько мгновений их смех оборвался.

Кулл взмахнул мечом и горнисты, приложив трубы к губам, возвестили о начале штурма. По этой команде воины передовых отрядов, мгновенно прекратив бой, бросились на землю, прикрыв спины щитами. Их враги опешили от такого непонятного, и, казалось бы, трусливого поведе-

ния. Но в тот же момент катапульты произвели залп, выбросив в сторону Хабиба горшки с зажигательной смесью. Горшки, встретившись с преградой, разлетались на куски, и смесь вспыхнула, охватив часть Сферы ярким пламенем. Одна из катапульт выбросила вместо горшка необычный слабо мерцающий шар, который, плавно пролетев сквозь защиту, приземлился за стенами города. Отвлеченные развернувшейся перед ними картиной, хазриты так ничего и не заметили.

Демон Хариш, восстановив привычный для себя облик, не мешкая пропел заклинание и, не интересуясь дальнейшими событиями, отправился на поиски хранилища Летописей. Путь ему озарила ярчайшая вспышка света. Режущий глаза свет, образовавшийся на месте исчезнувшей Сферы, ослепил защитников, стоявших на стенах крепости. Те, не понимая, что происходит, закрывали глаза руками, терли их, пытаясь вернуть себе зрение. Черные воины натыкались друг на друга, падали со стен. В крепости царил хаос, возникшая паника разрасталась, расходясь все дальше и дальше, как волны от камня, брошенного в воду.

Отряды хазритов, находящиеся во время вспышки рядом со Сферой, тоже были ослеплены. Обезумевшие кони понесли своих всадников, сбрасывая их наземь и топча копытами. Вскочив с земли и отбросив в стороны ненужные уже щиты, воины Кулла с победным криком бросились к воротам Хабиба. Зарубив нескольких воинов, пытавшихся оказать сопротивление, они захватили ворота и распахнули их настежь.

Сразу после вспышки король Кулл, наблюдавший через темные слюдяные пластины за разворачивающимся боем, опять взмахнул мечом и крикнул:

— Вперед!

Над полем пронесся новый сигнал труб, призываю главные силы Валузии вступить в сражение.

Развернувшись лицом к крепости, войска по сигналу горнистов пошли в наступление. Боевые кони, чувствуя

охватившее всех настроение, помчались вперед как ветер. За ними двинулись колесницы с баллистами.

Кулл летел впереди Алой Стражи, доспехи которой сверкали на солнце. Казалось, что море огня хлынуло через восточные ворота крепости. Воины как вихрь пронеслись по улицам, сметая все на своем пути, не щадя никого вокруг. Раздавался лязг мечей и глухие удары топоров. Со всех сторон слышались предсмертные крики. Второй вихрь валузийцев нес смерть хазритам через южные ворота Хабиба.

Оправившись от первого замешательства, черные воины начали защищаться с отчаянием обреченных.

Кулл не боялся смерти. Вот и сейчас его боевой клич раздавался в самой гуще схватки. Король радовался сражению, как старому другу.

Враги со всех сторон наседали на атланта, но Кулл, подобно тигру, быстро и проворно отражал удары черных воинов. Глаза его сверкали холодной сталью, рот оскалился в яростном крике. Крепко сжимая в руке тяжелый меч, король Валузии безостановочно разил врагов.

Хазриты постепенно отступали, не выдерживая его написка. Кулла удивляло, что черные воины бились молча, не произнося ни звука. В их ужасных глазах полыхала ненависть. Король понимал, что битва обязательно должна закончиться его победой, и эта уверенность придавала ему силы.

Алая Стража ни на шаг не отставала от Кулла, прокладывая дорогу пиктам и наемникам-варварам, которые добивали уцелевших. Алые все дальше проникали в глубь цитадели, разливаясь подобно утренней заре, поглощающей черноту ночи.

Когда валузийцы хлынули в лабиринт, ведущий к центру города, король Кулл свернул направо. Весь отряд, как один человек, последовал за ним и, пустив коней бешеным галопом, промчался по ближайшей боковой улице.

Улица была очень узка и тесно застроена с двух сторон домами, верхние этажи которых, выступая вперед, нависали над мостовой. Тут воины Кулла не встретили никакого сопротивления и через несколько минут они выплеснулись на рыночную площадь.

От рыночной площади к центру города вело несколько таких же уочек, перегороженных баррикадами, наскоро выстроенными из мебели. Множество хазритов засело в пустующих домах и могли беспрепятственно стрелять из окон.

Всю площадь уже заполонили пикты и варвары.

Между тем в городе царила паника. Трубили трубы, мчались конные отряды, кричали командиры — и все это сливалось в общий нестерпимый шум. Оценив обстановку, Кулл приказал горнистам пропустить условленный сигнал.

И вскоре на рыночную площадь прибыли баллисты. Семь залпов каменной картечи обрушились на баррикады и стены домов, неся смерть хазритам.

Выбрав самую широкую улицу, Кулл решил уничтожить построенную там баррикаду в первую очередь. Пикты и варвары пошли в наступление. Немедленно из-за баррикады и из окон домов полетел ответный град стрел. Но и стрелки-варвары прицельно разили противника.

Начался бой. Нападающие, размахивая мечами, старались разрушить баррикаду. Но защитники сопротивлялись как безумные. Когда наконец хазриты отступили, баррикада стала вдвое ниже и грозила вот-вот рухнуть.

Пехота расступилась, чтобы дать дорогу всадникам. И те длинной, стремительной колонной, как нападающая змея, бросились на полуразрушенную баррикаду. Один из первых гвардейцев упал вместе с лошадью, и его товарищи проскакали по нему. Другой вскочил прямо на вершину укрепления, пронзив стрелка своим копьем. Почти в то же мгновение его самого стащили с седла, а коня убили.

Неистовый натиск отбросил защитников. Воины Алой Стражи, словно буря, ринулись вперед, оттеснили хазри-

тов и с хлынули на улицу, подобно потоку, прорвавшему плотину.

Но битва еще не кончилась. В узком проходе оставшиеся в живых хазриты работали топорами, как дровосеки, и на улице образовалось новое заграждение из павших бойцов и их лошадей со вспоротыми боками. Кони брыкались в предсмертной агонии.

Увидев новую баррикаду из тел, Кулл ринулся в гущу сражения. Шаг за шагом он продвигался вперед. Один за другим падали воины вокруг короля. Но атлант стоял как скала, о которую разбиваются черные волны глубин. Король Валузии бился словно заговоренный: ни меч его не брал, ни стрела.

Баррикада пала. Лавины пиктов, пройдя по боковым улицам, уничтожили оставшиеся заграждения с тыла. Путь к храму Алавы стал свободен.

Но в окрестных домах оставались лучники, обстреливающие валузийцев из окон. Не раздумывая ни минуты, Кулл ринулся к двери ближайшего дома. Одним движением своего стального тела, король-варвар вышиб дверь и сразу же несколько воинов его охраны ворвались в дом. Завязавшаяся внутри дома схватка была скоротечной — хазриты пали один за другим.

Пройдя по дому в поисках врагов, в одной из комнат воины обнаружили забившихся в угол женщин. Они были с головы до ног укутаны в широкие, свободные одежды. Оставались видны только горящие глаза. Раздались крики, напоминавшие шипение разъяренных змей перед нападением, и в гвардейцев полетели подушки, стулья — все, что попадалось женщинам под руки. Воины не ожидали такой яростной атаки — им пришлось отступить.

Одна из ведьм обрушила скамейку на голову рядом стоящего валузийца. Тот потерял равновесие и с грохотом упал. Бросившись на него, женщина занесла кинжал и с истощенным, торжествующим криком вонзила его в грудь своей жертвы. Пока несчастный бился в предсмертных су-

дорогах, воительница сорвала с головы покрывало и впилась в незащищенное горло валузийца.

Напившись, она подняла голову. С уголков ее губ капала кровь. Ужасающее зрелище заставило воинов очнуться от оцепенения, и они стали убивать своих врагов без пощады. Когда все закончилось, один из воинов сорвал покрывало с погибшей фурии. Перед ним на полу лежало безобразное существо с деформированным телом и уродливыми конечностями. Голова его росла прямо из плеч, а вместо зубов торчали уродливые клыки.

* * *

Казалось, бой идет везде: на узких переулках, на крышах домов, на крепостных стенах. Черных воинов становилось все меньше и меньше.

Смарг не рвался в первые ряды, но и не отставал от наступавших. Он упорно продвигался к храму Алавы. Охранявшие чародея воины удивлялись его настойчивости. Они еле поспевали за ним. Смарг летел вперед, одержимый лишь мыслью о близости своей цели. Судьба вела его. Он все сметал на своем пути. Маг орудовал своим посохом, как опытный боец булавой. Обрушивая удары на головы хазритов, он расчищал дорогу. Валузийцам оставалось лишь прикрывать его сзади, чтобы какая-нибудь предательская рука не нанесла удар в спину.

Наконец Смарг добрался до храма Алавы. Высокая лестница, на ступенях которой лежали тела жрецов, умерщвленных то ли демоном, то ли воинами Валузии, вела в храм. На убитых не было видно никаких ран. Чародей решил, что это все-таки дело рук демона. Только он мог убивать, не оставляя ран. И едва слышно, как бы про себя, Смарг пробормотал:

— Хариш развлекся! Но где же он сам?

Преодолев крутую лестницу на одном дыхании, Смарг вбежал в храм. В представшем перед его глазами огромном сводчатом зале кипел бой. Кулл с несколькими Алы-

ми Стражами сражался против многочисленной орды жрецов Хазры. Все перемешалось. Хазриты с дикой яростью защищали свою святыню. Они с ловкостью орудовали металлическими посохами, пользуясь ими то как копьем, то как мечом. Воинам Алой Стражи приходилось прикладывать немало усилий, чтобы одолеть жрецов. Многие пали, но король-варвар, казалось, не замечал ничего вокруг себя, и, неумолимо двигаясь вперед, прокладывал дорогу меж врагами. Не зная усталости, Кулл проливал кровь своих врагов, как воду. Звенели мечи. Вот уже и последний жрец упал, пронзенный валузийской сталью.

Глава третья **ДРЕВНИЕ ЛЕТОПИСИ**

Наступившая после жестокой сечи тишина оглушала. Король Кулл остановился, дико озираясь в поисках врагов. Но постепенно возбуждение битвы спало. Оставшиеся в живых стражники внимательно осматривались: не покажутся ли новые противники. Шло время, и никто не появлялся. Раздавались только тихие стоны раненых.

Яркий свет наступившего дня проникал лишь через узкое отверстие в потолке, рассеиваясь и растекаясь по огромному сводчатому залу. Воины разбрелись рассматривая росписи на стенах и сводах зала: кровавые битвы, жестокие жертвоприношения, обильные пиры, опять битвы и опять жертвоприношения черной богине, сопровождаемые пирами — только эти сцены и никаких других! Мрачные росписи должны были заставить поклоняться Хазре, трепетать перед ее Силой. Но у воинов Алоей Стражи, постоянно видевших смерть и привыкших к жестокости, эти картины вызывали только гнев и ненависть к Силам Тьмы.

На центральной фреске была изображена сама богиня Хазра. Прижав локти к бокам, она раскрывала перед сморщенной, обвислой грудью громадные лапы. Зобастую шею венчала не голова, а безносый череп — олицетворение самой Смерти. Люди ползли к ней по ступеням, моля сохранить им жизнь. Но щадя жертву, она забирала ее бессмертную душу, которая становилась воплощением зла и

несла своим сородичам гибель и мучения. «Милость» к одному значила погибель для другого. Добро для одного — гибель и зло для другого.

Смарг долго рассматривал фрески. И вдруг воскликнул, обращаясь к Куллу:

— Эти изображения очень похожи на росписи в храме царя Шимаха, почти копии. Их надо уничтожить. Под ними скрыты священные для всего живого символы Жизни, даруемые Богами людям. Раньше в этом зале находилось главное хранилище рукописей.

Древние Летописи тоже хранятся в храме Алавы, но в секретном месте, известном немногим. Храм большой, мне может понадобиться много времени, чтобы их найти. Да и неизвестно, какие ловушки могут подстерегать!

Решив, что настало время позвать демона, Смарг громко крикнул:

— Хариш! Хариш, отзовись!

Прошло какое-то время, воздух посреди зала засветился, становясь осязаемым, и из него возник демон:

— Я уже давно здесь.

Чародей нахмурился:

— Что значит давно? Ты нашел, где хранятся Летописи?

Хариш, довольный собой, хихикнул:

— Нашел, да не совсем. Идти туда далековато, да и страшновато.

Кулл рассмеялся:

— Неужели демону может быть страшно?

Хариш загадочно улыбнулся:

— Пошли!

Они пересекли анфиладу комнат, прошли длинными коридорами, то спускаясь, то снова поднимаясь по лестницам и поворачивая почти на каждом шагу.

Если бы демон не вызвался проводить их, то Кулл со Смаргом давно бы уже затерялись в этом лабиринте. Везде царил полумрак. Казалось, даже воздух становился тяже-

лее и давил, как если бы он был покрывалом из тяжелой ткани. Ты хочешь его сбросить, но ничего не получается, и оно опутывает, сковывает твои движения. Эти мрачные переходы подготавливали к Чему-то Ужасному, надежно защищенному ловушками, сетями, самострелами и ямами, утыканными кольями. То и дело со стен падали огромные камни, грозя похоронить под собой искателей Летописей. Несколько раз воины с криком срывались в замаскированные западни, но в последний момент, как бы доказывая правоту своих слов, демон выручал их из безвыходной ситуации.

Переходы, переходы, лестницы и еще лестницы. Комнаты и залы нескончаемой чередой сменяли друг друга. В одной из них и сам Хариш чуть не сорвался в замаскированную ловушку: в глубокий бассейн с отвесными стенами. В нем обитали ядовитые змеи, откормленные трупами жертв. Живые посредницы между человеком и вечностью благоденствовали в этом сыром и темном месте. Почти бессмертные, здесь они, год за годом сбрасывая старую кожу, вырастали до огромных размеров.

Кулл с отвращением посмотрел в глубокий бассейн, где извивался клубок змей. Голодные змеи бросались, вцеплялись друг в друга, истекая кровью, но не сдаваясь. Воины замерли, загипнотизированные видом ужасных тварей.

Но Смарг торопил идти дальше. Демон полетел вперед, возглавляя процессию. Теперь он уже не бахвалился перед людьми, а заранее уничтожал западни, не желая лишних жертв.

После очередного перехода король и чародей очутились в огромном зале. Вдоль стен выстроился ряд мраморных колонн. Когда-то этот величественный зал освещала тысяча факелов. Росписи на стенах, выполненные искусными мастерами со всего света, были украшены драгоценными камнями и золотыми обрамлениями. Между росписями висели большие серебряные зеркала. Отражаясь в зеркалах, свет факелов преломлялся, играя всеми цветами радуги.

ги. Тот, кто попадал в этот зал, уже никогда не мог забыть эту величественную картину. Все виденное ими до этого меркло. Раньше в этом зале любили собираться ученые, чародеи и поэты, проводя время в бесконечных разговорах и спорах.

Тут всегда царили радость, покой и счастье. Казалось, что здесь незримо присутствует прекрасная богиня Алава, покровительница науки и искусства.

Сейчас лишь несколько десятков факелов освещали безобразную статую богини Хазры, установленную в конце зала. Перед статуей возвышался алтарь, на котором приносили человеческие жертвы. Это было невысокое каменное ложе, украшенное вырезанными в камне картина-ми жестоких жертвоприношений. Центральной фигурой барельефов было изображение огромного змея. Перед ним лежал обнаженный человек, руки и ноги которого опутали змеи. Большой Змей раскрыл омерзительную пасть и готовился вцепиться в очередную жертву...

Смаргу хотелось посмотреть на росписи, но в полумраке с трудом удавалось различить, что изображено на стенах. Взяв факел, чародей подошел к стене и принялся рассматривать фрески.

— Будьте прокляты, жрецы Хазры! — в гневе воскликнул он.

Хазриты сняли со стен золотые пластины и драгоценные камни. Поверх былых прекрасных росписей они нанесли мрачные фрески, уже виденные чародеем в других залах храма.

Смарг насторожился. Из ближайшего прохода послышались приглушенные шаги. Поток воздуха принес резкий запах дикого зверя. Еще не понимая, что происходит, Смарг бросил в коридор горящий факел.

В ответ раздался грозный рык, эхом прокатившийся по залу. Ему вторили еще два зверя. Обернувшись к Куллу, маг крикнул:

— Звери! Дикие звери!

Услышав крик, валузийцы тотчас отошли к освещенной статуе и заняли круговую оборону. Несколько воинов по пути успели снять со стен горящие факелы. Из темного прохода медленно вышел огромный лев. Из-за его спины бесшумно появились две львицы и встали по бокам. Люди и львы застыли, внимательно изучая друг друга. Смарг тихо прошептал:

— Это царь всех львов — самый крупный и сильный из всех зверей, что мне доводилось видеть. Жрецы Черной богини скармливали ему рабов.

— Звери, есть звери, но и мы не рабы, — не дрогнув, ответил Кулл.

Словно услышав эти слова, львы приготовились к атаке. Вожак присел, а затем стремительно прыгнул на короля Валузии, перелетев через строй охраны. Воины, выхватившие из ножен мечи, не смогли даже задеть его. Кулл, видя приближающегося хищника, приготовился достойно встретить его. Но не успел он занести руку, как лев ударом лапы, выбил меч из рук короля. Клинок, обиженно звеня, отлетел в сторону. Царь зверей ринулся на своего противника.

Они сцепились. Кулл схватил льва за гриву, и передние лапы хищника оторвались от земли. Изловчившись, король вцепился в морду льва, разрывая пасть. Лев беспомощно царапал когтистыми лапами воздух, стараясь вывернуться. Кулл стоял как глыба, мышцы его напряглись под бронзовой кожей. По телу ручьями стекал пот. Долго так продолжаться не могло, кто-то из них должен был уступить. Два исполина, два достойных противника. Их единок закончил один из воинов, поразив льва мечом в сердце. Раздался предсмертный рык, и царь зверей, из последних сил взмахнув лапами, обмяк и свалился у ног короля.

Львицы бросились на людей одновременно со своим предводителем. Одна из них погибла сразу, напоровшись на мечи. Вторая все же успела ударом сильной лапы пова-

лить на пол одного из Стражей и вцепиться в его тело клыками. Но насладиться победой над человеком она не успела, так как сама погибла под ударами топоров.

— Что еще нас ждет впереди? — вырвалось из уст чародея.

— Посмотрим! — грозно ответил Кулл.

Переведя дух, они хотели было продолжить путь, но тут в зал вошел высокий человек в окружении двух десятков фигур в серых балахонах с накинутыми на головы капюшонами. Одетый в желтый балахон человек опирался на посох. Нижний конец посоха был острым, как копье, а верхний выглядел весьма необычно. Он напоминал изви вающуюся расплющенную змею с массивной головой. Изо рта змеи, вместо языка, торчал кинжал. С него падали хорошо заметные во мраке голубые искры. Тело змеи являло собой обоядообстрый меч. Такие же посохи были у всех вошедших.

Это были Верховный Жрец Хазры и его ученики-подручные, вершившие в Хабибе Зло во славу Смерти. Они появились бесшумно, не произнося ни слова. Молчали и их противники.

Затянувшуюся паузу прервал Верховный Жрец, пристально всматривавшийся в Смарга:

— Я ждал тебя давно. Знал, что когда-нибудь ты придешь — Чародей Вечности. Не думай, что ты уже победил, скорее всего, ты сгинешь вместе с варварам Куллом и его воинами. Летописи тебе не достанутся, как не достались они и мне. Вы погибнете здесь.

Смарг не успел ничего ответить. Его внимание отвлекли несколько воинов Кулла, без приказа бросившихся вперед. Жрецы даже не тронулись с места.

Лишь их предводитель развернул свой посох в сторону воинов. С острия кинжала одна за другой слетели голубые молнии, поражая наступавших. Воины замертво рухнули на пол, не успев понять, что же произошло. На их лицах застыло удивление.

Жрец торжествующе рассмеялся и его громкий голос прокатился по всему залу:

— Кто еще попробует? Вы смогли одолеть простых воинов! Но теперь пред вами истинная мощь Хазры! — Обращаясь к своим ученикам, жрец прорычал: — Убейте их, они ваши!

Охрана жреца медленно двинулась вперед, направив на валуэйцев свои посохи.

Король Кулл уже не раз вступал в бой с колдовством, и знал, что холодная сталь всегда побеждает в таком поединке. Он с яростью бросился вперед, воины Алой Стражи не отставали от своего повелителя. Жрецы орудовали посохами как искусные бойцы, но магия почему-то не действовала.

Это демон перекрыл доступ к магии, создаваемой Темными Силами Тар-Тара, и сдерживал ее, рискуя навсегда лишиться своей волшебной Силы. Не имея поддержки, прислужники Хазры проиграли. Но даже умирая, они норовили вцепиться в шеи, руки или ноги противника.

Из сотни воинов, вошедших в храм вместе с атлантом, уцелело всего человек пятнадцать. Да и те были изранены.

Оставшиеся в живых обессилели. В изнеможении они опустились на каменные плиты, только Кулл застыл посреди зала. Ничто не могло остановить короля Валузии, пока впереди мог затаиться хоть один враг.

В наступившей тишине все наблюдали за продолжением поединка Света и Тьмы. Здесь сражались, две воли: воля Верховного Жреца и Чародея Вечности. Окружающие чувствовали, как волна за волной от жреца исходит ненависть. Один воин, собравшись с силами, решил приблизиться к жрецу. Сделав несколько шагов, он попал в волну колдовской злобы и истошно закричал, корчась от боли. Затем рухнул на пол, продолжая дрожать, и наконец затих.

И тут раздался голос демона:

— Не приближайтесь к ним. Держитесь как можно дальше. То, что происходит сейчас, не подвластно ни человеку, ни демону.

Жрец и Смарг стояли, сцепившись взглядами. Они не могли одолеть друг друга. Вдруг жрец поднял свой посох и ослепительная молния ударила с острия кинжала. Но, не долетев до чародея, она встретилась с какой-то преградой и рассыпалась на мириады искр, теряя свою смертоносную силу. Потерпев неудачу, Жрец на какое-то мгновение ослабил внимание. Смарг как будто только этого и ждал. Он что-то пропел и направил руку с посохом в сторону врага. Разящая волна Силы устремилась к Жрецу и встретилась с его ослабевшей защитой. Пробив ее, поток колдовской энергии захлестнул хазрита. Жрец задрожал, на миг замер, затем сделал шаг вперед и упал навзничь у ног своего идола.

Чародей тяжело опустился на пол. Люди вокруг безмолвно ждали, когда маг придет в себя.

Демон же, подлетев к Смаргу, начал нашептывать какое-то заклинание. Была видно, что колдун приходит в себя и к нему постепенно возвращаются силы. Вот он уже встал и спросил:

— Мы можем идти дальше?

В это мгновение какое-то едва заметное облачко отделилось от тела Верховного Жреца, окутало статую Хазры и та рухнула, рассыпаясь на тысячи частей и открывая прекрасный лик богини Алавы.

Завороженные чудом, люди стояли не в силах произнести ни слова.

Однако Хариша просшедшее совсем не удивило. Развернувшись к Смаргу, он ехидно заметил:

— Наконец и боги проснулись. Они указывают путь.

Чародей очнулся и понял, о чем говорит демон: правая рука богини указывала на противоположную стену, где ярко горели три светящихся рубина. Они образовывали треугольник и как бы призывали: «Нажми!» Подойдя к

стене, чародей надавил на все камни одновременно. Прощли томительные мгновения, и со скрежетом, как бы нехотя, открылась каменная дверь, за которой оказалась уходящая вниз крутая лестница. Взяв факелы, воины Кулла стали медленно спускаться. За ними последовали демон, король и чародей. Спускаться пришлось недолго. Они увидели еще одну дверь. Воины расступились, пропустив вперед Кулла, он толкнул дверь, и она легко и беззвучно отворилась.

Они оказались в просторном помещении, вдоль стен которого тянулись длинные стеллажи. Свет факелов осветил их, и стало ясно, что это и есть заветное хранилище рукописей.

Смарг прошептал:

— Вот где они! Их столько, что не только прочитать, но и сосчитать трудно! Как же я найду летописи Золотых Времен? Мне жизни не хватит все просмотреть!

— Почему не хватит? А чародеи твоей гильдии не могут помочь? — с улыбкой спросил Хариш.

— Кто знает, где они и как нам их найти? Но оставшиеся в живых, думаю, придут на мой зов.— Смарг тяжело вздохнул и продолжил: — Нелегко будет собрать их.

Кулл шел вдоль стеллажей. Он никогда не видел такого громадного хранилища. Король остановился, о чем-то задумавшись, а затем, повернувшись к Смаргу, спросил:

— Как случилось, что за долгие годы хазриты так и не нашли их?

— Мне говорили, что последние хранители Древних рукописей с помощью Богов укрыли их в подземелье храма. Но все они пали, защищая свои святыни, и унесли тайну с собой в могилу. Хазриты упорно искали рукописи, в надежде использовать их. Я молился Богам, чтобы рукописи не обнаружили. Боги сохранили их.

— Почему же мы нашли их так легко? — заинтересовался Кулл.

— Ты считаешь, что легко? Сколько твоих людей погибло? Нам покровительствовала богиня Алава! Без ее помощи мы бы еще долго искали и кто знает...

Кулл и Смарг с интересом стали перебирать свитки, разворачивая их, принимались читать, потом брали другие. Увлеченные, они не замечали, как летело время. Глядя на них, поначалу безучастный демон тоже принялся рассматривать рукописи: он перелетал от полки к полке, иногда громко смеялся, иногда грустно вздыхал. Время от времени он передавал то одну, то другую заинтересовавшую его рукопись Смаргу или Куллу.

Свитки лежали беспорядочно. Они не были разложены ни по времени написания, ни по странам, которым посвящались. Видно, люди, пытавшиеся спасти рукописи от хазритов, приносили сюда все в спешке, когда падение Хабиба уже стало неизбежным.

Читая Древние Летописи, чародей удивлялся. Ему попадались свитки не только с рассказами о минувшем — о завоеваниях Шимаха или о каком-то давно исчезнувшем народе — но и о будущем: о подвигах рыцарей какого-то короля; о проповеднике, который явится в мир и примет на себя грехи человеческие...

В рукописях переплеталось настоящее, прошлое и будущее. Воистину чудесные письмена! Едва касаясь пожелтевшей бумаги, чародей развернул очередной свиток.

— Сколько времени прошло с тех пор, когда ее в последний раз касалась рука человека, а она прекрасно сохранилась, — произнес он и с благоговением начал читать.

Прочитав первые строки, Смарг удивленно воскликнул:

— Не может быть! Это о нас!

— Читай вслух! — приказал Кулл.

— ...Дорога вилась сквозь бесконечную выжженную пустыню. Редкие холмы оживляли однообразие унылого пейзажа. Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея. Ничто не указывало на то, что этот странник не кто иной как знаменитый маг Смарг из Гильдии Чародеев Вечно-

сти.... Это король Валузии Кулл после очередного набега хазритов решил уничтожить ненавистный ему и его народу город-крепость Хабиб...— продолжил Смарг, найдя в рукописи место, которое явно должно было заинтересовать атланта.

— Ведь это описание твоего похода, Кулл! — воскликнул демон.— И что же там в конце? Давай, Смарг, читай быстрее, не тяни!

Смарг осторожно перемотал длинный свиток и прочел:

— ...Заканчивался кровавый штурм города Хабиба. Твари Тьмы — повержены. Все улицы устланы их безобразными телами... Среди хазритов почти не было женщин и совсем нет детей. Хазриты не знали ни жалости, ни любви, уничтожая все живое, поэтому Боги Плодородия и Любви отвернулись от них, обрекая на вымирание... Много погибло и валузийцев. Оставшиеся в живых бродили по улицам города, собирая погибших, чтобы отдать героям последние почести. На площади перед Храмом Алавы было решено соорудить большой погребальный костер... Стоял жаркий солнечный день. Голубое небо казалось выцвело от солнца. Вдруг в безоблачной вышине раздался раскат грома и сверкнула молния, ослепительная даже при ярком солнце. Она поразила безобразную статую Хазры, все еще возвышавшуюся перед храмом Алавы. Вспыхнув голубым пламенем, та с шипением исчезла, не оставив и следа. Так свершилась воля Богов... Среди победителей прокатился удивленный возглас: «Смотрите! Смотрите!» Тела хазритов начали с шипением исчезать, а на их месте оставалась лишь маленькая кучка пепла, из которой поднималась ввысь едва заметная струйка дыма. Это продолжалось до тех пор, пока город не освободился от захватчиков... Подул легкий ветерок, солнце скрыли тучи. Вот уже все небо стало свинцово-черным, без единого просвета. Стемнело. Хлынул дождь. Казалось, что он должен смыть даже воспоминания о недавнем прошлом... Постепенно

город светлел, и окружавшая его пустыня преображалась...
А ливень все продолжался... — закончил читать Смарг.

С нетерпением дослушав последнюю фразу, Кулл решительно сказал:

— Пойдем наверх, проверим!

Выставив охрану у дверей хранилища, атлант стремительно направился к выходу. Остальные последовали за ним.

Выйдя на улицу, они замерли, подставив израненные тела под ласковые струи ливня.

Круг замкнулся.

УЖАС МОРЯ

Кулл верхом на лошади ехал через лес, блистающий алмазами дождевых капель. Король Валузии был счастлив, словно юноша, впервые вырвавшийся на свободу. Он радовался тому, что находится в лесу в полном одиночестве, и ни о чем не беспокоился.

Под кронами деревьев слышался мерный шорох капель, ссыхающихся с темно-зеленых, будто кожаных, листьев. Вокруг кипела жизнь, пронзительно кричали птицы и обезьяны. Деревья выселились стройными колоннами. Промежутки между стволами были заполнены лианами и ползучими растениями. Они свешивались с деревьев узлами и петлями, цепко обивали стволы узкими спиральями, сжимали их, глубоко впиваясь в кору. Земля, заросшая мхом, лишайником и цветущими травами, мягко пружинила под копытами лошади.

Кулл испытывал ни с чем не сравнимое чувство довольства и покоя. Простор, возможность двигаться, куда вздумается, зелень трав и запах свежего воздуха были куда заманчивее, чем развлечения в стенах дворца.

Правитель Валузии вспомнил о том, как покинул дворец и улыбнулся. Сейчас главному советнику Ту приходится нелегко. Да и другим тоже. Кулл уехал тайно, никого не предупредив, как раз перед прибытием послов из Фарсунна, обеспокоенных своим поведением Малых Княжеств. Эти крошечные государства, как сообщалось в письме владыки Фарсунна, стали грабить приграничные города соседних с ними королевств. Но Кулл ничего не

слышал о том, чтобы на Валузию в последнее время кто-либо совершил набеги.

Когда Кулл выехал на берег моря, день клонился к вечеру. Сумерки затянули туманом морскую даль и одели в багрянец сушу. Порывы ветра разносили вдоль берега крики чаек и рокот волн. Прислушиваясь к нескончаемому шуму, король Валузии отхлебнул освежающего напитка из притороченного к седлу бурдюка.

Позади Кулла, в бамбуковых зарослях раздался шорох. Атлант молниеносно выхватил меч, но тревога была ложной. Семейство мелких грызунов, испуганно вставших на задние лапы, не представляло опасности.

Кулл спустился по усыпанному черной галькой откосу к подковообразной бухте и вплотную подъехал к широкому, плавно поднимавшемуся берегу.

Ветер принес с моря запах гнили. Вдоль всего берега, насколько хватал глаз, лежали тысячи умирающих и дохлых рыб. Чахлый кустарник стелился по песку... Изредка попадались тонкие, чересчур изогнутые стволы незнакомых деревьев и каких-то уж слишком жалких плакучих ив.

Тень усталости легла на лицо Кулла. Он спешился и решил устроиться на ночлег возле гигантского валуна, размеры которого давали надежду на укрытие от ночного ветра. Кулл расседлал лошадь и, вытащив из седельной сумки мягкое, теплое покрывало, расстелил его около валуна.

Сухие прибрежные деревья вполне могли послужить хорошим топливом для костра. Кулл выбрал дерево посущее, на котором зеленело всего несколько покрытых серым налетом свернутых в трубочку листочеков, и одним ударом срубил его. То, что последовало за этим, было по меньшей мере необычно. Из обрубка стала сочиться черная жидкость, а ствол в руках Кулла, как ему показалось, зашевелился. К тому же дерево заскрипело так, словно взвыл от боли раненый волк.

На всякий случай Кулл поспешил отскочил в сторону, но потом, когда увидел, что дерево не превратилось ни в змею, ни в злобного демона, решил не обращать на это внимания.

Бойкие языки пламени, танцующие над жарким, чадящим костром, стали для усталого путника достойным завершением дня. Плотно поужинав, Кулл довольно рыгнул.

Волны, мерно скользившие к берегу, быстро усыпили короля Валузии, и ему приснилось, что уже наступило утро и он снова скакет по лесу, сопровождаемый криками птиц. Над вершинами деревьев поднималась полуразрушенная древняя башня, сложенная из огромных валунов. Приблизившись, Кулл спешился и вошел внутрь башни. Он поднялся по узкой винтовой лестнице и очутился в огромной зале. Посреди нее стоял массивный стол из красного дерева. На нем было разложено диковинное оружие. Кулл протянул руку к великолепному мечу, ослепительно сверкающему среди разнообразных клинков, щитов и стальных лат. Едва ладонь короля коснулась резной рукояти, как он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Кулл огляделся, но никого не увидел.

— Взгляни на меня,— сказал меч, и от удивления король чуть не выронил оружие.

Из рукоятки торчала маленькая голова со сморщенным лицом и чересчур большими, зелеными, как вода, глазами.

— Ты молод и силен,— промолвил меч.— И обладаешь живым умом — ты еще можешь воспринимать что-то новое. Я же существую с незапамятных времен. Еще в ту пору, когда на этой планете не было суши, я обитал в морских глубинах. Но вот дно стало двигаться, поднимаясь к воздушному миру. Я оказался одним из первых, кто стал делить жизнь между берегом и морем. Я развивался по-другому, воспитывал свои чувства, учился ощущать не только себя, но и других. Я не был единым телом. Деревья, рыбы, моллюски — все, что есть здесь, у границы земли и

воды, все, что рождается и умирает — это я. Меч смолк на некоторое время.

— Я не говорил на вашем языке целую вечность,— наконец продолжил он.— Возможно, ты не понимаешь меня.

— Нельзя сказать, что я совсем не понимаю тебя,— произнес Кулл, пожав плечами.— Слова мне понятны, но вот их смысл...

— Ты боишься умереть?

— Никто не живет вечно,— заметил Кулл, не понимая, к чему клонит чересчур разговорчивый меч.

— А я выбрал для себя смерть, король. Умер по своей воле. Моя жизнь была долгой и счастливой, пока я окончательно не постиг главный смысл своего бытия. Я — дух этого берега. Теперь я мертв, но моя плоть противится смерти и в своем отчаянном желании во что бы то ни стало выжить уничтожает то, что с таким трудом создали миллионы поколений живых существ, заселявших землю. Он убивает моих детей, тех, кто родится из него, из моего трупа, чтобы стать мною. Он пожирает души, которые стали бы душами мертвых земель, вдохнули бы жизнь в мертвые берега, покрытые камнями, и сделали бы их цветущими долинами! Вот уже много лет, как мой труп делает это. Как ты видел, берег находится в печальном состоянии: деревья сохнут, а миллионы рыб гниют.

Кулл не мог понять странных речей, но что-то властно диктовало ему — слушай и молчи! Внимай таинственным словам!

— Он приближается к тебе, Кулл. У него нет собственного сердца, нет собственной крови, которую можно было бы выпустить, и поэтому убить его непросто.

— Я готов,— сказал Кулл и услышал, как, словно отзавшись на его слова, по всей древней башне зазвонили маленькие серебряные колокольчики.

— Помни... У него нет души! — промолвил меч и вдруг закрыл печальные, полные безысходной тоски глаза.

Кулл вздрогнул — настолько поразила его наступившая тишина. Зажав в руке волшебный клинок, король стал спускаться тем же путем, каким поднялся, но лестница оборвалась на третьей ступеньке, а дальше был клубящийся молочно-белый туман.

В нем танцевали угрожающие тени, танцевали безмолвно и выглядело это ужасно. Кулл обернулся, чтобы посмотреть в покинутую залу, и обнаружил, что точно такой же туман теперь и позади. И стены этого тумана смыкаются!

Из тумана появились подобные дождевым каплям пауки. Маленькие мохнатые твари подбирались к правителью Валузии. Их были тысячи. Они спускались Куллу на плечи, на голову, на руки, оплетая отвратительно липкими сетями.

Вскоре атлант уже не мог двигаться, спеленатый, как младенец.

— Это всего лишь сон,— сказал меч, на мгновение открыв глаза.— Проснись!

Словно яркая молния пронзила сознание Кулла, и откуда-то из темных глубин времени пришла мысль о смертельной опасности. Неимоверным усилием воли король вырвался из оков сна. Быстро вскочив на ноги, он попытался понять, что происходит.

Неподалеку испуганно заржала лошадь.

Кулл посмотрел на правую руку, в которой оказался меч. Говорящий меч! Значит, все это было не просто сном.

Внезапно из-под огромного валуна позади Кулла появилась лиана и бесшумно заскользила к королю. Остановившись около лодыжки, конец лианы чуть приподнялся, будто готовящаяся ужалить змея, а затем резким броском обвил ногу. Кулл вскрикнул от неожиданной боли и со всего размаха рубанул лиану мечом. Стальное лезвие расекло растение с одного удара. Лиана забилась в конвульсиях, а обрубок сжал ногу Кулла еще сильнее. Тогда ат-

лант просунул под обрубок лезвие меча и разрезал растение.

Но из-под валуна появилась другая лиана, а за ней еще и еще. Лианы принялись оплетать Кулла, и, как он ни старался, ему не удавалось освободиться. Мало-помалу растения обвили короля и потащили его под камень. Они вжимали Кулла в землю. Когда в земле скрылись ноги, Кулл подумал, что зря не внял настойчивым просьбам Брула не уезжать из дворца одному. А когда его затянуло в землю по пояс, он решил, что если останется жив, то обязательно принесет великую жертву всем без исключения Валузийским богам.

Кулл набрал в грудь побольше воздуха, а затем, надеясь только на чудо, закрыл глаза, ощущая, как по векам быстро-быстро пересыпаются песчинки.

Неожиданно Кулл почувствовал, что ноги больше ничего не держит. Он попробовал пошевелиться и сразу потерял опору. Не успел Кулл толком осознать, что падает, как опора снова появилась. Инстинкт воина не подвел и на этот раз. Король легко приземлился на ноги и открыл глаза.

От стен подземного грота исходило слабое мерцание. Воздав хвалу богам, Кулл огляделся. Вокруг лишь вздымались стены. Воздух был неподвижен. Прислушавшись, Кулл уловил отдаленный шум — шорох, какие-то мягкие удары, журчание воды Скорее всего, это была подземная река. Атлант направился в сторону обнадеживающих звуков. Не прошел он и десяти шагов, как пещеру тряхнуло.

Пол, потолок, стены — все заходило ходуном, будто состояло из чего-то желеобразного. Кулл инстинктивно упал на бок, прикрыв голову руками, ожидая, что свод пещеры вот-вот обвалится. Но внезапно все кончилось. Король снова осмотрелся. Следов землетрясения не было.

Атлант прислушался и понял, что все звуки тоже стихли. Ориентир был потерян, оставалось надеяться только на чудо и уповать на везение.

Кулл двинулся в прежнем направлении. Пещера сначала сузилась, потом потолок стал понижаться. Некоторое время король шел пригнув голову, а затем был вынужден опуститься на четвереньки.

В ноздри бил застоявшийся запах плесени, ладони скользили по шершавой поверхности гранита. Но вот потолок пещеры опять ушел вверх, и Кулл встал во весь рост. Перед ним была массивная каменная дверь с железным кольцом. Судя по всему, дверь была настолько тяжелой, что открыть ее в одиночку никто бы не смог, даже король Валузии. И все же Кулл взялся за кольцо и чуть потянул за него, приподнимая. Налетел слабый ветерок, и массивная дверь неожиданно легко пришла в движение. Кулл едва успел отпрыгнуть. За дверью был освещенный тусклым неверным светом проем.

Кулл стоял на пороге огромной пещеры, потолок которой терялся во тьме. Пол, уходящий вниз под небольшим углом, был усеян мертвыми рыбами и моллюсками. Тошнотворный запах гниющей плоти не перебивался ни терпким запахом водорослей, ни мягким ароматом прибрежной травы, как было там, наверху, и от этого казался невыносимым.

— Он приближается к тебе,— послышался знакомый голос меча.

Кулл посмотрел на оружие. На этот раз меч обращался к нему наяву. Водянистые зеленые глаза смотрели на атланта с холодным безразличием. Наверное, так смотрело бы на человека само море.

Где-то далеко зародился сначала едва различимый, а затем все более нарастающий шум, напоминавший далекие раскаты грома. Такого Кулл еще никогда не слышал. Казалось, огромный нож рвет у него воздух над головой. От этого звука у короля заломило в висках.

Подземелье снова затрясло, впереди вспыхнул свет, а потом Кулл услышал, как шумит, приближаясь, вода. Волна прибоя неслась к атланту, теряя на подъеме силу, и, до-

катившись до его ног, ослабела, поднявшись лишь до щиколоток. Но за ней устремилась другая, вздывающаяся горбом, волна. И в этом надвигающемся вале шевелилась огромная неясная тень чудовищного существа.

Волна хлестнула, едва не сбив Кулла с ног.

— Валка и Хотат! — воскликнул он.

Существо, покрытое бугристым панцирем, шагало, широко расставляя восемь длинных ног. С покатого панциря шумно стекала вода. Громадное брюхо почти касалось дна пещеры.

Похожее на змею щупальце чудовища взметнулось вверх и потянулось к Куллу. Через мгновение к первому щупальцу присоединилось второе, а затем и третье. Из-под панциря показалась белая морщинистая голова с несимметрично расставленными глазами. Жвала, покрытые острыми крючьями, непрестанно двигались.

Издав пронзительный боевой клич, Кулл ринулся на чудовище со всей скоростью, на которую только был способен. Он занес меч для удара, намереваясь вонзить его твари в глаз. Но заметил, что тварь присела, готовясь к прыжку. Не колеблясь, Кулл рухнул в воду, и в тот же миг исполинская туша исчадия моря взмыла в воздух. Ужасные жвала сомкнулись там, где мгновение назад находился воин. Перевернувшись на спину, Кулл выставил вверх меч и пропорол мягкое брюхо пролетающего над ним чудища. В животе твари появилась длинная рваная рана и оттуда дождем хлынули подрагивающие комочки.

Через мгновение тварь приземлилась, чуть не сбив Кулла с ног своим длинным шипастым хвостом, который просвистел поблизости от лица воина. Чудовище словно и не заметило, что его частично выпотрошили. Оно стало разворачиваться для новой атаки.

Кулл поспешно отступил и вновь поднял меч.

Раскрыв жвала, чудовище двинулось вперед. Кулл завертел мечом так, что тот слился в один сверкающий круг.

Словно издеваясь над правителем Валузии, тварь тоже стала раскручивать длинные щупальца.

В следующий момент чудовище попыталось нанести удар. Кулл сделал обманное движение, и жвала щелкнули там, где только что стоял король. Проскользнув вперед между извивающимися щупальцами, Кулл нанес быстрый и мощный удар по белой упругой голове. Спрятав голову под панцирь, его противник хлестнул хвостом, целя в лицо короля. Словно раскаленная сталь коснулась Кулла. Он вскрикнул от невыносимой боли, огненным обручем охватившей грудь.

Голова чудовища вновь метнулась вперед и могучие челюсти впились в плоть атланта. Острые шипы твари вонзились ему в живот, и неистовая боль охватила тело. Кулл попытался вырваться, но разжать гигантские челюсти было невозможно. Они только все больше и больше врезались в его, плоть, причиняя мучительные страдания. Кулл напряг все силы, чтобы перехватить меч, и с яростным выкриком всадил его в глаз твари. Тот с треском лопнул. Судорога пробежала по огромному телу чудища, но жвала не разжалась.

Кулл попытался проколоть другой глаз, но щупальца обвились вокруг его запястий, вызвав новую волну боли. Король закричал, стараясь разорвать стальные оковы объятий чудовища, но руки более не повиновались ему. Еще одно щупальце оплело голову короля, и будто крошечное солнце вспыхнуло в мозгу. Мир взорвался ослепительно белой всепроникающей болью. Кулл уже ничего не слышал и не видел. Внутри головы, на белой, как пустыня Ханана, равнине, появились гусеницы, подобные щупальцам морского чудища. Спокойно и неторопливо они подбирались к возвышающейся посреди равнины огненно-красной горе — вынутому из черепа мозгу Кулла. Подойдя к подножию, гусеницы принялись за еду.

Прожорливые твари вгрызались в мозг, оставляя за собой тончайшую паутину боли, постепенно сплетающуюся

в густую обволакивающую сеть. Эта сеть затягивалась все туже, сознание Кулла и его жажда жизни понемногу таяли, словно утренний сон.

Вскоре ничего не осталось, кроме мучительной агонии заживо перевариваемой плоти. Король Валузии чувствовал лишь непонятный страх.

А потом пропало и это. Остался лишь долгий, бесконечный полет в черное, как пустота, забвение. Время умерло и память о Кулле исчезла. В холодном безмолвии постоянно звучал чей-то знакомый голос, но слова оставались пусты и бессмысленны, как и все окружающее.

— Помни, что у него нет души,— звучали слова. Они звучали непрерывно.

Прошли миллионы лет и тысячи миров родились и канули в небытие...

— У него нет собственного сердца, нет собственной крови,— донесся до него размеренный голос.

Кулл медленно проплыл сквозь марево пустыни и, выбравшись из ядовитого кошмара, увидел, что ему удалось разрубить обхватившее голову щупальце. Оно билось у ног атланта, как отрубленный хвост ящерицы. Жвала разжались, остальные щупальца вяло скользили вдоль тела Кулла, втягиваясь под панцирь.

Второй глаз! Он был не там, где прежде. Глаз двигался, перемещаясь по телу твари — и он вовсе не был глазом. Теперь стало заметно, что это всего-навсего моллюск с плоской раковиной.

И тут Кулл понял.

Чужое сердце! Второе — и последнее.

Сердце, которое билось в маленьком существе, подарило подобие жизни мертвой бездушной твари.

Меч Кулла опустился на маленькое тельце и рассек его пополам.

Чудовище вздрогнуло. Его белая голова, по которой стекала темно-красная кровь моллюска, безжизненно свесилась на грудь. Кулл, хромая, отошел на безопасное рас-

стояние. Щупальца чудовища выскользнули из-под панциря и заметались, то свиваясь в кольца, то распрямляясь на всю длину. Шипастый хвост приподнялся вверх и хлестнул по воде, взметнув тучу брызг. Ноги задвигались. Но они никуда не могли унести тело, и в тщетных усилиях скребли пол пещеры.

Кулл приблизился и ткнул чудовище мечом в желтый, мягкий живот, под кожей которого что-то шевелилось. Из разреза хлынула зеленоватая жидкость. В ней метались креветки — мелкие раки. Кулл на всякий случай хотел вонзить в одну из них острие меча, но оружие в последний момент воспротивилось королевской воле. Острие промахнулось. Следующая попытка окончилась тем же. Меч не хотел их убивать. Запах гнили, и без того сильный, стал еще более густым. Мертвая тварь начала быстро разлагаться. В несколько мгновений белая голова покрылась синими пятнами, съежилась и превратилась в бурую растекающуюся по воде массу. Шипастый хвост отвалился и его унес отступающий прибой. Тысячи крабов облепили его и принялись поедать. С каждым мигом они увеличивались в размерах. К тому времени, как оголился скелет, крабы стали в три-четыре раза больше, чем изначально. Щупальцами и ногами занялись приплывшие рыбы, и вскоре от чудовища остался лишь панцирь.

— Мне пора,— сказал меч.— Я выполнил свое предназначение, и теперь мои дети дадут начало новой жизни. Они вдохнут жизнь в эти воды.

Кулл хотел ответить, но прекрасное оружие вдруг потемнело, покрываясь ржавчиной, и рассыпалось в прах.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ ВО ВРЕМЕНА КОРОЛЯ КУЛЛА

Во времена Кулла верховным божеством общепризнанно считался Валка. Сам Кулл называет его «богом моря и земли» и «всемогущим»; не ставится под сомнение тот факт, что именно Валка сотворил человека; и даже жрец Черной Тени Турун, бредящий кровожадными богами древних и безымянным божеством, чьим символом является Черная Тень, признает, что Валка является первым среди богов.

В рассказах Роберта Говарда и его последователей упоминаются (большей частью, в ругательства) восемь божеств, считая Черную Тень, Великого Скорпиона и Великого Змея. Чаще всего Кулл клянется именем Валки, но порой поминает также Хотата, Хольгара и Хонена, причем последних двух - всего один или два раза за всю *«Сагу»*.

Общеизвестно, что в моменты стресса, сильного эмоционального напряжения, человек начинает действовать на уровне инстинктов, а потому ругательства, которые сорвутся в этот миг с его уст, скорее всего, будут наиболее глубоко укоренившимися. И если человек поминает имя божества, то это будет именно тот бог, с именем которого он рос с детства. В этом случае для нас весьма важным представляется тот факт, что одинаково часто Валку поминают не только Кулл, но также пикты, валузийцы, атланты и зарфханцы. В их устах это имя звучит совершенно естественно, и очевидно, что именно он первым приходит им на ум. Отсюда и вполне обоснованный вывод о главенстве Валки в пантеоне мира Кулла.

Интересно, что когда король клянется одновременно именами Валки, Хонена, Хольгара и Хотата, его советник-валузиец Ту поражен подобным святотатством. По его мнению, недопустимо смешивать истинных богов с языческими божествами. Однако тому же Ту прежде неоднократно доводилось слышать, как Кулл в минуты гнева поминал Валку и Хотата, и это не вызывало у него ни малейшего протеста. Отсюда правомерно сделать вывод, что Хотата он не относил к тем к тем запретным языческим божкам, одно лишь упоминание о которых граничит с непристойностью. А значит, вероятнее всего, таковыми являются только Хольгар и Хонен. Не удиви-

тельно, в таком случае, что их не поминает больше никто из персонажей «*Саги о Куле*».

Кулл однажды клянется именем некоей Хельвары, причем ставит её имя рядом с именем бога Хотата. Вполне возможно, что эта богиня была его супругой.

Многократно в «*Саге*» встречается упоминание об аде - и лишь единожды о рае. Да и то о рае говорится настолько двусмысленно, что трудно доподлинно установить, имеется ли ввиду обитель богов, место успокоения праведных душ, или просто небеса. Что касается ада, то четкая концепция его также не вырисовывается из реплик персонажей. Один раз Кулл называет ад вечным, из чего можно сделать вывод, что он верит в бессмертие души. Брул тоже поминает ад несколько раз - а значит, и у пиктов существовало понятие загробной жизни. Этот же вывод подтверждается видениями Кулла, описанными в рассказе «*Удар гонга*».

Что касается других религий, то особого внимания заслуживают культуры Великого Змея, Черной Тени и Великого Скорпиона. Змеевлюди, потерпев сокрушительное поражение от людей, хитростью насадили среди них поклонение Змею и сделались его жрецами. Эти коварные и жестокие существа, владеющие таинственной древней магией, не останавливались ни перед чем, чтобы отомстить людям, своим извечным врагам. Так, благодаря своей поразительной способности к трансформации облика, змеевлюди неоднократно убивали человеческих правителей и сами занимали их места.

Брул называет людей слепцами и возмущается их готовностью вновь поклониться змеиному богу - и, разумеется, Кулл дает клятву истребить в зародыше это проклятое племя. Доподлинно нам неизвестно, преуспел ли он в этом начинании. С одной стороны Тулса Обреченный ненавидит короля, считая его человеком, переломившим хребет Великому Змею. С другой стороны, в новелле «*Симтопором я буду править!*» Кулл осыпает проклятиями неблагодарный народ, который поклоняется Борну - прежнему правителю Валузии, убитому атлантом. Он говорит, что статую Борна установили в храме Змея, воскуривают перед ней благовония и возносят молитвы. Отсюда правомерен вывод, что в то время храм Великого Змея еще действовал в Городе Чудес.

Культы Черной Тени и Великого Скорпиона упоминаются Говардом лишь однажды, в короткой новелле «*Алтарь скорпиона*». Внешний вид храма Скорпиона с мраморными стенами и потолком из ляпис-лазури, где хрустальное изваяние покоятся на золотом алтаре, едва ли свидетельствует о бедности. Однако Турон, верховный жрец Черной Тени, называет Скорпиона забытым богом, кото-

рого помнят лишь женщины и простолюдины. Его возмущает легковерие людей, пришедших поклониться божеству, у которого не осталось даже жрецов, да и храм стоит лишь как понять о былом величии.

Турон является главой жрецов-мятежников,бросивших вызов Куллу, которые по-прежнему приносили древним богам человеческие жертвы. Король собирался уничтожить эту секту. Но прежде зловещий жрец намеревался успеть принести своему божеству последнее подношение - влюбленную пару. Юноша и девушка пришли к алтарю Великого Скорпиона, чтобы исполнить данный юношей обет. Однако Турон сумел захватить их там. Он читает несчастным пленникам целую проповедь о кровожадных темных богах, всевластных и ужасающих, пришедших из забытых миров вечной тьмы. Боги эти, говорит он, были рождены звездами, обратившимися в лед, а силу им дали черные солнца. Правит же этими божествами Единый Безымянный Бог, чьего подобия нет на земле и чей символ - Черная Тень. К счастью, вовремя явившийся скорпион помешал кровавой церемонии и уничтожил жреца, прежде чем он успел поведать что-либо еще о своем зловещем боже:

Зачастую персонажи «*Sagi*» поминают богов, не называя их по именам, например, Брул не однажды клянется абстрактными богами моря. Это свидетельствует о том, что реальный пантеон того времени был весьма многочисленным, и существовало множество местных божков, которым поклонялись в тех или иных краях, так что все их имена обычному человеку трудно запомнить.

И наконец, может показаться любопытным ссылка Кулла на «Дев, что плетут паутину Судьбы». Речь едва ли идет о полноценных богинях - но, значит, и эта концепция, разработанная позднее греками, была не чужда этому миру.

Если же говорить более широко, то метафизика играет в мире Кулла куда более значительную роль, чем религия, особенно в таких рассказах как «Удар гонга», «Замок тишины», «Зеркала Тузун Тхуна». Кулл получает удовольствие от философских рассуждений - в частности, как его создатель (что доказывают, в частности, письма Роберта Говарда, адресованные Клайду Смиту). Все три рассказа несут отпечаток восточного мистицизма, которым Говард увлекался в юности.

Ту же линию вели и многочисленные последователи Мастера, продолжившие в наше время «*Sagi o Куше*». Но преломление религиозных и метафизических идей Говарда в творчестве его литературных наследников - тема отдельного долгого разговора.

СОДЕРЖАНИЕ

P. Говард, А. Сайлент ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

7

СКАЛЫ СКОРБИ

Д. Морхайм

Амулет

223

В. Гордон

Черный город

255

Д. Ферринг

Скалы скорби

284

Д. Коннел

Волшебная мелодия

307

Д. Коннел

Западня

342

К. Уайт

Летописи древних лет

376

К. Смит

Ужас моря

413

Религиозные верования
во времена короля Кулла

424

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Ответственный редактор *Александр Тишинин*

Обложка *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Екатерина Соболева*

Художник *Владислав Асадуллин*

Технический редактор *Елена Шараева*

Верстка *Елена Посадова*

Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.11.97.

Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 100 экз. Заказ 2415.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:

197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

СЕВЕРО-ЗАПАД

Читайте
первый том
захватывающей
«Саги о Кулле»

КУЛЛ
И
ТРОН ВАЛУЗИИ

•Северо-Запад®

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА**

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
чёрному колдовству.

fantasy

Издательство «Северо-Запад» представляет серию «fantasy»

*Каждая новая книга этой серии —
волшебное полотно, на котором
чудесными нитями мифов выткано
повествование о борьбе с силами
Хаоса и Тьмы.*

В серии «fantasy» вышли книги:

- С. Ланье «Иеро не забыт»**
Т. Сванн «День Минотавра»
М. Муркок «Город в осенних звездах»

Томас Барнет СВАНН

ДЕНЬ МИНОТАУРА

Сказание о Лесе
и Лесном Народе

Стерлинг ЛАНЬЕ

ИЕРО НЕ ЗАБЫТ

Роман будущего

Мика МУРКОК

ГОРОД В ОСЕННИХ ЗВЕЗДАХ

Хроники семьи фон Бек

Готовятся к выходу книги:

- Л.С. де Камп «Кольцо тритона»**
Б. Ламли «Воин древнего мира»
Р. Сильверберг «Книга черепов»
Г. Бир «Фута бесконечности»
Т. Ли «Повелитель Смерти»

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

* Любителям "крутого" детектива — собрания сочинений

Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Александры Маринилой,
Владимира Шитова, Виктора Пронина
и суперсериалы Андрея Воронина "Комбат" и "Слепой".

* Поклонникам любовного романа — произведения "королев" жанра:

Дж. Макнот, Д. Линдсей, Б. Смолл, Дж. Коллинз, С. Браун,
Б. Картленд — в книгах серий "Шарм", "Очарование", "Страсть",
"Интрига".

* Полные собрания бестселлеров
Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

* Почитателям фантастики — серии

"Век Дракона", "Звездный лабиринт", "Заклятые миры",
"Координаты чудес", а также самое полное собрание произведений
братьев Стругацких.

* Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:

"Всё обо всём", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

* Замечательные детские книги из серии

"Лучшие сказки мира", "Сказка-сказочка", "Мои любимые сказки".

* Школьникам и студентам — книги из серии

"Справочник школьника", "Школа классики",
"Справочник абитуриента", "250 "золотых" сочинений",
"Все произведения школьной программы".

Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению
задач, пособий для подготовки к экзаменам.

А также разнообразная энциклопедическая и прикладная
литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

